

NIGHTBRINGER

AN ULTRAMARINES NOVEL BY GRAHAM McNEILL

Annotation

Ультрамарины --- один из самых доблестных Оргенов Космического Десанта Императора. Мощные и дисциплинированные воины, чей боевой клич --- «Отвага и честь!» --- гремел над полями самых грандиозных битв в истории человечества. Их несгибаемая воля и непоколебимое мужество уже долгие века стоят на страже интересов Империи Человека...

Поэтому капитан Уриэль Вентрис не пришёл в восторг, когда ему с его подразделением было поручено сопровождать чиновника Администратума в инспекционной поездке на захолустную планетку у восточных рубежей Империи, выбившуюся из графика уплаты налогов. Общественные беспорядки да пиратские налёты чужаков-эльдаров --- вот и все неприятности, от которых, как предполагал Уриэль, ему придётся оберегать штатских.

Однако очень скоро неприятности

приобрели воистину костические
масштабы, достойные героизма
Космодесантников.

- Грэм Макнилл

- ПРОЛОГ

- 1

- 2

- 3

- 4

- 5

- 6

- 7

- 8

- 9

- 10

- 11

- 12

- 13

- 14

- 15

- 16

- 17

- 18

- 19

- Эпυλλογ
-

Грэм Макнилл
НЕСУЩИЙ НОЧЬ
(Warhammer 40000:
Ultramarines-1)

ШЕСТЬДЕСЯТ МИЛЛИОНОВ ЛЕТ НАЗАД...

Звезду убивали. Это был карлик с диаметром в каких-то жалких полтора миллиона километров; он горел более шести миллиардов лет. И если бы не огромный, в форме полумесяца, костический корабль, кружащий по орбите четвёртой планеты этой звезды, выкачивая её огромную энергию, она, вероятно, продолжала бы светиться ещё раза в три больше. Сжигая в своём чреве водород с гелием, звезда выделяла огромную, если не сказать, чудовищную энергию и излучала её в космос. В результате этих процессов в ядре звезды то и дело возникали интенсивные электромагнитные поля, вызывающие на её поверхности сильные магнитные бури.

Силой давления этих пульсирующих полей на поверхность звезды вырывались

огромные тороидальной формы петли магнитного потока, размер которых достигал в диаметре двухсот тысяч километров; при этом в фотосфере звезды возникало тёмное разбухающее солнечное пятно.

Эта активная область магнитного потока расширялась и вдруг, внезапно рванувшись гигантской вспышкой в миллиард квадратных километров от поверхности звезды вверх, превратилась в яркие изгибающиеся конья света в звёздной короне. Мощные волны электромагнитной энергии и брызги плазмы образовывали вокруг корабля колышущийся ореол блистающего света, который закручивался по спирали к покрытой рунатами пирамиде в носовой части корабля. Жуткие знаки, высеченные на корпусе судна, сверкали от всасываемой им энергии, а сама оболочка вибрировала, словно корабль урчал, как насыщающийся хищник.

Каждый огненный луч, что, оторвавшись от звезды, передавал ещё одну каплю её мощи межзвёздному кораблю, сокращал срок жизни звезды на

сотню тысяч лет; но тем, кто находился внутри корабля, было безразлично, что кончина светила повлечёт за собой смерть всего живого в этой системе. Но командиры их хозяев жили и утирали целые галактики; ради их удовольствия уничтожались звёздные государства и порабощённые расы становились игрушками в их руках. Что для столь могущественных существ могла значить судьба какой-то маленькой, всеми забытой звёздной системы?

Корабль, двигаясь по орбите планеты, словно гнущая гигантская механическая мушкетёрка, продолжая высасывать жизненную силу звезды. Целая батарея пиратид и обелисков на основании корабля колыхалась в тареве жары, то исчезая из поля зрения, то появляясь вновь. Эти пиратиды и обелиски походили на щупальца хищного торского чудовища, они двигались в такт угрожающим гигантского корабля, продолжая по капле высасывать из звезды всю её колоссальную энергию.

Очередной извивающийся луч жидкого звёздного света поблек и исчез из виду —

серебристый корабль на время насытился. Медленно вращаясь, он начал двигаться вниз — сквозь атмосферу планеты к её поверхности. Корабль спускался к большой железокислородной пустыне в северном полушарии четвёртой планеты; и на передних кромках его изгибающихся полумесяцами крыльев полыхали огненно-красные короны. Под крыльями корабля проносилась поверхность планеты: мрачные и пустынные тектонические платформы, острозубые горы и изрыгающие пепел вулканы. Космическое судно начало постепенно замедлять движение, приближаясь к своей цели — покрытой рыжевато-ржавым песком чаше крошечной точкой абсолютного мрака в центре.

Но мере приближения к чаше скорость корабля все продолжала падать, и вот уже точка в её центре превратилась в блестящую чёрную пирамиду, верхушка которой, как оказалось, была покрыта золотом. Мерцающие обсидиановые стены пирамиды, матово отражающие свет, были неподвластны забывающим ветрам.

гогола обнажившим планету. По
поверхности пирамиды торопливо
перемещались крошечные существа,
сверкающие под лучами пылающего
солнца. Но вот пришли в действие мощные
рецепторы пирамиды и зажужжали руны,
похожие на те, что были высечены на
спустившемся с орбиты корабле.

Корабль неожиданно грациозно для
своих размеров развернулся над пирамидой,
и её золотая верхушка с жужжанием
начала раскрываться, подобно лепесткам
гигантского цветка. Жужжание усилилось,
превратившись в нестерпимый
пронзительный визг, и в этот миг все
металые пирамиды и обелиски на дне
корабля взорвались энергией, и струящийся
столб чистой электромагнитной силы
ринулся вниз, в ненасытную утробу чёрной
пирамиды. Раскалённый белый свет
брызнул из неё, в один миг испепелив все
ползавшие по поверхности пирамиды
механизмы. А когда из основания
пирамиды извивающимися змеями
заструилась энергия, пустыня вокруг неё
засияла золотом и песок стал обращаться

В стекло, выкладывая на поверхности планеты сложные геометрические фигуры.

Усполинский корабль затер и продолжал оставаться без движения, пока не перекачал всю похищенную энергию. Но как только золотая верхушка пирамиды закрылась, судно вновь отправилось на орбиту, чтобы повторить все сначала. Оно будет выкачивать энергию из звезды до тех пор, пока та не превратится в холодный шар инертных газов.

...Корабль занял положение перед звездой, и загадочное устройство на его корпусе ожило вновь.

Но вдруг пространство позади судна изогнулось, сдвинулось и раскололось. Хрупкая пелена реальности словно разорвалась, и вихрь её обрывков выплюнул неслетную флотилию вражеских кораблей.

Среди них не было и двух похожих друг на друга; каждое судно имело свои очертания и форму, но всех их объединяла одна смертоносная цель. Будто управляемый единой волей, этот пёстрый флот быстро приблизился к костическому

кораблю-полумесяцу, ведя по нему огонь из всех видов оружия. На корпусе могучего корабля, словно язвы, одна за другой начали распускаться яркие цветы разрывов, по главной пирамиде судна захлестали мощные энергетические удары. Судно загрохотало, словно раненое животное.

Но этот корабль был способен на ответный удар.

Из его батарей хлестнули дуги зеленовато-синих молний, вмиг уничтожив дюжину вражеских судов. Следующую группу кораблей противника невидимые лучи чудовищной энергии разложили на составляющие атомы. Но никакие потери не могли заставить вражеский флот прекратить атаку, и, сколько бы кораблей ни было уничтожено, казалось, ещё большее их количество готово занять освободившееся место. Видимо, безликий экипаж корабля понял: если не удастся удрать, то он обречён. Судно начало вращаться вокруг своей оси, а его безынерционные двигатели принялись извергать мощную электрическую завесу.

Бесчисленная вражеская артиллерия

нещадно толотила по гладкой поверхности корпуса корабля, вырывая из него зазубренные куски металла и заставляя обшивку корабля трескаться словно скорлупу. Механизмы авторемонта пытались было восстанавливать наносимые повреждения, но все их усилия были тщетны. Корабль был обречён. Его двигатели все ещё продолжали изрыгать ослепительно яркое пламя, но обломки судна один за другим уже уносились в темноту космического пространства. Для корабля время замедлило ход, огромное космическое судно вытянулось, будто резиновое, и спустя несколько секунд находившийся рядом гравитационный колодец звезды ототстил кораблю ватпирю, напрасно пытавшееся противостоять его мощному воздействию.

С мучительным стоном, который эхом отдался в варпе, судно-полумесец сжалось в ослепительную точку невыносимой яркости. Атакующие корабли тоже засосало в скрежещущий кильватер, и противники отправились в небытие, чтобы, возможно, никогда больше уже не

вернуться.

Звезда по-прежнему горела, а свечение, исходявшее из золотой верхушки чёрной пирамиды далеко внизу, постепенно угасло, превратив саму пирамиду в тусклую, тусклую бронзу.

Пески вскоре скрыли и её.

41-Е ТЫСЯЧЕЛЕТЬЕ...

Восемнадцать всадников медленно продвигались вдоль русла затёрзшего ручья; их кони терно вышагивали по скользкой каменной поверхности, старательно выбирая дорогу. Несмотря на эти предосторожности и на то, что всадники вели сквозь снега стадо чешуйчатокожих гроксов почти в сотню голов, Гедрик не сомневался, что они успеют вернуться вовремя.

Он повернулся в седле, чтобы убедиться, что стадо все ещё покорно следует за ним.

Гедрик, худощавый и гибкий, был одет в кожаные брюки для верховой езды, утеплённые с внутренней стороны мехом, и такие же тёплые, отороченные мехом ботинки, торс же его защищала от сурового горного ветра хоть и поношенная, но хорошо сохранившаяся накидка с

капюшоном. Этой же цели служили погбитый мехом кожаный шлем и шерстяной шарф, в который Гедрик укутал лицо.

Зелёный плед, традиционный для Каэрнуса IV -- родной планеты Гедрика, -- всадник небрежно повязал на груди, и его истрёпанные концы свисали на обмотанный проволокой эфес меча. Кроме того, в левом ботинке Гедрик припрятал кинжал с узким лезвием -- грозное оружие в руках мастера. Оба эти клинка Гедрик выковал сам шесть лет назад, и до сих пор они были такими же острыми и блестящими, как в день своего появления на свет. Науку владения мечом ему преподавал сам проповедник Маллейн, и Гедрик отлично усвоил эти уроки -- никто в Четырёх Долинах не мог сравниться с ним в фехтовании. Что до огнестрельного оружия, то арсенал Гедрика завершала простая винтовка со скользящим затвором, висевшая за его широкими плечами.

Они почти уже добрались до дому, и Гедрик предвкушал теплому очага и

объятия своей жены, красавицы Маэрен, которые согревали лучше всех очагов галактики.

Последняя неделя, проведённая Гедриком в горах за отбором скота на убой, выдалась трудной: ветер и снег словно стремились наказать жалких людишек, постевших бросить им вызов, и со скалистых вершин обрушивали гнев на их непокорные головы.

Но все уже позади, скоро люди окажутся дома, и Гедрик уже почти ощущал вкус сочного бифштекса, который Маэрен приготовит ему, как только Гохбар начнёт забивать скотину.

Услышав за спиной сдавленное проклятие, Гедрик, устехнувшись, повернулся — мимо проскакал его двоюродный брат Фергюс. Хотя, если быть точным, слово «проскакал» было бы слишком лестной оценкой умения Фергюса держаться в седле. Кузена Гедрика, мужчину с широченными плечами и толстой шеей, вполне можно было бы сравнить с медведем. Его лицо, заросшее густой чёрной бородой до самых глаз, было

помятым и шишковатым, а неоднократно переломанный в бесчисленных драках нос окончательно придавал лицу Фергюса сходство с медвежьей мордой.

Длиннющие ноги Фергюса почти доставали до снега, так что желание скакуна сбросить своего седока на этот самый снег было Гедрику вполне понятно. Но Гедрик поскорее отогнал эти мысли, по дороге домой предпочтя им созерцание волшебных красот Джелрочских гор.

День перевалил за середину, и прошёл уже час с того момента, когда из-за горизонта появилось засыпанное снегом поселение — Плёс Мортена. Уютно устроившись в излучине неторопливой реки посреди широкой горной долины, дома общины, казалось, жались друг к другу, стремясь согреться. Гедрик уже мог разглядеть жителей, бродивших по городской площади перед маленьким каменным храмом Императора, притупившимся на склоне Металлического Холма. Проповедник Маллейн, должно быть, как раз закончил очередную проповедь, и Гедрик улыбнулся.

представив, как его сын Рүари будет ему
пересказывать за ужином истории о
крылатых ангелах и героических деяниях
Императора. Маллейн прекрасно умеет
трепать языком, этого у него не
отнимешь!

Над кузницей курился дымок, и Гедрик
даже издалека видел, как на ближнем
конце деревни забойщик скота Гохбар
огораживал загон для гроксов.

При мыслях о Маэрен, пылающем
очаге и жареном мясе Гедрик ощутил
прилив сил и пришпорил своего скакуна.
Гроксам же поначалу вовсе не хотелось
прибавлять ходу, но нескольких громких
ругательств, подкреплённых меткими
ударамы посоха Фергюса, хватило, чтобы
заставить их двигаться быстрее.

Окинув долину рассеянным взглядом,
Гедрик вдруг уловил вдали какое-то
движение. Он прищурился и поднял руку,
заслоняя глаза от низкого зимнего солнца.
На противоположном гребне холма за
густой рощей вечнозелёных деревьев что-то
двигалось — Гедрик готов был в этом
поклоняться. Непроизвольно скинув с плеча

винтовку, он, досылая патрон в патронник, передёрнул затвор...

--- Неприятности? --- поинтересовался Фергюс, заметив манипуляции Гедрика.

--- Может, и нет. Мне показалось, я что-то заметил, --- ответил Гедрик, указывая на тёмный контур роуи.

Фергюс, прищурившись, встопрелся в том направлении и вытащил из плечевой кобуры дробовик с широким стволом.

--- Я ничего не... --- начал было Фергюс, но в этот момент из-за деревьев вынырнула дюжина снегоходов с обтекаемыми носами.

Злобно оцетинившись клинками и изогнутыми крюками, они заскользили по холму вниз, к поселению. Открытые палубы снегоходов были полны воинов, и оружие, закреплённые на бортах, изрыгнули чёрные снаряды, разорвавшиеся среди домов Млэса Мортена с ужасающим грохотом.

--- О кровь Императора! --- воскликнул Гедрик, что есть силы вонзив шпоры в бока своего скакуна, заставляя того пуститься галопом.

О стаде он и думать забыл. Гедрик

полчался вперёд не оглядываясь, но он знал, что и остальные его люди бросились за ним. Из долины доносились крики и сухой треск ружейных выстрелов.

Сердце Гедрика стальными тисками сдавил обжигающий ужас при мысли о том, как все эти кошмарные чужаки врываются в его дом.

Позабыв об опасности, о том, что не следовало бы устраивать на этом каменистом спуске столь безумные скачки, Гедрик не переставал понукать коня. Тот нёсся вниз с бешеной скоростью, но, несмотря на это, Гедрик видел, как части вражеских снегоходов начала разворачиваться в каре, группами окружая поселение с флангов, в то время как остальные неслись к центру Плёса Мортена.

Люди Гедрика бросились врассыпную: кто полчался к своему дому, кто пытался найти убежище в храме, но вот уже в деревню ворвались первые захватчики, превращая здание за зданием в груды катней.

Конь нёс Гедрика к окраине деревни.

когда тот увидел, как женщина, прижатая к груди ребёнка, — неужели это Маэрен и Рүари? — влетела в церковь в тот самый миг, когда проповедника Маллейна сразил смертельный залп противника. Улюлюкающие воины в чёрно-красных доспехах, тесно облегающих их сильные тела, прыгнули с палубы снегоходов и потчались вдоль деревни, на бегу стреляя с бедра из глинооствольных винтовок.

Гедрик в ужасе кричал, видя, как темного он любил, под огнём противника валятся на снег как подкошенные, как женщины и дети бегут к церкви, как их незащищённые тела содрогаются под вражеским огнём.

К небу взметнулся чёрный дым: пожары вспыхивали один за другим, и крики умирающих разрывали сердце Гедрика на куски. Но вот из нескольких окон раздалась первые выстрелы, нанеся захватчикам ощутимый урон, и Гедрик понял, что чужакам взять Плёс Мортена запросто не удастся.

Бешено грохоча копытами по

облегденным камням, конь Гедрика дотчал
своего всадника уже почти до реки, и тот
показался достаточно близко, чтобы
увидеть, как старый Гохбар с воплем
бежит к группе вражеских воинов, высоко
над головой подняв алебарду. Повернувшись,
чужаки со стехом отправили забойщика
скота на тот свет огнём смертоносным
залпом своих винтовок, потом,
развернувшись, исчезли в дыму корчащейся
в агонии деревни.

Гедрик все знал и знал своего скакуна,
мчался по мосту через реку, мимо
генераторной мельницы, которую
поселенцы строили своими руками, мимо
бьющегося в судорогах Гохбара. Лицо
старика посинело и распухло, язык
вывалился изо рта, словно вздувшаяся
чёрная змея.

Все селение было объято пламенем,
жара и дым стали просто невыносимы.

Конь вынес своего всадника на
центральную площадь, и Гедрик осадил
скакуна. Двое налётчиков топтались
перед храмом, куда остальные воины
стаскивали вопящих поселян. Лица

захватчиков были бледны, и на них чёрной тенью отражалась нечеловеческая жестокость. Они хоть и были гуганюгати, но совершенно чуждыми людям. Гедрик привстал на стременах и прицелился из винтовки в одного из захватчиков в красных доспехах, взяв на мушку его угловатый шлем.

Гедрик нажал на спусковой крючок и метким выстрелом сбил чужака с ног, в тот же миг увидел, как из шеи воина хлынула кровь. Остальные захватчики бросились врассыпную, и Гедрик, издав боевой клич, вновь что было сил всадил шпоры в бока своего скакуна. Конь рванулся вперёд, и Гедрик выстрелил ещё и ещё, уложив на землю двоих захватчиков, но тут его винтовку, как назло, заклинило.

Воспользовавшись паузой, чужаки открыли по нему огонь, но Император не покинул Гедрика — снаряды неприятеля просвистели мимо. Оказавшись в гуще врагов, Гедрик стремительно обрушил приклад винтовки на одного из них, с такой силой, что череп непрошеного гостя брызнул осколками во все стороны.

Отбросив ставшее бесполезным оружие, Гедрик выхватил меч. Но он успел лишь поднять его над головой, как увидел алую вспышку, и струя тёмного света поразила коня Гедрика.

Однако, прежде чем конь рухнул на землю, Гедрик высвободил ноги из стремян, прыгнул с утирающего животного и, легко приземлившись перед кучкой вражеских воинов, рванулся на них, размахивая широким мерцающим клинком.

Первый из воинов упал, запутавшись ногами в собственных вывалившихся внутренностях; второй умер от глубокого ранения в его грудь меча. Доспехи непрощенных гостей оказались совершенно бесполезными против сверхъестественно острого меча Гедрика. Третий захватчик совершил резкий выпад, выставив вперёд винтовку с дытящимся штыком на конце. Гедрик отпрянул назад и выронил меч. Чужак медленно приближался, злобеще сверкая гладким забралом шлема.

Гедрик издал звериный рык и бросился навстречу противнику. Умело поднырнув под стертосный клинок, он извлёк из

ботинка кинжал и с размаху вонзил его в
пуп чужака. С диким воплем воин
повалился на снег, и Гедрик, выдернув
кинжал из его ноги, несколько раз всадил
клинок в грудь врага.

Краем глаза Гедрик увидел, что за
ним следует Фергюс, успевший уже
оглушительными выстрелами из
дробовика разнести на кровавые ошметки
двоих захватчиков. Гедрик подхватил с
земли свой меч и крикнул кузену, который
в этот момент разворачивал коня:

— Приведи всех, кого сможешь, в храм.
Мы попытаемся отбросить их отсюда!

Фергюс кивнул, но не успел он
встать с места, как его объяло тёмно-
фиолетовое пламя, полыхнувшее яркой струёй
с одного из вражеских снегоходов. Фергюс
закричал от невыносимой боли, всем своим
существом ощущая, как чудовищная
энергия неумолимо пожирает его плоть. В
считанные мгновения всё было кончено, и
обугленный скелет Фергюса, словно в
замедленной съёмке, повалился с
оторопевшего от ужаса коня. При виде
столь жуткой смерти двоюродного брата

у Гедрика засосало под ложечкой.

Взлетев по ступенькам храма, Гедрик принялся бешено колотить в дверь, выкрикивая имя Маэрен. От здания во все стороны летели осколки — все больше врагов стягивалось на деревенскую площадь, ведя по храму непрерывный огонь. Бросившись со ступенек вниз, Гедрик перекатился по земле и вновь вскочил на ноги. Он видел, как чужаки добивают раненых и как с одного из снегоходов за всем наблюдает стройный беловолосый человек в светло-зелёных доспехах. Вот он нетерпеливо взмахнул в морозном воздухе своим топором, и Гедрик закричал, когда у него на глазах винтовочный залп скосил последних из выживших соотечественников. Ему захотелось всадить свой клинок в грудь предводителя захватчиков, но он понимал, что умрёт, не успев добраться до врага.

Гедрик понял, что стучаться в дверь храма бесполезно: ему всё равно не откроют — это слишком большой риск для тех, кто укрылся внутри. Он побежал вокруг здания, надеясь, что дверь ризницы

ещё не заперта на засов.

Услышав отрывистые, лающие звуки котанг и низкий гул мощного оружия, Гедрик взмолился всем богам, чтобы нашёлся хоть кто-то, кому удалось бы предупредить ближайшие общины.

Думая об этом, он тем временем добрался до двери ризницы и, увидев, что она всё ещё приоткрыта, вздохнул с облегчением. На секунду остановившись, он взялся за металлическую ручку. Но не успел он открыть дверь, как храм взлетел на воздух и в небо взметнулись оранжевые языки пламени. Взрыв сбил Гедрика с ног, подхватил на воздух и впечатал в склон холма позади храма. В тот же миг Гедрик почувствовал нестерпимую боль, ничего подобного ему не приходилось испытывать за всю свою жизнь. Боль, казалось, проникла в каждую клетку его тела, и какое-то время Гедрик лежал, превратившись в бескостное, совершенно беспомощное существо. Кожа его горела, и Гедрику казалось, что языки адского пламени вылизывают его изнутри.

Потом боль исчезла, он ощущал

только приятную прохладу снега.

Остатками сознания он понимал, что это плохо — боль означала жизнь, — но сделать с собой ничего не мог.

Гедрик обратил свой взгляд на выходящие руины храма, деревянные колонны которого торчали, словно обугленные ребра. Он даже не пытался разглядеть среди них никаких тел, но понимал, что такой взрыв пережить не мог никто. Маэрен, Рүари, Фергюс, Маллейн, Гохбар... Все погибли. Все мертвы. А вскоре и он присоединится к ним. Горе захлестнуло Гедрика.

...Снегоходы противника неумолимо приближались, и у Гедрика перехватило дыхание, когда он услышал их глухое низкое жужжание. Гедрик сделал рывок, попробовав было подняться, но конечности ему не повиновались. словно сквозь мутную пелену, он слышал монотонные и угрожающие голоса пришельцев, он даже попытался извергнуть дерзкое проклятие, но голоса обошли Гедрика стороной — чужаки взбирались на Металлический Холм. Гедрик видел, как предводитель

чужаков в зелёных доспехах указал на склон холма и велел своим воинам развернуться; он слышал, как те возбужденно переговаривались, но не понимал ни слова. Неужели его община была перебита раги Металла?

Из забытья Гедрика вывел свист пламени. Он увидел, как склон холма озарился ярким светом и зашипел, — то снег превращался в пар. Чужаки продолжали обрабатывать склон холма огнём из своего оружия до тех пор, пока человек в мерцающей красной мантии с капюшоном, выбравшись из ближайшего снегохода, не поднял вверх руку. Он прошёл вперёд, чтобы рассмотреть то, что показалось из-под снега, и, когда пар наконец рассеялся, чужаки издали вопль восторга; переливаясь, словно жидкая ртуть, обнажившиеся напластования холма сверкали в солнечном свете — весь склон сиял ярким металлическим блеском. Поверхность, ещё совсем недавно покрытая снегом, теперь целиком состояла из гладкого серебристого металла. Он мерцал и переливался, словно озёрная

гладь, а в тех местах, где жар пламени расплавил его, он вздымался волнами, будто дышал. Постепенно холм стал менять форму, стекая извивающимися потоками вниз, и превратился в гладкую и плоскую, как стекло, поверхность, которая в конце концов стала похожа на гигантское зеркало. Гедрик увидел, как человек в капюшоне опустился на колени перед тем, что только что было склоном холма, и принялся нараспев произносить какие-то слова, скрежещущие и отрывистые.

Прошло несколько мгновений, прежде чем Гедрик понял, что эти слова ему знакомы. Он хоть и не понимал их значение, но помнил эту молитву с тех времён, когда работал с Фергюсом в кузнице: это была молитва во славу Бога-Машины.

Человек в зелёном капюшоне поднялся навстречу предводителю чужаков и обнажил голову. Гедрик увидел, что большая часть лица злодея состояла из кибернетических имплантов, а в горле, над кадыком, находилось обратлённое

медью голосовое устройство, из которого доносился свистящий шум. К пустым глазницам этого страшного существа из-под мантии, извиваясь, тянулись прифлёрные медные провода, а на его морщинистой коже, в том месте, где у человека должны были бы быть уши, Гедрик разглядел сетчатые диски. Кожа существа (если это была кожа) выглядела мертвенно-бледной и далее серой, но, несмотря на все эти омерзительные имплантаты, Гедрик понимал, что то, что он сейчас видит перед собой, вне всяких сомнений является человеком. Человек?! Ужас совершенного этим человеком нечеловеческого предательства вызвал в Гедрике желание выть от бессильной ярости.

Гедрик уже открыл рот, чтобы закричать, но в этот момент сознание окончательно покинуло его, унеся с собой и ярость, и всю боль.

Было прохладно, когда капитан Ультратаринов Уриэль Вентрис поднимался по Тысяче Ступеней в зал для приёмов Магистра Оргена. Свой шлем капитан нёс на сгибе локтя, его походка была уверенной, сервоприводы доспехов облегчали ему подъем, так что Вентрис шёл достаточно быстро, несмотря на лёгкую хромоту от раны, полученной на Тресии шесть месяцев назад. Лестница, извиваясь, вела, вверх по склону Долины Лапониса, где находилось величественнейшее сооружение на Макрэйджке — крепость Геры, бастион Ультратаринов.

Выстроенное из массивных трапезных плит, добытых на склонах долины, огромное, опирающееся на могучие колонны, сияющее белоснежной чистотой, сооружение воистину было шедевром архитектуры. Узкие балконы, золотые геодезические купола, узкие стеклянные проходы, поддерживаемые изогнутыми

серебристо-стальными контрфорсами, создавали впечатление огромной силы и одновременно лёгкости и воздушности, почти невесомости.

Крепость-монастырь Ультратаринов была чудом инженерного искусства, спроектированным ещё примархом Оргена Робаумом Жиллиманом и построенным в дни Великого Крестового Похода Императора десять тысяч лет назад. С тех пор Костицкие Десантники Оргена Ультратаринов жили здесь.

Крепость располагалась посреди высоких остроконечных гор в Долине Лапониса недалеко от величественного Водонага Геры и со всех сторон была окружена пихтовыми лесами. Стужёные воды громыхали по скалам, падая на них с высоты в несколько сотен метров, и над неширокой долиной повисали сверкающие дуги радуг. Уриэль остановился, встретил взгляд на водонаг, и благоговейный трепет вновь охватил его — как в тот далёкий день, когда он увидел его впервые. На губах Уриэля заиграла улыбка: что-то тальчишеское, вродь, сохранилось в нём.

до сих пор, раз он за столько лет не
разучился испытывать это благородное
чувство.

Он опустил руку на эфес меча,
ощущая всю меру ответственности,
которую накладывало на него это оружие.
Разглядывая тонкую искусную гравировку
ножен, он мысленно вернулся к тому
побоищу на тяжёлой планете Тресия,
перед которым его командир и верный друг
капитан Айгэус преподнёс ему это
изумительное оружие. Айгэус будто знал,
что через несколько минут отправится
навстречу смерти...

Получив боевую задачу уничтожить
мост, чтобы не допустить атаки
изменников -- солдат Тресии -- на
Имперскую армию с фланга, отряд Айгэуса
оказался втянутым в отчаянное сражение
с многократно превосходящими силами
противника, пытавшегося форсировать
этот мост. Весь день и всю ночь
тридцать Ультрамаринов сдерживали
почти тысячу солдат, пока в схватку не
вступили еретики -- воины Повелителей
Ночи.

Уриэль в который раз содрогнулся, вспоминая ужас, охвативший его при виде боевых братьев, распятых на корпусах вражеских транспортёров... Да, их искажённые болью лица ему не забыть до самой смерти. Предатели-Десантники чуть не вторглись на позиции Ультратаринов, но благодаря отчаянной авантюре Айгэуса, той, что стоила ему жизни, мост был разрушен и атака отбита.

В душе Уриэля вновь заняла рана, нанесённая гибелью Айгэуса, но он быстро взял себя в руки и продолжил подъём. Негоже заставлять ждать Магистра.

Уриэль поднимался всё выше по ступеням лестницы, середина которой была отполирована бесчисленными шагами до блеска, и ненадолго задумался о том, сколько же людей на самом деле проходили здесь до него. С этими мыслями он добрался до широкой площадки на вершине и обернулся, чтобы взглянуть на проделанный им путь.

Покрытые снегом гребни гор простирались во все стороны, куда

достигал взгляд, и только к западу
горизонт мерцал глубоким лазурно-синим
светом, и в этой дали
усовершенствованное зрение Уриэля
различило море и береговую линию скал.
Перед сатим же Уриэлем сейчас
спускались вниз увенчанные куполами и
траторными крышами крепостные
сооружения, каждое из которых являло
собой могучую цитадель.

Капитан резко повернулся на
каблуках и зашагал к главному зданию,
пройдя через галерею с множеством
колонн, которая и вела в зал для аудиенций
Магистра Оргена, Марнеуса Калгара.
Сверкающие бронзовые двери распахнулись
при его приближении, и из-за них
выступили вперёд два огромных воина из
Первой роты, облачённые в священные
доспехи Терминаторов. Свои глиняные
щиты они держали наизготовку.

Даже Уриэль в своих доспехах
показался себе карликом рядом с
исполинами Терминаторами и, проходя
среди ветеранов, уважительно кивнул им
и погрузился в прохладу приёмной. Слуга

Магистра, одетый в простую синюю
туннику, появившись рядом, принял у
капитана шлем, безмолвно указав в
сторону внутреннего двора.
Поблагодарив, Уриэль спустился по
ступеням во дворик, оглядываясь по
сторонам. Ни одна мелочь из окружающей
обстановки не ускользнула от его
внимательного взгляда. На затенённые
галереи с балконов свисали расшитые
золотом боевые знамёна со знаками
отличия, и статуи героев-Ультрамаринов
былых времён кольцом окружали
ультраморный фонтан. Среди этих статуй
были изваяния Древнего Галатана,
бывшего знаменосца Макрэйджа, и фигура
капитана Инвиктуса, героя Первой роты,
павшего в бою против Великого
Пожирателя.

В центре фонтана возвышалась
статуя могучего воина на огромном коне,
вздымающего к небу коня, — это был
Конор, первый Боевой Король Макрэйджа.
Его мужественное лицо было высечено
весьма искусно: скульптору удалось
передать всю страстную решимость

Короля сделать для своего народа всё возможное и даже невозможное. Пока Уриэль разглядывал статуи, появился слуга с подносом, на котором стояли керамический кубин и два серебряных кубка. Он поставил их на каменную скамью, окружающую фонтан, и молча ушел. Уриэль взволнованно сжал эфес меча. Два противоречивых чувства переполняли его: гордость и одновременно сожаление, что он, Уриэль, всё-таки не достоин истории своего прославленного оружия.

— Конор был настоящим гигантом среди людей, — произнёс голос, в котором угадывались могучая сила и непререкаемая вековая власть. — Ему не исполнилось и двадцати одного года, когда он утирил целый континент, положив начало событиям, позволившим святому Жиллиману стать именно тем человеком, каким он стал.

Уриэль повернулся лицом к лорду Макрэйджу Марнеусу Калгару.

— Я хорошо помню это со времени своих занятий в Казармах Аджизелуса, мой

лорд, — ответил с низким поклоном
Уриэль.

— Прекрасная школа, её прошёл сам
Жиллиман.

Уриэль улыбнулся скромности
Калгара, прекрасно зная, что Магистр
тоже учился там.

Магистр Ультратаринов был
поглубинным исполином даже по меркам
Космических Десантников. Великолепные
синие доспехи, казалось, едва сдерживали
его неукротимую энергию и силу;
двуглавый имперский орёл на правом плече
лорда сиял отполированным золотом; из
точки правого уха Калгара свисали чёрные
кольца, а левый глаз ему заменял плоский,
напоминающий драгоценный камень,
бионический имплантат, из которого к
затылку тянулся тонкий медный провод.
Почтенное лицо Калгара казалось
вырезанным из морёного дуба, но, несмотря
на свою внешность, лорд не утратил ни
своих знаний, ни проницательности. Ему
было уже более четырёхсот лет, но его
силе и энергии завидовали и воины вдобавле
тоже его.

--- Приветствую, боевой брат! ---
произнёс Калгар, возложив обе руки на
наплечники доспехов молодого воина. ---
Рад видеть тебя, Уриэль. Я горжусь и
восхищаюсь тобой. На Тресии были
одержаны достойные победы.

Уриэль скромно поклонился, принимая
поздравление, и Калгар предложил ему
сесть. Магистр Ультратаринов тоже
опустился на скамью и наполнил оба кубка
вином из керамического кувшина, протянув
один Уриэлю. В огромной перчатке
Калгара кубок выглядел до смешного
крошечным.

--- Благодарю, --- ответил Уриэль,
пригубив прохладное вино, и погрузился в
молчание.

Его худощавое, орлиное лицо было
серьёзно, и даже глаза приобрели цвет
штормовых облаков. Чёрные волосы были
коротко подстрижены, а левую бровь
пронзали два золотых штифта. Уриэль
был прирождённым воином, родом из
подземного пещерного мира Калт. Своим
бесстрашием он снискал себе уважение
среди Ультратаринов и славу воина

великой силы и страсти, а преданность Уриэля Оргену была достойна подражания.

— Айдэүс был прекрасным воином и настоящим другом, — вытолвил Калгар, догадываясь, о чём сейчас думает Уриэль.

— Именно так, — согласился Уриэль, возложив руку на покрытые резьбой ножны меча. — Он отдал мне это, уходя, чтобы уничтожить мост на Тресии. Он сказал, что это оружие послужит мне лучше, чем ему, и всё же я не знаю, смогу ли я достойно приумножить его славу — твою славу, которой он заслуживает; смогу ли я заменить Айдэүса как капитана Четвёртой роты.

— Айдэүс был бы очень огорчён, увидев, что ты просто заменил его, Уриэль. Он желал бы, чтобы ты, возглавив Роту, остался самим собой и сделал её своей.

Калгар поставил свой кубок.

— Я хорошо знал Айдэүса, капитана Вентрис, — медленно начал он, делая упор на новое звание Уриэля, — и был в курсе его... необщепринятых методов. Это был щедро одарённый человек, обладавший искренним сердцем. Ты прослужил с ним

много лет и знаешь так же хорошо, как и я, что Айдэус не завещал бы меч, который выковал сам, недостойному человеку. --- Калгар продолжал, встретив взор в каменный пол: --- Знай это, сын Жиллимана: отец нашего Оргена всегда наблюдает за нами. Он видит, что у тебя в душе, он знает твои силы и даже твои страхи. Я разделяю твою боль от потери боевого брата --- капитана Айдэуса, но бесчестить его имя горем не пристало, да и неправильно. Он отдал свою жизнь за то, чтобы его боевые братья жили, а враги Императора были разбиты. Воин не может просить о лучшей смерти. Капитан Айдэус был старшим офицером, и ты вынужден был в силу долга следовать его приказам. Система управления не должна нарушаться, в противном случае мы --- ничто. Дисциплина и порядок --- это главное на поле сражения, и армия, которая живёт этим законом, победит всегда. Помни это.

--- Есть, --- ответил Уриэль.

--- Ты понимаешь всё, что я сказал?

--- Да.

--- Тогда ты сегодня больше не будешь говорить об Айдэусе, а вместо этого обсудим грядущие сражения, ибо Четвёртая рота очень важна для меня.

Уриэль тоже поставил свой кубок. При мысли, что он снова нужен Императору, его охватил азарт и предвкушение грядущих битв.

--- Мы готовы сражаться, лорд Калгар, --- гордо заявил Уриэль.

Калгар улыбнулся --- именно такого ответа и ожидая от новоиспечённого капитана.

--- Я знаю, Уриэль. В нескольких неделях пути от Ультратара есть планета, которая требует твоего присутствия. Она называется Павонис и страдает от последствий разрушительной пиратской деятельности проклятых эльдаров.

При упоминании эльдаров, чужаков, отказывающихся признать священное право человечества управлять галактикой, выражение лица Уриэля ожесточилось. Раньше ему уже доводилось сражаться с эльдарами, но он мало знал об

их чуждом людям нечестивом образе жизни. Из назидательных поучений священников ему было известно, что они невообразимо надменны и им нельзя доверять, и этого знания Уриэлю было более чем достаточно.

— Мы выследим и уничтожим их как поглых нечестивцев, каковыми они и являются, мой лорд.

Калгар вновь наполнил вином кубки и поднял свой со словами:

— Я пью за грядущие сражения и победы, Уриэль, но есть и ещё одна причина, по которой ты должен отправиться на Павонис.

— И в чём же она?

— Администратум весьма раздражён планетарным губернатором Павониса. Люди из Администратума даже собираются затеять против неё тяжбу, дескать, она не в состоянии обеспечить уплату законной десятины с этой Имперской планеты. Тебе придётся доставить эксперта Администратума на Павонис и проследить за тем, чтобы никто не помешал ему выразить эту

неудовлетворённость. Его безопасность ---
на твоей личной ответственности,
капитан.

Уриэль согласно кивнул, хотя он не
мог взять в толк, почему какому-то
щелконёру должна быть предоставлена
такая защита, но он тут же отбросил
эту мысль как неуместную. Одного того
факта, что лорд Калгар поверил
безопасность этого человека Уриэлю, было
достаточно, чтобы приложить все силы
для выполнения приказа.

--- У лорда адмирала Тибериуса готов
к отправлению корабль «Горе
побеждённого», и твой подопечный будет
на борту завтра утром. Он предоставит
тебе более полную информацию. Я хотел
бы, чтобы ты и твои люди были готовы к
отправлению до следующего заката.

--- Вам не придётся сожалеть, что
это дело поручено мне, лорд Калгар, ---
заверил Уриэль, действительно
польщённый доверием, оказанным ему
Магистром Ультратаринов. Он знал, что
утрёт, но не допустит того, чтобы это
доверие не оправдалось.

--- Тогда идите, капитан Вентрис, ---
поднимаясь со скамьи, подвёл по
разговором черту Калгар и отдал честь
Уриэлю. --- Поклонись святилищу примарха
и начинай готовить своих людей.

Калгар протянул Уриэлю руку, тот
тоже встал, и они скрепили клятву
верности и мужества пожатием запястьев
--- рукопожатием воинов.

Уриэль низко поклонился Магистру
Оргена Ультратаринов и вышел. Калгар
наблюдал, как его боевой брат, только что
получивший чин капитана, прошёл сквозь
бронзовые двери и вышел навстречу
вечернему солнцу, сожалея, что не смог
сказать ему большего. Он поднял свой кубок
и осушил его одним залпом.

Его чуткий слух уловил позади еле
слышимый шелест одежды. Не
поворачиваясь, Калгар понял, кто стоит за
ним в тени галереи.

--- На нём теперь огромная
ответственность, лорд. В этой игре
многое поставлено на карту. Он
справится? --- спросил вновь прибывший.

--- Да, --- тихо ответил Марнеус

Калгар. — Я верю в него.

Уриэль шагал вголь толпы паломников в золотистых мантиях, не обращая внимания на изумлённые взгляды, вызванные его необычным для этого места обликом. Возвышаясь над людским потоком, издали напоминающим полноводную золотую реку, — над всеми, кто пришёл, чтобы своими глазами увидеть одно из самых священных мест Империи, Уриэль чувствовал, как все чаще бьётся его сердце по мере приближения к центру Храма Исправления.

Поговаривали, что храм, как и большая часть крепости Геры, был спроектирован Робаутом Жиллиманом. Так это или нет, неизвестно, но размеры этого сооружения, и величие его убранства поражали воображение. Из возникшего перед Уриэлем широкого сводчатого прохода разливалось многоцветное сияние — свет низкого вечернего солнца струился сквозь цветное стекло купола золотыми, лазурными, рубиновыми и изумрудными лучами. Толпа паломников раздалась перед Уриэлем в

стороны — его положение одного из избранных Императора давало ему безусловное преимущество узреть благословенного Жиллимана.

Как всегда, когда он представлял перед вступавшим стирение и благоговейный трепет примархом, у Вентриса перехватило дыхание и он опустил взгляд, ощущая себя недостойным слишком долго взирать на отца-основателя своего Оргена.

Робаум Жиллиман, примарх Ультратаринов, восседал в доспехах на огромном маршальском троне, заключённый все последние десять тысяч лет в светящемся склепе стасис-поля. У ног примарха лежали оружие и щит, а позади него находилось первое знамя Макрэйджа, к которому прикасался сам Император. Говорили также, что знамя это было соткано из волос, остриженных с тысячи учеников. Уриэля охватило чувство великой гордости оттого, что и в его жилах текла кровь этого самого славного из героев и самого могучего из воинов легендарных времён Великого Крестового Похода. Он преклонил колени, в который

раз потрясённый осознанием той чести, которой было для него само его существование.

Даже после смерти черты лица примарха свидетельствовали о его великой отваге и стойкости, и, если бы не сверкающая рана на шее, Уриэль готов был поклясться, что гигантский воин может в любую минуту встать и выйти из храма. Он ощущал холодную, суровую ярость, когда его взгляд задержался на этой алой ране. Капли крови, подобно крошечным сверкающим рубинам, удерживаемые потоком статичного времени, недвижно застыли в воздухе чуть ниже шеи примарха. Жизнь Жиллимана была оборвана отравленным клинком изменника Фүлгрима — примарха Оргена Демей Императора. Деяния Жиллимана так и остались незавершёнными, и в этом была величайшая трагедия его смерти.

Уриэль знал, что были те, кто верил: раны примарха медленно исцеляются. Некоторые даже утверждали, что однажды Жиллиман поднимется со своего трона. Возможность осуществления

такого чуда в безвременном нузыре стазис-
поля эти пророки приписывали
непоколебимой воле Императора.

Уриэль спиной ощущал присутствие
позади себя безмолвной толпы и, осознавая,
каким ореолом праведности он окружён в
глазах этих людей, чувствовал себя
недостойным этого почитания. Он знал,
что подобные мысли никогда не приходили
в головы большинства его боевых братьев,
но Айгэус однажды объяснил ему, как
полезно порой выходить за рамки
традиционного мышления.

Подлинными героями галактики
были, по мнению Уриэля Вентриса, самые
обыкновенные люди, те безымянные герои,
мужчины и женщины Империи, которые
своими слабыми человеческими телами
противостояли ужасам бесконечной
Вселенной и отказывались склониться
перед её непостижимой человеческим
сознанием безбрежностью. Капитан
Вентрис существовал именно для них.
Целью его жизни было защищать этих
людей, чтобы они продолжали выполнять
предназначение судьбы человечества.

править галактикой во имя Императора.

Большинство людей, стоящих сейчас за спиной Уриэля, проделали долгий путь — месяцы и годы, преодолели тысячи световых лет, они пожертвовали всем, что имели, чтобы оказаться здесь, но теперь все они держались на почтительном расстоянии, пока один из сыновей Жиллимана читал своего примарха.

Уриэль преклонил колени и прошептал: «Прости меня, мой лорд, но я предстал пред тобой, чтобы получить твоё благословение. Я веду своих людей на войну и прошу тебя даровать мне мужество и мудрость, дабы с честью провести их сквозь пламя сражений».

Уриэль закрыл глаза, чтобы ничто не мешало ему полностью отдаться спокойствию и величию момента. Он сделал глубокий вдох, и аромат выцветших боевых знамён со знаками отличия, висевших по окружности высокого, увенчанного куполом здания, наполнил его ноздри.

Уриэля захлестнули непередаваемые

ощущения, когда невброглоти, расположенный в задней части ротовой полости, распознал химический состав этого воздуха, отдающего запахами чуждых миров и битв древних времён. На него волной нахлынули воспоминания, и одному из этих воспоминаний было уже более сотни лет. Тогда Уриэлю только исполнилось четырнадцать и не прошло и месяца с того дня, когда его впервые привели в Храм Исправления.

...Уриэль тчался вверх. Лесной воздух обжигал ему лёгкие, а он нёсся глиняными шагами среди вечнозелёных деревьев к вершине высокой горы. По уровню физической подготовки Уриэль уже заметно опережал остальных новобранцев — своих сверстников, отобранных Ультратаринати, уступал он только Леаркүсү. Вот и сейчас Леаркүс бежал впереди него, но Уриэль не отставал, постепенно догоняя соперника. Работа в пещерных фермах Калта и тренировки в Казартах Аджизелүса сделали юношу худощавым и выносливым, и он знал, что у него ещё достаточно внутренних резервов.

чтобы успеть догнать Леаркүса до вершины.

Из всех новобранцев только Клиандер не отставал от Уриэля, но юноше никак не удавалось бросить взгляд назад, чтобы понять, насколько близко от него его друг Леаркүс. Уриэль сокращал расстояние между собой и Леаркүсом, и теперь их разделяли лишь несколько шагов. Он устехнулся, постепенно приближаясь к более крупному юноше, направив всю свою энергию на то, чтобы обогнать лидера гонки. Шаги Клиандера звучали совсем близко, но Уриэль был поглощён погоней за Леаркүсом.

Лидер гонки бросил беглый взгляд через плечо, и на его измученном долгой погоней лице отразилась тревога, и Уриэль возликовал. Во взгляде Леаркүса явно читалось, что тот уже физически ощущает неизбежное поражение, и Уриэль ещё поддал жару, заработав локтями, словно поршнями, и наконец поравнялся с Леаркүсом.

Уриэль принял вправо, чтобы обогнать Леаркүса, и, превозмогая жгучую

боль в бёдрах, заставил себя сделать отчаянный рывок. Леаркус, увидев соперника боковым зрением, повернул голову и что было сил двинул локтем...

Из носа Уриэля брызнула кровь, а глаза его наполнились слезами. На мгновение перед юношей вспыхнул яркий свет, он споткнулся и упал вперёд. Чьи-то руки схватили его сзади за плечи, и Уриэль закричал, когда Клиандер толкнул его с тропинки. Он рухнул тяжело, ударившись разбитым носом о плотно утрамбованную землю. Через несколько секунд он услышал стех, и юноша обуреваемая бешеной яростью.

Пошатнувшись, Уриэль попытался подняться на ноги и вытереть кровь под носом и с подбородка, но у него закружилась голова, и он всем телом упал на землю. В глазах у Уриэля все плыло от острой нестерпимой боли, но он видел, хоть и сквозь туман, как мимо пробегают другие новобранцы, направляясь к вершине горы вслед за Леаркусом и Клиандером, предательским ударом лишившим Уриэля заслуженного первенства.

Взрүг чья-то рука схватила Уриэля за кисть и, потянуv, подняла юношу на ноги. Уриэль, проморгавшись от слёз боли, разглядел Назаниүса -- новобранца из своего отделения -- и, приходя в себя, обхватил грүга за плечи.

-- Дай-ка үгадаю, -- не успеv отдышаться, произнёс Назаниүс. -- Леаркүс?

Уриэль стог лишь кивнуv, глядя вверх на склон горы. Леаркүс был теперь далеко впереди, почти на вершине.

-- Ты можешь бежать?

-- Да, я побегү! -- прорычал Уриэль. -- Прямо на вершину и заедү в рожү этому терзавцү.

Обида и злость добавили Уриэлю сил. Освободившись от объятий Назаниүса, он принүстил вновь, но каждым үдаром своих босых ног о землю Уриэль словно вколачивал в себя раскалённые гвозди боли. Из его разбитого носа хлестала кровь, и горький металлический привкүс во рту усиливал его ярость. Он обгонял бегүнов одного за грүгом, почти не замечая этого, его голова была полна мыслей о мести.

Наконец Уриэль взобрался на вершину горы и, спотыкаясь, подошёл к пирамиде из камней в центре маленькой скалистой площадки. Коснувшись холодного камня, он повернулся туда, где сидели Леаркус и Клиангер. Зазубренные вершины чёрных гор простирались, насколько хватало глаз, но Уриэль, не обращая ни малейшего внимания на это живописное зрелище, зашагал к развалившемуся на вершине Леаркусу, который насторожённым взглядом наблюдал за его приближением. Клиангер, поднявшись, встал между соперниками, и Уриэль заметил, как по лицу Леаркуса пробежала тень раздражения. Клиангер был моложе, но на полголовы выше Уриэля, да и физически он был сильнее его.

Уриэль на мгновение остановился и встретился взглядом с превосходившим его ростом парнем, затем сильно ударил его в солнечное сплетение.

Клиангер согнулся, и Уриэль продолжил атаку мощными апперкотами в лицо и шею, завершив дело сокрушительным боковым справа.

Противник рүхнүл на землю, и Уриэль перешагнул через его корчащееся тело навстречу Леаркүсү. Тот поднялся, попятился и, выставив вперёд кулаки, принял боксёрскую стойку.

--- Ты стошенничал, --- бросил ему в лицо Уриэль, также поднимая кулаки.

Леаркүс пожал плечами.

--- Я выиграл гонку, --- как ни в чём не бывало заявил он.

--- И ты считаешь, что только это имеет значение? Победа?!

--- Разумеется, --- ухмыльнулся в ответ Леаркүс. --- Ты просто дурак, если веришь во что-то ещё.

Совершая обманные выпады, они кружились, словно в каком-то магическом танце. Этот боевой танец продолжался несколько минут, так что за это время довершины успели добраться все новобранцы.

--- Неужели ты ничему не научился в Аджизелүсе, Леаркүс? Победа не имеет никакого значения, если ты не сохранил свою честь!

--- Не учи меня жить, деревенщина! --- огрызнулся Леаркүс. --- Откуда ты вообще

такой взялся? Я по крайней мере заслужил своё место. Мне его не предоставили благодаря предкам.

— Я тоже выиграл своё место в честной борьбе, Леаркус, — трачно ответил Уриэль. — Люциан не имел никакого отношения к тому, что выбрали меня.

— Дерьмо лошадиное! Я-то знаю правду! — прошипел Леаркус, рванувшись вперёд в попытке нанести Уриэлю удар в висок. Уриэль слегка отклонился назад, и кулак Леаркуса пронёсся мимо. Уриэль обеими руками обхватил запястье противника, и, молниеносно обернувшись вокруг себя, он вывел Леаркуса из равновесия, после чего, опустившись на одно колено, швырнул противника через плечо.

Оказавшись в воздухе, Леаркус пронзительно завопил, но, шмякнувшись о землю, сразу утолк: бросок Уриэля был столь силен, что у Леаркуса перехватило дыхание. Заломив руку противника за спину, Уриэль почувствовал, как хрустнуло запястье, и через секунду он услышал

скрежет обломков кости и визг обезумевшего от боли Леаркүса.

Уриэль разжал хватку и, вернувшись к пирамиде из бұлыжников, облокотился о неё. Жажда мести была утолена, и её вновь сменили изнеможение и боль.

Несколько новобранцев наконец остелились подойти к противникам, чтобы помочь им подняться, и в этот момент Уриэля внезапно охватил стыд. Нет, он вовсе не считал себя виноватым, но Леаркүс нравился многим, и победа, одержанная над ним сегодня, завтра могла обернуться против Уриэля.

Однако содеянного не вернёшь, так что теперь Уриэль должен с честью выдержать все последствия своего поступка. Размышляя об этом, он и не заметил, как к нему подошёл Назаниүс. Тот возвышался над Уриэлем, и в его глазах юноша прочитал укор.

Друг присел рядом и произнёс:

--- Тебе не следовало так поступать, Уриэль.

--- Я знаю. Сейчас я хотел бы, чтобы этого не было... Правда!

--- Леаркүс возненавидит тебя за это.

--- Думаешь, мне следует извиниться?

--- Да, но не теперь. Ты опозорил его при всех, и сейчас он не примет извинений. Поговори с ним, когда мы вернёмся в крепость и над его запястьем поработают Апотекарии.

--- Я сделаю, как ты говоришь, друг. Это было глупо --- я был ослеплён яростью.

--- Хорошо, что хоть теперь ты понимаешь, что это было глупо. Надеюсь, в Аджизелүсе и всё-таки удалось вложить в твою голову хоть что-то стоящее.

--- Поосторожнее, --- перебил друг Уриэль, --- или мне придётся вырубить заодно и тебя.

--- Что ж, попробуй, если силёнок хватит. Может, через годик-другой тебе, крестьянин, и удастся справиться со мной.

Уриэль растаял в ответ, понимая, что Назаниүс прав. Его друг был настоящим исполином. Хоть ему и исполнилось всего лишь пятнадцать, Назаниүс был уже выше многих взрослых мужчин. Его мышцы играли под загорелой кожей, как толстые стальные кабели, и ни

одному новобранцу ещё не удавалось
превзойти его в силовых упражнениях.

--- Пойдём, --- сказал гигант,
поднимаясь на ноги, --- пора трогаться. Ты
же знаешь, Клозель закрывает ворота на
закате. Не знаю, как ты, а я не вижу
никакого удовольствия в том, чтобы
провести ещё одну ночь в горах.

Уриэль кивнул в ответ и, охнув,
поднялся на ноги. Боль снова пронзила его
тело --- мышцы Уриэля не желали
слушаться своего хозяина. Напрасно Уриэль
пренебрёг простым правилом: завершив
бег, растянуть их. Но теперь Уриэлю
оставалось только проклинать себя за
глупость.

Новобранцы с Назаниусом во главе
двинулись в путь, поочерёдно помогая
белому как тел Леаркүсү, который с
трудоу ковылял, понемногу отходя от
боли и запоздалого шока. Его запястье,
раздувшись, увеличилось вдвое и приобрело
жуткий лиловый цвет; несколько раз за
время пути Леаркүс чуть было не терял
сознание. В один из таких моментов
Уриэль предложил ему свою помощь, но,

Уриэль в ответ сердитые взгляды товарищей, он решил не повторять это предложение.

Уже в крепости Геры Леаркус сообщил Апотекариям, что сломал запястье при падении. Казалось, ничего не произошло, но уже на следующий день Уриэль почувствовал, что между ним и остальными новобранцами образовалась пропасть, причём пропасть эта увеличивалась с каждым днём. Изменить уже ничего было нельзя, и только Пазаниус оставался Уриэлю настоящим другом и в последующие годы.

Уриэль открыл глаза и со страхом себя остатки воспоминаний. Он редко возвращался в мыслях к дню, когда был кадетом, и был удивлён тем, что это вдруг произошло сегодня. Уриэль выпрямился во весь рост — он снова был в Храме Исправления. Возможно, то, что память снова вернула его в дни молодости, было знаменем, посланием, дарованным ему благословенным примархом. Капитан Вентрис поднял глаза и посмотрел в лицо Роберту Жиллиману в поисках ответа, но

мёртвый примарх оставался неподвижным на своём троне.

И в этот момент Уриэль ощутил на плечах всю тяжесть своей должности. Прошагав через зал, он встал перед плитой с бронзовыми краями на изогнутой внутренней стене храмового святилища. Изнутри храм по окружности был выложен огромными пластинами из гладкого чёрного мрамора, и все они были испещрены строками. На этих плитах золотыми буквами были высечены имена всех Ультрамаринов, павших в сражениях за десяти тысячелетнюю историю Оргена. Тысячи и тысячи имён окружали примарха, и Уриэль подумал: а сколько же ещё имён героев будет к ним добавлено, прежде чем Роберт Жиллиман вернётся в это священное место? Будет ли одним из них его имя, имя Уриэля Вентриса?

Глаза капитана Ультрамаринов пробежали по плите, что возвышалась перед ним, — это была плита, посвящённая сотне воинов Первой роты, сражавшихся против кошмарных тиранидов у северных оборонительных фортов Макрэйджа.

порядка двух с половиной сотен лет назад.

Взгляд Уриэля остановился на имени, высеченном прямо под посвящением командиру Первой роты капитану Инвиктусу:

«Ветеран-сержант

Люциан

Вентрис».

Палец Уриэля прошёлся по изгибам высеченного в мраморе имени его предка. Уриэль Вентрис гордился тем, что носит его имя. Случайная родственная связь с героем Оргена дала Уриэлю право обучаться в престижных Казартах Аджизелуса, но он был избран Ультратаринати за своё собственное мастерство и, главное, решительность и уверенность в грядущей победе.

Уриэль поклонился, отдавая тем самым почести предку, затем, резко повернувшись на каблуках, вышел из храма.

Ему нужно было подготовить к грядущим сражениям свою Роту.

Шум, производимый сотнями нещадно воющих глоток, был невыносимым. Арбитр из Agentus Арбитрес Павониса по имени Вирджил Ортега врезал своим щитом по физиономии первому повернувшейся к нему крикуну, которым оказался мужчина в тяжёлой робе, поднял булаву и описал ею широкую дугу. Ортега молотил направо и налево по напирающим со всех сторон телам. Огромное количество рук цеплялось за него, но он со своим отделением, как мог, противостоял напиранию толпе. В какой-то момент в чёрную униформу арбитра с криком вцепился какой-то человек, но тот резко опустил булаву на его голову, раскрыв несчастному череп. Боковым зрением Ортега заметил, что один из людей, сопровождавших губернатора, тоже упал; воздух продолжали оглашать вопли боли и ярости, но у Вирджила Ортеги была лишь одна цель: не подпустить мятежников к

губернатору Шонау.

Рядом с Ортегой билась судебный исполнитель Шарбен: уклонившись от удара, который неуклюже попытался нанести ей здоровенным гаечным ключом один из мятежников, Шарбен всадила свою булаву в живот нападавшему. Это впечатлило Ортегу, который многое повидал на своём веку. Будучи новобранцем, Шарбен держалась, как ветеран с десятилетним стажем. Вокруг Ортеги и Шарбен другие арбитры в чёрных панцирных доспехах ударами оттесняли орущую толпу мятежников от губернаторского помоста.

Часть площади была уже полем настоящей битвы, когда на слугителей закона ринулись разъярённые рабочие Врат Брэндона. Вопреки всем советам, вопреки даже самому здравому смыслу, губернатор Никола Шонау и старшие члены картеля решили заверить рабочих, что так называемая десятина была мерой исключительно временной, и не нашли ничего лучшего, чем обратиться к отделению Объединения Рабочих

публично.

Как и следовало ожидать, вспыхнули страсти и посыпались оскорбления. События развивались стремительно, и вскоре в сторону полоста полетели бутылки и камни. Люди Ортеги приняли основной удар на свои щиты, и тут внезапно прозвучал выстрел, поразив в ногу одного из оборонявшихся.

Всё стешалось. Снова зазвучали выстрелы, и Ортега увидел, как со снесённым затылком на землю рухнул один из членов картеля. Он упал вперёд, увлекая за собой губернатора. Ортега не видел, ранена ли она, тем более он не мог заметить, откуда именно стреляли, а времени на выяснение у него не было. Ясно было одно: какой-то вооружённый ублюдок поднял ставки. Что ж, если эти люди решили играть по таким правилам, то у Ортеги было чем ответить.

Личная охрана понемногу отступала, уводя из-под удара губернатора и членов картеля. Они уже отошли в более или менее безопасное место, но Ортега понимал, что они двинутся в неверном

направлении. Картель отступал к воротам Имперского двorca, но тупоголовые охранники не понимали -- а видеть этого они просто не могли, -- что их путь уже заблокирован мятежниками. Часть толпы, пытаясь окружить помост, уже обошла картель с флангов. Агентус Арбитрес пока сдерживали толпу -- охранникам помогали водомёты спецтранспорта, -- но их шеренга прогибалась под натиском мятежников, так что рано или поздно это давление тел станет для них непомерным. Тем временем охрана губернатора продолжала удаляться от Агентус Арбитрес, но Ортега понимал, что только он и его люди могли вытащить губернатора из этой свалки.

-- Шарбен! -- крикнул он. -- Возьми одного человека и приведи спецтранспорт. Подхвати губернатора и доставь её во дворец. Скорее!

Ортега не мог разглядеть за зеркальным щитком шлема лица Шарбен, но он видел, как она кивнула и, прихватив с собой одного из арбитров, бросилась в

направлении спецтранспортов. Арбитры в шеренге Ортеги постепенно отступали от толпы, но и мятежники, опасаясь шоковых бұлаб, не горели желанием подходить к шеренге слишком близко.

В общем, заварушка получилась ещё та, но Ортеге доводилось утирять бунты куда более серьёзные, и он оставался спокоен, видя, что здесь насилие не зашло слишком далеко.

Мятежникам в центре толпы было не на кого выплеснуть свой гнев, и они просто давили на впереди стоящих. Если Шарбен удастся быстро добраться до губернатора, ситуацию ещё можно будет исправить. Ортега отыскал глазами в шеренге сержанта Колликса и помахал ему:

--- Колликс, держи толпу здесь, а Шарбен и я попытаемся вытащить губернатора.

--- Есть, сэр! --- отозвался Колликс.

Ортега повернулся и вышел из шеренги, на ходу пристёгивая шоковую бұлабу к поясу. Он не был до конца уверен в Колликсе, но Колликс --- самый старший из

арбитров, оставшихся в шеренге. Ортега вытянул микрофончик вокса и подключился к защищённой губернаторской сети:

--- Арбитр Ортега вызывает Прилуса из наряда службы безопасности. Оставайтесь на месте. Вы движетесь в опасном направлении. Мы скоро будем у вас. Повторяю, оставайтесь на месте!

Ортега убрал микрофон обратно в штат, не дожидаясь подтверждения, что сообщение принято, и двинулся в сторону губернатора.

Он услышал, как за его спиной Колликс выкрикивает какие-то команды, но какие именно, разобрать не мог. И вдруг его ухо уловило звуки, которые спутать с чем-то другим было невозможно: Ортега услышал, как гружно лязгнули передёрнутые затворы гробовиков. От неожиданности Ортега застыл на месте. Ужас сковал его --- шеренга арбитров из огнестрельного оружия целилась в толпу! О Трон Императора, они собираются стрелять в штатских!

--- Прекратить!!! --- закричал Ортега.

но было уже слишком поздно: арбитры
выстрелили в безоружных людей в упор.
Толпа бунтовщиков содрогнулась, и
десятки людей попадали замертво.
Ружейный дым скрыл количество убитых
и раненых, но, услышав ответный рёв
оставшихся в живых, Ортега проклял все
на свете. Толпа объятых ужасом людей
хлынула вперёд, и гробовики выстрелили
вновь. И снова люди упали, но бунтовщиков
были тысячи, и они напирали. Мужчин и
женщин давили ногами, когда те
спотыкались о тела убитых и падали на
булыжную мостовую. Крики толпы
изменились: теперь это была не ярость, а
паника.

Арбитры с гробовиками у бегра
сделали шаг вперёд и, пока Ортега успел
до них добраться, успели дать по толпе
ещё два залпа.

— Прекратить огонь! Бросить
оружие! Это приказ, мать вашу! Сейчас
же!!! — Ортега буквально задыхался от
ярости.

Только эти слова заставили
арбитров опустить оружие, вернее,

вернуть их в исходное положение — за плечо. Пороховой дым начал понемногу рассеиваться, открывая взору Ортеги площадь, усеянную сотнями искалеченных тел. Булыжники мостовой — в лужах крови; охваченная паникой толпа вопила, заглушая стоны умирающих... Матеевники отступили, но Ортега понимал, что каждая капля крови может вспыхнуть в них в любую секунду и тогда они вернутся.

— Отходим! — прокричал Ортега. — Всем в «Рино»! Мы уезжаем немедленно!

Он принялся отводить своих людей с линии боя, некоторые из них лишь сейчас осознали, что совершили несколько минут назад. Воздух смердел кордунтом, кровью и потом, и Ортега понимал, что у него остались считанные мгновения, прежде чем все окончательно полетит в тартарары. Арбитры быстро отступали к приземистым черным бронированным машинам — «Рино», мощные двигатели которых хрипло урчали, работая вхолостую. Некоторые из «Рино» были модифицированы — на их вращающихся куполах были установлены сверхмощные

водомёты, и Ортега прокричал, чтобы их пропустили в ход, -- над толпой уже нарастал гневный рёв.

И вот жаждущая мести толпа в едином порыве ринулась на арбитров. Заработали водомёты, сбивая ближайших мятежников с ног мощными струями.

Но мятежников было слишком много, а водомётов -- мало. Разъярённая толпа, размахивая кулаками и стуча побитыми железом ботинками, неотвратимо наседала на арбитров. Однако справиться с арбитрами было не так-то просто: утело работая щитами и то и дело нанося мятежникам меткие удары шоковыми булавами, они расчистили достаточно пространства, чтобы пробраться к броневикам. И вот уже Ортега распахнул боковую дверь ближайшего «Рино», пропуская своих людей внутрь. Он вспрыгнул на подножку последним и сунул голову в кабину.

-- Мы готовы! Жми! -- крикнул он водителю. -- Выясни, где Шарбен, и свяжись с ней, губернатор у неё.

«Рино» развернулись, и опытные

водители направили их к базе Agentys
Арбитрес, оставляя разъярённую толпу
позади. Ортега искал глазами Шарбен,
и проклятие само сорвалось с его губ, когда
неподалёку от бронированных ворот
закрытой судейской территории он
заметил объятый пламенем
спецтранспорт, на котором та уехала.
Арбитр, управлявший водителем, без
движения лежал на полыхающей крыше
машины. От взгляда Ортеги не укрылось,
что левый гусеничный трак «Рино»
бесполезно свисает с зубчатого колеса, а
сама машина окружена бунтовщиками,
стремящимися любой ценой попасть
внутрь. В попытке перевернуть машину,
они раскачивали её из стороны в сторону.

Ортега в сердцах ударил булавой по
крыше своего «Рино» и указал в сторону
обездвиженного спецавтомобиля Шарбен.

— Дуй туда, встань рядом и жди
моего сигнала. Потом жми на газ что
есть мочи! — крикнул он водителю.

Тот кивком подтвердил, что понял, и
повернул к поражённому броневик. «Рино»
сидко толало из стороны в сторону, так

что Ортеге пришлось обеими руками
вцепиться в его обшивку.

--- Шарбен! --- прокричал он в
микрофон вокса, едва приблизившись к
полыхающему транспорту.

--- Шарбен на связи, сэр, ---
моментаально отозвалась она, но Ортега
всё-таки уловил в голосе женщины
напряжённость. --- Если вы где-нибудь
в близости, мы будем признательны, если
вы нас вытащите отсюда.

--- Мы почти над вами, Шарбен.
Держитесь. Губернатор у вас?

--- Ответ утвердительный.

--- Отлично. Готовьтесь к встрече.

Арбитр Дженна Шарбен чувствовала,
как по её спине под чёрной кожаной формой
и панцирным доспехом стекают струйки
пота. Жара в машине с каждой минутой
становилась все невыносимее, казалось,
ещё немного, и все они зажарятся здесь
живьём. А если добавить к этому, что
математики не переставали раскачивать
«Рино», то нетрудно понять, почему
штатские пассажиры были уже на грани
истерики. Шарбен скороговоркой

пробормотала слова благодарности Императору за то, что Вирджил Ортега уже рядом. Этот человек мог быть суровым, лишённым чувства юмора и любящим, но он никогда не бросал своих людей.

— Арбитр! — выпалил человек в чёрном костюме, имени которого Шарбен не знала. — Каковы ваши планы? Мы должны оказаться в безопасности. Я требую, чтобы вы немедленно доставили нас на базу!

Заметив на лацкане пиджака говорившего значок картеля Верген, арбитр сдержала гнев. Сделав глубокий вдох, чтобы унять вспышку ярости, Женна ответила:

— Мой старший офицер на другом транспорте уже рядом, так что скоро мы уберёмся отсюда.

— Я уверена, что мы в полной безопасности, Леотас, — начала было губернатор Никола Шонаи, но тут правый борт броневика резко пошёл вверх. Ещё немного, и лятежникам наконец удастся его перевернуть.

--- Держитесь! --- только и успела крикнуть Шарбен, хватаясь руками за стойку и цепляясь ногами за скатую экипажа. --- Мы переворачиваемся!

В тот же миг автомобиль со страшным грохотом завалился на бок. Дженна схватила губернатора Шонаи за мантию, когда та, размахивая руками, уже начала падать, и вовремя: если бы Шона, губернатору вряд ли удалось бы удержаться на ногах. Арбитр услышала донёсшиеся снаружи крики толпы, и на корпус автомобиля посыпался град ударов. Внутрь, конечно, лязтежникам не попасть, но шум стоял просто оглушительный. Человек, которого губернатор называла Леотасом, лежал без движения, из глубокой рваной раны на его затылке лилась кровь. Да и остальные пассажиры погбитого «Рино» тоже были не в самом лучшем состоянии.

Дженна отпустила стойку и, вытащив из шкафчика аптечку, присела на корточки рядом с неподвижным Леотасом. Однако с ним всё было уже кончено: у Леотаса была сломана шея и

разбит череп. Женна увидела, как сквозные пропитанные кровью волосы Леомаса проблескивала белым костью.

--- Он... поправится? --- спросила губернатор Шонау грожащим голосом.

--- Нет! --- резко ответила Женна. --- Он мёртв.

Шонау в ужасе широко раскрыла глаза и инстинктивно прикрыла руками рот --- губернатор была потрясена.

Женна, услышав снаружи рокот мощного двигателя и треск ружейного огня, отбросила бесполезную аптечку. Мощный удар сотряс обездвиженный «Рино», и армированные башмаки застучали по его борту, который теперь превратился в крышу броневика.

Ожил вокс в ухе арбитра, и Женна услышала суровый голос Вирджила Ортеги:

--- Шарбен! Открывай дверь, мы находимся рядом с вами.

Женна забралась на скамью и повернула запорное колесо, отодвигая дверные задвижки. Дверь распахнулась, и внутрь броневика проник слабый солнечный

свет.

Ортега швырнул свою булаву в сторону и крикнул:

--- Давай мне губернатора!

Дженна ухватилась за лантию Шона и поставила женщину на ноги. Губернатор ойкнула от столь бесцеремонных действий арбитра, но всё-таки позволила подтолкнуться себе к выходу. Ортега ухватился за протянутые руки Шона и извлёк её на поверхность. Тут же передал её на попечение другому арбитру, ожидавшему губернатора у двери экипажа своего «Рино», и вернулся к броневику Шарбен. Залп из болтеров его транспорта разогнал толпу, собравшуюся у поверженного «Рино», но и Ортега, и остальные арбитры прекрасно понимали, что это было лишь временной передышкой.

--- Поторпливайся! --- рявкнул он на Шарбен. --- Давай мне остальных. Ну же, твою мать!

Одного за другим Дженна подняла наверх всех пассажиров, и Ортега переправил их в свой броневик. Всё это время болтерные залпы поверх толпы

удерживали мятежников на расстоянии. Когда последний человек из картеля губернатора покинул перевёрнутый «Рино», Дженна Шарбен выбралась из обездвиженной машины и увидела, как «Рино» с губернатором уже въезжает в ворота Имперского дворца.

--- Пора отправляться и нам, Шарбен, --- заметил Ортега. Толпа между тем уже вплотную подобралась к арбитрам. Мятежники, понимая, что их лишили законной добычи, буквально выла от разочарования.

--- Да, сэр, --- согласилась Шарбен, --- прыгнула на землю и что было сил припустила по направлению к базе Агентус Арбитрес, благо расстояние до неё было не столь велико. Мощные водомёты, расположенные в бронированных башнях, обрушили потоки воды на их преследователей. Мощные струи сбивали мятежников с ног, лотая им конечности. В спину судьям летели вопли и проклятия, но оба арбитра уже вбежали, задыхаясь, на свою территорию и оказались вне опасности.

Уцелевшие «Рино» Ортеги встали в центре двора, вокруг них выстроились изрядно помятые арбитры.

Дженна Шарбен сняла зубчатый шлем и провела рукой в перчатке по коротким черным волосам и залитому потом лицу, а Ортега зашагал к угрюмому арбитрам. Дженна последовала за ним лишь после того, когда тот стянул свой шлем и подошёл к Колликсу.

Вирджил Ортега сейчас стахивал на пожарный гидрант: хоть он был невысоким и коренастым, но вся его фигура излучала силу и власть. Пот сверкал на его лысой голове и капал с аккуратно подстриженной бородки.

— Сержант! Что за дьявольщина там случилась? Разве я давал тебе приказ открывать огонь?

— Нет, сэр, — спокойно ответил Колликс. — Но в создавшихся обстоятельствах я почувствовал, что такой приказ был бы отдан, если бы вы лично присутствовали на линии фронта.

— В таком случае я вижу, что ты очень плохо понимаешь своего старшего

офицера.

--- Возможно, --- невозмутимо
ответил Колликс.

--- Сейчас речь не о возможностях,
Колликс. Наша задача --- проводить в
жизнь законы Императора, а не
устраивать бойню для его подданных.
Хоть это тебе понятно?

--- Толпа совершала действия,
противоречащие этим законам, сэр, --- все
так же спокойно ответил Колликс, упирая
на местоимение «это».

--- Не строй из себя младенца,
сержант. С этого дня я буду лично за
тобой присматривать. --- Ортега стерил
Колликса долгим тяжёлым взглядом и
только после этого повернулся и
проследовал к зданию. Не оборачиваясь, он
крикнул: --- Хорошо поработала там, судья
Шарбен!

Улыбаясь в ответ на эту похвалу,
которую так редко можно было услышать
из уст начальника, Дженна молча
смотрела, как Ортега скрылся в доме.

Она присела на трек одного из «Рино»
и откинула назад голову, стараясь

отблечься от мрачных событий
сегоднешнего утра. Ей понравилось, как она
вела себя сегоднешня. Она понимала, что
спражалась и поступала, как ветеран
Agentus Арбитрес, а не как
свежеиспечённый младший офицер,
каковом она и была на самом деле. Дженна
прокрутила в голове все свои действия и не
нашла в них ни одной ошибки.

Да, она справилась отлично.

--- Вам следовало бы показать рану
сворцовому хирургу, мадам, --- заметил
Алмерз Чанга, при этом
многозначительно нажав на
распухший лиловый кровоподтёк на
своём выбритом черепе.

Чангу тоже несколько минут назад
вытащили из «Рино», но он отделался
лишь ударом по голове. Да и рана
губернатора тоже оказалась неглубокой, и
санитар Agentus Арбитрес закрыл её
синтеплотью. Впрочем, не рана печалила
губернатора: сегоднешня её племянник принял
предназначенную ей пύлю и близкий друг
погиб в хаосе бунта.

--- Губернатор? --- снова позвал её

Чанга, так и не дождавшись ответа Шонаи.

--- Со мной все в порядке, --- наконец отозвалась она голосом более резким, чем натеревалась. Шонаи отвернулась от бронированного оконного стекла и слабо улыбнулась своему главному советнику. --- Извини, Алмерз. Я просто...

--- Не нужно извиняться, мадам, это был кошмарный день.

--- Да, --- согласилась Шонаи. --- Бедные Думак и Леотас, не могу простить себе их смерть.

Чанга кивнул:

--- Мы все остро ощущаем их утрату, мадам.

--- На месте Думака должна была быть я, эта пұля предназначалась мне, --- задумчиво проговорила губернатор. --- Думакү было всего двадцать. Через год, когда он достиг бы совершеннолетия, я собиралась провозгласить его своим преемником.

--- Он отдал свою жизнь, чтобы спасти вашу, --- заметил Чанга. --- Он до конца выполнил свой долг, как преданный

представитель картеля Шонаи. Его будут
почтить как героя.

— А Леотаса, каким будут почтить
его?

— Дорогим грузом, которого
Император забрал от нас по своей воле.

Губернатор Никола Шонаи
благодарно улыбнулась главному советнику
и произнесла:

— Ты верный груз, Алмерз, но сейчас,
прости, мне хотелось бы немного побыть
одной.

— Как вам будет угодно, мадам, —
кивнул Чанда, закрывая за собой дверь и
оставляя губернатора Павониса наедине с
её невесёлыми мыслями.

Никола Шонаи вновь повернулась к
окну и в этот миг почувствовала, как
железное самооблагание оставляет её. Её
груз и союзник Леотас Верген мёртв.
Ушёл. Такие дела. Ещё сегодня утром он
возбуждённо рассказывал всем о
предстоящем браке своей дочери с сыном
Талүна, рассуждал о начале нового века
сотрудничества между картелями, но
теперь он мёртв, и картель Верген

остался без лидера. Как ни ненавистна была для Шонаи эта мысль, губернатор понимала, что мечта Леотаса о сотрудничестве скорее всего утрётся вместе с ним.

Несомненно, Талун будет доволен и всеми силами постарается, несмотря ни на что, даже на смерть Бергена, добиться заключения этого брака. Оно и понятно: так его сын фактически станет главой картеля Бергена. Разумеется, картель Бергена предпримет теперь всё возможное, чтобы воспрепятствовать этому союзу, но дочь Бергена славится своим упрямством, и только одному Императору известно, к чему может привести безвременная смерть Леотаса. Шонаи было жаль, что отношения молодых людей стали теперь политическим оружием, но такова жизнь на Павонисе...

И она продолжается — Шонаи отбросила мысли о любви, которая после гибели Леотаса тоже была обречена на смерть, и выглянула в окно на площадь Освобождения.

О Император, что творилось там! Пошёл дождь, стывая лужи крови и прочие следы сражения в сточные трубы, но Шонаи понимала, что никакой дождь не сможет так запросто смыть её тревоги. Бұлыжник площади был усеян телами, группы рыдающих людей толпились вокруг павших друзей и любимых. Как же вышло так, что день, начавшийся со столь благородных помыслов, вдруг обернулся кошмаром?

Ещё несколько лет назад Навонис был мирной планетой; борьба, которая велась по всей галактике, эту планету почти не затрагивала. Десятина выплачивалась вовремя, и время от времени, как и предписывал закон, молодые мужчины Навониса отправлялись на сборы в армию Императора. Во всех отношениях Навонис был образцом Имперского мира. Люди усердно работали, и их чтили за труд. Бұнты происходили в других мирах.

Но как же всё изменилось!

Сегодня стол губернатора был завален измятыми документами, и в них говорилось о волнениях по всей планете. В

Алтемаксе рабочие взяли приступом
Управление Имперских расходов и сожгли
здание; бунтовщики в Пракседесе не
позволили команде инопланетного
торгового корабля занять места на судне и
разграбили груз... Ходатайство о
компенсации шло следом.

А ещё Церковь Старых Принципов
опять применила зажигательные бомбы ---
убито тридцать человек и практически
полностью уничтожены производственные
площади двух предприятий картеля
Верген. Член картеля Аброгас ранен в
одном из гетто Жомусбурга, ему повезло,
и он выжил, хотя что он там вообще
делал, так и осталось неясным. Возле
Каэрнуса IV пираты-эльдары, изводившие
Навонис в последние шесть лет, из засады
напали на очередной корабль снабжения.
Корабль как раз перевозил материалы и
товары, которые должны были несколько
уменьшить огромный долг Навониса перед
Империей в виде запаздывавшей десятины.

Губернатор чувствовала, как
невыносимо давит на неё тяжесть каждого
привала, и размышляла, в чёт же её

ошибка и что ещё она может сделать. Она
из всех сил старалась обеспечить уплату
десятины, которую требовал
Администратор, но выжать из Павониса
ещё хоть что-нибудь уже не могла.

Все производства были напряжены до
предела, и лишь немногие из товаров, что
они изготавливали, соответствовали
требованиям. Её «десятинный налог» был
попыткой компенсировать дефицит го-
той поры, пока не разрешится кризис, но
налог вызвал бунты почти во всех крупных
городах планеты. Шонаи пыталась
объяснить создавшееся положение своему
народу, убедить людей, что они
испытывают лишения во имя блага
Павониса, но как бы она ни крутилась, что
бы ни предпринимала — все это, казалось,
шло только во вред и ситуация с каждым
днём лишь ухудшалась.

И здесь, в её собственной столице, в
неё стреляли! Шонаи все ещё не могла в
это поверить. Когда над площадью в
звонящей от напряжения тишине
прозвучал первый выстрел, Думак
бросился к ней и попытался увлечь её в

безопасное место. Вспоминая это, губернатор зажалурилась, пытаясь прогнать от себя жуткую картину, но та вновь и вновь вставала перед её глазами: взрывающееся лицо Дутака. Он упал и увлѣк её за собой, и кровь и мозг Дутака текли на Шонау, пока тот содрогался в предсмертных конвульсиях.

Никола Шонау вымыла волосы и отправила свой официальный костюм в стирку, чтобы хотя бы следы крови на нём не напоминали ей о смерти юноши. Переодевшись в свежий синий костюм, она всё равно, казалось, по-прежнему ощущала кожей горячую липкую кровь племянника. Увсрүг Шонау вспомнила свою младшую сестру, вспомнила, как та гордилась, услышав тайное признание Николы, что однажды Дутак примет у неё руководство картелем Шонау. Теперь Шонау показалось, что всё это происходило в какой-то другой жизни.

Губернатор смотрела, как сквозь толпу движутся священники и местные аптекарии, оказывая помощь раненым или от имени Императора отпуская грехи

мёртвым. Она прочла молитву за души усопших и сделала глубокий вдох. Она планетный губернатор Империи, и должна проявлять самообладание. Но это так трудно: все так и валится из рук, как бы она ни старалась.

Опустившись в обитое зелёной кожей кресло и придвинув его к столу, губернатор просмотрела десятки новых сообщений о насилиях и беспорядках на планете. Собранных в стопку, оказавшуюся весьма внушительной, Шонаи передвинула их на край стола. Она займётся ими позже. Сейчас у неё было дело куда более насущное: собственное политическое выживание. Шонаи пригласила влажные седые волосы и насухо вытерла уголки бледно-зелёных глаз. Её лицо выглядело печальным, обеспокоенным и уставшим, и морщины проступили на нём особенно резко. Никола Шонаи всем телом ощущала, как тяжело давит на неё каждый год из шестидесяти двух прожитых. То, что она понесла сегодня утрату, не имело значения. Она губернатор Имперского мира, и её обязанности не могут ждать.

Потянув за глинную бархатную верёвку, свисавшую с потолка рядом со столом, она устоялась на бюст своего прапрадеда, Форлануса Шонау, стоявший возле камина. Форланус основал картель Шонау, начав с одного-единственного предприятия и превратив его в итоге в один из самых могущественных промышленных картелей на Павонисе. «Как бы старый Форланус справился со всем этим?» — подумала она.

От бесплодных размышлений её оторвал почтительный стук в дверь. Вошли четверо мужчин в чёрных костюмах, у каждого из них в петлице был значок картеля Шонау. Во главе группы был Алтерз Чанга, который, войдя, поклонился губернатору. На лицах вошедших было сутрачное, удручённое выражение, впрочем, это было не удивительно.

— Что ж, господа, — начала Шонау, прежде чем вошедшие успеют высказать дежурные банальности по поводу постигшей её утраты. — И насколько же все теперь плохо?

От столь прямого вопроса мужчинам стало неуютно, никто из них не горел желанием первым попасть под горячую руку губернатора.

--- Когда я задаю прямой вопрос, я ожидаю прямого ответа, --- отчеканила губернатор.

--- Этот бунт, мадам, определённо был ещё не самым страшным из того, что могло бы случиться, --- произнёс самый молодой из её советников.

Его звали Мортен Бауэр, и его худощавое лицо было серьёзно и полно юношеского задора одновременно.

Шонаи вдруг ощутила прилив нежного, почти материнского, чувства по отношению к этому молодому человеку и подумала: а сам-то он понимает, что присоединился к картелю на грани краха?

--- Сообщите мне цифры, Мортен. Сколько погибших?

Бауэр зашелестел бумагами:

--- Слишком рано для окончательных цифр, мадам, но похоже, свыше трёхсот убитых и, возможно, вдвое больше раненых. Я только что получил данные от

арбитров, и, кажется, убиты ещё и двое из них.

— Это не так плохо, как в Алтемаксе, — уточнил мужчина постарше, находившийся сейчас в явно не лучшей физической форме. — Там арбитры потеряли целое подразделение, пытаясь сдержать бунтовщиков.

Говоривший носил имя Миклаш Чаковон, в его обязанности входили связи губернатора с общественностью. Мысль обратиться к Объединению Рабочих как раз и принадлежала ему, а потому он отчаянно пытался преподнести сегодняшние события под благоприятным углом зрения. Однако не успели эти слова слететь с его полных губ, как Миклаш понял, что на его месте сейчас лучше было бы промолчать.

— Миклаш, да ты просто дурак, если всерьёз думаешь, что мы сможем вылезти из этого благоухающими, как майские розы, свалив всю вину на офицеров сил правопорядка из другого города, — резко оборвал его речь Алмерз Чанда. — Мы и без тебя не делаем упора на негатив.

--- Я лишь пытался подчеркнуть позитивную сторону событий, ---
запротестовал Ёаковон.

--- В этих событиях нет позитива, Миклаш. Привыкай к этому, --- заметил Чанга.

Губернатор Шонаи сплела пальцы рук и откинулась в кресле. У неё было ощущение, что в словах Ёаковона всё-таки было рациональное зерно, но ей не хотелось при всех противоречить своему главному советнику. Она обратилась к четвёртому штатному советнику, Лиланду Кортео:

--- Лиланд, как сильно сегодняшние события ударят по нам в сенате? Только искренне.

Политический аналитик губернатора испустил глубокий вздох и принялся тереть свою глиняную седую бороду. Потом он извлёк из нагрудного кармана расшитого золотом жилета трубку и вопросительно поднял кустистые брови. Шонаи кивнула, и Кортео, прежде чем ответить, зажёг трубку оловянной зажигалкой.

--- Ну, губернатор, как я это

понимаю... -- начал он, с нескрываемым наслаждением затаившись из своей трубки, -- если события и дальше будут развиваться в том же ключе, то рано или поздно другие картели потребуют вотума недоверия.

-- Они не постыются! -- заявил Мортен Бауэр. -- Кто, по-вашему, внесёт такое предложение?

-- Не глупи, милый мальчик. Рассуди сам: Талун, де Валмос, Хонан. Любой из них имеет достаточно мощное лобби, чтобы пережить негативную реакцию, даже если предложение и провалится.

-- При нынешнем раскладе мы едва держимся, -- согласился Миклаш Ёаковон.

-- Наше большинство поддерживается только обещаниями сотрудничества и торговыми соглашениями, заключёнными с меньшими картелями. Но следует признать, что крупные шишки без усталости обрабатывают их, чтобы те изменили свою позицию.

-- Безвольные трусы! -- фыркнул Бауэр.

-- Скорее, люди, утешающие

использовать удобные обстоятельства, --
произнёс Кортео. -- Кто обвинит их, в
конце концов? Мы, если вы забыли, сделали
то же самое десять лет назад, когда
объединились с Бергеном и сместили
Талүна.

-- Это было совершенно другое дело, --
произнёс, защищаясь, Баүэр.

-- Да нет, мальчик, как раз
абсолютно то же самое. Это политика
здесь могут меняться имена, но игра
остаётся той же.

-- Игра? -- пролепетал Баүэр.

-- Джентльмены! -- вмешался Чанга,
прежде чем ухмыляющийся Кортео успел
ответить. -- Все эти мелочные споры ни
к чему нас не приведут. Губернатору
нужны не наши грязьги, а наши советы.

Пристыженные советники разом
погрузились в ступённое молчание.

Губернатор Шонаи наклонилась
вперёд, оперев локти в стол и выставив
вперёд пальцы:

-- Что же мы можем сделать? Я
больше не в состоянии покупать поддержку
меньших картелей -- большинство из них

уже в картане де Вальтоса или Талүна, а Хонан просто не станет ввязываться. Наши сейфы почти опустели, так что теперь мы можем лишь удерживать волков на расстоянии, да и то недолго.

Кортео выпустил из трубки голубое облачко дыма и сказал:

--- Тогда, боюсь, я вынужден признать, что наше время в должности может преждевременно закончиться.

--- Я не собираюсь так просто принять это, Лиланг, --- парировала Шонаи.

--- При всём моём уважении к вам, мадам, вы можете это принять, можете не принимать, но это факт, --- отрезал Кортео. --- Вы платите мне, чтобы я говорил правду. То же самое я сделал для вашего отца, и если вы хотите, чтобы я приукрашивал факты, как толстый Миклаш, я могу это делать, но не думаю, что вы для этого держали меня рядом все эти годы.

Шонаи улыбнулась, знаком призвав возмущённого Ёаковона к молчанию, и сказала:

--- Ты, конечно, прав, Лиланг, но я

никогда не согласишься, что мы ничего не
можем сделать.

Губернатор с силой отпихнула кресло
от себя и поднялась на ноги. Ей лучше
думалось при ходьбе, вот и теперь Шона
принялась медленно обходить комнату по
кругу. Вдруг она остановилась у бюста
старого Форлануса, нежно похлопала его
грудную голову и повернулась к
советникам:

— Очень хорошо, Лиланг. Если
принять, что вотум недоверия неизбежен,
сколько времени у нас есть, пока такое
предложение будет вынесено на
обсуждение? И есть ли способ хоть как-то
отсрочить это?

Кортео всерьёз задумался, прежде чем
ответить.

— Не имеет значения, удастся ли нам
отсрочить такое предложение, — изрёк он
в итоге. — Все равно нам не удастся его
предотвратить. Нам остаётся одно:
встретить его с честью на наших
условиях.

— Да, но сколько времени у нас
остаётся в запасе? — продолжала

настаивать Шонаи.

--- В лучшем случае месяц, но, возможно, и меньше, --- оценил ситуацию Кормео. --- Как бы то ни было, вопрос остаётся открытым: что мы можем сделать, чтобы обеспечить своё выживание, когда это произойдёт?

--- Ваши предложения, сэр, --- обратился Алтерз Чанга ко всем присутствующим.

--- Нам нужно, чтобы все видели, что мы, несмотря ни на что, восстанавливаем порядок, --- предложил Мортен Бауэр.

--- Да, --- с энтузиазмом подхватил Иаковон, получив наконец возможность снова вступить в разговор. --- Мы должны показать, что делаем всё возможное, чтобы отловить эту террористскую шайку, эту Церковь Старых Принципов. Я слышал, что они разбомбили ещё один кузнечный склад в Пракседесе и убили дюжину рабочих. Кошмарное дело!

--- Кроме того, мы можем пообещать прекратить пиратскую деятельность эльдарских налётчиков, --- добавил Бауэр.

Лиланд Кормео задумчиво кивнул:

— Да, да, отлично, мой мальчик. Это в принципе позволит нам в будущем расколоть оппозицию. Мы можем попробовать заручиться поддержкой де Валтоса по этому вопросу. У него больше причин ненавидеть мерзавцев эльдаров, чем у кого бы то ни было.

Шонаи расхаживала по комнате, мысли в её голове стменяли одна другую. Казимир де Валтос, вероятно, поддержит любое действие, которое будет направлено против чужаков, захвативших и пытавших его много лет назад, но можно ли доверять самому Валтосу? Его организация была серьёзным претендентом на позицию главного картеля, и Шонаи знала, что де Валтос тогда не брезговал использовать даже всенародное уважение к своим старым боевым ранам, чтобы получить поддержку среди рабочих.

Шонаи продолжала следовать логике Бауэра. Талун, несомненно, будет рассматривать любые предложения, сделанные де Валтосу, как попытку расколоть её политических оппонентов.

Он, вероятно, попытается перетянуть де
Валтоса на свою сторону теми же
обещаниями, предложив свои корабли,
чтобы отловить эльдаров. Если бы
корабли Талүна преуспели в уничтожении
пиратов-эльдаров, что ж, и это было бы
неплохо. Ликвидация эльдаров позволила
бы грузам, отправляемым в счёт уплаты
десятины, беспрепятственно добираться до
Администратүма, а Шонаи получила бы
возможность уменьшить давление на свой
народ и, таким образом, пережить
грядущие месяцы.

Сделав круг по комнате, Шонаи
вернулась к столу и вновь опустилась в
кресло. Повернувшись к Чанге, она сказала:

— Встреча с де Валтосом могла бы
оказаться весьма кстати. Я уверена, что
он будет доволен, узнав о нашей
решилотости уничтожить пиратов-
эльдаров. Они у Валтоса давно в печёнках
сидят.

Алтерз Чанга поклонился и ответил:

— Я немедленно отправлю эмиссара.

С этими словами Чанга вышел из
комнаты, а губернатор вновь обратилась к

своим советникам:

--- Нельзя допустить, друзья мои, чтобы нынешняя ситуация потопила нас. Прискорбные события сегодняшнего дня доказали, что нужно быть более осторожными в своих действиях и более трезво оценивать ситуацию, --- сказала Микола Шонаи, со значением глядя на Миклаша Ёаковона. --- Сегодня мы потеряли лицо, но не настолько, чтобы не исправить нанесённый ущерб. А если понадобится, мы всегда сможем переложить вину на чересчур рьяных устирителей толпы.

--- Я немедленно займусь этим, мадам, --- пообещал Ёаковон, страстно жаждущий вернуть расположение губернатора.

--- Вот и отлично, Миклаш. Пусть сегодняшний урок пойдёт вам впрок.

Лиланг Кортео кашлянул и задумчиво покачал головой, доставая свежий табак из кисета на поясе.

--- Ты не согласен, Лиланг? --- обратилась к нему Шонаи.

--- Честно говоря, нет, мадам. Не имея

ни малейшего желания объединяться с
таким закостенелым бюрократом, боюсь,
что соглашусь с мистером Чанга в
отношении критики наших
правоохранительных органов, -- произнёс
Луланг Кортео, набивая трубку свежим
табаком. -- Я считаю, что перекладывать
вину на *Agentus Arbitres* было бы
ошибкой. Они отнесутся к такому
заявлению всерьёз.

Дальнейшую дискуссию, которая
могла бы продолжаться ещё не один час,
прервало возвращение Алтерза Чанды. Он
проследовал прямо к столу губернатора,
сжатая в руке инфоблок. Чанга передал его
Микеле Шонау, и от глаз губернатора не
укрылось, что лицо советника было
бледным и несколько перекошенным.

-- Это только что получено из Зала
Голосов, -- прошептал Чанга.

-- Что это? -- спросила Шонау,
уловив обеспокоенность в голосе советника.

Залом Голосов называлось особое
помещение, где дворцовые астронавы
отправляли и получали сообщения из
других миров. В Империи галактических

масштабов теленатия была
единственным пригодным средством связи,
и обычно такие сообщения были сатыл
что ни на есть рутинным делом.

Но сейчас по виду своего старшего
советника губернатор поняла, что
нынешнее сообщение было отнюдь не
рутинным.

--- Я не знаю, оно зашифровано
сервиторати и для вскрытия требуется
ваш личный генный код. На инфоблоке
печать Администратума.

Шонаи взяла инфоблок и осторожно
подержала большой палец над прорезью
идентификации. Что бы послание ни
содержало, ничего хорошего в нём быть не
могло. Шонаи была достаточно
сообразительна, чтобы понимать: когда
Администратум проявляет интерес к
такому проблемному миру, как её
планета, это означает жизненные
неурядицы для ответственных лиц. А на
Павонисе это означает --- для неё.

Губернатор просунула палец внутрь,
привычно вздрогнув, когда в него вонзилась
игла для забора крови. На боковой

поверхности инфоблока затерцали разноцветные огоньки — это дух машины сверял её генетический код с тем, что хранился в его памяти.

Через несколько секунд инфоблок щёлкнул и, вибрируя, зажёжжал, начав распечатывать на тонком листе пергамента хранившуюся внутри информацию. Шона оторвала лист с сообщением и положила устройство на свой стол.

Губернатор надела очки в изящной оправе и прочитала послание. Но через того как глаза губернатора пробежали по строчкам, её лицо мрачнело всё сильнее, а грудь сдавливало все туже. Шона дочитала сообщение до конца, чувствуя физическую тяжесть и испытывая неприятные ощущения в области желудка. Дочитав, губернатор протянула сообщение старшему советнику, который в считанные секунды пробежал его глазами и осторожно положил на стол перед губернатором.

— Возможно, мадам, это не так страшно, как может показаться на первый

взгляды, — с робкой надеждой в голосе произнёс Чанга.

— Ты же сам все видишь, Алмерз.

Кортео наклонился вперёд, не выпуская трубку изо рта.

— Могу я поинтересоваться содержанием этого послания? — спросил он.

Никола Шонаи кивнула:

— Разумеется, Лиланг. Кажется, в самом ближайшем будущем нам предстоит встреча с посланником — экспертом Администратума, который будет рассматривать наш провал по части уплаты десятины и поддержания тира. Так что мы можем не беспокоиться, что наши картели вот-вот возбудят вопрос об илпичлене. Администратум сделает это за них.

Но взволнованным лицам советников губернатор поняла, что все присутствующие прекрасно осознают значимость неминувшего прибытия этого эксперта.

— Должно быть, этот негодяй Баллион не преминул отослать весточку в Империю! — прошипел Ёаковон.

--- Без Талүна здесь не обошлось, это уж точно, --- добавил Лиланг Кортео.

Губернатор Шонаи вздохнула. Хотя она и просила у представителя Администратума на Павонисе ещё хоть немного времени, но, глядя правде в глаза, Шонаи не могла обвинять этого человека, даже если Талүн оказал на него нажим.

--- А может ли этот эксперт отстранить вас от должности без соответствующей процедуры? --- спросил Мортен Бауэр.

--- Он прибывает с наивысшими полномочиями, --- ответил Чанга. --- Это серьезно.

Губернатор Шонаи вновь взяла лист пергамента и перечитала последние несколько строк.

--- Но что ещё серьезнее, Алмерз, он прибывает с Ангелами Смерти. Он прибывает с Костическими Десантниками.

Ударный крейсер Ультратаринов «Горе побеждённому» быстро скользил сквозь тьму космоса, тусклый звёздный свет отражался от его корпуса, густо покрытого шрамами сражений. Это был стройный гигант с готическими очертаниями и выступающими варп-стабилизаторами. Антенна на сводчатой куполовидной башенке командной палубы поднималась из её центра и шла к мощным плазменным двигателям в хвостовой части корабля.

По обеим сторонам заострённого носа и артиллерийских орудий находились аттракционные входы в запусковые отсеки, откуда могли отправляться боевые шаттлы — «Грозовые Ястребы» — и управляемые торпеды. По всей своей длине крейсер оцепинился украшенными горгульями артиллерийскими батареями и пусковыми отсеками обычных торпед.

Крейсер «Горе побеждённому» был стар. Построенный на верфях Калта

почти три тысячи лет назад, он продемонстрировал характерные изыски дизайна, присущие кораблестроителям Калта, — изысканные готические арки, окружающие его пусковые отсеки, и летящие контрфорсы кожухов двигателей были верхом изящества.

За свою долгую жизнь ударный крейсер несколько раз пересекал галактику и принимал участие в бесчётных сражениях с врагами — как с людьми, так и с чуждыми расами. Он воевал и с тиранидами в битве за Макрэйдж, именно «Горе побеждённому» уничтожил командное судно изменника Генаса Малкорга, он нанёс смертельный удар по кораблю орков «Ловец зла», а совсем недавно разрушил орбитальные защитные сооружения Тресии в Анполионовском Крестовом Походе.

Корпус корабля гордо нёс на себе шрамы, которые оставляла на его обшивке каждая схватка. Техножрецы Ультратаринов с благоговением ремонтировали повреждения, воплощавшие собой славу побед великого духа, что

обитал в бьющемся механическом сердце
костического корабля.

Командный мостик крейсера представлял собой обширное, обрамлённое свечами помещение со сводчатым потолком метров пятнадцать в высоту. Жужжащие блоки светящихся голографических дисплеев и старые рунические экраны тянулись рядами по обеим стенам от приподнятого центрального узла управления — бритоголового получеловека, киборга-сервитора, связанного замысловатой разводкой проводов со всеми управляющими системами корабля. Всю переднюю часть помещения занимал гигантских размеров фонарь наблюдения, сейчас в нём было лишь пустое пространство перед кораблём. Небольшие экраны по углам фонаря кроме объектов, попавших в поле зрения систем наблюдения корабля, отображали текущий курс и скорость судна.

С другой стороны широкий командный узел был разделён на две равные части поперечным пролётом с пультами

управления артиллерией и пультами наблюдения, установленными с обеих сторон пролёта. Космические Десантники — палубные офицеры, одетые поверх доспехов в простые мантии из холста, внимательно наблюдали за каждым из пультов.

Рециркулированный воздух был насыщен ароматом воскуряемого фимиана из кадил, которыми размахивали священники в капюшонах; из ризницы и купола навигатора, располагавшихся позади капитанского пульта управления, доносилось едва слышное пение.

Взгляд командира крейсера был прикован к пулту управления. Рядом с хронодисплеем, показывающим расчётный курс и реальное движение корабля, были представлены оперативные данные по месторасположению крейсера и данные о планете Павонис.

Лорд адмирал Ласло Тибериус из-под тяжёлых век окинул взором капитанский мостик — все ли на месте? — и остался удовлетворённым: всё идёт, как надо.

Тибериус был огромным телнокожим

Костюгесантником почти четырёхсот лет от роду и сражался в костюге почти всю свою сознательную жизнь. Его лицо было усеяно глубокими шрамами, полученными после столкновения с биокораблем тираниггов, который врезался в командную палубу крейсера «Горепобеждённого» в самом начале битвы за Сэрс. Адмирал был лыс, и даже кожа на его гладком черепе выглядела изрядно потёртой. Рельефная нагрудная пластина его синих доспехов была украшена целой россыпью бронзовых знаков отличия, а в центре её располагалось золотое солнце с лучами — орден Героя Макрэйджа.

Лорд адмирал Тибериус стоял, сцепив руки за спиной, и критическим взглядом изучал оперативные данные о продвижении крейсера, подсчитывая, сколько понадобится времени, чтобы выйти на орбиту Павониса. Глянув в угол одного из экранов, он с удовлетворением отметил, что его прикидочная оценка почти в точности совпала с предварительными расчётами машины. Почти.

Однако адмирал чувствовал, что его

человеческая оценка всё-таки была ближе к истине, нежели скрупулёзные математические расчёты бездушной машины.

Перед адмиралом за индивидуальными сенсорными экранами работали члены экипажа корабля, исследуя пространство перед крейсером с помощью всевозможных устройств. Тибериус знал, что капитана костического корабля делает настоящим капитаном его команда, как короля делает свита. Вся его знаменитая по всей галактике тактическая проницательность не стоила бы ни гроша, если б адмиралу предоставили неточную информацию или его приказы не исполнялись бы пожеланиями быстро и без вопросов.

Но Тибериус знал, что по его началом один из лучших экипажей флота Ультратара. Многократно испытанный в пылу сражений, этот экипаж в любой ситуации действовал согласно приказам адмирала. Крейсер «Горе побеждённому» прошёл через отчаянные битвы, и его экипаж всегда держался с честью.

Отчасти это было благодаря Тибериусу, который требовал, чтобы каждый из экипажа корабля, от младшего матроса до члена командного состава, в любой ситуации соответствовал самым высоким стандартам. Но, с другой стороны, верность и преданность слуг Ультратаринов, которые составляли большую часть судовой команды, адмирала была безграничной.

Они вновь входили в опасную зону, и Тибериус чувствовал в душе знакомое ликование: скоро пламенный меч возмездия Императора обрушится на его врагов. Много лет минуло с тех пор, когда крейсер «Горе побеждённым» в последний раз сражался с эльдарами, и, хотя адмирал ненавидел их со всей страстью фанатика, он вынужден был признать, что в глубине души питает уважение к их военному мастерству и партизанской тактике.

Тибериус знал, что блуждающие по космосу эльдары редко вступают в сражения корабль на корабль, на равных, разве что при исключительно благоприятных для себя обстоятельствах.

Дело в том, что их суда до смешного
уязвимы и не обладают практически
непробиваемой защитой вакуумных щитов,
которую имеют корабли Ультратаринов.
Эльдары полагаются в первую очередь на
скрытность и быстроту сближения с
целью и уж только после того — на свою
нечестивую магию, которая и разрушает
наводящие устройства оружия
противника. Тибериус хорошо знал, что в
большинстве случаев атака эльдаров
начиналась с удара по носовым соплам,
выводившим из строя маневровые
двигатели малой тяги. После этого
вопрос, у кого пушки больше, становился
чисто теоретическим: корабль эльдаров
кружился вокруг своего неповоротливого
противника, постепенно разнося того на
части.

Однажды Тибериус поклялся, что его
корабль ни за что не постигнет столь
печальная участь, и клятву свою держал.
По крайней мере до сегодняшнего дня.

...Тем временем во трак космоса в
шести часах пути от крейсера «Горе

побеждённом» злобеще элегантно
смертоносный корабль бесшумно
выскользнул из тени базы на астероиде.
Корабль и вправду был дьявольски красив:
его сегментный нос сходил на конус до
остроты иглы и был зазубрен; солнечные
паруса, походившие на кривые сабли, были
грациозно распущены; а искусно
сработанные кортовые двигатели
обеспечивали кораблю стремительное
ускорение. Между кортой и носом судна
располагался изящный куполообразный
командный отсек, откуда и управлял этим
несущим смерть судном его капитан.

Капитан этого столь изящного
корабля, носящего имя «Всадник бури», с
нескрываемым интересом наблюдал за
отражённым сигналом на дисплее перед
собой. Наконец-то противник, достойный
его мастерства! Корабль Агентус
Астартес! Архонт Кешарк из Кабала
Расколотого Клинка истомился,
устанавливая засады на неуклюжих торговцев,
обманивая корабли системы обороны и
устанавливая налёты на первобытные
поселения. Кешарку было плевать на

богатую добычу, которую приносили ему эти налёты, и даже пытки, коим он так любил подвергать несчастных пленников с захваченных судов, ему наскучили.

Эти детские забавы совершенно не соответствовали его возможностям и талантам.

Тонкие струйки крови засочились из уголков его рта, и Кешарк откинул голову назад, туго натянув безжизненную кожу на череп и застегнув её неровные края крючками за швы на тыльной части шеи. Мечтая о великих битвах и великих победах, Кешарк уже начал было опасаться, что его договор с кайерзаком был ошибкой.

Но теперь перед его алчным взором замаячила, несомненно, достойная добыча.

Молитва Костических Десантников тихим эхом отдавалась в часовне Четвёртой роты, что находилась третья палубами ниже командирского мостика крейсера «Горе побеждённому». Часовня была просторным помещением с высоким потолком, так что она легко вмещала собравшихся боевых братьев. Отграенный

до блеска, выстланный каменными
плитами неф вёл к сияющему чёрному
алтарю и деревянному аналою в дальнем
конце часовни. В верхней части
помещения доминировали витражи
изумительных цветов, что многократно
усиливало величественность часовни.
Каждый витраж размещался в своей
листовидной арке, и установленные за
ними электрофакелы отбрасывали
призрачный свет на собравшихся воинов.
Каждый витраж изображал фрагмент
долгой истории Империи: Эра Раздора,
Эра Отступничества, Обожеествлённого
Императора и Императора-победителя.
Под витражами висели знаки боевого
отличия, заслуженные Ротой в дюжине
крестовых походов, и каждый из этих
знаков являлся свидетельством традиции
отваги и мужества, насчитывавшей
десять тысяч лет.

Рота стояла по стойке «вольно» в
мерцающем свете факелов, глаза воинов
были направлены вниз, на гладкий пол
часовни. Боевые братья, они читали
литанию благодарности Емү, размышляя о

своём священном долге перед Богом-
Императором.

В часовне воцарилась тёртвая тишина, когда окованная железом дверь в дальнем конце нефа распахнулась и внутрь вошли два человека. Костические десантники как один встали по стойке «смирно».

Капитан Четвёртой роты Уриэль Вентрис в развевающейся парадной мантии зашагал по широкому нефу. Капитана вёл бледный угрюмый воин в молочнo-белом плаще.

Капеллан Четвёртой роты Джагд Клозель носил чёрные доспехи с вычеканенными на них клыкастыми черепами; в тусклом свете электрофакелов мерцали бронзовые и золотые украшения на его панцире и ножных латах. Его шлем в виде грозно ухмыляющегося черепа был пристегнут к ремню рядом с объёмистым томом, переплетённым в выцветшую от времени зелёную шкуру орка.

Левой рукой капеллан размахивал дымящимся кадилот, отчего часовню

наполнял аромат благовонных трав и
священных масел, смешанный с пьянящими
хмельными запахами нагорий Макрэйджа.
В правой руке Клозель сжимал крозиус
арканум — своё оружие и символ
должности капеллана. Крозиус арканум
представлял собой жезл, вырезанный из
адамантиума и увенчанный сияющим
золотым орлом, распростёртые крылья
которого были острыми, как бритва.
Другой конец крозиуса венчал
ослабившийся череп, почти такой же, как
и на шлеме капеллана, разве что в
глазницах этого черепа сверкали кроваво-
красные драгоценные камни.

Джагг Клозель буквально излучал
силу. Он не просто заслуживал уважения,
он его требовал. Капеллан выглядел
огромным, он был даже крупнее, чем
Уриэль, а от его строгого, решительного
взгляда не укрывалось ничего. Левый серый
глаз Клозеля сурово вглядывался в лица
Ультратаринов в поисках признаков
слабости, и в то же время правый глаз
капеллана остатривал окружающее сквозь
бездушную механику грубо

имплантированной мерцающей красной
сферы.

Его череп являл бы собой гладко
выбритый идеальной формы купол, если бы
не мерцающий серебряный узел на
макушке. Полное, покрытое множеством
шрамов лицо Клозеля, на котором он
состроил нечто, лишь отдалённо
напоминающее улыбку, было обращено к
стоящим перед ним Костицким
Десантникам.

— На колени! — скотанговал он.
Приказ был мгновенно выполнен, и по
часовне эхом прокатился лязг
бронированных наколенников, одновременно
ударившихся об пол.

Уриэль, всё это время со склонённой
головой двигавшийся за капелланом,
выступил вперёд, чтобы принять
дымящееся кадило и крозиус.

— Сегодня — день радости! — возопил
Клозель. — Убо сегодня нам дарована
возможность принести свет Императора
во тьму и уничтожить тех, кто окажется
на пути Его слуг. Мы пока ещё не стали
полноценной Ротой, какой были совсем

недавно. Многие из наших товарищей, мои боевые братья, нашли свою смерть на Тресии, но ты знаешь, что погибли они не напрасно. Они займут своё место рядом с Императором и будут рассказывать истории о своей отваге и чести до последних дней.

Клозель вытянул вперёд руку в перчатке, сжал её в кулак и быстро дважды ударил кулаком по своей нагрудной пластине.

--- *De mortuis nil nisi bonum!* ---
произнёс нараспев капеллан, принимая кадило у Уриэля.

После этого капеллан Клозель зашагал от алтаря к преклонившим колени Десантникам, погрузив руку в вытягиваемый коричневый пенел. Обходя воинов, он чертил на доспехах каждого защитные знаки и ритуальные символы сражения, читая Литанию Непорочности. Покончив с последним Десантником, он повернулся к алтарю и произнёс:

--- Ритуал Битвы завершён, мой капитан.

--- Ты удостоил нас чести, капеллан

Клозель. Быть может, ты поведёшь нас и в молитве?

--- Да, капитан, --- отвечивал

Клозель.

Выйдя вперёд, он погнулся по ступенькам, преклонил колени и поцеловал базальтовую поверхность алтаря.

Погнавшись, он начал нараспев читать слова молитвы, и Ультрамарины склонили головы.

--- О Священный Господин Человечества, мы, Твои смиренные слуги, возносим Тебе слова благодарности за этот новый день. Направляя свои силы на благородную битву, мы радуемся возможности, которую Ты даруешь нам, возможности использовать своё мастерство и силы во имя Тебя. Планету Навонис изводят вырождающиеся чужаки, она расколота борьбой. Но Твоей милостью и Твоему благословению Имперская мудрость вскоре снова восторжествует во имя Тебя. За это мы благодарим и не просим ни о чём, кроме возможности служить Тебе. Мы молимся во имя Твоё. Жиллиман, восславь его!

--- Жиллитан, восславь его! --- эхом откликнулись Космические Десантники.

Клозель отошёл в сторону, сложив руки на груди, а капитан Уриэль занял его место, встав перед своими людьми. Собираясь впервые обратиться к Роте, он чувствовал себя не в своей тарелке и мысленно винил себя в отсутствии сосредоточенности. Вот уже более века он встречается лицом к лицу с врагами человечества, так неужели теперь он волнуется, обращаясь к Подразделению Космических Десантников?

Уриэль обвёл долгим взглядом собравшихся боевых братьев своей Роты, людей величайших из всех живущих в галактике, и в знак особого признания кивнул гиганту, стахивавшему на медведя, --- сержанту Назаниусу. Назаниус, друг Уриэля с юных лет, продолжал расти духовно и физически даже теперь, когда годы учёбы были далеко позади, и сегодня Назаниус был, безусловно, самым сильным Космическим Десантником Оргена. Ещё на заре его обучения техножрецы были вынуждены изготовить для Назаниуса

уникальный комплект доспехов, составленный из доспехов безнадёжно повреждённого комплекта Терминатора. Так что неудивительно, что теперь рядом с его огромной фигурой большинство боевых братьев казалось малышами.

Назаниус незаметно кивнул Уриэлю, и, ощутив поддержку друга, капитан почувствовал, как растёт его уверенность. Сержант-ветеран был для Уриэля той скалой, на которую он мог опереться и в бою, и в мирные дни, так что Уриэль с гордостью называл Назаниуса не просто другом, а другом настоящим.

Чуть позади Назаниуса капитан увидел величественные, будто изваянные из мрамора, фигуры сержанта Леаркуса и его соотечественника Клиандера. Все они давным-давно переросли детское соперничество и неоднократно спасали друг друга жизни, но друзьями так и не стали, между ними не возникли узы братства, которые оплетали весь Орген.

Уриэля раздражало, что он всё ещё испытывал трудности в установлении взаимоотношений со своими людьми, по-

настоящему опытные офицеры могли
быстро найти подход к каждому из своих
подчинённых. Вот Айдэус был
прирождённым лидером, в сражениях он
часто опирался на собственные решения
вместо того, чтобы обращаться к
священному Кодексу Астартес,
написанному самим Робаутом
Жиллиманом, да и руководил своими
людьми Айдэус с инстинктивной
лёгкостью, и Уриэль находил, что в этом
ему с Айдэусом никогда не сравняться.
Решив следовать совету Айдэуса быть
самим собой, Уриэль отбросил сомнения.
Четвёртая рота была теперь его
командой, и он сделает так, чтобы они
это поняли.

--- Вольно! --- командовал он, и воины
слегка расслабились. --- Все вы знаете
меня. Я сражался рядом с большинством из
вас более века. Вы знаете меня --- я знаю
вас, и поэтому я говорю: будем благодарны
за данную нам Императором возможность
вновь доказать и ему, и примарху свою
преданность.

Уриэль медленно возложил руку на

эфес меча Айдэуса, подчёркивая тот факт, что прежний капитан Роты передал оружие ему.

— Я знаю, что недолго был вашим лидером, я также знаю, что некоторые из вас предпочли бы, чтобы я вообще не был бы вашим капитаном, — продолжал Уриэль. Он сделал паузу, тщательно подбывая и взвешивая свои слова. — Капитан Айдэус был великим человеком, и самым тяжёлым, что мне когда-либо доводилось в жизни, было видеть, как он умирает. Никто не горюет по нему больше меня, но он мёртв, а я теперь вместо него стою перед вами. Я нёс свет Императора во все уголки этой галактики: я сражался с тиранидами, сжигая корабли-ульи, я убивал грозных воинов Хаоса на планетах, полных невыразимых ужасов, и я побеждал орков в бесплодных ледяных пустынях. Я сражался рядом со многими величайшими воинами Империи, поэтому знайте: я — капитан этой Роты. Я Уриэль Вентрис, Ультратарин, и я умру, но не обещаю Орген. Мне оказана честь состоять в этом братстве, и если бы я мог выбирать,

кого из воинов поставить рядом с собой, я не смог бы выбрать людей лучше, чем те, что состоят в Четвёртой Роте. Каждый, кто находится здесь, и каждый из наших почитаемых павших вёл себя так, что этим можно только гордиться. Я отдаю честь всем вам!

Произнося эти слова, Уриэль извлёк меч Айгзуса из ножен и, отсалютовав, высоко поднял его над головой. Тёмно-синие кольца энергии, отражая свет электрофакелов, засверкали по всей длине мастерски изготовленного клинка.

Десантники поднялись на ноги и с силой ударили кулаками по нагрудным пластинам панцирей так, что оглушительный гул эхом прокатился по часовне.

--- Мы --- Ультратарины! --- воскликнул Уриэль. --- И ни один враг не устоит перед нами, пока мы верны Императору!

С этими словами капитан прошагал за деревянный аналой и заглянул в инфоблок, искусно вмонтированный в его поверхность. У Уриэля не было необходимости считывать с него

информацию: свою боевую задачу он изучил до мельчайших подробностей ещё неделю назад, до начала путешествия через варп, но присутствие инфоблока вселяло в капитана уверенность.

--- Мы направляемся на планету Павонис, и нам поручено вернуть её в лоно Империи. Павонис не выполняет своего долга перед Императором. Он не обеспечивает Его тем, что Ему причитается. Чтобы исправить это положение, нам поручена защита эксперта Административта, который обучит правителей Павониса должному исполнению их обязанностей. Правители Павониса возмнили, будто они непогрешимы законам Императора. Вместе мы покажем им, что это не так. Благословен будь, примарх!

--- Благословен будь, примарх! --- эхом откликнулись Космические Десантники.

Уриэль сделал паузу, сожалея, что ничего не знает об эксперте, которого Десантники должны были охранять. Он даже не познакомился с человеком, которого Марнеус Калгар поручил его

защите. До сих пор эксперт проводил
время в своих комнатах, и посещали его
только люди из ближайшего окружения ---
помощники, духовные лица и слуги.

Что ж, вскоре ему придётся выйти
крейсеру «Горе побеждённому» оставался
всего день пути до места назначения.
Переходя к следующему пункту
инструктажа, Уриэль понизил голос:

--- Возможно, в результате
неспособности лидеров Павониса должным
образом приводить в исполнение
предписания Императора было допущено
возникновение группы, именующей себя
Церковь Старых Принципов. Эти еретики
развязали кровавый террор, стремясь
вернуться к мрачным доимперским
временам.

После этих слов по рядам
десантников прокатился ропот недоверия,
но Уриэль продолжил:

--- Они уже убили триста пятьдесят
девять слуг Императора и причинили
неисчислимый ущерб. Они взрывают Его
предприятия. Они убивают Его
священников и сжигают Его храмы.

Вместе мы остановим их. Благословен
будь, примарх!

--- Благословен будь, примарх!!!

--- Но, боевые братья, планета Павонис
страдает не только от зла, творимого
еретиками изнутри. Нет, ещё больший
ужас Павонису несёт еретическое
вмешательство чужаков. Уже долгие годы
эльдары --- раса столь нагменная, что
полагает, будто может безнаказанно
опустошать наше пространство и
похищать собственность, законно
принадлежащую Императору,
свирепствуют в этом районе космического
пространства. Вместе мы покажем им,
что этого нельзя делать. Благословен
будь, примарх!

--- Благословен будь, примарх!

Уриэль вышел из-за анаоя:

--- Возвращайтесь в свои отсеки,
боевые братья. Отнесите с почтением к
своему боевому оснащению, чтобы оно
смогло защитить вас в дни предстоящих
сражений. Да пребудет Император со
всеми вами!

--- И с тобой, капитан, --- произнёс

Назаниус, выступив вперёд и поклонившись Уриэлю.

Сначала робко, но, видя, что Назаниус принял Уриэля, воины Роты тоже сделали шаг вперёд и поклонились своему новому капитану, после чего покинули часовню.

Назаниус вышел последним, и, прежде чем двери закрылись за его спиной, он остановился и повернулся к Уриэлю. Капитан Вентрис внимательно посмотрел в его глаза и в знак благодарности кивнул старому другу.

Архонт Кешарк инструктировал своего помощника:

--- Вводи основную мощностъ постепенно и будь готов запустить двигатели-имитаторы по моей команде. ---
Голос Кешарка механически скрежетал и звучал угрожающе.

--- Есть, грозный Архонт.

Кешарк приложил к своей мокнущей щеке ароматизированную ткань, отхаркнув кровавую пену в стоявший рядом кубок. Теперь ему становилось трудно даже говорить, и он тяжело сглотнул, в

очередной раз призвав проклятие Жизни
Тысячи Болей на голову Азгрубазля
Векта.

Гноящиеся раны на шее Кешарка
никогда не затянутся. Гомүнкүлүс Векта
позаботился об этом в камерах пыток под
дворцом его кабала. Да, Кешарк до
мельчайших деталей спланировал
попытку прийти к руководству кабалом,
но Вект каким-то образом угрожался
пронюхать о его предательстве, и
переворот провалился, не успев начаться.
Последовали месяцы пыток. Кешарк
утолял лишить его жизни, но гомүнкүлүс
лишь утело подвёл его к грани смерти,
каждый раз возвращая сознание Кешарка в
ад бесконечной боли.

Он ожидал, что там и утро́т, но
Вект приказал, чтобы Кешарка
освободили и вновь пришили кожу к тому,
что осталось от его мускулатуры. Кешарк
помнил, как всякий раз, когда к нему
возвращалось сознание, он видел над собой
улыбающееся, жестокое лицо Векта. Он
пытался закрывать глаза, чтобы не
видеть злорадной улыбки, но веки его были

аккурратно срезаны, так что физическая пытка становилась ещё и пыткой духовной.

--- Ты надеешься умереть здесь? ---
Вопрошал верховный повелитель Кабала Чёрного Сердца. И всякий раз, не дождавшись ответа, лорд тёмных эльдар медленно качал головой и продолжал: ---
Нет, ты не умрёшь. Я не сделаю тебе такого подарка, --- мстительно обещал Вект, проводя своими идеально натаникюренными ногтями по оголённым беззащитным рёбрам Кешарка. --- Ты был тщеславным гурнем, Кешарк, ты открыто похвалялся, что сможешь расправиться со мной. Ведь ты не мог не знать, что мои шпионы есть повсюду и они обязательно передадут мне всё, что ты скажешь, прежде чем твои глупые слова затрут в воздухе. --- В этом месте Вект обычно вздыхал, словно был в большей степени разочарован, нежели разгневан. ---
Предательство и обман я могу понять и даже простить. Но глупость и некомпетентность меня просто раздражают. Тебя погубили

патологическое тщеславие и необузданное
самолечение, и я нахожу весьма уместным,
что они будут постоянно сопровождать
тебя в твоём провале. Я изгоню тебя из
Комморрага, вышлю из нашего тёмного
города, вышвырну в пустыню к хищникам!...

Кешарк не верил тогда Векту, думая,
что эти слова были лишь изощрённой
ловкой, целью которой было возродить
надежды Кешарка на жизнь, чтобы потом
вдребезги разбить эти надежды. Вект был
мастером на такие изощрённые
издевательства. Но Вект не солгал. Не
прошло и недели, как Кешарк и
немногочисленные выжившие члены его
кабала тедленно поползли из Комморрага
в бесчестье и унижении. Кешарк поклялся
отомстить дому Азгубаэля Векта, но
его прежний господин лишь постылся, и
звук его веселья огненными бичами до
сегоднешнего дня хлестали душу Кешарка.
Но скоро, скоро Вект перестанет смеяться
--- Кешарк вновь подумал о добыче, которая
ожидает его, как только он перехитрит
глупого кайерзака. Однако сперва он
должен разобратся со вновь возникшей

угрозой его тщательно выстроенному плану.

Убийство было уже так близко, что Кешарк почти ощущал кровь Костиических Десантников на своих вялых губах. Он поднялся с командирского кресла и направился к главному экрану; движения Кешарка были гибкими, как у танцора, несмотря на то, что кожа на его теле болталась рваными лохмотьями. Сегментированные зелёные Доспехи Кешарка сияли, как отполированный нефрит, подчёркивая бледность его лица. Безжизненные белые волосы с тёмно-лиловыми прожилками струились по его плечам, удерживал их малиновый ободок на бровях. Кешарк увлажнил рафинированным спреем из крошечного пульверизатора свои глаза, лишённые век, и принялся изучать открывшийся ему вид.

У ног Кешарка заскользила лязгающая стайка нелепых существ, сконструированных из сшитых из случайных кусочков плоти, которые вместе составляли вздымающуюся массу острых как бритва челюстей и клыков.

Это были экскренты --- любители Кешарка, обязанные своим существованием прихоти главного голүнкүлүса. Экскренты толпились у ног своего хозяина, шипя в бесстысленной злобе сквозь жёлтые ядовитые клыки на всё, что остеливалось приблизиться.

Тем временем добыча была почти уже в зоне поражения, и возбуждение Кешарка стало нарастать. Его сердце бешено заколотилось, когда он представил, какую боль причинит этим воинам. Уголки его рта подёргивались в предвкушении, а пальцы дрожали при одной мысли о предстоящих пытках. Кешарк решил, что одного из Костических Десантников он оставит в живых --- как своего баловня. Наблюдая за тем, как его товарищей будут медленно резать на куски, постепенно скармливая их тела экскрентам, этот Десантник будет хныкать в непрерывной боли.

--- Грозный Архонт, корабль-жертва вошёл в зону досягаемости орудий! --- прошипел наконец помощник Кешарка.

--- Великолепно! --- Кешарк улыбнулся

из-под своей кожи. -- Приведи оружие в состояние боевой готовности и наладь двигатели-имитаторы.

Вражеский корабль всё ещё был слишком далеко, чтобы разглядеть его на экране, но Кешарк уже физически ощущал его близость. Он вернулся в командное кресло и нетерпеливо извлёк из ножен топор. Ему нравилось подгадывать тониксовое лезвие топора, совершая очередное убийство, тем самым поддерживая в душе топора жажду крови.

-- Сделай так, чтобы солнце было у нас за спиной, а сами мы оказались у него справа по борту, -- приказал Кешарк и любовно погладил лезвие оружия.

-- Разрешите подняться на мостик, лорд адмирал?

Тибериус отвернулся от пульты и, увидев двух мужчин в мантиях, стоящих у входа на командирский мостик, попробовал скрыть раздражение. Штатские на его мостике -- этого он всегда старался избегать, но этот эксперт имел при себе высшую печать Администратуры, и

отказать ему в просьбе было бы по меньшей мере невежливо.

Тибериус кивнул в знак согласия и спустился со своего помоста, а те двое начали подниматься на командирский мостик, неловко шаркая ногами по ступенькам трапа. Один из них был почтенным старцем; он шёл, опираясь на трость из слоновой кости; второй же мужчина был человеком лет сорока с непримечательным лицом и вкрадчивыми манерами. Тибериус про себя отметил, что этот штатский похож на любого другого безликого эксперта.

Администратура, по крайней мере из тех, с кем ему доводилось встречаться.

Тот, что постарше, выглядел совершенно равнодушным, но второй определённо излучал энтузиазм.

--- Претного благодарен, лорд адмирал. Очень любезно с вашей стороны позволить нам подняться на мостик --- вашу святая святых. Очень любезно.

--- Могу ли я что-нибудь сделать для вас, эксперт Барзано? --- спросил Тибериус, уже утомлённый бурным потоком

витуеватых слов, изливаемых Барзано.

— О, прошу вас, лорд адмирал, зовите меня просто Арио, — ответил Барзано со счастливым видом. — Мой личный помощник Лортүэн Перджег и я просто хотели увидеть мостик вашего великого звёздного корабля до того, как мы прибудем на Навонис. К сожалению, мы пока были очень заняты, так что у нас до сего момента не было возможности полюбоваться тем, что нас окружает.

Барзано подошёл к обзорной панели, на которой в тот момент было изображение крохотного диска Навониса и сияющего шара его солнца. Милоходом Барзано осмотрел несколько станций, управляемых сервиторами. Он обернулся и жестом пригласил Тибериуса и Лортүэна Перджега следовать за собой.

Помощник пожал плечами и направился за своим господином, который склонился над мониторинговой станцией, размахивая рукой перед бесцветным и лишённым всяческого выражения лицом сервитора. Лоботомированное существо не обращало на эксперта ни малейшего

внимания, его кибернетически изменённый мозг был даже не в состоянии зафиксировать его присутствие.

--- Восхитительно, совершенно восхитительно! --- заметил Барзано, когда Тибериус подошёл к нему. --- А что делает это?

Сдерживая раздражение, Тибериус произнёс:

--- Эта станция следит за изменениями температуры в активной зоне плазменного двигателя.

--- А это?

--- Регулирует устройства рециркуляции кислорода на оружейных палубах.

Не дослушав, Барзано направился по сводчатому транseptу --- поперечному нефу --- к наблюдательным станциям, где офицеры --- Космические Десантники --- работали рядом с неподвижными сервиторами.

Несколько лиц повернулось к Барзано, когда тот вошёл, на что он покачал головой:

--- Не обращайтесь на меня внимания.

словно меня здесь нет.

Барзано встал над обрамлённым
катнел столот прокладки курса в центре
комнаты и, положив локти на его край,
принялся за изучение огромного
количества оперативной информации,
выводимой на вмонтированный в стол
инфоблок.

--- Это поистине восхитительно, лорд
адмирал, поистине восхитительно! ---
повторил Барзано.

--- Благодарю вас за проявленный
интерес, эксперт Барзано, но...

--- Арио, прошу вас, Арио.

--- Прошу вас, эксперт Барзано. ---
Тибериус словно не заметил замечания. ---
Это военный корабль, это не...

--- Лорд адмирал, --- прервал его
Филотас, палубный офицер Тибериуса.

Так и не договорив, Тибериус
поспешил к сложному нагромождению
ручных дисплеев, за которыми работал
офицер.

--- У тебя что-то есть?

--- Новый контакт, лорд адмирал. В
шестидесяти тысячах километрах

впереди нас, -- положил Филотас, руки которого продолжали порхать над пультом, а глаза -- всматриваться в показания прибора. -- Я только что обнаружил выброс плазменной энергии на мониторах средней дистанции.

-- Что это? -- быстро спросил Тибериус. -- Корабль?

-- Полагаю, да, лорд адмирал. Координаты -- ноль-три-девять.

-- Идентифицируй его: класс и тип. Убедись, как ему удалось подойти так дьявольски близко, а мы до сих пор этого не замечали!

Филотас кивнул и вновь склонился над пультом. Арио Барзано изучил оперативные данные на центральном столе и указал на пятнышко на экране, которое и представляло неизвестный контакт. Рядом с ним на экране шли ряды чисел -- исчерпывающий комплекс информации о неизвестном судне.

-- Это и есть контакт? -- заинтересовался Барзано.

-- Да, эксперт Барзано, именно он, -- вывалил Тибериус. -- Но у меня сейчас нет

времени обучать вас тонкостям
управления кораблём.

--- Лорд адмирал! --- раздался голос
Филотаса. --- Я идентифицировал
характерные черты двигателя
неизвестного контакта.

--- Лорд адмирал, --- произнёс палубный
офицер. --- Это «Отважный» --- корабль
системы обороны Павониса.

--- Цель приближается к дистанции
поражения, грозный Архонт.

Кешарк провёл языком по зубам,
ощутив солёный привкус свернувшейся
тежгуду зубами крови, и вздрогнул от едва
сдерживаемого возбуждения. Да, эти гурни
заглотили наживку, поверив, что
«Всадник бури» --- один из их кораблей.

--- Переключи основную мощность на
ланс-батареи и держи её в резерве. Я хочу
сокрушить их одним залпом. Пусть первый
же удар станет смертельным!

--- Есть, грозный Архонт.

Тибериус вернулся за капитанский
пульт и отдал приказ связистам:

--- Установить контакт с
«Отважным» и передать его капитану мои
наилучшие пожелания.

--- Есть, лорд адмирал.

Капитан крейсера «Горе
побеждённого» всматривался в обзорную
панель, надеясь увидеть на ней очертания
корабля системы обороны, но пылающая
корона звезды в центре планетной
системы не давала ему возможности
увидеть практически ничего. Тибериус
вновь повернулся к контрольному пульту и
почувствовал, как нервы его напряглись до
предела, лишь только он заметил, что
Барзано склонился над кабиной ввода
информации одного из банков данных его
корабля.

--- Эксперт Барзано! --- позвал
Тибериус.

Эксперт, напряжённо взглядываясь в
инфоблок перед собой, ничего не ответил и
только жестом показал, что занят. У
пульт Тибериус решил, что с него
достаточно. Будь это эксперт наивысшего
уровня допуска или кто другой --- никто
ещё не проявлял такого неуважения к

командиру звёздного корабля. Тибериус спустился с командирского постоя, и тут Барзано внезапно бросился ему навстречу.

— Лорд адмирал! Поднимите вакуумные щиты и приведите корабль в боевую готовность! — приказал Барзано. На этот раз его голос был полон властности.

Тибериус сложил руки на своей огромной груди и посмотрел сверху вниз на напряжённое лицо эксперта:

— И с чего бы я должен всё это сделать, эксперт Барзано?

— Потому, — настойчиво зашипел Барзано, — что в соответствии с данными архивов флота «Отважный» был уничтожен со всем экипажем пять лет назад, лорд адмирал.

И тут Тибериус почувствовал, как кровь, отхлынула от его лица: он осознал последствия и масштаб опасности, которой подверглся его корабль и экипаж.

— Право руля! Резко вправо! — крикнул он. — Поднять вакуумные щиты и увеличить подачу энергии в передние

маневровые ускорители!

— Огонь! — скотандовал Архонт Кешарк, увидев, как массивный нос корабля Космических Десантников начинает поворачиваться к ним. Судно вздрогнуло, когда передние ланс-батареи метнули смертельные импульсы тёмной энергии навстречу жертве. Энергетические импульсы покрыли расстояние в мгновение ока. Видеоэкран вспыхнул, когда колоссальная энергия ударила по крейсеру и взорвалась с невероятной силой.

Яркий ореол вспыхнул вокруг «Горя победённого», лишь только первые сгустки энергии ударили в вакуумные щиты судна. Следующие энергетические заряды обрушились на бронированный нос корабля, и над повреждённым корпусом крейсера встали столбы огня и воспламенившегося кислорода.

Эффект от воздействия поистине огромной разрушительной силы на столь близкой дистанции — не часто увидишь такое зрелище. Оно воодушевляло, и Кешарк взревел, торжествуя.

Хоть для приборов наблюдения расстояние всё-таки было велико, Кешарк видел, что разрушения, вызванные мппульсными копьями, были чудовищными. Листы адамантита метровой толщины отслаивались от корабля, как алюминиевая фольга, и покорёженная стальная арматура безвольно свисала с раскүроченной носовой секции, куда был нанесён главный удар. Струи замерзающего кислорода кристаллизывались, вырываясь из треснувшего корпуса, противозрывные дгвери безуспешно пытались остановить разрушение корабля. Кешарк знал, что при первом ударе должны были погибнуть сотни Десантников и многие вскоре последуют за ними, вопя, как грешники в агү, когда их отсеки неожиданно вырвутся в открытый космос.

Кешарк хохотал.

--- Подведи нас ближе и полүкрүгом обойди их сзади, --- приказал он. --- Выведи из строя их двигатели.

Когда чудовищной силы взрыв

обрушился на корабль, мостик крейсера
накренился, сбивая с ног командный состав,
и тут же за первым взрывом последовали
новые — на мостике они воспринимались
как глухие тяжёлые удары.

Зазвенели колокола тревоги,
командирский мостик залило красным
светом. Аварийные команды сражались с
пожарами и занимались ранеными, а из
разрушенных трубопроводов и мониторов
вырывались пар, дым и языки пламени.
Десятки сервиторов упали со своих кресел
бездыханными.

Тибериус поднялся с палубы, на его
щеке сочился бурой кровью глубокий порез.
Мужество не покидало адмирала ни на
мгновение, а кровь на его щеке свернулась
за считанные секунды, и Тибериус
воскликнул:

— Информацию о повреждениях!
Немедленно!

Он бросился к станции управления
артиллерией, выдернув из-за пульт
сервитора наведения. Сервитор был
мёртв, его бледная плоть обгорела
до черна, кнопки управления разбиты.

Компьютеры работали, определяя степень полученных повреждений, но Тибериус уже понимал, что повреждения они получили огромные. Рана пока нестерпима, но положение очень серьёзное.

--- Вакуумные щиты перегружены и повреждён корпус от седьмой до девятой палубы! --- выкрикнул палубный офицер. --- Потеряна связь с носовыми артиллерийскими орудиями, есть попадание в главный пусковой отсек. --- Все это офицер выталил на одном дыхании. Сделав паузу, чтобы вдохнуть воздух, он продолжил: --- Но нам повезло: последние несколько взрывов нас только поцарапали, морг адмирал. Ваш поворот в огонь спас нас.

Тибериус хмыкнул, понимая, что похвала сейчас не только неуместна, но и недостойна его ошибки. Адмирал молча повернулся к командному пульту. Предупреждение Барзано прозвучало как раз вовремя, и именно оно спасло корабль. Щиты едва успели подняться, как крейсер сотряс удар коварного противника.

Теперь Тибериусу оставалось только

смотреть на обзорную панель, злясь на самого себя за то, что его смогли провести как тальчишку. Адмирал наблюдал, как чёрное судно с плавными обводами, изящным главным парусом, колыхнувшись на солнечном ветру, на мгновение выскользнуло из маскирующего сияния солнца и исчезло из вида за правым бортом «Горя побеждённого».

— Эльдар, мать его! Откуда же, с девять кругов ада, появился этот корабль? Как, во имя Жиллитана, ему удалось обнаружить все системы наблюдения крейсера?

— Центр наблюдения! Дайте мне полный увеличенный обзор локальной зоны. Скажите, во имя священной Терры, что там происходит! Батареи правого борта — залп!!!

Филотас кивнул, поспешно передавая приказы лорда адмирала.

— И кто-нибудь, прекратите этот проклятый колокольный звон!

На мостике неожиданно воцарилась тишина — мёртвая после того, как колокол ризницы умолк. Теперь были

слышны лишь шипение повреждённых машин, потрескивание искр и стоны повреждённых сервиторов. Адмирал ощутил вибрацию — то батареи правого борта открыли огонь, но без должного управления артиллерией они вряд ли сумеют поразить противника.

Тибериус рывком стёр со лба запёкшуюся кровь. К капитанскому пульту подходил, пошатываясь, Арио Барзано, поддерживая согнувшегося помощника. У Перджеда шла кровь из раны на голове, но рана была неглубокой, поэтому, устроив раненого помощника на трапе, ведущем в часовню, Барзано бегом вернулся к пульта наблюдения. Тибериус прокричал эксперту:

— Благодарю, эксперт Барзано, за предупреждение! Оно прозвучало как раз вовремя.

Затем Тибериус повернулся к пульта, пытаясь получить оттуда оперативные данные, но дисплей был забит устаревшей информацией, а системы наблюдения получали десятки возвратных сигналов. Проклятая чуждая магия! Любой из них мог оказаться налётчиком эльдаров.

Он должен спасти свой корабль, но как это сделать при такой недостоверной информации? Однако плохое решение всё же лучше, чем никакого решения.

--- Право руля до отказа и огонь из всех батарей! Мы должны убрать от этого ублюдка хоть на какое-то расстояние! Нам нужно место для манёвра.

--- Нет, лорд адмирал! --- запротестовал Барзано из-за стола с оперативными данными. --- Я полагаю, что мы имеем дело с кораблём тёмных эльдаров. Я читал о таких судах, и мы не должны удаляться от него.

Тибериус заколебался, он не привык, чтобы ему противоречили на мостике его же корабля, но эксперт до сих пор оказывался прав и, казалось, больше знал о возможностях вражеского судна.

--- Спасибо за совет, эксперт Барзано. У нас мало времени, что будем делать?

--- Мы должны сблизиться с противником, направить на него огневой вал и надеяться, что удачно пробьём его гало-поля.

--- Делай, как он говорит! --- выпалил

Сибериус своему офицеру-рулевому. ---
Запускай левые маневровые двигатели
малой тяги и ложись на новый курс: ноль-
девять-ноль!

Кешарк смотрел, как на экране перед
ним повреждённый корабль вращается
вокруг своей оси. Разорванный нос крейсера
неожиданно быстро повернулся, и, заметил
вдруг Кешарк, корабль стал стремительно
приближаться. Архонт громко выругался,
осознав, что кто-то на борту того судна,
должно быть, хорошо знаком с
возможностями его корабля.

Кешарк закричал, указывая рукой на
экран:

--- Держите нас позади этого
терзавца, будь прокляты ваши души!

И в тот же миг мостик качнулся ---
это раздалась залпы батареи тяжёлых
орудий крейсера. Артиллеристы «Горя
побеждённого» не могли установить
местоположение противника, но при столь
большой огневой мощи рано или поздно их
залпы достигнут цели. А «Всадник бури»
строился не для того, чтобы выносить

такое жестокое обращение.

Крейсер «Горе побеждённому» не собирался сдаваться, он искал и использовал любую возможность, чтобы сделать ответный ход на равных. Да, в этой битве мог быть только один победитель.

--- Носовые торпедные отсеки готовы, грозный Архонт!

--- Полный разброс! --- завопил Кешарк. --- Огонь!!!

--- На подходе торпеды, лорд адмирал! --- предупредил Филотас.

--- Будь они прокляты Императором! Лево руля до отказа! Оборонительными орудийными башнями открыть огонь!

--- Бортowymi батареями захватить цель --- место выхода торпед --- и огонь! --- выкрикнул Барзано.

--- Делайте, как он сказал! --- подтвердил приказ эксперта Тибериус.

Мостик сильно качнуло, и Тибериус схватился за командирский пульт, когда крейсер стал разворачиваться в обратном направлении.

Шесть торпед стремительно неслись к крейсеру, вражеская система нацеливания создала искажённое поле, которое сильно затрудняло их перехват. Но на столь близком расстоянии и при движении сквозь такой плотный огонь было неизбежно, что некоторые торпеды к цели не пробьются. Две взорвались, когда артиллеристы поразили их. Ещё одна торпеда была введена в заблуждение радарацией, сигналы которой исходили из повреждённого носа крейсера, и промчалась под кораблём, не причинив ему вреда. Однако три последние торпеды всё-таки приближались к крейсеру, оказавшись в поле действия средств его ближней обороны.

--- Три торпеды ликвидированы! --- хрипло выкрикнул Филотас.

--- Стало быть, ещё три остались! --- заметил Тибериус. --- Убрать их!

--- Ближние оборонительные орудийные башни сейчас нацеливаются!

Гигантская обзорная панель отражала трагическую картину, расчерченную яркими мазками взрывов и ледяными

инверсионными следами приближающихся торпед. Вся команда мостика видела плывущие на них торпеды, и каждый из десантников кожей ощущал, как их боевые головки нацелены прямо меж его глаз.

Кто затаил дыхание, а кто возносил молитвы Императору, когда последняя линия обороны крейсера открыла огонь.

Каждая оружейная башня ближнего боя управлялась сервитором, оснащённым собственными средствами слежения, которые позволяли ему вести независимое наблюдение за торпедами по мере того, как те приближались. Торпеды хоть и были запрограммированы на манёвры и уклонения, но на заключительной стадии полёта они всё-таки были уязвимы. Когда торпеды начали последний сбор данных о расположении цели перед решающим ударом и их скорость уменьшалась настолько, что уклоняться от контрудара противника эффективно они не могли, одна из них разрушилась под градом снарядов высокоскоростной пушки.

Единственный снаряд, выпущенный из оборонительной пушки, задел грубую

торпеду. Скользящий удар оказался недостаточно сильным, чтобы уничтожить торпеду, но сбил настройку её внутреннего гироскопа. Теперь система наведения торпеды полагала, что крейсер находится прямо над ней, и изменила курс её движения, так что торпеда взмыла вверх почти на триста километров, прежде чем взорвалась. Последняя торпеда успешно завершила свой манёвр и теперь приближалась, готовясь нанести смертельный удар.

Все пушки крейсера перенесли огонь на неё, и на расстоянии меньше двухсот метров они настигли эту торпеду. Сотни снарядов врезались в её стальное тело, которое взорвалось, превратившись в огромный шар огня и шрапнели. Однако горящие осколки, продолжая двигаться с невероятной скоростью, врезались в корпус крейсера, начисто сметая с него огневую башню ближнего боя, срезав антенну наблюдательного устройства и разрушив большое число наружных скульптур.

Торпедная атака закончилась.

Тибериус опёрся о пульт, наблюдая за

тем, как гибнет последняя торпеда. Более приятное зрелище трудно было себе представить. У членов экипажа, стоявших в этот момент на мостике, вырвались вздохи облегчения, стесанные с пламенными молитвами благодарности.

— Прекрасно, лорд адмирал. Мы сделали это, — вздохнул и Барзано. Лоб эксперта покрывали крупные капли пота — видно было, что он изрядно ослабел, и теперь, когда опасность миновала, руки его слегка подрагивали.

— На сей раз да, Арио. — Тибериус впервые назвал Барзано по имени. — Нам повезло, но давай пока не будем торопиться распечатывать вино победы. — Он крикнул своему палубному офицеру: — Что там с нашим ответным огнём?

— Как раз настигает их, — ответил Филомас.

— Отлично, — процедил сквозь зубы Тибериус, и на губах его заиграла злая ухмылка. — Пришла пора показать, что у нас все ещё остались зубы.

Кешарк не верил собственным глазам.

торпедная атака была отражена! Последствия такого поворота событий были просто невообразимы. Пока он размышлял над этим и, главное, над вопиющей несправедливостью того, что произошло, мостик под Кешарком предательски накренился, швырнув эльгара наземь. От близких разрывов корабль затрясло. Огни на пульте замигали, из повреждённой аппаратуры повалил дым.

— Грозный Архонт, в нас попали! — крикнул его помощник.

— Да уж, благодарю за непревзойдённую проницательность, весьма кстати, — усмехнулся Кешарк. — Если меня убьют, будь добр, обрати на это своё драгоценное внимание. Как сильно мы повреждены?

Тёмный эльгар поднялся на ноги. Кусок кожи свисал с его горла, открывая взглядом подчинённых влажно поблёскивающую трахею. Он раздражённо закинул лоскут кожи на плечо, а подчинённые потчались выполнять распоряжения командира.

В следующую минуту на Кешарка

обрушился вал информации, и каждая последующая новость была убийственнее предыдущей.

--- Гало-поля остались без энергии!...

--- Повреждён главный парус и срезаны оттяжки некоторых канатов!...

--- Нарушена целостность корпуса на пыточной палубе!... Все заключённые мертвы!

Кешарк понял, что бой для него уже закончен. Лишённый защиты галополей, «Всадник бури» оказался слишком уязвим и теперь стал лёгкой мишенью для артиллеристов противника. Противник действительно оказался достойным, добыча превратилась в охотника, и больше Кешарк не допустит ошибки, недооценивая этого противника. Не допустит, если...

--- Выходим из боя! --- приказал он. --- Мы вернёмся в нашу берлогу и займёмся ремонтом корабля. Эта добыча подождёт другого дня.

--- Эльдарское судно отступает! --- радостно крикнул Филотас, и Тибериус, отвернувшись, облегчённо вздохнул.

--- Очень хорошо, --- произнёс он. ---
Берёт курс на Навонис. Когда окажется в
зоне безопасной связи, проинформируйте
управление флота о способности эльдаров
выдавать себя за имперские суда.

--- Есть, лорд адмирал.

Тибериус потёр мозолистой рукой
свой череп. Эльдар застал их врасплох и
преподал хороший урок. Этот урок
стирания стоил дорого, но был хорошо
усвоен. Постучав по столу, адмирал
назначил себе в наказание тридцать
вечеров поста и тактических занятий ---
за свою неспособность предвидеть
нападение. Приняв это решение, Тибериус
спустился на развороченный командный
пункт.

Арио Барзано сидел на корточках у
основания постоя, стирая кровь с брови
Перджеда, и улыбнулся, когда Тибериус
преклонил перед ним колени.

--- Отлично, лорд адмирал. Ваш
быстрый манёвр спас нас.

--- Давайте не будем преувеличивать
тои заслуги и преуменьшать ваши,
эксперт Барзано...

--- Арио.

--- Очень хорошо... Арио. Если бы не ваше предупреждение, мы все уже были бы мертвы.

--- Возможно, --- согласился Барзано. --- Но я уверен, вы очень скоро сами бы догадались, что они замышляют.

При этих словах эксперта Тибериус скептически погнул бровь и заметил:

--- Как это получается, что штатский чиновник Административного управления знает о вражеских судах так много?

Барзано хитро улыбнулся:

--- Я много где побывал, Ласло, встречал много интересных людей, и я хороший слушатель. Я учусь везде и у всех. --- Он пожал плечами и продолжил: --- По роду службы я часто сталкиваюсь с информацией, доступной лишь немногим, и стараюсь все запомнить. Но послушайте, полорд адмирал, настоящий-то вопрос не в том, как я что-то узнал, а в том, как наши враги выяснили, где нас найти. Я полагаю, что вы привели нас сюда путём, лежащим в стороне от проторённых маршрутов.

--- Разумеется.

Барзано поднял брови:

--- Тогда как же они узнали, что мы окажемся здесь? Я сообщил только губернатору Навониса.

--- Вы подозреваете, что она в союзе с альдарами?

--- Мой дорогой лорд адмирал, я бюрократ. Я подозреваю всех, --- растеялся Барзано, но тут же лицо его вновь обрело серьёзное выражение. --- Но вы правы, вопрос о преданности губернатора --- один из многих, которые меня беспокоят.

Не успел Тибериус задать очередной вопрос, как Лортүэн Перджед, застонав, поднёс ко лбу руку, покрытую пятнами крови. Барзано помог ему подняться на ноги и коротко поклонился Тибериусу:

--- Лорд адмирал, извините, но мне нужно отвести Лортүэна к своему врачу. Во всяком случае посещение вашего кабинета было для нас очень познавательным. Нужно будет как-нибудь повторить его, вы не против?

Тибериус кивнул, не зная, как следует относиться к этому говорливому

эксперту. Чем больше он рассуждал о случившемся, тем ближе подходил к мысли, что Барзано ожидал атаки на крейсер «Горе побеждённого». Почему же иначе он заявился на мостик именно в этот момент, заявился единственный раз за всё время путешествия? А когда внезапно разразился смертельный бой, Барзано чётко сориентировался на мостике корабля. Странно всё это...

«Какие ещё сюрпризы ожидают меня в этом путешествии?» — угрюмо размышлял адмирал.

В операционной, представлявшей собой восьмиугольную комнату без окон, было холодно, дыхание присутствовавших в ней облачками белого тумана повисало в воздухе. Двое ответственных за операцию плавно и грациозно перемещались в полутрапе палаты. Освещение поддерживалось на минимальном уровне, поскольку глаза Хирурга были непривычны к яркому свету и многие считали, что так или иначе, но наилучших результатов он добивался в почти полной темноте.

К полу в центре палаты был привинчен гофрированный металлический стол, окружённый загадочными устройствами, увешанными скальпелями, длинными иглами и пилами для кости. Третий из присутствовавших в палате --- обнажённый мужчина --- неподвижно лежал на холодной поверхности стола. Никаких механических приспособлений, удерживающих его на месте, не было, только наркотики.

Хирург ввёл их как раз столько, сколько нужно для достижения именно такого эффекта, и в то же время не так много, чтобы тот в ходе операции вообще ничего не почувствовал.

Где же искусство, если удостоенный чести не сможет ничего почувствовать?

На Хирурге был красный халат, на руки он натянул толстые прорезиненные перчатки, пальцы которых оканчивались изящными скальпелями и прочими поблёскивающими хирургическими инструментами. За его изощрёнными приготовлениями из полутрака наблюдала помощница; на её лице читались почтительность и вялая скука одновременно.

Она уже не раз наблюдала за работой Хирурга и видела, сколь велико его мастерство. Да, Хирург делал вещи поистине поразительные, но помощницу больше интересовало собственное наслаждение. Хирург кивнул ей, и она, обнажённая, быстрыми шагами на цыпочках пошла к столу; на полных красных губах женщины заиграла

плотоядная ухмылка.

Ухватившись за края стола, она оттолкнулась вперёд и вверх, медленно поднимая ноги, пока не приняла вертикальное положение. Она прошла на руках над распростёртым мужчиной, затем взвилась в воздух, развернувшись при спуске так, чтобы опуститься, раздвинув ноги, на неподвижно лежащее тело.

В глазах пациента она заметила недоумение и даже страх, вызванный этой столь странной процедурой, и про себя помощница Хирурга улыбнулась. Именно этот страх всегда возбуждал её. Возбуждал и отталкивал. Подумать только, этот человеческий самец может вообразить, что она, изучившая тысячу девять Наслаждений Тьмы, может на самом деле получать от этого удовольствие. Осознав, что действительно наслаждается, она отчасти наполнялась ненавистью к самой себе и лишь усилием воли удерживала себя от того, чтобы, вонзив ядовитые когти в умоляющие глаза мужчины, не добраться до его мозга. Она содрогнулась — мужчина ошибочно принял

это за возбуждение — и, наклонившись
вперёд, провела языком по его груди,
ощущая, как напрягаются его соски. Доходя
до шеи, она слегка прикусила кожу, пронзив
её своими заострёнными зубами, и
ощутила горьковатый привкус его плохой
крови.

Мужчина застонал, когда её зубы
сдвинулись вверх по его лицу, покусывая его
вдоль линии челюсти. Длинные кроваво-
красные ногти женщины блуждали по его
рёбрам, оставляя после себя
отвратительные дымящиеся следы. Её
бедра сжались над его чреслами, и она
поняла, что он готов. Кровь звенела в его
поглотливых жилах.

Бросив взгляд через плечо, она
кивнула Хирүргү. Хотя человек и не мог
сдвигаться, она ощутила, как в нём
нарастает ужас. Женщина изящно
перепрыгнула через его голову,
приземлившись позади стола с грацией
гимнастки, и сплюнула на пол кровь,
покрывавшую её зубы. Хирүрг надавил
первым из своих пальцев-клинков на живот
человека и мастерски вскрыл его, разрезая

кожу и мускулы, словно гниющую картофелину.

Хирург проработал целых три часа, проворно вскрывая каждый сантиметр тела человека до кости, превращая его кожу и внутренние органы в кровавые ленты мяса. Как легко было бы просто продолжать вивисекцию, оставив лишь бесплотный скелет! Искушение было велико, но Хирург из всех сил сопротивлялся ему, понимая, что Архонт Кешарк тысячу раз подвергнет таким же страданиям его собственное тело, если он позволит кайерзаку умереть слишком быстро.

Жужжащая аппаратура -- резиновые трубки, шипящие воздушные мехи и булькающие бутылки -- вся эта дьявольская техника, окружавшая стол, спокойно снабжала ещё живое тело необходимыми жидкостями.

Отвратительная металлическая конструкция, напоминающая зубчатую виселицу, раскачивалась над столом, поддерживая блестящий, стахивающий на жука организм, который вибрировал от

скрежещущего дыхания. Тонкие чёрные хитиновые иглы тянулись из его раздутого брюха и работали над каждым ободраным куском плоти. Двигаясь слишком быстро для невооружённого глаза, они тем не менее болезненно медленно сдирали тягучее вещество с каждого органа и куска мяса, взамен вплетая новые прозрачные пряди органического вещества.

Как только пульсирующий безглазый организм завершал свои манипуляции с очередным фрагментом плоти, Хирург осторожно поднимал его назад и тщательно вставлял в тело субъекта, пока оно вновь не стало целым, каким и было до операции.

Только голова несчастного оставалась невоскресшей и рот кривился в беззвучном вопле. Зубчатая виселица опустила «жука» на лицо человека. Вновь выгнулись чёрные иглы, плавно заскользили по щекам и вошли в череп сквозь нос, уши, рот и глаза. Мозг человека пронзили бесчисленные струи чудовищной боли, когда каждый нерв, капилляр и кровеносный сосуд был ободран и создан

заново.

В конце концов, раздвинувшийся организм подняли с лица человека и положили на широкий металлический лоток в конце стола. Хирург поднял узкую пилу, и существо начало согрозаться, его цвет поблек -- из блестящего чёрного оно стало мертвенно-коричневым. Прежде чем тварь издохла, Хирург вскрыл её пилой и удалил влажный жёлтый яичный мешок. Она понадобится, чтобы вырастить другой организм для следующей операции.

Хирург кивнул обнажённой женщине, та медленно и плавно приблизилась к столу и привела то, во что превратился человек, в сидячее положение. Его движения были медленными и неуклюжими, но она знала, что это скоро пройдёт. Он собрал свою одежду и угрюмо накинул на плечи короткую голубую бархатную накидку с серебряной вышивкой. Подобрав трость из слоновой кости с бронзовым наконечником, он направился к двери операционной, болезненно волоча ноги.

Не оборачиваясь, он бросил через

плечо:

— Ну? Ты идёшь?

Женщина склонила голову набок, её прекрасное злое лицо исказила презрительная гримаса. Мужчина повернулся, словно спиной почувствовав её отворачивание.

Он уставился на неё взглядом, в котором читались ненависть и возбуждение, и по его молящим глазам она увидела, как он страдает. Порадовавшись тому, она решила, что на сей раз понадобится по крайней мере шесть из одной тысячи девяти Наслаждений, чтобы его успокоить.

Какой стыд, что люди отличаются столь ограниченным пониманием этих вопросов!...

Когда Костические Десантники приблизились к Вратам Брэндона — столице Павониса, — Уриэль прислонил голову к вибрирующей переборке десантного шаттла и молитвенно сложил перед собой руки.

Все люди, находящиеся под командованием Уриэля, хранили почтительное молчание, а мысли самого капитана были устремлены к славе Императора. В дальнем конце отсека в окружении небольшой армии сопровождающих лиц восседал эксперт Барзано. Уриэль медленно покачал головой. Неужели столько слуг требовалось одному человеку?

Во времена его обучения в Казартах Аджизелуса в него годгами вбивали дисциплину и уверенность в собственных силах, и теперь ему было странно видеть человека, окружённого людьми, выполняющими за него всю чёрную работу. С самого раннего возраста мальчиков

Ультратара приучали к жизни в дисциплине, самопожертвовании и, главное, простоте.

Барзано сосредоточенно слушал человека, которого он представил Ультратарином как Лортүэна Перджеда. Слушая Перджеда, эксперт Барзано энергично ему кивал. Эксперт Перджеда тахал пальцем перед носом Барзано, словно строго выговаривал ему за что-то, и на мгновение Уриэль задумался: кто же из этих двоих на самом деле ответственный?

Капитан выглянул в толстый иллюминатор, и вовремя: последние прозрачные облака исчезли из виду, и перед взором Уриэля предстал, словно на ладони, главный континент Павониса.

Павонис сразу поразил Уриэля своими контрастами.

Середину обширного зелёного ландшафта в десятки квадратных километров занимали раскинувшиеся во все стороны производственные предприятия с платформами, складами и транспортными узлами, связывающими их

боедино. Огромные краны и жёлтые
подъёмники ползали по этим
промышленным центрам, проезжая мимо
грохочущих подвижных составов с
топливом и сырьём для ненасытных
кузниц. Изрыгающие дым башенные
охлаждатели наполняли воздух облаками
пара и желтоватым дымом, стелющимся
над землёй и покрывающим здания
грязным коричневато-жёлтым налётом.

Но впереди, вдали от промышленных
предприятий, посреди леса, у подножия
высоких гор, Уриэль разглядел прекрасно
спроектированное поместье из
белокаменных зданий и догадался, что оно,
должно быть, принадлежит одному из
правлящих картелей, надзирающих за
производством на Павонисе. «Громоподобный
«Ястреб» прошёл над поместьем, вспугнув
стаго гибких рогатых животных.
«Ястреб» пролетел достаточно низко,
чтобы Уриэль смог разглядеть траторную
колоннаду перед входом в самое большое
здание поместья.

Но вскоре и колоннада, и здание, и
само поместье пропали из виду; и шаттл с

рёвом мчался над быстрой рекой, и, когда он повернул за скалистый утёс, Уриэль различил на горизонте марморный город — Врата Брэндона. Набрав высоту, корабль медленно облетел столицу по кругу, давая Уриэлю возможность разглядеть город в форме звезды. Теснясь вокруг оборонительных стреловидных бастионов, чёрные и дымящие промышленные пригороды производили угрюмое впечатление, тогда как внутренняя часть города безмятежно сияла отполированным белым мармором излучений в лучах полуденного солнца.

Архитектура столицы являла собой причудливую смесь старого и нового. Древние сооружения с тысячелетней историей соседствовали со стальными куполами и хрустальными башнями. Улицы города были вытощены булыжником, украшены скульптурами и засажены деревьями.

Посреди нагромождений мармара и стекла располагался дворец губернатора Навониса. Перед воротами дворца лежала мощённая булыжником площадь, по окружности которой выстроились статуи.

Сам дворец высоко поднимался над улицами и готами, его белые башни и зубчатые стены с амбразурати были спроектированы в Высоком Готическом стиле, популярном несколько тысяч лет назад. Летящие бронзовые контрфорсы поддерживали огромную рифлёную колокольню, увенчанную конусообразной крышей из листового золота и усыпанную драгоценными камнями.

Видя, что колокол сильно раскачивается, Уриэль сообразил, что он звонит, но звуков колокола он не слышал — его перекрывал рёв двигателей «Громого Ястреба».

Здания, составлявшие дворцовый комплекс, раскинулись на обширной территории, вместившей кроме многочисленных строений тенистый парк, павильон для занятий спортом и маленькое озеро. С первого взгляда было件 понятно, что правители Павониса жили на широкую ногу. Чем же они готовы пожертвовать, подумал Уриэль, чтобы сохранить своё нынешнее положение? И чем они уже жертвовали?

Помимо самого дворца от внимательного взора Уриэля не укрылись многочисленные искусно замаскированные огневые позиции и входы в подземные гнезда с пусковыми установками. Дворец и, разумеется, вся центральная часть города в случае восстания или войны в любой момент готовы стать неприступной крепостью.

Понемногу сбавляя скорость, шаттл начал снижаться навстречу мерцающим огням посадочной площадки, окружённой кольцом высоких деревьев сразу за стенами дворца. На краю площадки притулились невысокий дотик пункта наблюдения и топливная цистерна, защищённая рельефным противовзрывным экраном.

Когда челнок опустился до десяти метров, Уриэль несильно ударил кулаком по механизму, освободившему его от крайней безопасности, остальные Космические Десантники последовали примеру своего командира. Уриэль инстинктивно извлёк из кобуры свой болт-пистолет.

Затигал зелёный огонёк,

сигнализирующий о готовности корабля
высадить десант. Назаниус и Леаркус
пошли в конец отсека.

--- Всем встать! Быть готовыми
высадиться и обеспечить безопасность
периметра! --- отдал приказ капитан.

Пока сержанты готовили людей к
высадке, Уриэль преклонил колени перед
маленькой иконой, размещённой в нише
рядом с его капитанским креслом. Читая
Литанию Битвы и Катехизис Воина,
Уриэль, как и подобало Ультратарину,
склонил голову. Завершив ритуал, он
крепко сжал эфес заветного египетского
поднялся и встал у верхушки
бронированного трапа в передней части
шаттла.

Тут раздалось шипение декомпрессии
и скрип гидравлики, трап быстро
опустился, ударившись о посадочную
площадку, и высадка началась. Трап был
ещё в воздухе, а два отделения
Ультратаринов уже выскользнули из
челнока и заняли оборонительные позиции
по периметру посадочной площадки с
болтерами на изготовку.

--- Боже мой, эти парни просто
великолепны! --- зааплодировал Барзано ---
голос его уже можно было слышать
сквозь постепенно затихающий визг
двигателей «Грозового Ястреба».

Назаниус поднял свой тяжёлый
болтер, пока Уриэль, осматриваясь,
спускался по трапу следом за Барзано.

Лишь только опустились
экранирующие щиты, из наблюдательного
пункта появился полный краснолицый
человек, одетый в простую чёрную
мантию эксперта с генно-коммутационной
панелью в руке.

Тут же целый взвод Ультратаринов
наставил на него свои болтеры; человек
взвизгнул и вскинул руки вверх.

--- Подождите! Не стреляйте! ---
взмолился он. --- Я здесь, чтобы встретить
эксперта Барзано!...

Барзано, Лортүэн и Уриэль ступили
на площадку, а двое Ультратаринов, встав
по обе стороны от встречающего,
сопроводили его к своему капитану. Между
двумя гигантами в доспехах этот
обливающийся потом коротышка казался и

вовсе зномом.

Барзано выступил вперёд, чтобы поприветствовать раскрасневшегося человека. Протянув одну руку, вторую он опустил на плечо своего помощника.

— Вы, должно быть, эксперт Баллион Варле? Доброе утро, сэр. Вы уже знаете меня, Арио Барзано, у нас с вами нет необходимости в процедуре знакомства, а эти замечательные парни — из Ультратаринов.

Барзано повёл Варле к Уриэлю, потоварищески тахнув рукой в его сторону:

— Это капитан Уриэль Вентрис, он командует Ультратаринами. Они прибыли, дабы устроить все так, чтобы всё прошло как по маслу, и, будем надеяться, положить конец некоторым проблемам, которые у вас здесь имеются. Не так ли?

Эксперт Баллион Варле кивал, опасливо поглядывая на бесстрастные забрала шлемов Костиических Десантников, и Уриэль сомневался, что Варле воспринимал хотя бы одно слово из трёх, произносимых Барзано.

Рұка Барзано скользнула по плечу Баллиона, и его палец нажал на генно-коммутационную панель, которую нёс этот грожащий человек. Аппарат защёлкал и задребезжал, издав в конце концов тихий звон. Только после этого Варле удалось оторвать взгляд от гигантских воинов и обратить свой взор на панель.

— Что ж, теперь по крайней мере вы знаете, что я не самозванец, — улыбнулся Барзано. — Значит, вы получили моё сообщение?

— Ах да, эксперт, конечно получил, хотя, честно говоря, его содержание несколько сбило всех нас с толку.

— Ну что вы, какое может быть беспокойство? Все рассосётся, мой друг, нет никакой необходимости волноваться.

— Да, разумеется, но если губернатор узнает, что вы знали, то есть что я знал, что вы придёте раньше, и не сказал ей... Она... она... — Варле умолк.

— Что она? — подтолкнул его Барзано.

— Ну, она... Она будет недовольна.

--- Прекрасно, значит, ты хорошо
начали.

--- Сожалею, но я не понимаю вас... ---
запротестовал было Барле.

--- Нет никакой необходимости
извиняться, вы и не должны это понимать.
Запутанная история, мой дорогой.

Лортүэн Перджег многозначительно
кашлянул, постучав своей тростью о
металлический троп, и уставился на
Барзано, который помахал ему рукой в
знак того, что беспокоиться не о чём.

--- Не обращайтесь на меня внимания,
дорогой друг, я слишком много говорю. Со
мной всегда так, когда я с кем-то
знакомлюсь. А теперь к делу. Думаю, гля
начала мы нанесём визит во дворец
губернатора. А как вы считаете?

--- Полагаю, что губернатор не
ожидает вас так рано...

--- Ну вот, здравствуйте-приехали... ---
задумался Барзано, рукой указывая на
промежуток между деревьями, где
мощённая булыжником дорога вела к
городским стенам. Уриэль увидел, как
открытая коляска, запряжённая четвёркой

идущих рысью лошадей, мчалась по дороге к посадочной площадке.

Коляска не имела колёс и держалась в воздухе посредством антигравитационной технологии, сходной с той, что применялась в скоростных наземных автомобилях Оргена; её лакированные борта были украшены геральдическими эмблемами, изображающими артиллерийский снаряд в венке.

Уриэль знал, что эта технология отнюдь не дешёвый понт, так что это транспортное средство, по всей видимости, обошлось своему владельцу в целое состояние.

Лошади — а они были, несомненно, данью традиции — остановились в облаке пыли, и высокий красивый щёголь, в чёрном костюме, синей бархатной накидке и изысканной треугольной шляпе с пером, вышел из кареты и поспешил к «Грозовому Ястребу». Каждая чёрточка лица этого местного денди так и светилась подобострастием.

Лортуэн Перджейд встал рядом с Барзано и Уриэлем, его мощное тело

казалось почти скелетом рядом с облачённым в силовые доспехи гигантом капитаном Ультратаринов.

--- Это Венгаре Талун, --- прошептал Перджег. --- Его семейный картель производит артиллерийские снаряды для Имперской Гвардии. Губернатор Шона выжила его лет десять назад, и теперь он возглавляет оппозицию против неё в сенате Павониса. Ходят слухи, будто именно он подстроил смерть своего брата после того, как они оба были низложены, дабы стать главой семьи.

--- Это все слухи, --- прошептал Барзано, прежде чем Талун подошёл к ним. --- А существуют ли доказательства?

--- Нет... пока...

Барзано кивком, не поворачиваясь, выразил свою благодарность и выступил вперёд, чтобы приветствовать вновь прибывшего. От взгляда Уриэля не укрылось, как на лице Баллиона Варлемелькнуло испуганное выражение. Заметив это, капитан Ультратаринов встал рядом с Барзано, а его рука привычно легла на эфес меча.

Венгаре Талун изысканно поклонился Барзано и Уриэлю, снял шляпу и широким жестом завёл её за спину. Когда Талун выпрямился, Барзано схватил его за руку и принялся энергично трясти её:

--- Наслаждение, лорд Талун, безусловное наслаждение. Меня зовут Ариос Барзано, но, конечно, вы это знаете. Поиждёте же скорее, давайте отправимся на вашей восхитительной карете в город, а?

Талун не ожидал от императорского эксперта столь жаркого приёма, но, следует отдать ему должное, быстро оправился от первого шока и пришёл в себя.

--- Разумеется, эксперт, --- улыбнулся он, указывая на свой парящий в воздухе экипаж. --- А не пожелает ли кто-нибудь из ваших спутников присоединиться к нам? Полагаю, мы могли бы взять ещё одного двоику.

--- Думаю, к нам присоединятся Уриэль и Лортүэн. Эксперт Баллион, не будете ли вы добры организовать еду и питьё для этих ребят?... Ну и отлично!

Барзано и Венгаре Талун

направились к карете, а Лортүэн Перджед
прошептал Уриэлю:

--- Что ж, теперь мы по крайней мере
знаем, что Баллиону доверять нельзя.

--- Что вы имеете в виду? --- не понял
Уриэль, наблюдая за тем, как
шарообразный эксперт в своей глиняной
накидке, нахмурившись, угрюженно
тащится к наблюдательному пункту,
тому самому, откуда он несколько минут
назад появился.

--- А как же, по-вашему, тогда Талун
узнал о нашем прибытии и приехал нас
поприветствовать?

Да, об этом Уриэль не подумал. И всё-
таки...

--- Вы подозревали, что ему нельзя
доверять, и тем не менее сообщили ему
время нашего прибытия?

--- Барзано предполагал, что местный
эксперт подкуплен кем-то из местной
знати. Теперь мы, по крайней мере,
выяснили, кем именно.

Видя, насколько ошарашила Уриэля
его прямота, Перджед снисходительно
улыбнулся:

--- На таких планетах, как Навонис, подобное в порядке вещей. Здесь, в восточной периферии, могут проходить десятилетия без официальных контактов с Администратумом.

--- Но только не на Ультрамаре, --- отрезал Уриэль.

--- Возможно, --- согласился Перджед. --- Но мы-то сейчас на Навонисе.

Дженна Шарбен с силой заехала щитом в покрытую жёлтыми пятнами физиономию какого-то человека и оттолкнула его обратно в толпу. Камеры для задержанных в «Рино» были уже забиты под завязку. На подходе были другие транспорты с базы, но всё, что могли сделать сейчас две шеренги арбитров, --- это соткнуть щиты и оттеснить толпу от дороги, ведущей к воротам дворца.

С момента, когда раздался первый удары дворцового колокола, собралась толпа в полтысячи человек, но этот громкий печальный перезвон наверняка привлечёт ещё много людей. Дженна

чертыхнулась про себя и проклала идиота, который отдал приказ колотить в эту штурковину. На заре истории Павониса колокол был действительно необходим --- его использовали, чтобы собирать членов сената, но теперь колокольный звон оставался лишь данью традиции.

«И чертовски глупой традиции», --- размышляла Дженна, отпихивая толпу щитом. Она прекрасно знала, что если уж требуется собрать сенаторов на заседание, то каждого из них вызывают лично, а сейчас этот чёртов колокол собирает лишь толпу лишённых гражданских прав рабочих, обозлённых на тех самых людей, которые вскоре проедут по этой дороге во дворец.

--- Сдерживать толпу, чего бы это ни стоило! --- раздался из-за шеренги арбитров крик сержанта Колликса.

«И чем, ты думаешь, мы все здесь занимаемся? --- мысленно ответила сержанту Дженна. --- Наслаждается приятной беседой в обществе нескольких десятков разъярённых рабочих?» Она слышала на базе разговоры о бойне,

которую Колликс устроил на площади Освобождения, что он, если верить арбитрам, остановил стрельбу, только когда Вирджил Ортега приказал прекратить огонь и отойти. Какие ещё ошибки сержант может совершить и сколько людей за это заплатит своими жизнями?

Мысли Дженны приняли опасный поворот, и она попыталась отбросить их, в этот момент кто-то из толпы потянулся к верхушке её щита. Дженна резко двинула верхним краем щита нападавшему в нос, и тот, завизжав, покатился обратно в толпу.

Толпа завопила громче, и Дженна, бросив короткий взгляд через плечо, увидела, как к воротам дворца приближается парящий в воздухе экипаж, запряжённый четвёркой лошадей. Толпа толпнулась вперёд, и Дженна охнула, ощутив, как прогнулась под её давлением шеренга арбитров.

Дженна Шарбен вбила в землю каблuki и всем корпусом налегла на щит, удерживая наседавшую толпу.

Откинувшись на мягкую спинку обитого кожей дивана в плавно скользящей карете, Солана Верген разглядывала в зеркале карманной пудреницы свои влажные глаза, размышляя о том, насколько подобающе она выглядит. А выглядеть она должна как убитая горем дочь. Удовлетворённая своим видом --- бесстрастное зеркало отражало совершенный образец горюющей девушки, прекрасной, но гразняще уязвимой, --- Солана принялась расчёсывать щёткой из слоновой кости и серебра свои глинные, светлые, с медовым оттенком, волосы. Однако это занятие не мешало ей с любопытством выглядывать в завешенное бархатом окно на залитую ярким солнцем площадь Освобождения.

Солана зевнула, заметив группу нагоедливых рабочих, выстроившихся вдоль дороги и что-то выкрикивающих. Карета как раз въезжала в дворцовые ворота. И в самом деле, чего же они собирались добиться? Затем Солана обратила внимание, что многие из

рабочих были одеты в зелёно-жёлтые робы
картеля Верген. Почему это они не на
работе? Они что, ещё не поняли, что
теперь работают на неё?

То, что отец Соланы, их прежний
хозяин, так по-гурацки дал себя убить на
прошлой неделе, вовсе не означало, что
люди теперь могут уходить с работы,
когда им вздумается. Девушка решила при
первой же возможности позвонить
местному управляющему с тем, чтобы
тот предоставил ей имена
отсутствовавших на рабочем месте. А
чтобы преподать им всем урок, она уволит
их и самого управляющего за нарушение
трудоуговой дисциплины.

Они все очень скоро увидят, что
Солана не такая мягкотелая, каким был
её отец.

Вспомнив о нём, девушка надула
губки, и бледное лицо Талүна, сообщившего
ей о гибели отца, снова встало перед её
глазами. Неужели этот глупец и в самом
деле считал, будто её брак с его сыном
каким-то был чем-то большим, нежели
обыкновенная сделка? Несомненно, Талүн

полагал, что поставит своего сына главой картеля Верген, но в отношении Соланы Верген он глубоко просчитался.

У неё уже есть кое-какие связи в других картелях, и эти люди будут не просто очень рады услышать нечто из тех глупостей, которые её женишок, всхлипывая, наболтал ей, когда они, удовлетворив свои низменные потребности, лежали рядом в темноте.

Советники отца приходили в ужас от одной мысли, что рано или поздно Солана возьмёт в свои руки бразды правления производством, но девушка никак не могла взять в толк, с чего бы это. Глава картеля Шонаи — женщина, и она же — губернатор всей планеты. Солана, размышляя о будущем, ещё плотнее натянула на плечи накидку и опустила руку в шелковой перчатке на борт кареты.

Да, картель Верген определённо ждёт кое-какие перемены.

Толстые, униженные перстнями пальцы Тарина Хонана выбивали нервную дорожку по бортику коляски, а объёмистый

заг болезненно воспринимал неприятное
тарахтение колёс по булыжникам
мостовой.

Он в очередной раз выругался,
вспомнив, как ему не позволили вложить
деньги его картеля в
антигравитационную карету. А ведь это
были бы хорошие инвестиции, неужели
комитет этого не понимал? Так
унизительно приезжать во дворец на
грохочущей таратайке, а не на плавном
престижном транспортном средстве вроде
тех, что у Талүна и де Валмоса.

Тем не менее Хонан продолжал
надеяться, что однажды станет таким
же успешным, как и они, и завоюет
уважение и восхищение меньших картелей.
Он решил внимательно наблюдать за
Талүном и де Валмосом во время собрания
в сенате. Какого бы мнения ни
придерживались Талүн и де Валмос, так
же станет поступать и он. Эти двое
наверняка признают в нём равного, если
Хонан будет поддерживать их политику.
Разве не так? Или они будут думать о
нём, как о бесхребетном существе,

следующем за ними просто ради того, чтобы подлизаться? Тарин Хонан жевал свою нижнюю губу и размышлял, как же поступит в этом случае комитет.

Но стоило ему закрыть глаза и представить, как все они, сидя вокруг длинного губового стола, однообразно трясут своими глупыми головами, отклоняя очередное внесённое и захватывающее деловое предложение, Хонан впал если не в ярость, то по крайней мере в безумное раздражение.

И почему это он -- единственный из лидеров картелей -- должен отвечать перед комитетом? Разве это справедливо? Он знал, что все остальные насмеются над ним из-за этого. Он стал постыдищем для всех, даже для лидеров крошечных картелей, состоящих из одного предприятия, которые и место в сенате могут позволить себе с трудом.

Да, он совершил несколько ошибок. А кто их не делал в бизнесе?

Да, несколько сделок пошло не так хорошо, как он надеялся, и, конечно, была ещё неудача с продажным мальчишкой.

который, получив доступ к его кредитной карте, оставил Хонану гигантский долг, прежде чем сбежать с Павониса на одном из многочисленных инопланетных грузовых кораблей. Но неужели такая ерунда стала для комитета поводом лишить его исполнительной власти и назначить себя всемогущим хозяином его финансов?

Хонан страстно надеялся, что этот мальчишка оказался на борту одного из кораблей, захваченных эльдарами, которые пытали его всевозможными отвратительными способами. Эта мысль вернула Тарину вкус к жизни и даже вызвала улыбку на его пухлой физиономии. Хонан облизал накрашенные губы, представив страдания мальчика в руках работорговцев-эльдаров.

И ещё сильнее сжал потной рукой трость чёрного дерева.

Казимир де Валмос зевнул, поторщившись от жжения в лёгких, вызванного горьким смогом, висевшим в воздухе, и закрыл глаза, ожидая, пока антигравитационная карета плавно

остановится у двorca. Ненадолго он задумался, чего же может хотеть теперь эта сучка Шонау, но тут же отбросил эту мысль как неуместную. Кого теперь на самом деле заботят её желания? Он улыбнулся, подумав, что, быть может, она решила объявить о своём абсурдном предложении пойтать эльгаров-налетчиков. Неужели она действительно думает, что его картель так легко купить?

Если Шонау считает, что они так вот запросто ей подыграют, тогда она ещё более глупа, чем полагал де Валмос.

Когда-то Никола Шонау могла быть достойным политическим соперником, но теперь она была всего лишь усталой старой женщиной. Она с трудом цепляется за власть кончиками пальцев, не осознавая, что целая толпа людей только и ждёт подходящего момента, чтобы её уничтожить.

И Казимир де Валмос — первый среди них.

Достав из-под накидки серебряный портсигар, он вытащил из него тонкую

сигару и закурил. Де Балмос знал, что сигары вредны для его лёгких, и в очередной раз горько устехнулся иронии жизни.

После встречи с эльдаром на его чудовищном корабле много лет назад, лёгкие Балмоса прихватывало иногда даже от простого тумана, но будь он проклят, если перестанет из-за этого делать то, что ему хочется! Он всегда так делал и всегда будет делать, и будь проклят тот, кто попытается ему помешать.

Венгаре Талун улыбнулся, обнажив два ряда идеальных зубов, и это напомнило Уриэлю клыкастые ухмылки шипящих хормазантов, которых он убивал на Айкаре IV. Уриэль познакомился с Талуном всего десять минут назад, но этот человек ему уже определённо не нравился.

— Утак, эксперт Барзано, Баллион Варле сообщил мне, что ваш корабль атаковали во время путешествия. Это, конечно, плохо. Губернатор должна больше делать для того, чтобы не допускать

подобных злодеяний.

Уриэль ответил про себя, что, со стороны Талүна, үтно не пытаться скрыть тот факт, что Барле сообщил ему об их раннем прибытии, -- он догадывается, что Барзано тоже должен был это понять. «Интересно, думает ли Талүн, что сможет купить Барзано?» -- вдруг пришло ему в голову.

-- Да, мой дорогой Талүн, это не есть хорошо, -- согласился Барзано. -- Наши действительно атаковали, но мы быстро спровадили этих мерзавцев.

-- Приятно слышать это, -- кивнул Талүн. -- Мы наслушались историй про этих презренных чужаков. -- И Талүн улыбнулся Уриэлю, похлопав по его покрытому бронею колену. -- Но теперь, когда отважные воины-Ультрамарины здесь, нам нечего бояться, не так ли?

Уриэль склонил голову, хотя ему не понравилась чрезмерная фамильярность этого человека.

-- Благодарю вас за оказанное доверие, гилдер Талүн, -- ответил Уриэль, использовав местную форму обращения к

руководителю картеля. -- Милостью
Императора мы избавим вас от этих
нечестивых чужаков и вернём мир на
Навонис.

-- Ах, если бы всё было так просто,
той дорогой капитан Вентрис, -- вздохнул
Талун, -- но боюсь, что губернатор Шона
вела нас по слишком разрушительной
дороге, чтобы можно было спасти
экономику нашего любимого мира. Для
этого недостаточно уничтожить горстку
назойливых налётчиков. Её десятиный
налог причиняет ущерб всем нам, и больше
всего -- мне. Всего два дня назад я был
вынужден уволить тысячу человек, чтобы
снизить расходы и улучшить маржу, но
разве губернатор думает о таких людях,
как я? Разумеется нет.

Уриэль отвернулся, чтобы скрыть
презрение к этому эгоистичному человеку,
и не обратил на его слова никакого
внимания.

-- А как же дополнительные людские
ресурсы, которые она обещала нам, чтобы
защитить производства от Церкви
Старых Принципов? Я потерял свыше семи

тысяч человеко-часов из-за их бомб! — продолжал, горячась, Талун.

«Сколько же реальных людей он потерял?» — подумалось Уриэлю, но вряд ли это его всерьёз заботило.

— Может, гилдер Талун, — предложил Уриэль с металлическими нотками в голосе, — нам следовало бы оставить все эти разговоры о политике для зала сената, а сейчас просто наслаждаться поездкой?

Талун выразил своё согласие кивком головы, но Уриэль заметил, как в его взгляде протелькнуло раздражение. Талун явно не привык к тому, чтобы люди, обладавшие, по его мнению, более низким политическим статусом, делали ему замечания.

Не обращая на Талуна больше никакого внимания, Уриэль полностью отдался изучению проносящегося мимо него пейзажа. Городские стены были высокими и имели скос внутрь, направленный к нависающему крепостному валу. Капитан заметил гранатоуловители; встроенные в навесные

бойницы, и полевые электрогенераторы, расположенные по всей глине стен. Из сведений о Павонисе, с которыми Уриэль ознакомился перед путешествием, он знал, что практически всё необходимое для жизни производилось на самой планете тем или иным из семейных картелей. По большому счёту и городам Ультрамара для защиты были не нужны такие технологические безделушки, но на его планете были куда более сильные защитные средства: отвага, честь и люди, олицетворяющие собой лучшие примеры человеческого благородства.

С рождения воспитанные на примерах героизма и чести, получившие образование на принципах благословенного примарха, Ультрамарины никогда эти принципы не нарушат, никогда не капитулируют и никогда не поддадутся никакой излишней роскоши.

Из этих размышлений Уриэля вывелось многозначительное покашливание Перджеда: карета уже проезжала через бронзовые городские ворота.

Здания, расположенные с внутренней

стороны городских стен, при ближайшем рассмотрении выглядели вовсе не так впечатляюще, как с воздуха: они были спроектированы исключительно функционально и почти не имели украшений. Здания же Макрэйджа, хотя и простые, были спроектированы весьма искусно, будучи, с одной стороны, прочными и надёжными, с другой — шедеврами архитектуры. Уриэль понял, что коробкообразные сооружения Павониса спроектированы с целью достижения максимальной эффективности издержек, и посетовал про себя, что те, кто управляет финансами, частенько подрезают крылья фантазии архитекторов. Здесь и там Уриэль видел мужчин и женщин, очищающих стены зданий от коричневато-жёлтого налёта — неизбежного следствия столь близкого соседства с тяжёлой промышленностью. Он заметил также, что все они одеты в белые спецовки, чтобы на фоне стен выглядеть менее заметными.

Карета легко неслась вдоль вытощенных булыжником мостовых, мимо

жителей в элегантных чёрных нарядах. От взгляда Уриэля не укрылось, что, когда карета пролетала мимо очередного горожанина, тот подобострастно снимал шляпу. По многолюдным улицам эхом разносился звон дворцового колокола.

Талун высокомерно помахивал проходом, и Уриэля поразили его уверенные, непринуждённые манеры.

--- Вы здесь, как я вижу, хорошо известны? --- поинтересовался Барзано.

--- Да, разумеется. У меня много друзей в городе.

--- Как я понимаю, большинство этих друзей --- члены картеля?

--- Конечно. Простые люди обычно не охотеливаются входить в город. Это все, понимаете ли, сборы. Большинство из них не могут себе позволить войти внутрь. Особенно сейчас, когда губернаторская десятина выжимает из них последние соки.

--- Люди должны платить, чтобы войти в эту часть города?

--- Ну да, --- ответил Талун так, словно сама мысль о том, что по городу

можно разгұливать бесплатно, была
стешной и неленой.

--- И какова же плата за вход?

Талұн пожал плечами:

--- Не знаю, сколько именно. Мы, члены
картеля, разұмеется, освобождены от
этого сбора, но за свои прогұлки по городу я
ежегодно вношұ малую толику своей
прибыли.

Барзано наклонился вперед и помахал
рукой за бортом кареты.

--- А как же поддерживаются
городские парки? Чистятся здания? Кто за
это платит? Империя?

--- Нет, нет, нет, --- поспешно замахал
руками Талұн. --- Я полагаю, что на их
обслуживание идет часть общих налогов.

--- Значит, говоря другими словами, ---
размышлял вслұх Барзано, --- все население
вносит свой вклад в это чудесное место, но
не может им наслаждаться, не заплатив
за эту привилегию повторно?

--- Полагаю, что это односторонний
взглад на вещи, --- высокомерно ответил
Талұн. --- Но, смею вас заверить, никто не
жалуется.

--- Ну уж не знаю, --- не пригнувшись
заметить Уриэль, кивнув в сторону
разъярённой толпы, собравшейся перед
чёрными воротами Имперского дворца. ---
Они не выглядят очень уж довольными
положением вещей на вашей планете.

* * *

Дженна не отрываясь смотрела, как к
дворцовым воротам приближается
последний из экипажей, и закатила глаза,
увидев, что это коляска с открытым
верхом. Неужели эти глупцы так и не
поняли, что творится на городских
улицах? Тех, что проехали раньше,
закидали бутылками и камнями,
вывернутыми из мостовой, и лишь
тилотью Императора никто не был
ранен.

--- Как вы можете им служить? ---
крикнул в лицо Дженне человек,
измазанный сажей. --- Неужели вы не
видите, что помогаете поддерживать

режим воров и обманщиков?

Неожиданно рядом с Дженной возникла фигура сержанта Колликса. Сержант размахнулся и что было сил врезал своей шоковой булавой прямо по лицу этого мужчины. Тот рухнул наземь, из его сломанной челюсти полилась кровь, и Колликс оттащил его за шеренгу арбитров. Затем сержант поволок кровоточащее бесчувственное тело в «Рино».

Конечно, то, что сказал этот человек, было явной провокацией, но в глубине души Дженна понимала: очень даже возможно, что он прав.

Однако Дженна отогнала от себя эту кратольную мысль. Не прошло и пяти лет, как она окончила Школа Прогениум, а её подготовка для Агентус Арбитрес завершилась лишь шесть месяцев назад, так что рассуждать о политике было вовсе не её ума дело. Вопрос о преступной некомпетентности правителей Павониса будет решать вышестоящее руководство, и если все окажется именно так, то правители планеты будут отстранены от

занимаемых должностей.

Дженна напрягла мышцы ног, приготовившись вновь противостоять толпе, но с удивлением вдруг осознала, что в этом больше нет необходимости: люди перед ней, словно по команде, сделали шаг назад и изумлённо уставились на что-то позади неё. Убедившись, что поблизости нет никого, представляющего угрозу, она бросила быстрый взгляд через плечо.

Мимо толпы скользила великолепная, парящая в воздухе карета, но все внимание Дженны Шарбен поглотил не сам экипаж, а гигант в синих доспехах, восседавший в карете вместе с Талунот и двумя мускулистами, которых Дженна видела впервые.

Она никогда раньше не видела Костиического Десантника своими глазами, но на родной планете Дженны Верган III она не раз подолгу рассматривала религиозные картины и плакаты. Но она и представить себе не могла, что необычайные размеры, приписываемые Костиическим Десантникам, могут на самом деле

оказаться правдой. Дженна узнала белоснежную эмблему на наплечнике Десантника: он был Ультратарином. Поэтому арбитр ощутила прилив безрассудного страха, когда огромный воин бросил на неё суровый взгляд.

Карета промчалась сквозь ворота двorca, и воин-Ультратарин пропал из виду. Страхнув с себя оцепенение, Дженна вновь повернулась лицом к толпе, готовая к очередным неприятностям.

Однако такое зримое напоминание о мощи Империи, как Костический Десантник, лишило толпу какого бы то ни было желания продолжать беспорядки, и люди начали понемногу расходиться. Сначала — по двое и по трое, затем — большими группами, по мере того как весть о прибытии огромного воина Императора доходила до удалённой части толпы. Ещё несколько демагогов пытались удерживать людей своими пламенными речами, но их уже никто не слушал, так что вскоре и этих ораторов пошибали наземь дубинками и уволокли в камеры «Рино».

— Ты видела его? — испуганно
обратился к Дженне арбитр, стоявший
рядом с ней в оцеплении. — Здесь
Космические Десантники!

Да, гүмала Дженна Шарбен,
Космические Десантники здесь.

Но вот что это значило: всё стало
лучше или, наоборот, ещё хуже?

Купол Палаты Благочестивого
Общения Сената Павониса был отлит из
прочной бронзы, но его внутренняя
поверхность со временем покрылась густой
патиной. Круглое помещение под куполом
было заполнено ярусами кресел, в которых
горланили члены картелей Павониса.
Нижний ярус — тот, что ближе остальных
находился к полу в красно-золотую клетку,
был предназначен для глав двадцати
четырёх картелей. При этом ряды тёмно-
красных кожаных кресел редко бывали
заполнены, исключения составляли лишь
заседания в начале очередного финансового
года.

Сейчас здесь были заняты лишь
шестнадцать кресел. Главы шести

наиболее прибыльных картелей — Шонау, Берген, де Валмос, Талун, Хонан и Аброгас — присутствовали, напоказ проявляя друг к другу дружеские чувства. Позади глав картелей сидели члены их семейств.

И наконец в верхнем ярусе Палаты, в задней её части, восседали столь же открыто высказывающиеся члены картелей, которые не состояли в кровных связях с их владельцами, но все они тем не менее подписали исключительные контракты о верности уставам картелей. Верхний ярус был самый многочисленный в палате, и его отделённые от остальных члены злобно вопили друг на друга, несмотря на неоднократные призывы к порядку облачённого в парик Посредника. Это и неудивительно: верхний ярус заполняли сплошь прихлебатели и авантюристы, которые, пользуясь связью с выбранными ими картелями, любой ценой стремились к продвижению в обществе. Именно на этом ярусе Уриэль заметил эксперта Баллиона Варле, сидящего с каким-то неуверенным видом в секторе,

предназначенном для поддерживающих
Талуна.

Гостям и тем, кто не имел
формального права принимать участие в
деятельности Палаты, разрешалось
сидеть на голых деревянных скамьях этого
яруса, и вот отсюда Арио Барзано,
Портунэн Перджег и Уриэль Вентрис
наблюдали за происходящим внизу.

Уриэль спиной ощущал на себе
взгляды многих зрителей из верхнего
яруса, но, заставляя себя не обращать на
них внимания, старательно
прислушивался к тому, что происходило в
Палате.

--- Отсюда ничегошеньки ни
разглядеть, ни расслышать, --- проворчал
Барзано, во весь рост вытянувшись над
медным поручнем яруса.

--- Полагаю, что именно так все и
рассчитано, --- с раздражением проворчал
Перджег. --- Многие миры на востоке
галактики печально известны своим
нежеланием допускать наблюдателей к
деятельности своей государственной
машины. Даже наблюдателей, столь...

влиятельных, как вы.

--- Вы и впрямь так считаете? ---
равкнул Барзано. --- Что ж, посмотрим.

Уриэль прекрасно понимал
неудовлетворённость Барзано, но
благодаря генетическим
усовершенствованиям органов зрения и
слуха он все прекрасно видел и слышал
даже со столь удалённого места.

--- А кто тот большой парень в
чёрном? --- спросил Барзано, указывая на
городного детину в центре зала,
колодящего в пол глиняным шестом,
увенчанным бронзовой сферой.

--- Это Посредник, --- ответил
Портүэн Перджег. --- Он выступает в
качестве председателя на заседаниях
сената, одобряет повестку дня и
определяет порядок выступлений.

--- Что-то не похоже, что он
справляется со своими обязанностями
успешно. Что, в конце концов, он там
говорит?

--- Пока он всего-навсего призывает
собравшихся к спокойствию, --- ответил
Уриэль.

Барзано и Перджег углублённо
установились на Ультратарина, пока не
вспомнили наконец о его
усовершенствованных чувствах.

--- И всё же так не пойдёт, Уриэль, ---
после секундного замешательства произнёс
Барзано. --- Совсем не пойдёт. Ты-то в
состоянии слышать все, но я не хочу
выяснять, что происходит, из вторых рук.
Не в обиду тебе будь сказано, мой дорогой.

--- Да я и не обижаюсь, --- заверил
эксперта Уриэль. --- Боевая информация из
первых рук всегда более надёжна.

--- Совершенно верно. Так что пойдёт.
Давай-ка выберется с этого насеста и
поищем местечко поближе.

Барзано поднялся и повёл Уриэля и
Перджега за собой по каменным ступеням
к нижним ярусам. Несколько тусклых
судебных приставов в отороченных мехом
мантиях и треугольных шляпах, бренча
золотыми цепями --- знаками их
должности --- на бычьих шеях, попытались
было преградить им путь чёрными
жезлами с бронзовыми набалдашниками.
Уриэль видел, что они держали эти

глубины вполне профессионально, и догадался, что некоторые заседания сената требовалось прерывать, когда «дискуссии» становились чрезмерно горячими. Но один лишь взгляд на исполнинского капитана Ультрамаринов убедил приставов в том, что благоразумие, как бы то ни было, лучшая составная часть мужества, и в считанные минуты Барзано, Перджед и Уриэль удобно устроились в обитых кожей креслах позади глав картелей.

Посредник многозначительно постучал жезлом в выложенный плиткой пол и уставился на вторгшуюся в Палату сената троицу. Бейлифы за их спинами лишь пожимали плечами. Головы присутствующих одна за другой повернулись в направлении незваных гостей, и в полном зале воцарилась столь несвойственная для этого места тишина. Все ожидали, какие шаги предпримет Посредник.

Сложив на груди огромные руки, Уриэль в ответ вперил взор в лицо обливающегося потом человека.

Напряжение было поистине велико, но оно спало, когда поднялся Венгаре Талун и взмахнул тростью в направлении Посредника:

--- Посредник, могу ли я обратиться к нашим гостям?

Человек в мантии нахмурился, но кивнул:

--- Слово предоставляется почтенному Венгаре Талуну.

--- Благодарю вас. Друзья, члены картелей и трейдеры! С огромным удовольствием я приветствую здесь сегодня экспертов Барзано и Перджеда, а также капитана Ультратаринов Уриэля Вентриса в качестве наших гостей. Эти почтенные посланцы Императора прибыли в наш беспокойный мир посмотреть, что можно сделать, чтобы помочь нам в тех ужасных трудностях, которые мы вынуждены испытывать на протяжении нескольких последних тягостных лет. Я полагаю, что это всего лишь благодарность -- приветствовать их здесь, на нашем скромном собрании, и проявить по отношению к ним

максимальную обходительность и
предупредительность во время их
пребывания на Павонисе.

Слова Талүна были встречены в
равной мере как аплодисментами, так и
развительными замечаниями, а Перджед,
наклонившись, прошептал Барзано и
Уриэлю:

--- Очень уютно. Вроде бы Талүн ничего
такого и не сказал, а из его речи вышло,
что мы здесь благодаря его влиянию, и,
таким образом, теперь Талүна будут
воспринимать как политика с большей
перспективой, нежели губернатора. В то
же время Талүн обошёлся без открытой
критики в её адрес. Очень уютно!

--- Да, --- согласился Барзано, и глаза
его сузились. --- Очень уютно.

От тишины, которая стояла в зале
ещё минуту назад, не осталось и следа.
Всюду звучали аплодисменты, свист и
призывы сказать своё слово руководителям
других картелей, но Уриэль уже не
обращал на это никакого внимания --- он
был поглощён изучением других членов
картелей, сидящих в переднем ярусе. В

ближайшем к Посреднику ряду
расположились губернатор Павониса и её
советники. Худощавый, с резкими
чертами лица человек стоял позади
губернатора, а рядом с ней восседал,
потягивая трубку, мужчина постарше с
огромной седой бородой. Оба ей что-то
настойчиво нашептывали.

Никола Шонаи Уриэлю понравилась.
Несмотря на царивший в зале сената хаос,
она вела себя с достоинством, и капитан
понял, что губернатор — личность очень и
очень сильная.

Когда Талун, завершив речь, вернулся
на место, взгляд Уриэля упал на сегого
мужчину, сидевшего рядом с ним.
Иссечённое шрамами, обожжённое лицо
этого человека имело нездоровую
бледность и вставки синтенили.
Казалось, выступать ему не хотелось, и он
с неприкрытой ненавистью уставился на
губернатора Шонаи.

— Это Казимир де Валмос, —
прошептал Перджед, проследив глазами за
взглядом Уриэля. — Однажды корабль
этого бедняги был атакован эльдарскими

пиратами. Очевидно, они вдоволь нас ним
потешились, пока ему не удалось удрать.

--- Что они с ним сделали?

--- Не знаю. «Кошмарные вещи» --- вот
и всё, что есть в моих записях.

--- Что производит его картель?

--- Двигатели и корпуса для боевых
танков «Леман Русс» и, главным образом,
тяжёлые артиллерийские орудия, хотя
думаю, что по большей части за
производством надзирает не сам Валтос,
а его подчинённые.

--- Откуда у вас такое мнение,
Портвэн? --- спросил Барзано.

--- В документах Административного
касаящихся этого мира, зарегистрировано
не менее семи обращений гилдера де
Валтоса за имперскими разрешениями на
организацию археологических экспедиций в
этой системе. Многие из прекраснейших
экспонатов галереи казначейства
Навониса --- из его частной коллекции. На
Навонисе он известный покровитель
искусств и человек, как никто другой,
увлечённый древностями.

--- В самом деле? В таком случае у

нас есть общие интересы, — хихикнул Барзано.

Перджег бросил на своего руководителя колющий взгляд, и Уриэль в очередной раз подумал, что бы всё это могло значить и почему Барзано сам не знал этих фактов. Он кивнул в сторону борогатого человека с «конским хвостом», который сидел, согнувшись, рядом с де-Валтосом и Талунот. Уриэль видел его безжизненный взгляд — даже среди запахов тел сотен людей, присутствующих в зале, он отчётливо уловил слабый аромат сновторного, исходящий от этого человека. Он легко распознал этот запах, хотя это сновторное было не столь распространено в галактике.

— А что насчёт этого, кто он?

Бросив косой взгляд на незнакомца, Перджег разочарованно вздохнул:

— Это, капитан Вентрис, Бошамп Аброгас, и более жалкий образчик человечества вам трудно будет сыскать по эту сторону от шлейфа Паломника Офелии. Он бездельник и транжира, который с трудом напишет и собственное

иля, даже если дать ему в руки перо и
написать за него половину букв.

Гнев, прозвучавший в голосе Лортүэна
Перджеда, поразил Уриэля, и старик,
казалось, это понял. Он үстехнулся и
пояснил:

— Извините, но я нахожү подобное
разбазаривание талантов, данных
личности Императором,
расточительством. А если
Администратүм и ненавидит что-нибудь,
так это убытки, дорогой капитан.

Внимание Уриэля вновь
переключилось на нижнюю часть зала, где
некое подобие порядка наконец было
восстановлено. Посредник указал своим
жезлом на толстяка в напүгренном белом
парике, ниспадающем на плечи, в то время
как визгливая глинноволосая блондинка
что было точи вопила на него. Уриэль
вопросительно поднял бровь, а Перджед
пожал плечами:

— Она сидит в кресле, обычно
предназначенном для Вергена, поэтому
можү лишь предположить, что она его
дочь. Я ничего о ней не знаю, — признался

эксперт.

Эта женщина была бы привлекательной, подумалось Уриэлю, если бы гала себе труд сдерживать свои порывы. Ухватившись за поручень перед собой, девушка пыталась перекрычать всех остальных членов сената.

— Я требую, чтобы сенат признал моё право говорить от имени картеля Верген! — неистовствовала она. — Как дочь Леотаса Вергена, я требую права быть выслушанной!!!

Посредник явно игнорировал эту женщину, а два бейлифа подошли и встали рядом с ней. Посредник отвернулся и произнёс:

— Слово предоставляется... почтенному Тарину Хонану!

В ответ на это объявление с верхних ярусов раздалась стешки, а вслед за ними вниз полетели скотканные повестки дня. Толстяка, казалось, такая реакция на слова Посредника весьма расстроила. Он вынул свою объёмистую грудь, громко кашлянул, прочистив горло, и заговорил высоким гнусавым голосом:

— Думаю, что выражу наше общее мнение, присоединившись к гилдеру Талуну и приветствуя наших почтенных гостей на Павонисе. Что касается меня, то я хотел бы предложить им гостеприимство всех моих сельских имений.

— А комитет-то это одобрил, а, Хонан? — выкрикнул голос с противоположной стороны зала.

Комментарий шутника вызвал аплодисменты и смех, и Уриэль заметил, как гилдер Талун с раздражением потирает переносицу, словно поддержка Хонана ему неприятна.

Вернувшись на место, гилдер Хонан возложил руки на свой круглый живот. Он был смущён и пристыжен одновременно. Визгливая женщина опять принялась что-то кричать в сторону Посредника, а тот, ударив жезлом в плиты пола, произнёс:

— Если с этим вопросом покончено, гжентльмены, то первым пунктом в сегодняшней повестке дня значится чрезвычайное предложение, внесённое почтенным гилдером Талунот.

На противоположной стороне зала

губернатор Павониса вскочила на ноги:

--- Посредник, это недопустимо! Неужели вы позволите гилдеру Талуну вот так запросто захватить контроль над процедурой? Я созвала это заседание сената, и право первого голоса принадлежит мне.

--- Чрезвычайное предложение имеет преимущественное значение по отношению к праву первого голоса, --- невозмутимо возразил губернатору Талун.

--- Я знаю правила процедуры! --- рявкнула Шонаи.

--- В таком случае могу ли я надеяться, что вы позволите мне продолжить, губернатор?

--- Я прекрасно понимаю, чего вы здесь добиваетесь, Вендаре. Что ж, продолжайте, будьте вы прокляты!

--- Как пожелаете, губернатор Шонаи, --- подчёркнуто учтиво ответил Талун. Он встал, широко разведя руки в стороны, пробрался к центру зала, встал на клетчатый пол и принял из рук Посредника предложенный им жезл.

Лишившись жезла, Посредник

заглянул в свой инфоблок и произнёс:

--- Гилдер Талун, я вижу: внесённое вами предложение не имеет заголовка. В соответствии со статьёй шестой правил процедуры заседаний, от вас требуется заполнить форму три-два-четыре трижды в трёх экземплярах. Могу я предложить вам сделать это сейчас?

--- Приношу уважаемому собранию свои глубочайшие извинения за отсутствие заголовка, но я чувствовал, что объявление темы моего предложения вызовет ненужное предубеждение, если это станет известным до того, как я сам её сообщу. Будьте уверены, что я заполню соответствующую форму сразу по окончании собрания.

Посредник кивнул в знак согласия, предоставляя тем самым слово Венгаре Талуну.

Тот резко стукнул жезлом в пол.

--- Друзья, мы живём в беспокойные времена, -- начал он под лстивые аплодисменты. Талун улыбнулся, благосклонно приняв рукоплескания, и, прежде чем продолжить, картинно поднял

сверху руки, прося тишины. — На всём протяжении нашей великой коммерческой истории мы редко встречались со столь серьёзными угрозами, как сейчас. Мерзкие чуждые налётчики мешают нашим перевозкам, Церковь Старых Принципов взрывает наши предприятия и убивает наших рабочих. Торговое дело превратилось в дело выживания: затраты растут, налоги кусаются ещё сильнее и маржа сокращается.

Публика подобоострастно кивала оратору, с верхних ярусов даже раздавались громкие возгласы одобрения. Талун же расхаживал по залу, стуча жезлом, чтобы придать своим словам ещё больший вес. Далее Уриэль, плохо разбирающийся в тонкостях политики, не мог не отдать должное ораторскому искусству Венгара Талуна.

— И что же делает наш хваленый губернатор для преодоления этого кризиса? — спросил Талун.

Собрание разразилось страстными выкриками: «Ничего!», «Да плевала она на все!» — и эти слова были ещё сатыми

мягкими из тех, что раздались с верхних ярусов. Талун же невозмутимо продолжал:

— Среди нас нет никого, кто бы не пострадал от её, мягко говоря, своеобразного финансового режима.

— Мой собственный картель стонет под тяжестью десятинного налога губернатора Шонаи так же, как и другие. Кому, как не мне, знать это? Брат де Валтос, вы сами были атакованы этими презренными чуждыми пиратами, от которых и нам достаётся, и вас кошмарно пытали. И тем не менее губернатор ничего не делает! Ровным счётом ничего! Сестра Верген, ваш возлюбленный отец был убит во время беспорядков. И тем не менее губернатор ничего не делает! Брат Аброгас, вашего кровного родственника чуть не убили на улицах родного города. И тем не менее губернатор ничего не делает!!!

Солана Верген была слишком удивлена тем, сколь большое значение придавал смерти её отца Талун, чтобы отреагировать на это соответствующим образом, то есть продемонстрировать, как

она убита горем. Что касается Бошампа
Аброгаса, то он даже не заметил, что
губернатор упомянул и его имя.

--- Наш мир --- в осаде, друзья мои.
Хищники собираются, чтобы обглодать
почиста нашу планету. Однако губернатор
ничего не делает!!!

Слова Талүна были встречены
овацией, и Уриэль видел, как два
советника губернатора чуть ли не силой
удерживали её на месте, когда Талүн
повернулся, чтобы в очередной раз
обратиться к Посреднику. Вдруг овации
столкли, и в зале внезапно воцарилась
мёртвая тишина: собрание ожидало, что
Талүн скажет дальше.

--- Посредник! --- Голос Талүна принял
официальный тон. --- Я вношу предложение
о вынесении сенатом вотума недоверия
губернатору Шонаи и отстранении её от
должности!...

Магос Дал Колүрст, техножрец
глубоководной шахты Тембра Ридж, в
третий раз сверился с картой на своём
инфоблоке, дабы убедиться, что находится
в нужном месте. Глядя на вспыхнувший
тусклым светом дисплей, Колүрст
испытал сильное облегчение, которое не
замедлило отразиться на лице
техножреца. Если бы кто-нибудь сейчас
находился с ним рядом, он увидел бы в
зелёном свете, возникшем вокруг дисплея,
довольную улыбку Колүрста. Но рядом с
ним не было никого. Колүрст глянул вверх,
проверяя, не повреждены ли провода
светильников и электрический кабель,
соединяющий их с силовым
трансформатором. Наклонившись к
трансформатору, он услышал
обнадеживающее жужжание, которое
сообщило техножрецу, что тот
функционирует исправно. Да, кажется, все
в порядке. Должное почтение Богу
Машине выражено, и он проверил

правильность всех подключений.

Так почему же тогда он стоит один-одинёшенек в душной тьме шахты, освещённой лишь дисплеем инфоблока и лучом наплечной лампы?

Колүрст ещё раз сверился с картой --- просто чтобы убедиться, что он стоит в том самом месте. Второй ствол шахты, тоннель семьдесят два, переход тридцать шесть. Колүрст знал, что он --- в том месте, и не мог понять, почему здесь такая темнота, когда эта часть шахты должна быть буквально залита светом, здесь должно быть светло, как днём.

Техножрец вздохнул, понимая, что придётся запрашивать другой генератор, невзирая на то, что начальнику шахты Ласко это вряд ли понравится: времена нынче тяжёлые и картель всемирными возможными средствами пытается снизить затраты. А это уже третий генератор, который летит в течение трёх недель, и Колүрст просто не мог взять в толк, что с ним такое происходит. Он и его коллеги-техножрецы подключали каждый из них по всем

правилам, благословляя каждый толчком
и бережно нажимая на ручку запуска. Все
генераторы нормально работали в
течение нескольких дней, в лучшем случае
недели, после чего один за другим
выходили из строя.

Один за другим трансформаторы
прекращали подавать энергию в
светильники, и постепенно, снизу вверх,
шахта погружалась во тьму. Колүрст
вновь и вновь проверял каждый
трансформатор, но результат был
одинаков: трансформаторы исправно
снабжались энергией, но она нигде не
направлялась, когда это требовалось.
Энергия там была, но куда же она
исчезала?

Услыхав позади себя какое-то
странное шуршание, Колүрст
инстинктивно подпрыгнул. Он повернулся,
направив свет фонаря в то место, откуда,
как ему казалось, исходил шум.

Там не было ничего, шуршала лишь
тоненькая струйка песка, вытекающая из
трещины в стене. Колүрст, затаив было
дыхание, с облегчением выдохнул и вытер

со лба пот. Вновь повернувшись к трансформатору, он покачал головой и в очередной раз принялся осматривать его.

Ну вот, опять!... Колүрст направил свет фонаря в темноту. Он водил лучом туда и сюда, резко дёргая фонарём, когда, казалось, тот улавливал какое-то движение на грани света и тьмы.

И действительно что-то светлое вдруг скользнуло за поворот тоннеля.

— Эй!... — позвал он, стараясь не выдавать дрожь в голосе. — Кто здесь?...

Никакого ответа не последовало. Впрочем, Колүрст и не ожидал, что кто-нибудь откликнется.

Он медленно приблизился к повороту, раздвигая тень светом фонаря. И вдруг услышал тихое постукивание, словно тонкие металлические стержни клацали друг о друга.

Тут что-то хрустнуло в его инфоблоке, и Колүрст подпрыгнул. Ничего ведь не произошло... Или произошло? Техножрец на несколько секунд закрыл глаза, отчаянно пытаясь успокоиться. Все эти дурацкие истории, которые

рассказывают шахтёры! Не стоило воспринимать всю эту ерунду так серьёзно. Это всего-навсего глупые суеверия и чрезмерно активное воображение.

Все эти сказки было здорово слушать на поверхности, но здесь, на глубине десяти тысяч метров, они обретали совершенно иное, тревожное значение. Потонкой струйкой стекал по лбу и то и дело капал с носа Колурста. Да ерунда все это, просто-просто что?

Бросив взгляд на инфоблок, техножрец в смятении постучал по дисплею, который вдруг тоже стал меркнуть. Вскоре он погас окончательно, и Колурст в очередной раз проклял злой рок, который забросил его в это ужасное место, а не на какое-нибудь из производств картеля.

И тут до его ушей вновь донёсся странный звук, и Колурст забко поёжился, несмотря на сухую жару глубокой шахты. Казалось, будто кто-то, скользя, приближается к нему, — непонятный звук становился все отчетливее и громче, и Колурст начал медленно продвигаться в

сторону лифта.

Он с трудом сглотнул подкативший к горлу кот, сердце его бешено колотилось о ребра.

Вдруг отчаянно затизгал наплечный фонарь, и его и без того слабый свет начал угасать.

И тут Колүрст увидел движение на границе затухающего луча: десятки крошечных сверкающих отблесков устилали пол шахты. Что бы это могло быть? Колүрст в испуге понял.

Однако и отблески последовали за ним.

В этот момент наплечный фонарь окончательно погас, и Колүрст очутился в полной темноте.

Нагос Дал Колүрст захныкал, словно ребёнок, и, повернувшись, бросился бежать. Но они настигли его, не дав техножрецу сделать и пары шагов...

Зал сената словно взорвался. Многие ожидали этих слов от Талүна, но тем не менее ожидать — одно, а услышать — совершенно другое. Сказать, что их эффект был равен эффекту разорвавшейся бомбы, значит, не сказать ничего. В один миг завонила добрая сотня глоток, стараясь перекричать одна другую. Уриэль посмотрел на губернатора: Никола Шонау сидела спокойно и неподвижно, словно наконец произошло событие, которого она давно ждала. Ждала, опасалась и готовилась к нему.

Талүн молча стоял в центре зала, держа жезл наперевес, словно оружие. Посредник призывал к спокойствию, бейлифы сновали в толпе, успокаивая наиболее рьяных крикунів с верхних ярусов резкими ударами глубинок.

Талүн воздел руки в безмолвном призыве к тишине, и постепенно крики одобрения и негодования затерли, перейдя в монотонный, но всё же взволнованный гул.

Он стукнул жезлом по полу и, выдержав паузу, изрёк:

--- Кто из глав семейств готов поддержать моё предложение?

Казимир де Валтос с недоброй уśmieшкой на устах поднялся со своего места и возложил бледные руки на поручень. Уриэль обратил внимание, что кожа на его руках была искусственной --- об этом говорил её неестественно белый цвет, --- и отдал должное мужеству этого человека, сумевшего удрать от мучителей-чужаков.

--- Я, Казимир де Валтос, поддерживаю предложение почтенного Талүна.

Талүн низко поклонился:

--- Благодарю, гилдер де Валтос.

С верхних ярусов позади губернатора раздалась свист и шиканье.

Посредник получил назад свой жезл и взмахнул им над головой, пока Талүн возвращался на своё место. Затем он резко ударил им об пол:

--- Предложение о вомүте недоверия внесено и поддержано двүтя членами.

Чтобы принять решение о вынесении его на голосование, прошу глав картелей продемонстрировать, поддерживают ли они это предложение или нет.

Посредник прошествовал к своему креслу и потянул за глинный бархатный шнур, открыв взглядом собрания большой экран, находившийся за занавесом на задней стене зала.

— Это становится интересным, — прошептал Барзано. — Теперь мы увидим, кто с кем спит.

Сначала медленно, затем все быстрее эмблемы семейных картелей одна за другой начали появляться на дисплее.

Барзано еле заметным движением подтолкнул Перджега локтем, который тут же принялся заносить информацию о голосовании в свой инфоблок. Эмблемы де Валтоса и Талүна появились первыми, что было неудивительно. Неудивительным было и то, что вслед за ними сразу же последовал голос Шонаи против. Эмблема Хонана возникла рядом с эмблемой Талүна, вызвав издевательский смех на верхних ярусах. Но залу пронёсся возглас

изумления, когда эмблема Вергена вспыхнула в колонке «за». Как только она появилась, люди, сидевшие за Соланой Верген, стали отчаянно подавать сигналы наследнице главы их картеля, призывая задуматься и прислушаться к голосу разума.

--- Вот это да! --- выдохнул Перджег. ---
Вот это удар!

--- В каком смысле? --- спросил Барзано.

--- В том смысле, что Верген был союзником Шонаи почти десять лет, с тех пор как они, объединившись, выиграли выборы у Талүна. Ходили слухи, что Леотас Верген и губернатор Шонаи были хорошими друзьями, если вы понимаете, что я имею в виду. Кажется, дочь Леотаса Вергена не намерена продолжать эту дружбу.

Губернатор Шонаи с неприкрытой яростью уставилась на самодовольное улыбающееся лицо Соланы Верген.

Смотканная повестка дня, прилетевшая с верхних ярусов, шлёпнула Бошатна Аброгаса по макушке, он

подскочил и, очнувшись, наобум нажал кнопку на панели голосования. Эмблема Аброгаса появилась рядом с губернаторской, и члены его картеля хором испустили стон отчаяния. Да, их лидер действительно был глуп как пробка.

Расстановка сил в стане главных игроков была известна, и главы меньших картелей начали по очереди подавать свои голоса, увидев, куда дует политический ветер. В конце концов голосование завершилось, и результат стал ясен. Картель Шонау проиграл.

Лортүэн Перджед кивнул, занеся в свой инфоблок голос последнего картеля.

— Этот раунд губернатор проиграла, и теперь вопрос бюджет вынесен на голосование всего сената, хотя по большому счёту голосование бюджет простой формальностью, поскольку я сомневаюсь, что кто-то из членов картелей проголосует против своих хозяев.

— Утак, губернатор планеты свергнут, вот так вот запросто? — удивился Уриэль.

— Не совсем, — устехнулся Барзано.

поднимаясь со своего места.

--- Что вы делаете? --- спросил
Портмэн Перджес.

--- Я собираюсь напрямь свои правовые
мышцы. Уриэль, пойдёте со мной.

Перджес схватил Барзано за мантию
и прошипел:

--- Едва ли такое поведение
приличествует эксперту
Административа.

--- Точно, --- улыбнулся Барзано, и в
глазах его вспыхнули озорные искорки.

Уриэль спустился за Барзано по
нескольким ступенькам, ведущим к
клетчатому полу, и непринуждённо
отодвинул в сторону изумлённого бейлифа,
который преградил было им путь. Барзано
толчком распахнул деревянные двери и
зашагал к центру зала. Его дерзкая
выходка в сочетании с могучей фигурой
Циперского Костического Десантника,
следовавшего за экспертом, вызвала в зале
изумлённую тишину. Посредник, не веря
своим глазам, с красным от гнева лицом,
застыл под дисплеем голосования.

Раздражение, вызванное столь

бесцеремонным нарушением законного хода вещей, перевесило его здравый смысл, и Посредник подошёл к Барзано, быстро и возмущённо залопотав:

--- Это категорически не укладывается ни в какие рамки, сэр! Вы не можете таким вот образом попираť регламент нашего законного собрания!

--- А я полагаю, что могу! --- невозмутимо улыбнулся Барзано, доставая из складок своей мантии красную печать Администратура и поднимая её над головой на всеобщее обозрение.

Уриэль насторожённо поглядывал на бейлифов, хотя никто из них, казалось, и не собирался вставать на защиту сенатского регламента.

Барзано вновь спрятал печать под мантию и обратился к сенату Павониса:

--- Добрый день всем вам. Меня зовут Арио Барзано, и я прибыл сюда от имени Божественного Императора Человечества. Моя задача --- вернуть этот мир на путь добродетели, уничтожить коррупцию и те беды, которые госаждают вашей планете. Я

пришёл с высочайшими полномочиями и
силами, достаточными, чтобы привести в
исполнение волю Администратума.

Уриэль не мог не заметить
обеспокоенные взгляды, которыми
обменялись некоторые главы картелей при
упоминании термина «коррупция». Барзано
развёл в стороны руки, словно заключая в
объятия весь сенат:

— Считайте, что это голосование
приостановлено, джентльмены. И леги, —
добавил Барзано, кивнув в сторону Соланы
Верген, которая, глядя на эксперта,
удивлённо хлопала ресницами. Зазвучали
разъярённые голоса, но они тут же
столкли, как только рядом с Барзано
встал исполин в синих доспехах. — А
теперь извините, мои просвещённые
грузья, нам с губернатором Павониса
предстоит очень многое обсудить.
Удачного вам всем дня.

Барзано низко поклонился и знаком
пригласил Лортүэна Перджеда
присоединиться к нему. Старик, шаркая,
спустился к Барзано и Уриэлю с
раскрасневшимся от волнения лицом.

Подойдя к ним, он схватил Барзано за руки и прошептал:

--- Это было совершенно неуместно.

--- Я знаю, --- ответил Барзано, высвобождаясь от его хватки и направляясь к губернатору.

Никола Шонаи, ошеломлённая столь неожиданным развитием событий, при приближении эксперта поднялась со своего кресла:

--- Благодарю вас, эксперт Барзано. Но я ожидала увидеть вас только вечером.

Барзано подмигнул губернатору, наклонился к ней и многозначительно произнёс:

--- Мне нравятся эффектные выходы на публику, губернатор Шонаи, но пока не стоит меня благодарить, это ещё не потилование. Пока это лишь пауза в развитии событий. Посмотрим, что будет дальше...

Губернатор Шонаи кивнула, понимая, что это была лишь первая схватка, которую она хоть и не проиграла, но и не выиграла. Тем не менее она была благодарна за предложенный ей

спасательный трот.

--- В любом случае благодарю вас.

--- А теперь, пока вашего Посредника не хватил апоплексический удар, предлагаю переместиться в какое-нибудь менее людное место.

--- Да, пожалуй.

Арио Барзано и Лортуэн Перджег сидели в кабинете губернатора, Уриэль почтительно стоял рядом. Губернатор Шонаи восседала за своим столом, а её советники -- Алмерз Чанда и Лиланд Кортео -- стояли по обе стороны от неё. Дым из трубки Кортео медленно клубился по потолком, перемещаемый лениво вращающимся вентилятором.

--- Должна сказать, эксперт, -- начала Микола Шонаи, -- я не ожидала, что вы позволите мне остаться в должности.

--- Всё ещё может измениться, губернатор Шонаи, решение о вашем губернаторстве ещё предстоит принять.

--- Тогда почему же вы не позволили, чтобы всё прошло само собой, и приостановили голосование по предложению Талүна?

Алмерз Чанга наклонился вперёд и
вытолкнул:

— Право, губернатор, сейчас довольно
и того, что эксперт не позволил этому
произойти.

— Нет, Алмерз, это не так. Что ж вы
молчите, эксперт? Почему?

— Мне понравилось, как вы
держитесь, и могу сказать, что Уриэлю
тоже, — объяснил Барзано. Уриэль и не
думал, что его симпатии к губернатору
показались столь очевидны для эксперта.
Барзано ещё больше вырос в его глазах: не
каждый человек обладает такой
проницательностью. — Помимо этого,
дорогая леди, после того как я увидел
остальных потенциальных кандидатов на
вашу должность, вы показались мне в
наименьшей степени, как бы это поточнее
выразиться...

— Скользкой, коварной и ненадёжной? —
предположила Шонаи.

Барзано растеялся:

— Да, что-то в этом роде. Но, говоря
серьёзно, я не сторонник нарушения
стабильности и стараюсь избегать

больших перемен. Если все это принять во внимание, ваша затея принесла бы незначительной пользы.

--- Другими словами, это могло бы оказаться лишь временной мерой?

--- Именно так. Скажу начистоту, губернатор, как имперский руководитель вы не справились со своими обязанностями. Десятина -- правомерный и подлежащий обязательной уплате имперский налог -- не поступает, а ваша неспособность поддерживать мир на этой планете привела к тому, что мне поручили выправить положение любыми средствами.

--- Это, безусловно, проблем у нас немало, но обстоятельства прошлого...

--- Меня не интересуют обстоятельства прошлого, губернатор Шонау, -- грубо перебил её Барзано, и Уриэля поразило его злой тон. Перджед, тоже выглядевший озабоченным, не вставая с кресла, наклонился вперёд, а Барзано тем временем продолжил: -- Что меня интересует, так это отсутствие прогресса в вопросе уничтожения этой

Церкви Старых Принципов, организации, которая, с моей точки зрения, слишком сильно стахивает на еретический культ. Что меня интересует ещё, так это неспособность вашей системы обороны отлавливать эльдарских налётчиков, которые атаковали наше судно и отправили на тот свет множество достойных слуг Императора. Но что беспокоит меня больше всего, так это тот факт, что вы не ощущаете необходимости информировать обо всём этом Администратум. Объяснение всех этих обстоятельств было бы весьма кстати.

— И что же мне сказать вам в ответ, эксперт? Агентус Арбитрес и наши собственные местные силы безопасности пытались уничтожить Церковь Старых Принципов, но они словно тени, и мы не можем обнаружить никакой зацепки, мы даже не знаем, как именно они обеспечивают себя оружием, — проворчала Шонау. — Что же касается эльдарских налётчиков, наши корабли пора отправлять на консервацию, среди них нет

ни одного толоче двѹх тысяч лет. Как же
нам с ними сражаться на этих
устаревших посудинах?

Барзано лишь улыбнулся, когда
губернатор закончила свою тираду, и
откинулся в кресле, явно удовлетворённый
ответом.

Никола Шонаи положила рѹки на
стол ладонями вниз:

--- Я признаю, что было... что было
неразѹмно до сих пор не выходить наверх с
нашими проблемами, но я полагала, что
мы сами стоим справиться с ними. Если
я в чём-то и виновна, так это в том, что
слишком верила в свои возможности
совладать с кризисом.

--- Да, --- согласился Барзано. --- Но в
том-то вся и штука, что я тоже не верю в
неспособность вашей администрации с ними
справиться. Предлагаю отложить в
сторону вопрос о прошлых ошибках и
поработать над тем, как можно
разрешить текущие проблемы в
кратчайший срок. Вы согласны?

--- Конечно, --- быстро ответила
губернатор. --- Чем я могу помочь?

--- Первый этап любой операции --- это сбор информации, и, чтобы облегчить свои исследования, мне понадобится полный доступ ко всем данным, которые имеются в логических машинах гвворца. Разумеется, включая все ваши личные файлы.

--- Возмутительно! --- разбуршевался Алмерз Чанга. --- Это переходит все границы, сэр!

--- В самом деле? В ваших файлах есть нечто такое, что вы предпочли бы от меня скрыть? Я правильно вас понял, мистер Чанга? Записи о переданных взятках, незаконных сделках с ксеносами и тому подобное? --- пошутил Барзано, хотя в любой шутке, как известно, присутствует доля истины. «Насколько же эта доля велика?» --- подумал Уриэль.

--- Разумеется нет! --- продолжал неистовствовать Чанга. --- Но это колоссальное нарушение протокола --- копаться в личных файлах губернатора, словно она --- преступник.

Протянув вперед руку, Никола Шонаш утиротворяюще положила её на кисть

Чанды:

--- Все в порядке, Алмерз, мне нечего скрывать. Эксперт, вы получите всё, что просите. Что ещё вам понадобится?

--- Поскольку мне не особенно хочется, чтобы меня заподозрили в предпочтении к какому-либо из картелей, а слухи эти поползут, как только от них последуют приглашения разместиться -- а последуют они, я уверен, очень скоро, -- я попрошу анфиладу комнат во дворец для себя и своего окружения. В настоящее время мои люди ожидают на посадочной площадке, на краю города. Я был бы признателен, если бы вы могли направить им сообщение об этом вместе с соответствующим транспортом, чтобы доставить их и мое имущество во дворец.

--- Все ваши пожелания будут выполнены незамедлительно, -- заверила эксперта губернатор и кивнула Чанде.

Советника рассердило такое лакейское поручение, но он взял себя в руки, молча поклонился и вышел.

--- Что-нибудь ещё?

--- Да. Поскольку я, вне всяких

сомнений, в ходе расследования буду иметь дело с местными силами безопасности, мне потребуется связь с Агентус Арбитрес. А пока свяжитесь с ними вы и попросите направить ко мне офицера.

--- Им это не очень понравится, --- заметил Лиланг Кортео.

--- Меня совершенно не заботит, как они к этому отнесутся. Просто обеспечьте мне связь с Агентус Арбитрес. --- От хозяйского тона Барзано Лиланга Кортео передёрнуло, но он кивнул и сделал пометку в своём блокноте. --- Хорошо, это касается внутреннего фронта. Переходя к вопросу об эльдарских налётчиках, я предлагаю, чтобы крейсер «Горе побеждённого» как можно скорее начал патрулирование окружающего пространства. Уриэль, я думаю, будет лучше, если вы сами обратитесь к губернатору и попросите тот объём помощи, который вам необходим.

Уриэль Вентрис сделал шаг вперёд:

--- Для достижения максимальной эффективности я попрошу полное досье с комментариями о каждом поселении.

которое подверглось налёту, и каждом атакованном корабле вместе с декларациями груза и списком пассажиров. Также нам нужна подробная карта системы с указанием точного времени и места каждой атаки. Исходя из всего этого, мы сможем вычислить центральную орбиту атак и разработать рациональную трассу патрулирования.

— Я лично прослежу за этим, капитан Вентрис.

Уриэль кивнул и вернулся на исходную позицию.

— Как быстро вы сможете приступить к патрулированию, капитан?

— Сейчас техножрецы приводят корабль в порядок, и, как только затребованная информация будет передана на крейсер, мы сможем начать.

Барзано задумчиво потёр подбородок:

— Великолепно. Я хочу, чтобы вы вернулись на судно и выследили этих чужаков. Мне даже трудно выразить, насколько большое значение я придаю этому заданию, капитан.

— Вернуться на корабль? Эксперт,

мне была поручена ваша личная безопасность, и я дал слово лорду Калгару, что вам не будет причинено ни малейшего вреда!...

--- Так оно и будет, потому что вы оставите в моём распоряжении отделение сержанта Леаркуса. Если, разумеется, вы уверены, что сержант сможет обеспечить такую защиту.

--- Разумеется, уверен. Леаркус --- испытанный ветеран многих кампаний. Я ему абсолютно доверяю.

--- Тогда мне остаётся только разделить ваше доверие.

Внезапно Уриэль осознал, насколько искусно Барзано станипулировал им. Леаркус --- прекрасный воин и упрям, но не допустит, чтобы пострадал эксперт, и отстранить его от этого задания означало оскорбить его достоинство. Уриэль поклялся Марнеусу Калгару, что будет защищать Барзано, но если остаться с ним, то его люди пойдут в бой без своего капитана. Как бы теперь Уриэлю ни хотелось поступить иначе, Барзано не оставил ему выбора. Как

капитан Четвёртой роты, Уриэль должен доверять офицерам, находящимся под его командованием, да Уриэль и доверял им, но...

Уриэль с достоинством поклонился Барзано:

--- Сержант Леаркус и его воины --- прекрасная охрана. Сержант --- выходец из уважаемой семьи и не погведёт вас.

--- Так же, как и вы. Я уверен в этом, Уриэль.

--- Не погведу, пока бьётся моё сердце, --- заверил эксперта Космогесантник.

* * *

Арио Барзано потёр уставшие веки и откинулся в кресле, почувствовав приступ нестерпимой головной боли. Изыскания, которыми он занимался, исследуя архив губернатора Павониса, оказались весьма плодотворными, но эксперту уже порядком поднадоели бесконечные предательства и

обманы — вся та незатмысловатая
непривлекательность человеческих
поступков, которые он обнаружил за
последние два дня. Выкатившись на кресле
из-за стола, он налил себе добрую порцию
у斯卡вара — лучшего местного напитка.

Комнаты, предоставленные ему
губернатором, окутал полумрак, свечи
почти догорели, превратившись в горячие
лужицы застывающего воска. Потягивая
крепкий напиток, Барзано зажёл новые
свечи и задумался о том, как же ему всё-
таки справиться с Церковью Старых
Принципов. Никола Шонаи не солгала,
сказав, что те словно тени. На деле же
выходило, что поймать собственную тень
куда легче, чем
местонахождение этой группировки.

Секта впервые появилась семь лет
назад, когда мощный взрыв уничтожил
одно из предприятий Хонана, а возникший
пожар стёр с лица земли прилегающие
склады. Ущерб картелю был нанесён
баснословный, и все списали на плохой
контроль и низкий уровень техники
безопасности. Так бы, наверное, все и

осталось, если бы спустя несколько дней губернатор не получила закодированное сообщение, в котором в весьма резких тонах осуждалась жадность правителей Навониса. Мало того, аноним торжественно обещал продолжить начатую им серию взрывов.

И злоумышленники сдержали обещание: вскоре каждый из картелей пострадал от рук террористов, а силы безопасности оказались не в состоянии что-либо им противопоставить. К настоящему времени от этих взрывов погибло почти четыреста человек, и, хотя в галактическом масштабе это число было незначительным, Барзано понимал, что каждая жизнь — это звено в цепи, которая однажды распадется, если он и его люди не смогут пресечь деятельность организации, именующей себя Церковью Старых Принципов.

Силы безопасности Навониса недалеко продвинулись в деле поимки террористов, и Барзано совершенно этому не удивлялся. Он быстро понял, что само их создание было фарсом. Финансируемые картелями,

местные силы безопасности являли собой не что иное, как частные отряды охраны, защищавшие интересы тех, кто и платил, и поддерживающие жёсткую дисциплину среди рабочих, и ничего больше. Несколько малочисленных гарнизонов *Агентус* *Арбитрес*, разбросанных по планете, мало что могли сделать помимо приведения в исполнение законов Императора, да и то только в центрах крупных городов. На бедных окраинах и в рабочих районах, окружающих предприятия, действовали только законы, установленные картелями.

Эксперту *Администратума* редко доводилось встречать более отвратительное змеиное гнездо, до краёв полное вероломных задюк, готовых в любой момент ужалить друг друга. Картели с времён от времени объединялись ради достижения краткосрочных целей и прибылей, а получив желаемое, быстро отказывались от исполнения контрактов и меняли союзников. Но большому счёту в мире бизнеса всё это было делом обычным, но Барзано страшно угнетало то, что на

пороге завершения сорок первого тысячелетия люди все ещё не отставили в сторону свои разногласия даже перед угрозой объединения всех чуждых рас галактики, стремящихся уничтожить человечество.

Орки носились по галактике, устраивая резню и грабежи почти в каждой планетной системе, и он с трудом подавил дрожь при воспоминании о разорённой войной планете Армагеддон. А ведь Павонис так близко к восточным рубежам, рано или поздно расширяющиеся границы Империи Тау достигнут и этого мира.

Да, галактика — это не поле для гольфа, и, только объединившись и добившись стабильности, Империя Человека может надеяться на выживание. Любое другое развитие событий было бы вопиющей недальновидностью, и Барзаноклялся приложить все силы, чтобы обеспечить сохранение стабильности Империи. Что же сделали правители Павониса, чтобы сберечь неприкосновенность одной из планет

Императора?

Эксперт вернулся в своё кресло и включил дисплей терминала. В уголке экрана мерцало уведомление об очередном сообщении, но он оставил его без внимания, зная, что это — очередное приглашение вкушать гостеприимство очередного картеля. Приглашения на обед, охоту, вечеринку с коктейлями и участие в других столь же привлекательных развлечениях Барзано получил от каждого из готов. Он вежливо отклонил их все.

Вместо этого Барзано ещё раз прокрутил сведения, собранные за последние два дня.

В скудной информации о небольших картелях он не нашёл ничего, кроме обычной череды союзов, контробъединений и нарушений договоров. Лидеры крупных картелей оказались, однако, куда более интересными экземплярами.

Бошанн Аброзас проводил время, разрушая свою центральную нервную систему запрещёнными наркотиками и день за днём проматывая семейное состояние.

Тарин Хонан — толстый дурак, который только тем и занимался, что тратил неслыханные суммы на проституток. Даже страшно представить, что могло бы случиться, если бы он начал руководить безтозглыми сервиторами.

О Солане Верген Барзано удалось узнать немного, и это беспокоило эксперта. Ещё на заседании сената он почувствовал, насколько притворно её горе по поводу смерти отца, а вот столь кардинальная перемена политического курса её картеля, которая произошла во время голосования, заставила Барзано всерьёз задуматься об этой девушке.

Де Валтос проводил большую часть времени, укрывшись от посторонних глаз в своих поместьях или гоняясь за древностями, рассеянными по всей системе. Даже слепец заметил бы ненависть, которую он питал к губернатору, хотя Барзано и не удалось обнаружить никаких прямых причин для столь острой вражды. Все это, вместе взятое, определённо служило основанием

для проведения дальнейшего расследования. Также прослеживалась отчётливая связь между де Валтосом и тёмным эльдаром, хотя Барзано понимал, что связь эта не та, что порождает сотрудничество. На суде чужаков де Валтоса запытали чуть ли не до смерти, и, несмотря на то что шансов выжить у него не было, он всё-таки выжил.

Поначалу Барзано не принял в расчёт Миколу Шонау — он не почувствовал с её стороны никакого притворства, да и в любом случае её второй шестилетний срок на посту губернатора планеты подходил к концу, а Конституция Павониса запрещала занимать эту должность три срока подряд. Получалось, что, лишившись губернаторского кресла именно сейчас, Шонау только выигрывала, но почему же она тогда продолжала цепляться за власть? Арио Барзано понимал, что один только этот факт не может исключить её из списка подозреваемых, на своём веку Барзано разоблачал предателей с куда менее значительными мотивами. Но он занимался подобными делами уже много

лет и был убеждён, что лжеца, каким бы
хитрым и изворотливым тот ни был, ему
удастся распознать всегда, а Никола
Шонау не казалась ему таковой.

Но правде говоря, эксперт восторгался
этой женщиной. Она старалась сделать
для своего мира всё, что было в её силах.
Но Барзано знал, что одних стараний в
этом деле недостаточно. Усилия должны
сочетаться с результатами, а
результаты на Павонисе говорили сами за
себя. Но вот Талун...

С Талуном была другая история.
Вендаре Талун, который дважды за
последние десять лет потерпел поражение
на выборах от объединившихся картелей
Шонау и Берген, он-то выигрывал все.
Когда бы Барзано ни занимался подобными
задачами, он всегда начинал, задавая себе
одну и тот же вопрос: кому это выгодно?
Во всём этом хаосе террористических
актов, чуждых пиратов и угроз
политического переворота картель
Талуна всё время оказывался в выигрыше.

От взрывов его картель пострадал
меньше других, кроме разве что картеля

Шонаи, а Барзано давным-давно понял, что в таких делах совпадения не бывает. Совпадение во времени налётов эльдарских пиратов и появления Церкви Старых Принципов, несомненно, говорило о присутствии на планете некой организующей руки. Талун уже проявил своё коварство, и Барзано понял, что змеевидные извилины его мозга вполне способны разработать и такой изощрённый план.

Оттолкнувшись от терминала, Барзано встал и одним глотком осушил свой стакан. Собираясь завтра с раннего утра снова сесть за работу, эксперт с тревогой подумал: что-то ещё удастся обнаружить? Барзано велел контактному лицу, два дня назад прибывшему по его требованию из Агентус Арбитрес, одеться в штатское. Внезапно он подумал: а есть ли вообще у этой девушки гражданская одежда? Похоже, она из тех, кто живёт своим призванием, и он улыбнулся, осознав, что в таком случае они с ней очень похожи.

Услышав из-за дверей низкие голоса

своих охранников-Ультратаринов, Барзано вспомнил об Уриэле Вентрисе. К сожалению, он не мог сказать Уриэлю правду, но эксперт понимал, что если бы сделал это, то в отношениях с капитаном Костических Десантников у него могли бы возникнуть проблемы, а Барзано этого не хотелось.

Эксперт взглянул на бронированный сейф, скрытый в стене за портретом человека по имени Форланус Шонау, где спрятал свою шкатулку.

Барзано усилием воли сдержал побуждение открыть её и рассмотреть то, что лежало внутри.

«Ради Павониса, — мысленно взмолился он, — лишь бы только не пришлось этого сделать!»

Уриэль видел, что лорда адмирала Тибериуса раздражает присутствие на борту его судна пилота системы, но капитан знал, что адмирал достаточно практичен, чтобы притириться с этой необходимостью.

Проложенный Уриэлем и Тибериусом

наиболее оптимальный маршрут к
Каэрнүсү JV --- месту последнего нападения
эльгара --- вёл их напрямую через широкий
пояс астероидов, и без знания безопасных
путей сквозь него они наверняка наломали
бы дров. Прошло шесть напряжённых часов,
в течение которых пилот искусно вёл их
сквозь стаю огромных астероидов, и всё
это время Уриэль молился Императору,
Жиллиману и всем святым, чтобы те
помогли им поскорее выбраться отсюда.

Карта системы, предоставленная
губернатором Шонаи, оказалась весьма
удельной, на ней были обозначены места
всех нападений эльгарских налётчиков.
Уриэль не представлял себе масштабов их
злодеяний, пока не увидел карту, --- свыше
сотни нападений за каких-то шесть лет!
Почти каждое из них приводило либо к
полному разрушению поселения, либо к
уничтожению корабля и массовой резне.
Уриэль вновь с уважением и восхищением
вспомнил о Казимире де Валмосе, когда
представил, какие мужество и
решиительность потребовались от него,
чтобы сметь удрать от этих чудовищ.

— Рүлевое управление, угём вправо на ноль-два-пять, под углом тридцать градусов вниз, — произнёс пилот системы. — Давай, красавец, ты стоишь там тебя протащить!

Уриэль поднял взгляд от стола прокладки маршрута к обзорному окну и побледнел, увидев крошечный промежуток между медленно вращающимися астероидами, на который нацелился пилот. Он затаил дыхание, наблюдая, как две гигантские скалы, каждая из которых превосходила крейсер «Горе побеждённому» на несколько миллионов тонн, проскользнули мимо корабля. Уриэль видел, как Тибериус сжал край капитанского пульты так, что костяшки его пальцев побелели, а лицо от волнения сплошь покрылось морщинами. Он с большой неохотой позволил пилоту, знающему окрестное пространство, управлять его кораблём, но не с адмиральского пульта.

— Неужели вам так уж необходимо подлетать так близко к этим проклятым скалам? — не выдержал Тибериус,

терпение которого в конце концов
лопнуло. -- Если вы даже слегка царапнете
по любой из них, мы тут все всосём
вакуум!

Пилот по имени Криворн, выходец из
кузниц Альтемаксы, лишь устехнулся,
обнажив жёлтые пеньки -- остатки былых
зубов.

-- Ха! Да это самый лёгкий путь. Я
мог бы провести вас Аллеей Покинутых,
вот там бы вы действительно увидели
настоящий полет.

-- Аллеей Покинутых? -- переспросил
Уриэль. -- На карте такого названия нет.

-- Не-а, -- подтвердил Криворн. --
Просто это название пришло мне в голову,
когда я чуть не потерял там корабль.

-- Вы чуть не потеряли корабль?! --
взорвался Тибериус.

-- Да, хотя в этом не было моей
вины, -- честно признался Криворн. -- Мы
летели там, счастливые, как орки в
плесени, когда совершенно внезапно, из
ниоткуда, вдруг возникла эта проклятая
огромная развалина! Клянусь, минутой
назад её не было, а в следующее мгновение

мы сбрасывает скорость, круто
закладывает руль направо и даёт задний
ход:

--- Я полагаю, тогда вы просто
допустили навигационную ошибку, пилот.

--- Я? Нет, мой лорд. Я проверял
обзорные системы секундой раньше, и этой
чёртовой штуковины там не было...
Рулевое управление, ложится на новый
курс: три-два-четыре, под углом десять
градусов вверх.

--- Так что же это всё-таки было? ---
снова спросил Уриэль, обеспокоенный
высказываниями Криворна рулевому.

--- Так никогда и не узнал, но, думаю,
это была одна из этих костических
развалюх, о которых часто говорят, ---
неохотно ответил Криворн. --- И я не
первый, кто её видел. Многие костические
странники говорят, что встречали её в
системе Павониса. Они называют её
кораблём-полумесяцем из-за её формы.
Рулевое управление, новый курс: ноль-ноль-
ноль, вверх.

Уриэль знал о таких покинутых
судах, разбитых островах, затерявшихся в

варне, обречённых стать кораблями-призраками, бесконечно курсирующими в темных глубинах космоса. Никто не мог предсказать их маршрут, и появлялись они всегда неожиданно, когда капризная судьба вышвыривала их из нематериального пространства. Мысль о том, что такой корабль может оказаться поблизости, вызвала у Уриэля сильное отвращение.

— Послушайте, хватит нести эту чёртову бессмыслицу, — подал голос Тибериус. — Сколько ещё нам осталось идти сквозь пояс астероидов до Каэрнуса JV?

Криворн скривил губы в некое подобие улыбки, в очередной раз обнажив свои гнилые зубы, и отвесил Тибериусу глубокий поклон:

— Мы только что прошли сквозь пояс, — той лорд. При нынешней скорости и в этом направлении мы окажется на орбите планеты ориентировочно через час. Милости просим.

Казимир де Валтос почувствовал, как его внутренности вновь свело

судорогой, и извергнул в тиску очередную порцию липкой кровавой пены. Лоб его покрылся каплями пота, желудок скрутили болезненные спазмы, взгляд затуманился, и новая волна чёрной рвоты обожгла горло и выплеснулась в тиску.

Проклятые ксеносы! Каждый день его тело бунтовало против мерзких ядов, которыми они его травили. Только ежедневные вливания сильных очищающих средств сдерживали их истощающее воздействие, но даже эти радикальные меры не уменьшали страданий де Вальтоса.

Он поднялся с пола комнаты для готовений и плотно запахнул банный халат на своём мощем теле. Как только последние спазмы утихли, он плеснул в лицо воды. В тщетной попытке избавиться от кислого привкуса во рту де Вальтос прополоскал гортань и вытерся шёлковым полотенцем. Затем он аккуратно расчесал свои белые волосы альбиноса гребнем слоновой кости.

Уставившись в зеркало, он в который раз задумался о том, как случилось, что

его жизнь приняла такой оборот. Ответ
пришёл довольно легко. Это началось в
тот день, когда его экспедиция
обнаружила пещеру под разрушенным
городом на Цтелтаксе и нагниси аббата-
еретика Кортесвейна. Если бы только он
не переводил эти нагниси! Если бы только
он не последовал тем жутким
пророческим словам!... Если бы только он
не повстречал эльдара. Но он последовал
им, и вот к чему это привело. Он поднял
бледную, в пятнах, руку к лицу и потыкал
в лишённую нервов синтешлоть, которая
покрывала его череп, зная, что ничего он не
почувствует. Он вновь взглянул на своё
отражение. Когда-то его считали
красавцем и он ухаживал за
прекраснейшими женщинами Павониса, но
все это осталось в прошлом. Об этом
забылось раскалённое добела лезвие
пытавшего его чужака.

Много раз после встречи с эльдаром
де Валтос подумывал о самоубийстве, но у
него не хватало мужества даже на это.
Искушение слов Кортесвейна слишком
крепко овладело его душой, и вот тогда де

Валтос по-настоящему осознал, что величайшее проклятие из всех проклятий человечества — это надежда.

Зачем же ещё он стал бы продолжать этот путь вниз, если не ради надежды?

Де Валтос отшвырнул полотенце и прошёл в спальню. В комнате отсутствовало зеркало, да и во всём остальном она была обставлена по-спартански ни следа той роскоши, без которой многие не могут представить пиджера богатого картеля. Сняв халат, де Валтос зашёл в гардеробную, где без долгих размышлений выбрал свой любимый, тёмно-синий, костюм с узкими лацканами и высоким воротником. Он надел брюки, затем пиджак. Одеваться было трудно — паутина шрамов, которыми одарил его эльдар, болезненно стягивала кожу на груди и руках. Но скоро придёт гость, а де Валтос не любил опаздывать.

То, что он презирает и его, и всю эту заутнюю чепуху, в которую тот верит, в данном случае не имело значения.

Не имело значения и то, что не так давно он и сам во всё это верил.

Времена с тех пор изменились, и его ответственность была уже куда больше, нежели прибыли и убытки, производство и трудовые ресурсы. Выбрав к костюму чёрные туфли из кожи карнодона, где Валтос присел на край заляпанной кровью постели и, кряхтя, натянул их, после чего погнулся и поправил костюм.

Услыхав звон колокольчика в вестибюле, он понял, что гость прибыл. Прибыл, как и обычно, вовремя. Элегантно одетый, где Валтос подошёл к изголовью кровати и собрал окровавленные ножи, разбросанные вокруг изуродованного человеческого трупа, лежащего на матрасе. При этом где Валтос старался не попадать ничего не чувствующими пальцами в лужицы липкой крови.

Он уложил орудия пытки в чёрный кожаный футляр и лёгким пинком отправил его под кровать, снова кинув взгляд на труп и ощутил знакомое чувство разочарования. Этот даже и близко не подошёл к тому, чтобы удовлетворить его потребности, и где Валтос понимал, что вскоре эту

понадобится раздобыть очередной кусок
живого мяса, который помог бы ему
успокоить демонов, завладевших его
разумом.

Он представил на этой кровати
Солану Верген, и сердце де Валтоса
учащённо забилося.

Круто развернувшись на каблуках, де
Валтос вышел из комнаты и спустился по
широкой трапезной лестнице в вестибюль
навстречу своему гостю.

Он обнаружил его внизу нервно
перетинающимся с ноги на ногу.

Алмерз Чанда поднял голову на звук
шагов. Казимир де Валтос улыбнулся.

Без судейской униформы Дженна
Шарбен чувствовала себя совершенно не в
своей тарелке и в сотый раз сожалела о
том, что Вирджил Ортега направил её
сиделкой к этому проклятому эксперту.
Девушка была одета в строгое синее
платье с просторными рукавами и
внутренней кобурой под мышкой слева, в
которой находился автоматический
пистолет. Дженна стояла по стойке

«вольно» в комнате эксперта и осматривала его жилище.

Арбитр Женна гордилась своим умением многое узнавать о людях по тому, как они живут: об их вкусах, о том, что им нравится и что не нравится, приверженцы ли они порядка или предпочитают жить в состоянии постоянного бардака.

Но при виде жилища Барзано брови девушки удивлённо поползли вверх — настолько странным оказалось жильё этого человека. Десяток книг, стопкой высившихся на столе, лежали в алфавитном порядке, хотя они явно не были принадлежностью этой комнаты, и в то же время груда скотканной одежды валялась на покрывале кровати. В изголовье кровати находился ящик для обуви, закрытый на замок, а на столе валялся открытый дневник, испещрённый пометками эксперта. Рядом с дневником стояли полупустой графин усава и хрустальный стакан с остатками напитка, причём стоял он так, по всей видимости, со вчерашнего дня.

Что за человек этот эксперт?

--- Достаточно увидели? --- прозвучал голос из дальнего угла комнаты.

Дженна вздрогнула, и её рука невольно потянулась к пистолету. Там, привалившись к стене, стоял человек в испачканной красной робе картеля Талун и жевал табак. Человек этот был небрит и с трёхдневной щетиной на округлом подбородке выглядел заблудой-простолудином.

Дженна открыла было рот, чтобы спросить незнакомца, что он здесь делает, когда внезапно до неё дошло, что это и есть эксперт, которому она была представлена накануне вечером. Перемена в облике Барзано была поистине впечатляющей.

--- Сейчас --- да, --- ответила арбитр Шарбен, когда эксперт лёгким шагом направился к ней.

Барзано улыбнулся:

--- Сегодня я намереваюсь побыть Тальяном Кордой, вторым техником с плавильного завода три-шесть-два картеля Талун. Что скажете?

Дженна лишилась дара речи. Если бы она не знала истины, то поклялась бы, что эксперт — выходец с Павониса. У него производное, и одежда, и усталая сутулость — всем в точности эксперта, который походил на рабочих местных предприятий. Волосы его были зализаны назад, и Дженна заметила, что его щеки теперь выглядят более пухлыми.

Словно прочитав её мысли, Барзано вытащил из-за щёк два тампона и, подмигнув, вставил их обратно в рот.

— Думаете, я сойду за местного?

— Несомненно, — заверила эксперта

Дженна. — Хотя зачем это вам?

— Ну, я не думаю, что с учётом происхождения беспорядков, и непопулярности действующей администрации кто-нибудь разоткровенничается перед пришельцем из другого мира, не говоря уже о представителе Администратума. А вы как считаете?

Дженна понимала, что эксперт говорит дело, и тут его вчерашняя настойчивая просьба одеться в штатское

обрела для неё истинный смысл. Он хотел
выйти из дворца и стесаться с рабочими.
А она должна была стать — кем?
телохранителем? Гидом? Или и тем и
другим?

— Так что же вы задумали, эксперт
Барзано?

— О, всего лишь небольшую прогулку в
рабочие кварталы за городские стены.
Особых усилий от вас это не потребует, я
обещаю. — Барзано махнул рукой в сторону
книг и терминала. — Это, конечно, здорово
получать информацию оттуда, но я
всегда считал, что лучшую первичную
информацию можно собрать лишь на
местности. А вы так не считаете? Да,
сегодня Гальян Корда, недавно уволенный с
завода Талүна, пообщается с такими же
недовольными и обсудит то кошмарное
состояние дел, к которому привела нас
губернатор.

— А какова моя задача?

— Вы, дорогая, мой телохранитель, —
улыбаясь, прошептал Барзано, от души
наслаждаясь своей новой ролью. — Видите
ли, когда Гальян оставил работу у Талүна,

он забрал с собой некоторые
разоблачающие его документы.

--- Да?...

--- Я так думаю. А если серьёзно, я
почти уверен в этом.

--- Так из какой же области эта
разоблачительная информация?

--- Пока понятия не имею, --- хихикнул
Барзано. --- Хотя, думаю, это что-то
скабрёзное.

--- А как насчёт Космических
Десантников снаружи? Вы вряд ли сойдёте
за местного рабочего, если за вами по
пятат будут следовать двое гигантов в
доспехах.

--- Разумеется. Поэтому сегодня они
следовать за мной не будут.

--- И как же вы собираетесь выбраться
из дворца без них?

--- Элементарно, моя дорогая Дженна!
Они меня вообще не увидят, --- пообещал
Барзано. --- Они увидят вас и парня в робе,
довольно сомнительной наружности,
которые направляются к выходу, при этом
Десантники будут убеждены, что
лежебока эксперт все ещё спит в своих

покоях. Поверьте мне, это легче, чем вы
думаете.

Дженна Шарбен покачала головой.

--- На самом деле я не думаю, что это
такая уж хорошая идея, --- произнесла она.

Уриэль смотрел на обожжённые человеческие останки, лежавшие на маленькой походной койке, и думал: как, во имя всего святого, этот человек мог остаться живым? Как только Уриэль увидел этого несчастного, он тут же вызвал своего полевого апотекария, чтобы тот оказал молодому человеку помощь. Местный врач сделал всё, что было в его силах, но сил этих оказалось крайне недостаточно. Состояние несчастного было столь тяжело, что врачу оставалось надеяться лишь на чудо.

Апотекарий Селенус осторожно приподнял ногу лежащего, разматывая повязку, перепачканную запёкшейся кровью, и гноет, и наложил целебный бальзам на остатки иссохшей плоти. Селенус работал при свете дюжины потрескивающих свечей, и тошнотворное зловоние отмирающего обожжённого мяса смешивалось с густым запахом плавящегося воска, делая воздух в комнате

невыносимо едким.

Последнее своё нападение эльдары совершили на планету Каэрнүс IV, и в информации, предоставленной губернатором, было указано, что в этой резне удалось выжить лишь одному человеку.

Теперь, когда Уриэль увидел этого человека, которого член городской управы назвал Гедриком, своими глазами, сердце капитана сжалось от жалости.

Ультратарины прибыли на Каэрнүс IV, чтобы получить информацию непосредственно от живого свидетеля событий, и Уриэля не покидало странное чувство, что поговорить с Гедриком ему жизненно необходимо.

Сержант Назаниус наклонился к Уриэлю и прошептал:

--- Думаешь, он ещё поживёт?

В ответ Уриэль неопределённо покачал головой:

--- Селенус утверждает, что нет, но этот парень -- боец. По большому счёту он уже давно должен быть на том свете, но какая-то сила поддерживает в нём жизнь.

--- Что же это засила?

--- Не знаю, Назаниус, не знаю... Член городской управы сказал, что не позволил им доктору даровать парню Покой Императора. Этот Гедрик всё повторял, что ждёт ангелов. Что у него есть какой-то дар для них.

--- Что бы это значило? --- устехнулся Назаниус. --- Должно быть, он просто бредил от боли.

--- Не гугаю, --- прошептал Уриэль. --- Я полагаю, что он ждал нас.

--- Нас? Откуда он мог знать, что мы придём?

Уриэль снова пожал плечами:

--- Говорят, что тем, кто ощущает прикосновение смерти, но продолжает жить, Император иногда дарует видения и чудесные силы. То, что он выжил, --- чудо, и, возможно, этой причины достаточно, чтобы поверить ему.

Назаниуса, похоже, мало убедили доводы капитана.

--- Я всегда говорил, что годы, прожитые в подземельях Калта, не могли не сказаться на тебе, капитан. Ты и в

самом деле думаешь, что раз этот бедняга ещё не умер, то его коснулся сам Император?

--- Возможно... Я не знаю, Назаниус. Говорят, почитаемая святая Капиленна прожила три дня после того, как пуля вошла ей в сердце, что Император не дал ей унать, пока она не привела войска к победе над тразью Хаоса на той планете, что теперь носит её имя. Я не могу дать тебе рационального объяснения, друг мой, но внутренний голос подсказывает мне: что-то поддерживало в нём жизнь не просто так. Я не могу этого объяснить, у меня просто есть такое чувство.

--- Ну вот ты и заговорил, как Айдэус, --- проворчал Назаниус. --- Я всегда знал, что, когда в нём просыпалось «какое-то чувство», это означало лишь то, что нас ждут серьёзные неприятности.

Доктор Селенус отошёл от койки умирающего и поклонился Уриэлю:

--- Брат капитан, для него больше ничего нельзя сделать. Я наложил тази, которые предотвратят заражение раны, и перевязал их, как мог, но всё это ---

бесплодные усилия. Он скоро умрёт. Ничто не в силах помешать этому.

— Ты сделал всё, что мог, брат, — ответил Уриэль. Когда Селенус проходил мимо, он положил руку на плечо библиотекаря и добавил: — Помни, Селенус, оказание помощи тем, кто в ней нуждается, это всегда бесплодные усилия. Присоединяйся к остальным, а я попробую поговорить с парнем. Думаю, он дожидался нас и у него есть что мне сказать. Селенус кивнул:

— Как пожелаете, брат капитан.

Наклонив голову в дверном проёме, библиотекарь вышел из злобной комнаты. Уриэль и Назаниус приблизились к постели умирающего и встали на колени у его изголовья.

Уриэль снял шлем, поставил его на пол, вытощенный плиткой, и провёл рукой по волосам. Он склонился к Гедрику, стараясь не вдыхать ужасный запах поджаренного человеческого мяса.

Веки юноши загрохали, когда он почувствовал близость Уриэля, его грудь поднялась, и он сильно втянул в себя воздух.

Голова Гедрика наклонилась в сторону Уриэля. Пока он с трудом произносил слова, на его растрескавшихся, вздутых губах выступила прозрачная жидкость.

--- Я верил, я знал, что вы придёте, --- шептал он, и слова его были едва слышны.

--- Да, мы пришли. Я --- Уриэль Вентрис из Ультратаринов.

Гедрик кивнул, уголки его измученных губ приподнялись в усталой улыбке.

--- Да, я видел тебя, когда смотрел в приближающуюся ночь.

--- Ты видел меня? --- спросил Уриэль, бросив в сторону Назаниуса удивлённый взгляд.

Сержант лишь пожал плечами, не скрывая своего недоверия.

--- Да, тебя и Смерть Миров. Свет и Тьму --- два воплощения одного и того же ангела.

Уриэль отчаянно пытался вникнуть в смысл этих загадочных слов. Смерть Миров? Свет и Тьму? Неужели Назаниус был прав? Может быть, у парня съехала крыша после того, что ему пришлось

уби́дет и испы́тает?

--- Ты знаешь, почему на вас напали? ---
продолжал его расспрашивать Уриэль. ---
Ты можешь что-нибудь рассказать о том,
кто это сделал с тобой?

--- Они пришли за металлом... Человек
машины вырвал его сердце, и теперь он
умирает.

Уриэль окончательно был сбит с
толку. Каэрнус IV был
сельскохозяйственной планетой. Согласно
документам Сегментума, здесь нет
залежей металла, которые стоило бы
разрабатывать. Определённо ничего
такого, что стоило бы гибели целой
общины.

--- Я не понимаю, Гедрик. Что за
человек машины? Киборг? Сервитор? Что
за металл?

--- Металл, который течёт. Он
теперь умирает. Мой меч... Я выковал его
сам. Теперь он умирает...

Пазаниус поднял кожаные ножны,
лежавшие подле койки, и сжал обвитый
проволокой эфес оружия. Он вытянул
заржавленный меч из ножен и поднёс его

поближе к свече.

Рассматривая клинок, Уриэль и Назаниус обменялись изумлёнными взглядами. Но контур у он испускал слабое голубоватое сияние, слабо озарившее комнату. Сами же лезвия клинка оставались серебристыми, так как скрытая в сердце меча пульсирующая вена неестественно коричневого цвета конвульсивно вибрировала — жизнь по капле покидала клинок. Бесформенные пятна черноты постепенно заполняли прозрачный металл, и Уриэль видел, как они медленно распространялись по всей клинку. Он прошёлся перчаткой по плоскости меча, и на пол посыпались хлопья мёртвого металла.

— Гедрик, что происходит с мечом?

— Он умирает. Беловолосый и человек машины пришли и убили Металлический холм, и теперь весь он умирает. Они убили Маэрен и Рүари. — Бесцветные глаза Гедрика наполнились слезами. — Я не понимаю за что, ты бы поделился с ними.

— Беловолосый? Он пришёл с человеком машины?

--- Да. С человеком машины, священником машин.

Уриэль и Назаниус, не сговариваясь, пришли к одному и тому же заключению. Священник машин --- это могло означать только одно. Но слугитель Бога-Машины, техножрец Agentus Механикус, работающий с ксеносами? Сама мысль об этом казалась абсурдной.

--- Не может быть, чтобы он имел в виду именно это... --- начал Назаниус.

--- Нет, конечно нет, --- согласился Уриэль. --- Гедрик, я думаю, ты можешь ошибиться.

--- Нет! --- прохрипел Гедрик, слабко качая головой на заляпанной кровью подушке. --- Ангел, которому ты служишь, велел мне передать эти слова. Смерть Миров и Несущий Ночь ожидают возрождения в этой галактике. Появится один из них или никто --- выбор в твоих руках.

--- Что это значит? Сказал тебе... Ангел... Что это всё значит? Прошу тебя, Гедрик, ответь!

Гедрик глубоко вздохнул, и вздох

этот застыл в его горле. Голова несчастного безвольно откинулась назад. Юноша прошептал:

--- Пожалуйста, приведите священника. Я хочу исповедаться...

Уриэль кивнул и произнёс:

--- Сержант Назаниус, приведите капеллана Клозеля, слуга Императора ждёт его помощи.

Сержант поклонился и вышел из комнаты, в которой поселилась смерть, а Уриэль присел на край постели рядом с умирающим. У него кружилась голова при мысли о техножреце, работающем на эльдаров. Кто мог бы представить себе такое? А Смерть Миров, Несущий Ночь... Кто они?

Заслышав в коридоре тяжёлые шаги капеллана Клозеля, Уриэль повернулся и встретился взглядом с покрытым боевыми шрамами воином-священником.

--- Он достойно служил Императору, брат капеллан. Выслушай его исповедь. Я подожду тебя снаружи.

--- Будет сделано, мой капитан.

Уриэль взглянул на мертвую маску

из повязок, в которую превратилось лицо
юноши, и, встав на стойке «стирно»,
ударил кулаком по нагрудной пластине
силового доспеха:

--- Гедрик из Плёса Мортена, я отдаю
честь твоей отваге. Да пребудет с тобой
Император.

Уриэль повернулся, нырнул в дверной
проём и покинул здание.

Назаниус и тридцать воинов-
Ультратаринов ожидали его в центре
поселения. Вдали за горами Уриэль
увидел приземистый корпус их шаттла.
Группы перепуганных горожан наблюдали
за ними с окраины Плёса Мортена.

Подхватив свой болтер, Назаниус
легко закинул его за спину и подошёл к
капитану.

--- Мы готовы к отправлению,
капитан, ждём только твоего приказа.

--- Очень хорошо, сержант.

--- Могу я задать вам вопрос,
капитан?

--- Конечно, Назаниус.

--- Ты ему поверил? Насчёт ангела?...

Уриэль не сразу ответил старому

зрүгү. Он посмотрел на горы, окружающие городок, — те вздымались к облакам, перед их величием все достижения человечества казались смешными и незначительными. Говорят, что жизнь человека словно искра во тьме и что к тому времени, как её заметят, она уже исчезает, уступив место более ярким и многочисленным искрам.

Уриэль не желал с этим соглашаться. Были такие мужчины и женщины, которые яркими кострами разгоняли тьму, которые стойко и с достоинством держались в невообразимой безбрежности Вселенной. То, что они, как и свойственно людям, в конце концов утирало, уже не имело значения.

То, что они держались и как они держались, — вот что имело значение.

— Поверил ли я ему? — переспросил Уриэль. — Да. Не знаю почему, но поверил.

— Ещё одно чувство? — простонал Назаниус.

— Да.

— А что он имел в виду, как ты думаешь? Смерть Миров и Несущий Ночь?

Не знаю, как тебе, а мне лично все это не нравится. Все эти штучки не сулят грядущему ничего хорошего.

--- Кто знает, друг мой, кто знает...
Возможно, эксперт Барзано сможет пролить свет на эти вещи, когда мы вернёмся на Павонис.

--- Возможно, --- недовольно проворчал Назаниус.

--- Барзано тебе не нравится?

--- Не моё это дело --- критиковать эксперта Администратума, --- холодно ответил Назаниус. --- Но он не похож ни на одного из бюрократов, которых я когда-либо встречал.

Капеллан Клозель в чёрных доспехах вышел из маленького городского лазарета и присоединился к капитану Четвёртого подразделения:

--- Всё закончилось, мой капитан. Его душа теперь с Императором.

--- Благодарю, капеллан.

Клозель поклонился Вентрису и занял место среди остальных воинов.

--- Каковы будут распоряжения, капитан? --- спросил тему Назаниус.

Бросив взгляд на лазарет, Уриэль ответил:

— Заберите парня, сержант. Мы отправляется в Плэс Мортена и с почестями похороним его на родине.

— Я всё ещё не могу в это поверить, Казимир. Она должна была пробкой вылететь оттуда, а я — сидеть во дворце на её месте. — Злость переполняла Венгаре Талүна. — Все эти годы переговоров с меньшими картелями, все — нсу под хвост!

Казимир де Валмос протянул своему приятелю — главе картеля — хрустальный стакан с ускаваром и опустился в кресло напротив него. Друзья сидели в обшитой деревянными панелями гостиной имени де Валмоса в Оүсен Хиллз. Талүн принял из рук де Валмоса стакан, не отрывая взгляда от ревущего пламени в каминной трубе.

— Она скоро уйдёт, Венгаре. Она не может держаться вечно.

— Эта сука должна была уйти сейчас! — проревел Талүн, швырнув свой

стакан в катин, и тот со звоном
разлетелся на мелкие осколки. --- Да
проклянёт её душу Император! Мы были
так близки к цели. Что же нужно, чтобы
избавиться от неё? Все меньшие картели
были у нас в кармане, и даже без этого
тудозвона Аброгаса у нас было явное
большинство.

--- Что ж, если она не уйдёт сама, ей
можно помочь, --- предложил де Валтос.

--- Как? О чём ты говоришь?! Мы
затеяли это чёртово голосование, но этот
проклятый Барзано выбил у нас почву из-
под ног. Будь он проклят, но сам-то я
хорош, думал, что он пустоголовый
тупица, как и все эти люди из центра.

--- Эксперт --- это не проблема.

--- В самом деле?

--- Конечно. Если он станет
оставлять слишком много
неприятностей, мы в любой момент
сможем от него избавиться.

--- Не глупи, Казимир. Ты не можешь
просто так убить Имперского эксперта.

--- А почему бы и нет? Он что, сделан
не из мяса и костей, а из стали?

--- Ты это серьёзно?

--- Серьёзное не бывает, --- заверил Талүна де Валтос. --- И в любом случае кто его хватится? Он всего лишь один из миллионов чиновников.

--- В Империи, может, и не хватятся, а вот у того капитана Ультратаринов, возможно, найдётся что сказать по поводу его исчезновения.

--- Да не думай ты о нём, дорогой Талүн.

--- И всё же я не совсем уверен, Казимир, что это правильное решение.

--- Неужели это решение чем-то хуже того, что мы планировали для картеля Шонау? Твои танки, так же как мои пушки, ожидают в горах, Вендаре.

--- Это совсем другое дело, Казимир. Это мы делали во имя блага Навониса.

Де Валтос растеялся глухим, скрежещущим стехом. Странный это был стех: не было в нём никакого веселья.

--- Перестань строить из себя целку, Вендаре Талүн. По крайней мере не передо мной. Я слишком много знаю о твоих делах. Да и у твоего сына-идиота, кстати,

слишком глиняный язык, а у его будущей жёнушки — и того хуже. И она треплет и не в тех местах и не при тех людях.

Талун вспыхнул и поднялся из кресла, зашагал взад-вперёд по комнате и в итоге остановился перед столом с графином, чтобы плеснуть себе в стакан усаваара. Рук его тряслись, и стакан звенел, когда он наливал себе добрую порцию янтарного напитка.

— Полагаешь, тебе что-то известно, но всё это — клевета, — изрёк он в конце концов.

— Конечно клевета. Я верю тебе, Вендаре, — успокоил его де Валтос, загадочно улыбаясь в спину своего компаньона. — Но есть много людей, которые будут рады увидеть, как картель Талун, и особенно ты, рухнет. И ты знаешь, как быстро прилипают обвинения к репутации человека, даже если потом будет доказано, что все они ложные. Да ты вспомни, что произошло, когда ты пустил слух о Хонане и его, хм, любовных связях.

— Но всё это было правдой.

--- Очень может быть, но это не
меняет сути вещей. Было бы позором для
тебя, если бы определённые слухи о смерти
твоего брата стали достоянием
общественности. Это означало бы конец
наших договорённостей, поскольку я не
могу позволить себе быть замеченным в
связях с человеком виновным. Хорошо, не
виновным, а просто заподозренным в
братоубийстве.

--- Проклятие! Ладно, Казимир. Тебе
удалось убедить меня. Итак, каковы твои
планы? --- спросил Талун, возвращаясь на
своё место.

--- Все те же, --- снова улыбнулся де
Валтос. --- Мы все сделаем так, как и
планировали.

Шёл проливной дождь, когда
залипанный грязью «Громовай Ястреб»
прошёл над руинами Плёса Мортена.
Когда шаттл сел на центральной
площади поселения, его рокошущие
двигатели превратили грязную лужу в
облако пара.

Двигатели ещё хрипло урчали, но

два полозковые шасси корабля коснулись земли, его бронированные двери плавно скользнули назад по стазанным безункам, и три отделения Ультратаринов, споро высадившись, рассредоточились по городку. Два встали по периметру селения, а третье, под предводительством Уриэля, двинулось к обгоревшему остову здания, которое, очевидно, некогда было храмом.

Уриэль водил болтером из стороны в сторону. Ливень до минимума сокращал видимость, и даже сенсоры, вмонтированные в силовые доспехи капитана, с трудом прощупывали окружающий трак.

Уриэлю не удавалось различить ни движения, ни малейших признаков жизни --- всё говорило о том, что уже много недель в этом городке нет ничего живого.

--- Сектор один, чисто! --- прозвучал голос в комм-линке.

--- Сектор два, чисто!

--- Сектор три, чисто!

Уриэль опустил болт-пистолет и закрепил его на бедре.

--- Всем сержантам --- ко мне!

Остальным охранять периметр! ---
приказал он.

Через несколько секунд сержанты Венаус, Дардино и Назаниус с тяжёлым оружием поддержки отделения собрались возле лестницы храма.

--- Я хочу, чтобы это место обыскали вдоль и поперёк, дом за домом. Исходим из того, что окружение враждебно. Если что-то обнаружите, докладывать незамедлительно!

--- Что мы ищем, капитан? Выживших? --- спросил Венаус.

--- Что-то необычное. Здесь может быть ключ к разгадке того, что делают эльдары в этой системе. А если это так, я хочу, чтобы вы это нашли.

Уриэль показал на следы выстрелов на почерневших стенах храма позади себя:

--- Здесь погибли слуги Императора, и я хочу знать за что.

Уриэль снял шлем и запрокинул голову --- так, чтобы капли дождя падали на лицо. Он сделал глоток, но тут же выплюнул эту воду в грязь. Разглядывая разбитые двери храма, он провёл рукой по

своим коротким черным волосам, другой же рукой он погладил обожжённое дерево храмовых ворот, ощущая под ладонью выщербины от выстрелов.

Достав боевой нож, он вонзил его в одну такую выщербину и стал раскачивать им из стороны в сторону.

Что-то вышло из дерева ему в ладонь, и он погнёс это к глазам. В углублении силовой перчатки Вентриса набралась дождевая вода, но в этой воде был чётко виден глиняный иззубренный осколок фиолетового кристалла. В стене таких были десятки, и по тому, как они были сгруппированы, Уриэль смог с уверенностью сказать, что выстрел по воротам был всего один.

Из тех скудных сведений об эльгарах, которые Уриэль успел почерпнуть перед путешествием на Павонис, он знал, что любимое оружие этой расы стреляет градом острых мономолекулярных металлических дисков. Но Уриэль слышал и о другом оружии, в котором применялись именно такие боеприпасы, — и располагали некоторые подгруппы

эльдаров.

В части документов эта подгруппа определялась как отколовшаяся от расы эльдаров секта, но для Уриэля все они были одного поля ягода: мерзкие чужаки, очистить которых мог лишь священный огонь его болтера.

Распахнув двери, Уриэль вошёл в храм, с трудом сдерживая гнев, схвативший его при виде надругательства над святыней. От обожжённого дерева всё ещё исходило зловоние растопленного огня человеческого жира, но не это было самым страшным: Уриэль рванулся в переднюю часть церкви, где под сломанной скамьёй лежала почерневшая статуя богоподобного Господина Человечества. Он вытащил статую и, хотя та была весьма тяжёлой, поднял её из обломков.

За храмом капитан увидел покрытый грязью склон холма, у основания которого сгрудились вкопанные в землю незатмысловатые могильные камни.

Капитан вышел из храма со статуей на плече, погрузившись в размокшую под дождём грязь по икры. Уриэля опечалило

само количество могил. Должно быть, люди, обнаружившие Гедрика и ухаживавшие за ним все эти дни, выкопали их для людей из Плёса Мортена.

--- Назаниус, --- вызвал Уриэль сержанта по комм-линку. --- Я за храмом. Принеси сюда из «Астреба» тело парня. Его следует похоронить здесь, рядом с его людьми.

--- Принято, --- прозвучал в ответ голос ветерана.

Опустив спасённую статую на землю рядом с собой, Уриэль молча дожидался погребёлок прихода Назаниуса.

Сержант Назаниус методично обходил храм, неся на руках перебинтованное тело Гедрика с завязанным вокруг талии зелёным пледом Каэрнуса IV и мечом на груди. За огромным сержантом, который почтительно обходил могилы, следовал почётный караул Ультратаринов.

Уриэль кивнул своему гругу и повернулся к стоявшим за ним воинам:

--- Найдите могилу с именем Маэрен. Мы похороним Гедрика рядом с его женщиной.

Ультрамарины разбрелись по кладбищу, читая имена на деревянных крестах, и через несколько минут могила жены и ребёнка Гедрика была найдена. В неё и опустили тело юноши.

Уриэль прошёл между могилами к самому подножию холма, туда, где земля уже начинала подниматься, намереваясь установить там статую Императора, чтобы Он с высоты мог взирать на свою покойную нацию. Подняв статую высоко над головой, он с силой опустил её на землю. Раздался глухой, стяжённый гулом звук камня о металл.

Вытащив статую, Уриэль отложил её в сторону и, опустившись на колени, принялся разгребать грязь у себя под ногами.

На глубине около полуметра мягкая, хлюпающая грязь стенилась влажным, слоистым металлом. Расчистив небольшое пространство, Уриэль открыл пронизанный ржавчиной пласт металла.

--- Сержант! --- крикнул он. --- Уди сюда со своим отделением. Думаю, мы нашли Металлический холм, о котором говорил

парень.

Через полчаса Ультратарины очистили от грязи большой кусок склона холма, и Уриэль был поражён масштабами того, что оказалось под слоем земли. Там лежали пласты заржавленного металла, в его прозрачных глубинах было полным-полно таких же отбратительных коричневых червеобразных завитков, которыми кишел меч Гедрика.

— О кровь Жиллимана! — воскликнул Дардино, увидев обнажённый склон. — Что это?

— Понятия не имею, — ответил Уриэль. — Но что бы это ни было, эльгар, очевидно, считал, что за это стоит умирать.

Уриэль и Назаниус поднялись по склону к треугольной впадине в центре плоской поверхности металла. Под их бронированными башмаками металл крошился, и каждый шаг Ультратаринов сопровождался пронзительным скрипом. Коррозия сходилась в центральной точке, и Уриэль понял, что вскоре от металла не останется ничего. Они с Назаниусом

присели на корточки у впадины в
поверхности металла.

Внутри впадина оказалась усеяна
гнездами с торчащими из них проводами,
которые уходили в глубь металлических
пластов.

Назначение этой ниши было тайной,
но раньше она явно содержала какое-то
тело цилиндрической формы. Может, то,
что этот таинственный предмет был
извлечён чужаками, и вызвало утирание
металла? Ниша была окружена древними
надписями, и Уриэль провёл пальцем по
контуре незнакомых букв.

— Ты можешь это прочесть? —
поинтересовался Назаниус.

— Нет, но даже если б я и мог, то не
стал бы делать это. Эти знаки явно
чуждого происхождения, так что лучше уж
пусть их нечестивый смысл останется для
нас тайной. Но мы должны буква в букву
переписать их для тех, кто занимается
исследованием таких тайн.

Уриэль стёр ржавчину и грязь со
своих доспехов.

— Возьми образец — отвезём его на

крейсер. Быть может, техножрецы смогут распознать это вещество и расшифровать надпись.

Уриэль зачерпнул пригоршню металла, смешанного с землёй, и смотрел, как медленно стекает между его пальцев жидкая грязь.

— Не нравится мне это, Назаниус. Когда ксеносы начинают действовать непривычным образом, это меня беспокоит.

— Что значит — непривычным образом?

— Ну вот взгляни на это место. Каждое тело в своей могиле — человек извести примерно. Достаточно для такого городишки, согласен?

— Согласен.

— Дальше. Ты проверял остатки захоронений, было там что-нибудь взято?

— Трудно сказать, но пожалуй что нет. Похоже, всё было не разграблено, а просто сожжено дотла.

— Вот об этом-то я и говорю. Почему они никого не взяли в плен? Ты когда-нибудь слышал, чтобы эльдары просто

убивали людей, когда их можно было захватить для пыток и рабства? Нет, эти чужаки пришли сюда только ради того, что было в том металле.

— А что же это было, ты как думаешь? Какое-нибудь оружие? Может, что-нибудь имеющее для них священную ценность?

— Это меня и беспокоит, дружище. Что это, я не знаю, а загадать не берусь. Я постепенно прихожу к мысли, что мы столкнулись с чем-то гораздо более серьезным, нежели просто чужаки-пираты.

Ультратарины вернулись к подножию холма и от него прошли в центр разрушенного городка. Дождь уже даже не лил, а стоял сплошной стеной, но Уриэлю нравился этот холодный поток, очищавший не только доспехи, но и, казалось, душу капитана от зловещего предчувствия, которое охватило его, когда он стоял на холме.

Перед ним была загадка, и он, однако, никак не мог решить, с какой стороны к ней подступить. У эльдара явно была веская причина рисковать. Нападая на один

из миров Империи, эльгар не мог не
знать, что тем самым навлекает на себя
гнев Императора. Не было ещё такого
случая, чтобы ксеносы совершили нечто
подобное просто ради удовольствия.

Но не успел Уриэль как следует
поразмислить над этим, как его раздумья
были прерваны шорохом статики в
комнатке, а затем он услышал
взволнованный голос лорда адмирала
Тибериуса:

--- Капитан Вентрис, немедленно
возвращайтесь на корабль. Повторяю,
возвращайтесь на корабль немедленно!

--- Лорд адмирал, в чём дело? Что-то
случилось?

--- Разумеется. Я только что получил
сообщение, что корабли обороны системы
около восьмой планеты примерно два часа
назад встретили судно с аномальными
характеристиками двигателей и
открыли по нему огонь.

--- Значит, кто-то явно прислушался к
нашим предупреждениям. Они уничтожили
судно ксеносов?

--- Нет, не думаю, что им удалось с

ним справиться, но они познали его в
нашем направлении. Мы почти на его
пути, капитан. На вражеском судне не
могут знать, что мы здесь. Так что
устроить засаду на этих ублюдков —
святое дело.

Уриэль улыбнулся, уловив, несмотря
на потеху связи, мстительное злорадство,
охватившее адмирала.

— Сколько вам понадобится времени,
чтобы добраться до корабля, Уриэль?

— Мы будем готовы меньше чем
через минуту, лорд адмирал. Передайте
данные систем наблюдения на авионику
«Грозового Ястреба».

— Поторопитесь, Уриэль. Они
двигаются быстро, и другого такого
случая нам может не представиться.

— Скоро увидится, адмирал. Конеч
связи.

Уриэль водрузил шлем на голову и
обратился к своим воинам:

— Противник, за которым мы
пришли, приближается к нашей позиции, и
у нас есть возможность отомстить за
тех, кто пал жертвой их предательского

нападения. Честь требует, чтобы мы
приняли этот вызов. — Уриэль извлёк из
ножен энергетический меч, взмахнул им в
воздухе и воскликнул: — Вы готовы к бою?

Воины Четвёртой роты как один
дружным рёвом подтвердили свою
готовность.

Арио Барзано возлежал развалившись
на своей кровати, потягивая ускавар из
стакана, и не спеша просматривал пачку
бумаг, доставленных в его комнату
по приказу старшим лейтенантом Леаркусом. Барзано
полностью вкусил лейтенантского гнева, когда
вернулся с Женной Шарбен во дворец
после экскурсии по производственным
кварталам города.

Эта пара посетила немало пивных и
прочих сомнительного вида забегаловок, но
выяснила лишь, что повсюду
перешёптываются о грядущей массовой
демонстрации. Тамашная публика по
большой части высмеивала правителей
планеты да судачила о несчастной участи
рабочего люда. После трёх потраченных
впустую часов Арио и Женна решили, что

на сегодня с них хватит, и, измученные, вернулись во дворец.

Положение на Павонисе во многом оказалось куда более серьезным, чем Барзано изначально представлял себе. В ходе его расследования на свет выплывало нечто более значительное, чем ущерб от пиратства и беспорядки среди населения.

Эксперт сложил бумагу в стопку и, опустив ноги на пол, устало потёр переносицу и глубоко вздохнул. Встав, Барзано подошёл к столу, где среди тарелок с остатками давно остывшего ужина лежала развёрнутая карта системы. До его слуха стучно доносились настойчивый скрип перьев и тихие разговоры клерков. С ними был Лортүэн Перджед, который руководил их работой и критически оценивал результаты их трудов, и Барзано невольно улыбнулся при мысли об этом старике. Все последние несколько недель Перджед был ему надёжной опорой, и Барзано сомневался, что ему удалось бы справиться со столь трудной задачей без его помощи. Впрочем, до решения этой задачи было ещё далеко.

Барзано встряхнул головой и, сосредоточив все своё внимание на карте, поставил стакан на её закручивающийся угол.

Синяя чернильная линия отображала курс крейсера «Горе побеждённому», и Барзано подумал: а достаточно ли будет одного этого корабля? Он тут же отбросил эту мысль. Если «Горе побеждённому» не сумеет предотвратить возвращение «Приносящего Тьму», тогда и весь боевой флот Ультима Сегментум окажется здесь бессилен.

Эти мысли угнетали его, и Барзано вновь до краёв наполнил опустевший стакан.

— Может, не стоит так налегать на этот напиток? — спросил Лортүэн Перджед, бесшумно появившись из тени коридора. — Он довольно крепкий, знаете ли.

— Да знаю, знаю... Но он дьявольски хорош, — ответил Барзано, наливая стакан ускавара Перджеду.

Перджед взял его и присел на край кровати. Он пригубил напиток, и глаза

старика округлились и заслезились.

--- Да, довольно крепкий, --- подтвердил он, сделав ещё глоток. --- И хорош, но именно что дьявольски хорош.

Барзано уселся в кресло перед дисплеем своего терминала и взял свой стакан.

--- Так что ж ты до сих пор бодрствуешь, Лортүэн?

Старый эксперт пожал плечами:

--- Да сейчас больше и делать-то нечего.

--- Верно, --- согласился Барзано. --- Не нравится мне эта тактика выжидания.

--- А раньше, помню, ты этим наслаждался. Ожидал, пока твоя добыча сделает ошибку и приплывёт тебе прямо в руки.

--- Правда? Я уж и забыл.

--- Да, некогда ты был весьма терпеливым охотником.

--- Когда ж это было? --- фыркнул Барзано.

--- О, всего лишь несколько добрых десятилетий назад.

--- С тех пор многое изменилось.

Портүэн. Егва ли я теперь тот, кем был тогда.

— Ну надо же, что-то ты сегодня не в духе, Арио. Не святой ли Джостэн сказал, что следует радоваться любому служению Императору?

— Да, но быюсь об заклад, что ему никогда не приходилось заниматься тем, чем сейчас вынуждены заниматься мы.

— Согласен, — признался Перджег, — но он же был учеником, и его убили. Император упокоил его святую душу.

— Правда, — растеялся в ответ Барзано, — я вот был бы счастлив избежать его судьбы.

— Если начистоту, то и я тоже, — согласился Перджег, поднимая стакан.

Барзано потёр висок и с напряжением закрыл глаза, сильно сжав веки. Потянувшись через стол, он достал маленькую стеклянную баночку с белыми капсулами.

— Голова болит?

Барзано молча кивнул, проглотив две капсулы и залив их уксаваром. Покачивая головой, он высунул язык, стараясь

избавиться от их неприятного вкуса.

--- Ещё хуже, чем прежде. Я чувствовал это с самого момента посадки, словно нечто больше и старше самого времени давит на мой мозг.

--- Тогда, может, не стоит налегать на ускавар. Он не поможет.

--- Напротив, мой дорогой старый друг, это-то как раз единственное, что хоть как-то помогает. Скрыть все в алкогольном тумане -- одно из немногих наслаждений, которые у меня ещё остались.

--- Нет, это говорит совсем не тот Арио Барзано, которому я служу уже тридцать лет.

--- А кто же я тогда такой? Другого Арио Барзано я не знаю: эксперт, бригадир людского муравейника, придворный, торговец-мошенник? Кто тот Арио Барзано, которому ты служил тридцать лет?

--- Слуга Императора, который никогда не колебался, выполняя свой долг. Может, ты-то сам уже и не помнишь, кто ты, но зато это помню я, и мне больно

видеть, что ты с собой делаешь.

Барзано кивнул и поставил стакан на стол с преувеличенной осторожностью.

— Прости, друг мой. Конечно, ты прав. Чем скорее мы здесь закончим, тем лучше.

— Не нужно извиняться, Арио. В своё время я служил многим господам, и с каждым из них работать было намного тяжелее, чем с тобой. Но давай-ка стеним тему. Был ли ещё сеанс связи с крейсером «Горе побеждённому» и капитаном Вентрисом?

— Нет, после их прибытия на Каэрнус IV связи с ними не было.

— Как ты думаешь, они смогут установить эльгара?

— Думаю, если кто и способен на это, то только Уриэль. Не верю, что он из тех, кто легко сдаётся. Знаешь, он ведь протееже капитана Айгэуса.

— Да, я помню, читал его отчёт с Тресии. Ты поэтому его выбрал?

— Отчасти поэтому, но ему есть что показать и без рекомендаций, и именно такого человека я хотел бы видеть рядом

с собой, когда дело дойдёт до финальной схватки.

— И ты надеешься, что Уриэль может унаследовать нетрадиционное мышление Айгэуса?

— Надеюсь? — растеялся Барзано. — Мой дорогой Лортүэн, я на это рассчитываю!

Уриэль не отрывал взгляд от экрана, глядя, как стремительно сближаются корабль эльдаров и крейсер «Горепобеждённого». Экраны «Грозового Ястреба» призрачно-зелёными линиями отображали векторы их сближения. Встреча произойдёт скоро, вражеское судно шло на большой скорости, а Уриэлю и его людям нужно ещё успеть вернуться на крейсер. Хватит ли им на это времени, вот в чём вопрос... Указав рукой на светящийся экран, он спросил:

— Сколько нам осталось до встречи с крейсером?

Сверившись с приборами, пилот ответил:

— Двадцать шесть минут, капитан.

Итак, двадцать шесть минут.

Добавим ещё пятнадцать на дотправку, восемь, если будем дотправляться на ходу с работающими двигателями. Кодекс Астармес строго запрещал столь опасную практику, но сейчас каждая секунда была на вес золота, и Уриэль не мог позволить себе потерять ни одну из этих драгоценных секунд. С другой стороны, на крейсере это был единственный действующий челнок, и если он взорвётся в тусковом отсеке...

--- Может ли ты добраться до корабля эльдаров без дотправки?

--- Нет, сэр.

Уриэль выругался. Вряд ли им ещё представится такая прекрасная возможность схватиться с эльдаром, но, чёрт возьми, они по рукам и ногам скованы расстоянием и логической необходимостью. А что если...

...Если только не заставить эльдар самого повернуть в их сторону!

--- Немедленно соедини меня с лордом адмиралом!

В тот же миг второй пилот связался с крейсером.

--- Адмирал, это капитан Вентрис. Я не верю, что нам хватит времени добраться до вас и дозаяправиться раньше, чем эльдар окажется в зоне досягаемости.

--- О чём ты говоришь? --- прогремел с командного мостика голос лорда адмирала Тибериуса. --- Ты должен дозаяправиться, тебе не хватит топлива, чтобы добраться до эльдара!

--- Я знаю это, адмирал, но если мы повернём к крейсеру, то упустим возможность схватиться с ними на их собственном корабле. А вы сможете поговорить нас, когда мы там закончим.

Динамики потрескивали, Тибериус размышлял над предложением Уриэля. Затем он осторожно сказал:

--- Я не считаю, что это разумно, капитан Вентрис. По-своему вы можете быть правы, но это противоречит всему, что написано в Кодексе Астартес относительно боевых операций на кораблях.

--- Знаю, но сейчас это лучшая возможность вывести их корабль из строя. Если мы доберёмся до мостика, то сможем

изрядно их потрепать. Так что если вам удастся направить их в нашу сторону прицельным огнём батарей, мы сможем маневрировать более эффективно и занять наиболее выгодную позицию, чтобы прорваться к ним.

— Хорошо, капитан Вентрис, но в корабельном журнале я отмечу, что я, как командир крейсера, не одобряю ваше вопиющее неуважение к словам священного примарха.

— Это ваше право и привилегия, адмирал, но давайте поговорим об этом позже. Враг приближается.

Архонт Кешарк с любовью и даже нежностью поглаживал свой топор, лезвие которого было липким от крови палубного офицера, ответственного за содержание и обслуживание гало-полей, и в предвкушении новой крови скрежетал зубами. Налёт на последнее место, указанное кайерзаком, оказался до стешного лёгким. Этот бестолковый толки отдался на милость победителя, не понимая, что с них и взять-то нечего. Он, грозный Архонт Кешарк,

вырвал из тел их визжащие души и похитил то, что они увезли с астероида. И только в силу нелепого стечения обстоятельств рядом оказались эти громоухающие суда тонки, но Кешарка это ничуть не обеспокоило. Им было далеко до «Всадника бури», и он нагменно направил корабль между ними, рассчитывая, что гало-поля помешают их примитивному вооружению. Так оно и было, пока в результате повреждений, полученных во время стычки с кораблём Астартес, гало-поля не отказали. Он знал, что в силах остаться и принять бой. «Всадник бури» легко одержал бы победу над теми судами, но сейчас они везли последний фрагмент ключа, и его ценность была куда выше нескольких мгновений брэнной славы. Член экипажа, ответственный за гало-поля, был сурово наказан, а тот, что заменил его, сейчас занимался их ремонтом.

Думая о драгоценном трофее, который он теперь обладал, Кешарка представил себе Азгубаэля Векта, рыдающего и умоляющего сохранить ему жизнь. О, рыдать и молить о пощаде он

бүдет долго, смерть его бүдет
мучительной.

Предвкушая сладость мести, он
понимал, что наступает критический
момент. Кайерзак, безусловно, попытается
лишить его добычи, но сам он продолжает
существовать лишь благодаря Кешарку,
позволяющему Хирургу практиковаться в
своём искусстве на его плоти. Кешарк
понимал, что одной угрозы будет
недостаточно, чтобы заставить его
воздержаться от попытки неповиновения.
Кешарку уже доложили, что техножрец
кайерзака, который находился с ними на
корабле, предпринял несколько попыток
получить противоядие от токсина,
постоянно разрушающего тело его хозяина.

Но Кешарк знал и то, что все эти
попытки оказались тщетны, да и в
будущем у него вряд ли что-нибудь
получится. До того как Хирург
разжаловала ассоциация, он был известен
как один из лучших знатоков ядов в
Кабале, и возможности его смертоносного
мастерства портили Архонту аппетит
во время каждого приёма пищи.

Нет, кайерзаку не добиться успеха, и вскоре, уже в ближайшие месяцы, он, Архонт Кешарк, наконец позволит Хирургу замучить это презренное создание до смерти.

Архонт бросил взгляд на экран обзора, подсчитывая, сколько потребуется времени, чтобы добраться до Павониса.

Немного. Совсем немного.

* * *

--- Ты держишь его на прицеле, Филотас? --- еле слышно прошептал лорд адмирал Тибериус, словно громкая речь на «Горе побеждённого» каким-то образом может быть услышана эльдаром. Его судно находилось сейчас как раз в центре главного экрана крейсера.

--- Да, лорд адмирал, кажется, вражеский корабль лишён своих дезинтеграционных полей. Бортвые батареи сейчас готовятся к залпу.

--- Превосходно, просто замечательно!

Тибериус нетерпеливо барабанил пальцами по деревянной панели своего пульта и жевал нижнюю губу. Не нравился ему способ ведения боевых действий, предложенный Уриэлем. Несмотря на все преимущества, которые сулил план капитана, он противоречил всему, чему адмирал научился за века костических битв. В священной книге Кодекс Астартес Жиллиман писал, что корабли должны идти в бой полностью оснащёнными и что не следует идти на abordаж, не обезвредив батареи ближнего боя противника.

Не нравилось ему все это, определённо не нравилось, но адмирал понимал, что в сложившейся ситуации Уриэль прав. Вернуться на крейсер означало упустить идеальный шанс уничтожить вражеское судно. Ворваться на вражеский мостик — мечта любой abordажной группы, в случае успеха это означало пленение или смерть капитана противника. И все равно план капитана Вентриса ему не нравился, но Тибериус вынужден был с ним согласиться.

--- Командиры бортовых батарей докладывают, что подготовка к залпу

завершена. Цель в зоне досягаемости.

Мало вероятно, что на таком расстоянии огонь батарей Тибериуса будет точным, но в конце концов красота плана Вентриса заключалась не в этом. Если ждать дольше, противник скорее всего обнаружит его и исчезнет. Всё, что требуется сейчас от Тибериуса, — спугнуть капитана вражеского корабля и направить его в сторону приближающегося «Грозового Ястреба» Уриэля, выбросы двигателей которого скрыты близким соседством с планетой и её атмосферой.

— Артиллеристам открывать огонь только по моей команде. Дать задний ход и запустить двигатели малой тяги правого борта. Я хочу направить их над полярными областями, на трассу капитана Вентриса.

— Есть, лорд адмирал.

Уриэль поглядывал на обзорную панель пилота, но мало что видел там кроме сияющих выбросов из атмосферы планеты над корпусом «Грозового Ястреба». С крейсера им сообщили положение эльдарского судна, и, если он

приблизится ещё хоть немного, они его достанут.

Технодесантник Харкус прочёл молитвы над abordажным шлюзовым каналом шаттла и спецзарядами, которые пробьют для Десантников путь в корпусе судна чужаков. Капеллан Клозель молился вместе с Ультратаринами, благословляя болтер и меч каждого воина. Уриэль приказал выдать всем ценные мечи, понимая, что бой наверняка будет ближним и кровавым. Присоединившись к своим воинам, капитан извлёк из ножен свой энергетический меч и склонился перед капелланом, чтобы получить его благословение.

--- Грозный Архонт! Я обнаружил, что в трёхстах тысячах километрах прямо по курсу происходит наращивание энергии!

Кешарк бросился к докладывающему офицеру и в ужасе уставился на дисплей сенсоров.

В характеристиках двигателей ошибиться было невозможно. Вражеский корабль наращивал энергию в батареях.

собираясь открыть огонь.

--- Лево руля до отказа, снижается к планете! Скроемся в атмосфере!

--- Бортowymi батареями --- огонь! --- приказал Тиберийс. --- И влево руля!

Исполнительное судно согрозилось, когда все батареи левого борта открыли ураганный огонь по кораблю эльдаров. Тиберийс ухватился за края пульты, когда могучий крейсер начал разворот навстречу врагу, наводя на него главное носовое орудие.

Возможно, они вели бой и не по уставу, но, во имя Императора, они собирались поразить врага из своих самых мощных орудий.

Все бортовые батареи выпустили по цели огромные, размером с гигантское здание, разрывные реактивные снаряды. Но на таком, даже по космическим меркам большом расстоянии добрая их часть прошла мимо, разорвавшись в сотнях километров от «Всадника бури». Некоторые снаряды взорвались ближе, не причинив, однако, вражескому судну более или менее значительного ущерба, а лишь

усяв корпус и главный парус «Всадника
бүри» вращающимися осколками.

Корабль быстро менял курс, его
излообразный нос, повернув влево, резко
нырнул в атмосферу планеты.
Последовали очередные выстрелы, и над
кораблём расцвёл огромный взрыв — это
вступило в бой главное носовое оружие
эльдарного крейсера.

«Всадник бүри», словно обсидиановое
копьё, пронзил атмосферу Каэрнуса JV,
превосходная скорость в сочетании с
исключительной манёвренностью
оберегали его от орудий противника.

Крейсер «Горе побеждённому» также
попытался осуществить поворот и
последовать за «Всадником бүри», но по
своим ходовым характеристикам ему
было далеко до судна чужаков.

Все более отклоняясь в сторону от
Каэрнуса JV, эльдарский корабль сбросил
скорость. В этой точке он оказался
совершенно слеп, так как его сенсоры
перестраивались в процессе огненного
полёта сквозь верхние слои атмосферы
планеты.

Когда «Всадник бури» уже покидал атмосферу Каэрнуса, над ним пронеслась голубая вспышка и пристроилась позади высоких парусов изящного корабля. Мощные орудия «Грозового Ястреба» пошли в огонь по задней четверти судна, начисто снеся с поверхности корпуса все планочные стабилизаторы и зазубренные крюки.

Прежде чем на эльдарском судне успели что-нибудь понять, «Грозовой Ястреб» устремился вперед, через изогнутую верхнюю палубу корабля противника. Из брюха корабля Ультратаринов выстреливали крепёжные буравы, врезающиеся в корпус «Всадника бури» и прочно притягивающие более лёгкое атакующее судно к кораблю эльдаров.

Техногесантник Харкус привёл в действие спусковой механизм абордажного шлюзового канала и подорвал спецзаряды направленного действия на его конце. Даже сквозь бронированные палубные плиты «Грозового Ястреба» Уриэль почувствовал чудовищную силу этого взрыва. До упора повернув рукоятку запора, он открыл

круглый люк, который вёл сквозь шлюзовой канал к брешу в корпусе эльдарского судна.

Теперь важна была скорость. Удар должен быть жёстким и быстрым.

--- Ультратарины! За мной! --- крикнул он и первым прыгнул в шлюзовой канал.

Легко приземлившись на палубу вражеского корабля, Уриэль откатился в сторону, освобождая место для следующего воина, со стуком опустившегося вслед за ним. В прыжке он поднялся на ноги и одним отточенным плавным движением извлёк энергетический меч и болт-пистолет. Осматривая заставленную круглыми контейнерами комнату с низким потолком, в которой он оказался, капитан Ультратаринов обвёл помещение стволом болтера.

Он нагавил на руну запуска на эфесе меча, и в ту же секунду клинок вспыхнул жутким светом, и как раз вовремя: в овальном дверном проёме показались два воина в малиновых панцирях. Их гладкие блестящие доспехи были украшены сверкающими клинками, в руках у них были глинные винтовки с зазубренными

штыками.

--- Отвага и честь! --- воскликнул Уриэль, бросаясь на эльдарских воинов.

Он всадил меч в ключицу первого из оборонявшихся эльдаров, раскроив чужака от шеи до паха. Второй сделал выстрел винтовкой со штыком, но Уриэль, крутанувшись вокруг себя, нанёс ему смертельный удар локтем в лицо, разбив вдребезги забрало шлема неприятеля и сломав ему шею.

Бросив назад короткий взгляд, он увидел, как Ультратарины один за другим прыгают через пробоину в корпусе. Назаниус был уже здесь, ярко-синее платье его огнемёта уже ревели, готовое обратить врагов Императора в пепел.

Подняв меч высоко над головой, Уриэль проревел:

--- На мостик!

Выпрыгнув в дверной проём, он оказался в узком полутёмном коридоре с гладкими стенами, сходящими на конус над его головой.

Вентрис ощутил странный, действительно чуждый запах, но не смог

определить, откуда именно он исходит. Вперёд вели два изгибающихся прохода, конца которых не было видно.

Выбрав левый, Уриэль потчался по нему.

--- Пазаниус, за мной! --- крикнул он. --- Дардино и Венаус берут правый!

Уриэль услышал спереди стук шагов и увидел несущуюся на него толпу вражеских воинов. Они были вооружены такими же винтовками со штыками, но у некоторых капитан заметил и более грозное оружие.

Подняв свой огнестрел, Пазаниус крикнул:

--- Ложись!

Бросившись на пол, Уриэль не услышал, а скорее почувствовал свист раскалённого прометия, пронёсшегося над ним по проходу. Вопли чужаков эхом разнеслись по коридору, когда жидкое пламя изжарило их тела внутри доспехов, доглотив всю их несчастливую плоть. Вскочив на ноги, Уриэль ринулся вперёд, перескакивая через пылающие тела и несясь среди эльдаров огромными прыжками. Его меч разил налево и

направо, и каждый удар приносил смерть
все новоту чужакү. Ультратарины с диким
рёвом следовали за своим капитаном,
кромя врагов ценными мечами, которые
легко разрубали гибкие пластины
вражеских доспехов и плоть ненавистных
ксеносов.

Капеллан Клозель выкрикивал слова
Титнов Веры, разя врагов смертоносным
крозиус арканүтом.

Уриэль ощутил боль в руке — в неё
угодили несколько осколков от близкого
взрыва, но он не придал этим ранам
значения. Силовые доспехи защищали его.
Пуля попала ему в шлем, и Уриэль,
зарывав, повернулся и одним ударом
обезглавил напавшего на него врага.

Последний из эльдаров пал, и коридор
«Всадника бұри» превратился в зловонный
склеп.

Все Ультратарины были целы, хотя
некоторых и ранило, но не тяжело.
Пазаниус выпустил несколько коротких
сполохов из огнетёта в сторону поворота,
упреждая возможную контратаку.

Уриэль тем временем связался по

радио с другими отделениями:

--- Дардино, Венакус, доложите обстановку.

Первым отозвался Венакус, его голос звучал твёрдо и уверенно, несмотря на звуки сурового боя, идущего вокруг него.

--- Серьёзное сопротивление, капитан. Нам, похоже, попался главный оборонительный пост. Дардино пытается обойти их с фланга. По предварительной оценке, понадобится шесть минут, чтобы одолеть их.

--- Даю вам четыре минуты! Всё, конец связи.

На Ультратаринов обрушился шквал винтовочного огня, пули рикошетом отскакивали от стен, воздух наполнился визгом осколков. Точно такие же осколки Уриэль извлёк из стены храма на Каэрнусе IV.

Пазаниус лежал на полу, в его наплечнике зияло тёмное дымящееся отверстие. Уриэль слышал по радио, как огромный сержант чертыхается, уползая подальше от поворота и не выпуская из рук огнемёт. Услыхав шаги приближающихся

ксеносов, несущихся ил наперерез, Уриэль извлёк из раздатчика на поясе пару осколочных гранат.

Шквал огня усилился, и Уриэль понял, что пора двигаться дальше, иначе штёрм захлебнётся, не успев толком начаться.

Забежав за угол, Уриэль дважды выстрелил из болт-пистолета. По сравнению с хлопучками эльдаров, эти тяжёлые глухие выстрелы прозвучали обнадёживающе громко. Два вражеских воина упали с огромными зияющими ранами в груди, и Уриэль швырнул вперёд две гранаты. Прежде чем нырнуть в укрытие за угол, он выстрелил ещё дважды. Гранаты разорвались одновременно, яростно взметнув в воздух тела врагов.

Уриэль вскочил на ноги и поднял Назаниуса:

--- Ты готов к бою, мой старый друг?

--- Больше чем когда бы то ни было, капитан, --- заверил сержант, поднимая огнестрельное оружие.

Уриэль кивнул Назаниусу и рванулся за угол по коридору с болтером на

изготовку.

--- За Императора!!!

Ультратарины следовали за Уриэлем, не отставая от него ни на шаг. Капитан что было сил нёсся малиновой двери, украшенной замысловатой чеканкой, изображавшей клинок в обрамлении изгибающихся оленьих рогов. Даже на расстоянии Уриэль видел, что дверь эта тяжёлая и бронированная.

От главного коридора ответвлялись другие, и отовсюду доносились звуки боя. По параллельным коридорам неслись фигуры в красных доспехах, и Вентрис на бегу отдал одному из Ультратаринов приказ наблюдать за тылом. С таким количеством параллельных и поперечных коридоров существовала реальная опасность быть обойдёнными с флангов и окружёнными.

Врезавшись с разбегу в дверь, Уриэль выбил её из рамы одним мощным ударом.

Капитан влетел в дверной проём, изголодавшиеся по настоящей схватке Ультратарины следовали за ним. Все они оказались в просторном помещении с

высокой куполообразной крышей, и Вентрис
злорадно устехнулся, осознав, что они
скорее всего оказались наконец на
командном мостике. Первое, что увидел
Вентрис, — это богато украшенный
обзорный экран, занимавший почти всю
дальнюю стену комнаты, по обе стороны
от экрана были широкие, как у ангара,
ворота. Железные столы с привязанными
ремнями чёрной кожи теснились вдоль
стоек с отбратительного вида
инструментами.

В центре зала, на приподнятом
командном постое, стоял высокий
худощавый эльдар в изящных доспехах,
таких же, в какие были облачены его
воины, только доспехи этого чужака были
светло-зелёного цвета. Шлема на нём не
было, и его белые, с фиолетовыми
проблесками, волосы разметались по
плечам, словно снег. Лицо его казалось
безжизненной маской, лишённой всякого
выражения, а с губ эльдара бежала тонкая
струйка крови. В руках он держал
огромный боевой топор, лезвие которого
было покрыто бурыми пятнами.

Кроме него в зале было несколько десятков тяжеловооружённых воинов с длинными клинками, стахивавшими на алебарды. Все это грозное оружие синхронно пульсировало, извергая в пространство какую-то чудовищную энергию.

Зал, в котором оказались Вентрис и его люди, излучал смерть и ужас. «Сколько же душ нашли свой конец в этом безрадостном месте?» — подумал Уриэль.

Однако времени, чтобы поразмыслить над этим, у капитана Ультратаринов не оказалось, так как широкие двери по обе стороны обзорного экрана вдруг широко распахнулись и оттуда вылетели полчища почти полностью обнажённых воинов — как мужчин, так и женщин, скользящих в воздухе на причудливых сверкающих пластинах и вооружённых длинными мечами.

Чёткие выстрелы из пистолетов уложили полдюжины из них в первую же секунду, но нападавших было слишком много, и они оказались уже среди

Ультратаринов, нанося воинам
Императора смертельные удары. Уриэль
увидел, как пал брат Гайус, разрубленный
вдоль талии пластиной одного из летунов.
Его убийца взмыл в воздух, описав петлю, а
тело Гайуса осело на пол в луже крови.

Уриэль с ненавистью всагил болт в
голову улюлюкающего эльгара и с
удовлетворением увидел, как его
безжизненное тело рухнуло на пол. Тем
временем визжащая орда летунов высоко в
воздухе развернулась и выстроилась для
повторного захода.

Болтерный огонь по ним усилился —
это вступили в бой отделения Дардино и
Венасуса. Уриэль пристрелил очередного
летуна, когда к нему подскочил Венасус в
доспехах, лоснящихся от крови чужаков.

— Прошу прощения, капитан. Это
заняло у нас на минуту больше.

Уриэль свирепо устехнулся под
шлемом:

— Надеюсь, сержант, в следующий раз
у тебя выйдет лучше.

Огнемёт Назаниуса обдал одного из
летунов потоком жидкого пламени.

Выстрелы Ультратаринов эхом отдавались под куполом зала. В этот момент ожило устройство связи в шлеме Уриэля — с ним связался пилот «Протового Ястреба»:

— Капитан, вскоре мы вынуждены будем расстыковаться. Корабль эльдаров увеличивает скорость, и нам не удастся дольше удерживать шлюзовую канал. Предлагаю вам начать отступление, прежде чем мне придется отсоединить стыковочные крепления.

Уриэль выругался. Подтвердить получение сообщения от пилота у него не было времени — сбив с летящей пластины воина в кожаных ремнях, он вознал меч в его брюхо. Капитан увидел, как воин-альбинос в зелёных доспехах мечом прорубает себе дорогу, направляясь к нему, и высвободил меч.

Вокруг ног воина крутилась какая-то бесформенная масса, но в царившем полумраке Уриэль не мог рассмотреть, что это такое. Тут на него устремились трое воинов-летунов. Двоих он сбил с пластин меткими выстрелами из

болтера, а третьего обезглавил мечом. Тем временем светло-зелёный эльдар с поразительной лёгкостью уложил двух Ультратаринов, попытавшихся его остановить.

Уриэль жестом призвал своих боевых братьев держаться.

--- Этот --- мой! --- выкрикнул он.

По иконкам на визоре шлема Уриэль видел, что семеро его людей погибло, их значки были холодными и чёрными. Дыхание Вентриса стало тяжёлым, но это не уменьшило его выносливости.

Пространство вокруг двух воинов освободилось, на мостике продолжал кипеть бой. Теперь Уриэлю стало отчётливо видно, что творится вокруг ног чужака, и капитан с ужасом разглядел вздымающуюся массу шипящих и фыркающих существ. Жалкое, отерзательное, но вместе с тем устрашающее скопление деформированной плоти, сшитой вместе в невообразимой мешанине, извивалось у ног альбиноса. Каждое из этих отвратительных существ было уникально по своей тошнотворной

форме, но все они одинаково шипели в безумной злобе, обнажая жёлтые клыки и зазубренные когти.

Уриэль вытянул меч, направив конец сверкающего лезвия в грудь предводителя чужаков:

--- Я --- Уриэль Вентрис из Ультратаринов, и я пришёл, чтобы убить тебя.

Эльдар склонил голову набок. Его голос, неприспособленный к человеческому языку, проскрежетал:

--- Ты всего лишь монки, животное, и я скормлю тебя экскрентам.

Уриэль взял меч на изготовку --- кипящая масса жутких существ ринулась вперёд, издавая ужасающие и в то же время жалобные визги. Он рубанул по первому из них, и, когда клинок легко раскроил его плоть, из мягкого, податливого тела уродца вырвалось облачко зловонного газа. Затем Уриэль таким же образом заколол другое мерзкое создание, но их было слишком много.

В его икру вонзились острые клыки, и Уриэль вскрикнул, ощутив пронзившую

тело горячую боль, и в следующую секунду кровь понесла по его венам впрыснутый в рану яд. Меч капитана Ультрамаринов отсек клыкастый придаток от остальной твари, заляпав мерзкую тушку какой-то грязью.

Сделав шаг вперёд, Кешарк стремительно взмахнул топором, направив его широкое лезвие по дуге вглубь Уриэлю.

Вовремя заметив этот манёвр врага, Уриэль отпрянул назад, лишив удар большей части его сокрушительной силы. Повернувшись, он взмахнул мечом и был вознаграждён жутким визгом очередного экскрента. Продолжая двигаться, Вентрис увернулся от следующего удара, и топор Кешарка, просвистев в воздухе, вонзился в плечу.

Подпрыгнув, Уриэль парировал удар топора, который пришёлся по касательной к плечу капитана. Уриэль понял, что в удар было вложено немного силы, — чужак явно полагался на вес самого оружия. С силой опустив кулак на ониксовое древко топора, Уриэль бросился на эльдара, но

тот умело уклонился от атаки капитана, скользнув вбок, и всадил топор ему в плечо.

Лезвие топора вырвало большой кусок из доспехов Уриэля и, уйдя вверх, зацепило край шлема. Капитан зашатался, почувствовав лёгкое головокружение, но вовремя поднял меч, парировав толкнутоносный повторный удар, нацеленный ему в голову.

В этот миг ещё один экскрент впился в ногу Уриэля, и он опустил тяжёлый бронированный ботинок на его голову, превратив череп в мешанину из костей и мозга. Вокруг капитана полыхали языки пламени, а воздух наполнили жуткие визги и злобное палёной плоти — это Назаниус обратил свой огнемёт против ужасающих тварей.

Иконка пилота в визоре шлема вспыхнула срочным вызовом.

Кешарк вращал топором с безумной скоростью, совершая ил замысловатые петли и повороты, его лезвие превратилось в сверкающую серебряную сеть. Чужак медленно наступал на Уриэля, его безжизненное лицо продолжало

оставаться совершенно неподвижным.

— Я был не прав, считая тебя достойной добычей, — проскрежетал Кешарк. — Кайерзак был глупцом, опасаясь тебя.

Уриэль совершил ложный выпад мечом, затем изменил направление удара, но Кешарк предвидел этот ход и отразил удар древком топора. Вернувшись, его лезвие вонзилось в бок Уриэлю, глубоко войдя в плоть. Тело охватила жгучая боль, и Уриэль почувствовал, как из рваной раны хлынула кровь.

С уголков губ Кешарка свисали хлопья кровавой пены, но Уриэлю было не до того. Он взревел от боли и, выронив меч, схватился за лезвие топора, вонзившееся в его бок, пока Кешарк пытался выдернуть его.

Уриэль выхватил из кобуры пистолет и направил его ствол в голову чужака.

Тот рванулся со сверхъестественной скоростью, но всей его изворотливости не хватило, чтобы увернуться от снаряда.

Болт прошел щеку Кешарка, вырвав

күсок плоти, но расстояние оказалось слишком мало, и снаряд разорвался, уже выйдя из его головы.

Чужак взвыл от боли и отступил, вынустив из рук топор. Уриэль рүхнүл на колени, а Кешарк сүдорожно заковылял к своим воинам.

Сквозь какую-то пелену Уриэль почувствовал, как чьи-то рүки обхватили его за наплечники. Слабеющими рүками он поднял болтер, но тут же опустил его, увидев, что это Назаниус. Огромный сержант ухватил топор чужака и вытащил его из бока капитана, а затем поднял Уриэля на ноги. Кровь из раны тут же забила фонтаном.

— Мы должны немедленно убираться отсюда! — прошептал Уриэль.

Кивнув, Назаниус принялся отдавать приказы отделению. Наклонившись, Уриэль поднял меч Айгэуса и присоединился к своим воинам, которые начали отступать в сторону «Грозового Ястреба». Тела погибших уносили с собой.

Уриэль знал, что они ни в коем случае не должны оставлять навших в

этом нечестивом месте. Апотекарий
Селенус удалит из их тел
имплантированные железы, и драгоценное
женное семя будет возвращено Оргену.

Никто из воинов-ксеносов не
преследовал Костогесантников, и
последним, кого увидал Уриэль, был их
предводитель, уставившийся на него с
бессильной ненавистью.

Ультрамарины быстро покинули
«Всадника бури», и уже через несколько
секунд «Грозовой Ястреб» растыковался с
эльдарским судном. Пилот искусно
развернул шаттл вокруг своей оси и летел
теперь на двигателях малой тяги, пока не
опустели топливные баки. Эльдарский
корабль вскоре исчез во мгле, его
двигатели быстро унесли судно от места
боя.

Челнок плавал в пространстве ещё
целый час, пока его не подобрал крейсер.

Всё это время Селенус занимался
ранеными, а капеллан Клозель читал над
погибшими Литанию Павшим.

Аппаратура крейсера уловила след
корабля чужаков. Несмотря на всю мощь

своих двигателей, крейсер Ультратаринов не мог сравняться с эльдарским судном в скорости, но когда сервиторы рассчитали его курс, то оказалось, что ил это и не понадобится.

Корабль чужаков шёл прямым курсом на Павонис.

Стрелок Харлин Морган провёл рукой по крылу большого шестидесятитонного танка и улыбнулся, представив себя едущим во главе колонны таких же могучих боевых машин. Это был танк «Леман Русс» модели «Завоеватель». Справедливости ради следует сказать, что толщина брони и некоторые другие технические характеристики этой машины, произведённой на Павонисе, были несколько хуже, чем у танков, изготовленных на производственных мощностях мира-кузницы Трифон IV. Это признавал, правда с большой неохотой, и Харлин Морган. Но все равно «Завоеватель» был грозной боевой машиной.

Командир танка майор Узбб развалился, покуривая вонючую сигару, на башне механического гиганта, а заряжающий Маннин варил для экипажа кофе в походном котелке. Механик-водитель Парк лежал под брюхом танка,

пытаясь отремонтировать протекающий топливopовoд, так что из-под бронированных свесов торчали только его ноги.

Через камуфляжную сеть, натянутую над головами экипажа, проникал солнечный свет, и, несмотря на то что дело происходило высоко в горах, было ещё тепло. Морган протянул прогноз майору. Тот, поблагодарив его кивком, вскрыл фольгу упаковки, и лицо его исказила гримаса отвращения.

Морган сел, положив ногу на ногу, и, откинувшись на земляной бруствер траншеи, в которой был укрыт танк, бросил пару пайков на землю между Маннином и Парком.

— Долго же ты копался, — проворчал Маннин.

— В следующий раз попрѣшься за пайком сам, — ответил Харлин и с наслаждением принялся за еду. Пакет состоял из хлеба, сыра и какого-то мясного изделия, выглядящего подозрительно несвежим. Настолько несвежим, что нельзя было определённо сказать, что это

за мясо. Морган понюхал продукт и его физиономию тоже перекосило.

Тем не менее Маннин и Морган с энтузиазмом принялись за свои пайки. Последним паек взял Парк: он наконец вылез из-под танка и поднял с земли свой паек, но с брезгливой миной осмотрел его и отшвырнул в сторону.

— Уменем всего святого, я был бы чертовски рад двинуть отсюда и раздобыть где-нибудь настоящей еды, — проворчал он, открывая крышку ползатой плоской фляги, извлечённой из недр промасленного комбинезона.

— Ты когда-нибудь прекратишь ныть? — спросил Маннин, прожёвывая добрую порцию хлеба и липкого коричневого «мяса», которыми он щедро набил себе рот. Парк глотнул из своей фляги и предложил её Маннину, который укоризненно покачал головой, флягу не принял, зато подобрал с земли паек Парка.

— Нет. А ты когда-нибудь перестанешь жрать? — ответил вопросом на вопрос Парк. — Ускавар — всё, что мне нужно, чтобы протянуть очередной бестолковый

день.

--- Да, мы знаем, --- растеялся Морган, --- видели мы, как ты водишь.

Танкист Парк сделал двумя руками похабный жест, соорудив при этом из пальцев правой неприличную комбинацию, и сказал:

--- Вот вам, ребята. Еда в любом случае для легковесов.

Морган жестом пресёк добродушную перебранку своих товарищей по экипажу --- этот ритуал сопровождал каждый их обед --- и обратил свой взгляд на комплекс остальных убежищ на Оусен Хиллз. Отсюда маскировка танков выглядела неубедительной, но стрелок полагал, что с воздуха или снизу, из пыльных равнин, танки должны быть незаметны постороннему глазу. Никто же их, в конце концов, до сих пор не обнаружил, так ведь?

Башенное орудие танка было обращено к сельскому имену их героического предводителя, но сейчас именование увидеть было невозможно --- оно расположилось далеко внизу. Однако, если выйти из-под камуфляжной сетки, можно

было рассмотреть группу обличованных
мрапором зганий, свидетельствующих о
таком богатстве их хозяина, которое
Моргану трудно было даже представить.
Но угольям итения носились стада
рогатых оленей, а под покровом ночи там,
похоже, так и кипела развесёлая жизнь.
Одолжив у Парка инфракрасные очки,
Морган наблюдал за тем, как по сельской
местности рассредоточиваются войска.

Он благоразумно не сообщил об этом
майору.

В восточной части комплекса
размещались солдаты с плечевыми
ракетометами и станковыми болтерами.
Они находились в постоянной готовности
защищать танки от нападения, хотя
майор считал эту меру излишней, --- он
был уверен, что такое нападение было в
принципе мало вероятно.

Принципы принцепами, а тот синий
десантный шаттл, что на прошлой неделе
пролетел над ними, наделал в лагере
немалый переполох. Все забежали как
нашкодившие дети, и это было
тревожным звоночком всем тем людям,

что здесь разместились: нельзя терять бдительности, надо постоянно быть настороже.

Но плато под камуфляжными сетками расхаживали десятки солдат, стрелки, заряжающие, водители, механики — все те, кто нужен, чтобы держать эти мощные машины в постоянной боевой готовности. Когда же придёт их время, Морган не знал, но майор заверил своих людей, что это время не за горами.

Единственное, что Морган знал точно, так это то, что всего здесь, на плато, и в горах было укрыто триста двадцать семь танков. «Василиски», «Грифоны», «Леманы Руссы», «Агские Гончие» и разные другие модели. Он подсчитал их однажды, когда со своим экипажем был в дозоре. Количество и разнообразие модельного ряда впечатляло, но Морган достаточно хорошо разбирался в военной технике, чтобы понимать, что на самом деле все эти танки были лишь подобиями боевых машин, изготавливаемых в имперских тирах-

кузницах. И подобиями, честно говоря, не лучшего качества.

Хотя в данной ситуации это не имело значения.

Объединившись в ударную группу, они были прочнее, чем адмантит. Вера в справедливость их дела будет их броней, а вера в победу станет их оружием.

Морган улыбнулся, вспоминая слова полковника планетарных сил самообороны Понтелуса из Врат Брэндона, который привёз его сюда. Полковник страстно рассуждал о предательстве картеля Шонау, о том, как её картель вероломно объединился с такими же алчными личностями из других картелей, чтобы выжать последние гроши и достоинство из рабочего человека. Ведь её десятинный налог был не чем иным, как попыткой как можно туже набить карманы, пока её не выкинули с должности.

Поначалу Морган скептически отнёсся к словам полковника, видя значок картеля Талун на форменном кителе своего командира. Он знал, что Талун и Шонау были политическими

противниками, но слова Понтелуса задели
молодого танкиста за живое. Вместе они
сражались за своё освобождение от
деспотического режима Шонау, вместе
они — сила.

Морган понимал, что за свободу надо
платить и что её ценой станет кровь
патриотов. Он был патриотом, готовым
ради свободы к самопожертвованию, а
стало быть, его командиры могли на него
рассчитывать. Шонау всеми силами
тянула Павонис ко дну, и такая политика
губернатора стала для планеты
совершенно неприемлемой.

Власть без свободы — это тирания, и
Морган ни дня не желал больше жить под
изгом губернатора.

Сыны Павониса больше не будут
трудиться как рабы в изматывающей
духоте предприятий продажных картелей!
Прогрессивные мыслители, такие как
Талун и де Валтос, понимали, что людям
отваги и чести нужно отстаивать то, во
что они верят, и сердце Морганна
переполнялось чувством гордости.

Он знал, что он — один из лучших

людей планеты.

Солнце продолжало медленно подниматься над Вратами Брэндона, обжигая улицы города своими безжалостными лучами. Жара была не по сезону зной, и город изнемогал от зноя. Над возвышающимися градиентами предприятий не было привычных газообразных ореолов, вечно грохочущие машины сегодня стояли без дела в гаражах.

Весь город был охвачен единым порывом: по узким улочкам рабочих предместий тысячи людей медленно стекались к белоснежным стенам финансового и административного центра города.

Мужчины, женщины и дети собирались в большие колонны, готовясь к маршу. Почти все местные предприятия и конторы были закрыты — либо из соображений безопасности, либо в силу того, что их рабочие направлялись сейчас к площади Освобождения. Транспортные

сети затерли, лишь поездка железной
дороги, состав за составом, доставляли из
отдалённых пригородов на демонстрацию
все новых и новых рабочих.

Организаторы демонстрации
опасались, что известие о прибытии
Космических Десантников испугает людей
и те побоятся выйти на улицы, но, как ни
странно, всё произошло с точностью до
наоборот. В толпе царил праздничное
настроение. Люди шли семьями, взявшись
за руки, и идущие в гущу все нарастающей
толпы музыканты наигрывали
жизнерадостные патриотические песни,
что ещё больше воодушевляло людей.
Лёгкий ветерок развеивал красочные
знамёна и транспаранты с эмблематикой
разных отделений Объединения Рабочих и
воззваниями к единству.

Здесь и там группы неформальных
лидеров и организаторов рабочего
движения раздавали листовки с
вдохновляющими лозунгами и управляли
движением, казалось, неуправляемой
толпой. Десятки тысяч рабочих заполнили
улицы города, превратившись в одну

огромную, непрерывно движущуюся массу людей, объединённых общими целями и стремлениями. Сотрудники служб безопасности со значками различных картелей выстроились вдоль зданий, принадлежащих их хозяевам, но никак не вмешивались в ход демонстрации. Никого из картеля Шона на улицах не было, что и неудивительно. Время от времени стеющиеся участники демонстрации подходили к работникам правопорядка, предлагая присоединиться к процессии. Иногда это срабатывало, иногда — нет, но, так или иначе, все пока шло мирно и не было никаких проявлений агрессии ни с той, ни с другой стороны.

Но мере того как толпа продолжала нарастать, организаторы марша начали осознавать, что дело приобретает совсем нежелательный оборот. Демонстрация объединённой силы превращалась в чрезвычайно опасное предприятие. Присутствие такой массы людей на городских улицах, несмотря на их пока ещё мирный настрой, властями могло быть расценено как откровенный мятеж.

Малейшая провокация со стороны властей
--- и рассматривать происходящее можно
будет именно так, и если такое
произойдёт, то следующим шагом станет
применение властями для разгона людей
смертоносной силы.

Эти люди уже доказали, что не
будут стесняться в выборе средств. Не
потому ли на стенах только что
освящённого Дома Мучеников высечены
имена тех, кто познал это на своём
горьком опыте? Готовые теперь уже ко
всему, организаторы марша нервно
оглядывались по сторонам в поисках
зловещих чёрных госпехов Agentys
Арбитрес.

Но явных признаков присутствия
арбитров не было --- часть выстроилась на
площадку возле своей базы, другие заняли
позиции вокруг кованых железных ворот
дворца губернатора и на улицах,
прилегающих к площади Освобождения.

Движение толпы при приближении к
внутренним трапезным стенам набирало
скорость по мере того, как становились
шире улицы, ведущие отовсюду к центру

города. Ворота платного входа были распахнуты настежь, а сами привратники куда-то подевались, видимо не испытывая желания встречаться с организованно марширующей колонной.

Простые граждане Брат Брэндона следовали за рабочими, кто небольшими организованными группками, кто сам по себе, желая продемонстрировать свою солидарность с рабочими. Строители в касках, люди в грязных спецовках и робах смешивались с горожанами в треугольных шляпах и щегольских чёрных костюмах, которые обошлись бы большинству рабочих в сумму, равную их годовому заработку.

Процессия проходила через городские ворота, в этом узком месте слегка замедляя своё движение, после чего выплёскиваясь на широкие, посаженные рядами аккуратно подстриженных деревьев бульвары. Лица демонстрантов светились гордостью и страстной решимостью сделать наконец так, чтобы их голос был услышан. Раздражения в толпе почти не чувствовалось, наиболее горячих участников демонстрации

успокаивали группы организаторов движения.

В общем и целом демонстрация Объединения Рабочих начиналась хорошо.

Наблюдая за тем, как бесчисленная масса людей шагает по мощёным улицам её столицы, губернатор Шонау, крепко сжав в кулак руки в попытке унять дрожь, ощущала, как ею начинают овладевать мрачные предчувствия. Она пыталась было на глаз прикинуть количество демонстрантов, но сразу же оставила эти попытки. У толпы, стекающей в городские ворота, словно гигантская река, не было ни конца ни края. Уже тысячи людей, проникнув в парк Беллахон по внутренней поверхности стен, топтали ухоженные клумбы и брызгались в неглубоком озерце, где дворцовые биологи выращивали бесценные породы рыб.

Все прогнозы о возможности подобной демонстрации говорили, что её не может быть в принципе, — не было никакой организующей силы. Отделения Объединения Рабочих были слишком

поглощены своими внутренними разногласиями и грызгатами, чтобы организовать хоть какую-нибудь локальную акцию протеста, не говоря уже о демонстрации столь значительных масштабов.

Что ж, то, что губернатор сейчас видела сквозь дворцовые окна, было похоже именно на демонстрацию. Глядя на тысячи людей, заполонивших её город, Шонаш поклалась никогда больше не прислушиваться к прогнозам своих аналитиков.

«Неужели это конец? — думала она. — Неужто народ Павониса просто решил, что с него хватит? Вот так просто взял и решил: хватит!» Нет, если ей и суждено быть освобождённой от должности губернатора, то только через голосование или... Или смерть. А то, что сейчас происходит на улицах города, — всего лишь ещё очередная трудность, пусть даже большая из всех, с чем ей приходилось сталкиваться до сих пор. Но она в силах справиться и с этим.

Встреча с Барзано вселила в неё

некоторую надежду, что она сможет досидеть в губернаторском кресле до конца своего второго срока, сохранив при этом и чувство собственного достоинства, и, возможно, успеть наметить более длительный курс для своего преемника. Но теперь, казалось, даже в этой возможности ей будет отказано.

Она не видела представителя Администрации с тех пор, как тот впервые прибыл вместе с Ультратаринати. А вчера сержант Леаркус весь дворец перевернул вверх дном, когда эксперт бесследно исчез. Выяснилось, что он, сопровождаемый контактным лицом из Агентств Арбитрес, совершил экскурсию в рабочие предместья, но Шонау никак не могла взять в толк, зачем ему это понадобилось. В этих грязных предместьях не было ничего, кроме зачуханных баров для рабочих и задымлённых лачуг. Она и представить себе не могла, что за дела могли быть у эксперта в этих забытых Императором местах.

«Интересно, вступал ли эксперт в

контакт с капитаном Вентрисом?» —
подумала губернатор, ведь она слышала,
что с тех пор эльдарские налётчики
совершили новое нападение, на сей раз на
археологическую экспедицию. По-
видному, корабли системы обороны
атаковали сугно чужаков, и по крайней
мере три капитана уверяли, что снаряды,
выпущенные ими по вражескому сугну,
достигли цели. Утом она понимала, что
все это мало вероятно, но официально
доклады капитанов являлись конкретными
доказательствами того, что её
администрация заняла относительно
налётчиков недвусмысленно жёсткую
позицию.

Её замысел заручиться поддержкой де
Валтоса в проведении агрессивной
политики против эльдаров и отколоть его
от Талүна завершился полным провалом.
Её посланец к де Валтосу вернулся с
вежливой благодарностью от главы
картеля, но без всяких конкретных
предложений помощи.

Впрочем, после недавних событий в
зале сената она этому не удивлялась.

В довершение всего на утреннем совещании был озвучен рапорт арбитров, который заставил губернатора скрипеть зубами от бессильной ярости.

Прошлой ночью Агентус Арбитрес арестовали Бошатна Аброгаса, который полуголым бежал по пользующейся дурной репутацией окраине северо-восточного производственного района. Неся несусветную околесицу, он размахивал заряженным пистолетом и наугад палил из него по прохожим. Скорее всего он успел ранить нескольких человек, и арбитры, наконец задержав его, обнаружили, что он бредит, находясь в невменяемом состоянии под воздействием опиатикса — запрещённого сильнодействующего наркотика, быстро вызывающего привыкание.

Сейчас Бошатн томился в камере под базой Агентус Арбитрес, и он будет там оставаться до тех пор, пока семья не организует его освобождение. Шонашполагала, что они дадут ему попометь в камере несколько дней, прежде чем приедут за ним.

Размышления губернатора прервал вежливый стук в дверь её комнаты.

Пригласив посетителя войти, она увидела, как в дверях, заложив руки за спину, появился Алмерз Чанга. Удостоив своего советника долгим взглядом, Шонаи вновь повернулась к окну, стараясь в деталях разглядеть всё, что происходит на площади. За её окном люди ровными колоннами продолжали входить в город.

--- Ух там много, Алмерз, --- прошептала Шонаи.

--- Да, --- согласился Чанга.

--- Я хочу, чтобы сегодня не было никаких несчастий, это понятно? Малейшая провокация, и эти люди превратятся в злобную толпу, и тогда ни от нас, ни от самого города ничего не останется.

--- Я получил самые твёрдые заверения в том, что арбитры строго придерживаются принципа невмешательства, мадам.

--- Хорошо.

--- Я уверен, что после событий последней недели они осознают, что

сегодня требуется очень и очень деликатное отношение к... к толпе.

Губернатор Шонау кивнула, наблюдая, как начинает заполняться площадь перед дворцовыми воротами.

«Ради Императора, лучше бы они действительно это понимали».

Однако за толпой демонстрантов наблюдали и другие глаза — с верхнего этажа трапезного здания, расположенного в саду, обнесённом низкими стенами, — и эти глаза следили за происходящим с совершенно иными чувствами. Действуя с профессиональной, солдатской сноровкой, девять мужчин сняли с себя простую серую униформу и облачились в чёрную кожу и панцирные доспехи. Тщательно собрав бряцающие солдатские жетоны и прочие предметы, выдававшие их принадлежность к силовым структурам, они аккуратно упаковали их в брезентовую сумку.

Командный пункт этих людей был оборудован в простом летнем домике, принадлежащем картелю Хонана. Мебель в нём была укрыта чехлами и отовсюду

несло запустением, так что место это было идеальным.

Никто не повернулся, когда в комнату вошли ещё двое мужчин; первый из них тихо разговаривал с кем-то по портативной радиостанции.

Командир группы, человек по имени Амел Вегген, протянул подчинённому переговорное устройство и принялся наблюдать за толпами людей, входящих в город. Лицо его оставалось невозмутимым. При его богатом боевом опыте численность толпы не значила ровным счётом ничего — у него достаточно сил и умения, чтобы в несколько минут разбить эту демонстрацию на сектора.

Разделить толпу мог любой идиот. Главное — нанести удар быстро и с максимальной жестокостью, чтобы те, кто выживет, впали в панику и остались неспособными на осмысленные ответные действия.

Но не в том был его коварный план. Он вовсе не собирался утирять эту демонстрацию, напротив, он хотел, чтобы из мирного спящего гиганта она

преобразилась в неуправляемого бьющего монстра, а сделать это было ещё проще.

Бегген был профессионалом в своём деле и терпеть не мог оставлять что бы то ни было на волю провидения. Для этого он разместил внизу ещё десять человек с огнемётами и штурмовым оружием, а крыша была очищена и подготовлена для того, чтобы, когда дело будет сделано, орнитотеры забрали их отсюда.

Его радист подхватил мешок с жетонами, а Бегген повернулся к своим людям, одетым в грозные чёрные доспехи арбитров Agentys Арбитрес. Большинство из них были вооружены боевыми автоматическими дробовиками, но в руках двоих были более тяжёлые и грозоздкие гранатомёты. Медленнодвигающаяся толпа была уже почти в ловушке площади Освобождения, и Бегген понял, что время действовать пришло. Он поднял свой дробовик, и десять «арбитров», повернувшись на каблуках, вышли из колоннаты.

Расположившись в безопасности в

одной из двorcовых башен с золотой крышей, Дженна Шарбен, Арио Барзано и сержант Леаркус также наблюдали за собирающейся толпой. Леаркус видел, что женщина-арбитр была подавлена, находится в безопасности, когда её место было там, внизу, было не по ней. Мысли и чувства её были на площади Освобождения, вместе со своими товарищами, и Леаркус прекрасно понимал девушку.

Поначалу его возмущило, что его оставляют на Павонисе, но, когда капитан Вентрис рассказал сержанту, что он поклялся лорду Макрэйджа, что с головы Арио Барзано не упадёт ни один волос, Леаркус понял, какую честь и доверие оказал ему капитан.

Правда, от этого ему было не легче стоять сейчас в безопасности рядом с экспертом и быть лишённым чести участвовать в сражении. Но, как любил говорить священный притарх, «То, что желает Император, найдёт тебя наверняка».

Арио Барзано выбрал прекрасное место для наблюдения за народом

Павониса, который пришёл сегодня мирным
путём выразить своё недовольство.
Оживлённые голоса людей и музыка,
нёсшаяся снизу, через бронированное стекло
воспринимались как бессмысленные
приглушённые металлические звуки.
Леаркүсү было не по нраву, что здешнее
население ведёт себя таким вот образом.
Где же их дисциплина и гордость за свой
труд во имя улучшения общества? Такая
массовая демонстрация никогда не могла
бы произойти на Ультратаре, там в ней
просто не возникло бы необходимости.

На Макрэйджке дисциплину
вколачивали в раннем возрасте в школах,
и горе тому мальчишке, который забывал
уроки юности.

Женщина-арбитр беспокойно
переходила с места на место, прижимаясь
к стеклу, чтобы лучше разглядеть, как
разворачиваются события на площади, как
перемещаются её товарищи, благоразумно
проявляющие сдержанность и
корректность по отношению к
демонстрантам у ворот дворца и на
подходах к нему. Агрессивная тактика

только спровоцировала бы толпу на насилие, и Леаркус надеялся, что арбитры в этот день командуют здравомыслящий и хладнокровный человек.

Вирджил Ортега под своими доспехами покрылся липким потом, и хотя он и убеждал себя, что все это только из-за жары, но не верил сам себе. Размах демонстрации был поистине невероятным. Все рапорты убеждали Ортегу в том, что организация столь масштабной акции лежала далеко за пределами возможностей Объединения Рабочих, и тем не менее результат был сейчас перед его глазами.

Управляемая им шеренга арбитров была надёжной. У каждого оружие было за плечами, а щиты взяты — на изготовку. Позади них стояли «Рино», большинство из которых были оснащены мощными водомётами. Машины с работающими вхолостую двигателями были готовы сорваться с места в любой момент.

Настроение толпы не казалось Ортеге откровенно враждебным, но, впрочем, судить об этом всегда было непросто. Сейчас все могло быть спокойно,

а через секунду малейшая провокация могла вызвать вспышку насилия. Он, Вирджил Ортега, сделает всё, что в его власти, чтобы сегодня ничего подобного не случилось. Ортега надеялся, что те, кто организовал это шествие, испытывают те же чувства.

Ортега дал чёткий приказ своим войскам не стрелять, если на то не поступит от него специальной команды. Он бросил взгляд на Колликса. Под защитным забралом шлема он не мог видеть его лица, но надеялся, что сегодня сержант не выкинет такого фортеля, как неделю назад. Он потратил немало усилий, чтобы втолковать сержанту свои указания. Тем не менее Ортега предпочитал держать Колликса в поле своего зрения.

Демонстрация остановилась шагах в пятнадцати от шеренги арбитров и благоразумно не приближалась.

Ортега увидел, что с полуножины человек забрались на статую Императора в центре площади Освобождения, используя её высокий и широкий

постатмент как помост, с которого
обращались к толпе. В руках у ораторов
были мегафоны, через которые те
обращались к своим слушателям с
пламенными речами, подчёркивая каждую
фразу выразительными жестами.

С такого расстояния Ортеге
удавалось разобрать немного слов, но того,
что он слышал, было достаточно, чтобы
понимать: к восстанию никто не
призывает.

Каждое утверждение ораторов
встречали одобрительные возгласы и
аплодисменты, и Ортега вздохнул с
облегчением.

Казалось, у народа Павониса нет на
уме ничего, что бы могло вызвать
тревогу.

Десятка Веггена вышла из летнего
дома Хонана и зашагала по одной из улиц,
ведущих к площади Освобождения. На
улице было полно рабочих, люди Веггена
грубо прокладывали себе дорогу щитами.
Вслед им летели проклятия, но
организаторы марша настаивали на том,
что никакого насилия, даже намёка на

него быть не должно.

Шествие планировалось мирным, оно призвано было стать лишь демонстрацией единства перед теми, кто правил планетой. Поэтому «арбитры» беспрепятственно прошли через толпу, не встретив на своём пути никакого сопротивления.

Они появились на площади Освобождения менее чем в пятистах метрах от дворцовых ворот и шеренги настоящих *Agentus Arbitres*. Прямо перед собой Ведген увидел статую Императора и шестерых человек, с её постаментов обращающих к толпе через мегафоны.

Ведген не прислушивался к словам ораторов.

--- Выстроиться в клин, --- прошипел он, и его люди моментально образовали собой подобие наконечника стрелы --- поперек со щитами, обращёнными наружу, с каждой стороны Ведгена, оставшиеся же стрелы оказались внутри и, скрытые от глаз толпы щитами товарищей, взяли за плечи друг друга. --- Вперёд! --- тихо,

почти шёпотом приказал Ведден, и арбитры тронулись с места, пробиваясь к статуе.

Вирджил Ортега скользил взглядом по толпе, выстиравая возможные неприятности. Ораторы могли сколько угодно призывать народ к спокойствию, но по своему опыту Ортега знал, что в любой момент может произойти всё что угодно. Он ни на минуту не прерывал связь со всеми своими отделениями, и пока он получал от них подтверждения, что всё идёт нормально.

Странное шевеление и крики в толпе привлекли его внимание, и спустя несколько секунд Ортега заметил группу арбитров, появившуюся из прилегающей улицы впереди чуть слева от себя. Ортега недоуменно нахмурился.

Чьё это отделение и какого дьявола они делают вне расположения остальных?

Ортега прошёлся по частотам своейрации, проверяя расположение каждого отделения. Все были на своих местах. Так что, неужели шеф, не предупредив его, выставил ещё одно звено?

Но он тут же отнёс эту мысль. Шеф вовсе не был идиотом, чтобы послать на площадь отделение в форме и не сообщить об этом ему.

Несмотря на жару, по спине Вирджила Ортеги побежали мурашки, когда он увидел, что неизвестные арбитры выстроились клином и щитами прокладывают себе дорогу через толпу. Он проследил взглядом, куда ведёт их маршрут...

--- Проклятие, нет!

--- Сэр? --- обратился к нему Колликс. Вирджил Ортега бросил щит и полмчался туда, где стояли урчащие «Рино». Вспрыгнув на свес ближайшего из них, он поднял забрало своего шлема и вскарабкался на крышу броневика.

Арбитр, сидевший внутри, открыл верхний люк и высунул голову.

--- Сэр?

--- Дай мне этот проклятый громкоговоритель! Быстрее!...

Арбитр опустился в чрево «Рино», через скунду вынырнув из него с громкоговорителем, который Ортега

выхватил из протянутой руки. Нажав кнопку, он закричал:

--- Внимание! Внимание! Говорит арбитр Вирджил Ортега! Люди на статуе, спуститесь немедленно!

Громкоговоритель многократно усилил голос арбитра, и он был прекрасно слышен на всей площади, но обращение Ортеги не достигло своей цели. Его слова были встречены разрозненными криками и нагешками, а с постаментов статуи прозвучало несколько ответов, расслышать которые Ортеге не удалось.

Будь они прокляты! Эти дурни не понимают, что он пытается спасти их жизни!

Ортега швырнул аппарат в люк «Рино» и спрыгнул с бронированной крыши транспорта. Везом вернувшись к шеренге арбитров, он жестами позвал к себе Колликса и ещё нескольких парней:

--- Арбитры, постройте клин. Мы должны быстро добраться до той статуи. Пошли!...

С натренированной чёткостью арбитры образовали вокруг Ортеги клин.

точно такой же, что уже врезался в толпу с другого её края. Ортега понимал, что непременно должен добраться до статуи первым.

Но арбитры ещё только тронулись с места, а ему уже стало ясно, что время потеряно, — они опоздают.

Крики, сопровождающие их продвижение сквозь толпу, становились все громче, но Вегген не обращал на них внимания. Их целью была статуя Императора, и любого, кто недостаточно резко убирался с дороги, отбрасывали жестокими ударами в сторону. Людям Веггена тоже досталось несколько пинков и ударов, но их прочные щиты являли собой грозное пробивное оружие, и вскоре большинство демонстрантов стали покорно уступать им дорогу.

Вегген услышал резкий голос, приказывающий ораторам спуститься со статуи, и увидел, как командир арбитров, стоя на крыше «Рино», кричит и неистово размахивает руками. Но кретины на постаменте проигнорировали его. Отлично, эти бараны ещё больше

упростили ему задачу.

Их продвижение по площади, словно камень, брошенный в пруд, вызвало гневную рябь, которая тем сильнее расходилась по толпе, чем больше людей в синяках и крови они оставляли за своей спиной. По толпе стали расходиться слухи об агрессивной тактике арбитров, и вместе с ними расползался угрожающий рокот. Люди на статуе теперь увидели приближение Веггена и его людей и обратили своё внимание на них.

На арбитров обрушился поток оскорблений и обвинений в лицемерии, ораторы осуждали преступное насилие, применяемое «лакеями морально обанкротившейся администрации».

Настроение толпы стало меняться к худшему, но для Веггена это уже не имело значения, поскольку они были почти на месте.

Основание статуи окружало кольцо крупных мужчин. Вегген остановился, когда жилистый человек с глинной бородой обратился с постамента прямо к нему:

— Брат! Мы не хотим никому

причинить вреда, мы собрались мирно. Позволь нам продолжать, и я гарантирую, что не будет никаких неприятностей.

Ведген не ответил ему.

Вместо этого он снял с предохранителя свой гробовик, передёрнул затвор и на глазах у тысяч демонстрантов застрелил оратора.

Ортега видел, как предводитель неизвестных арбитров достал гробовик и потянул за спусковой крючок, — всё происходило, как в замедленной съёмке.

До его ушей докатилось вялое эхо выстрела, а он всё смотрел, как человек на постаменте медленно падает назад, на гипсовую статую Императора Человечества. Кровь из груди утирающего брызнула на бедро статуи, он перевалился через её ногу и рухнул на землю. Его череп, шмякнувшись о каменную площадь Освобождения, раскололся, словно арбуз, с грохотом, подобным хрусту, и, только когда мозг несчастного выплеснулся на булыжник, время для Ортеги вновь обрело нормальную скорость.

Пока Ортега стоял, поражённый

этим зрелищем, люди в доспехах арбитров
припали к земле, прижав щиты к бёдрам,
и стоявшие в центре клина прицелились в
остолбеневших людей на постаменте.
Залп из автоматических гробовиков снёс с
подножия статуи Императора остальных
императоров, и Вирджил понял, что и он, и
его люди будут счастливицами, если
теперь им удастся выжить.

Услышав эхо выстрела гробовика и
увидев, как с постамента статуи упал
человек, Никола Шонау в ужасе
застыла. Это было то, чего
губернатор боялась больше всего. Все пути
назад были отрезаны.

Пересечена последняя черта, и ничто
уже теперь не будет таким, как раньше.

Когда человек рухнул с постамента,
Дженна Шарбен вскочила на ноги и на её
губах застыл крик протеста.
Ошеломлённая происшедшим, она
повернулась к Барзано, и тот увидел, как в
глазах девушки застыла немая мольба. Но
что он мог сейчас сделать? Арио Барзано
нервно жевал нижнюю губу, его кулаки
сжались.

Девушка, гордо вскинув голову, прошептала мимо него, но эксперт успел схватить её за руку и неожиданно сильно сдвинул ей запястье. Прежде мягкие черты лица Барзано вдруг обрели стальную твёрдость. Эксперт покачал головой.

Обернувшись к окну, он окинул взглядом толпу на площади Освобождения, мгновенно оценив ситуацию. После этого Барзано повернулся к сержанту Леаркусу:

— Сержант, вы нужны мне там, внизу.

Шутливый тон Барзано исчез, теперь его голос звучал в полную силу. Космический Десантник понял, что эксперт был человеком, привыкшим не просто отдавать приказы, но и добиваться их исполнения. Леаркус видел всё, что видел Барзано, и понимал положение так же хорошо, как и он.

— Что вы хотите, чтобы я сделал? — спросил огромный Космический Десантник.

— Всё, что сможешь.

Бедден наугад стрелял по толпе, наслаждаясь воплями боли и ужаса. Те, кто оказался рядом с ним, неистово

проталкивались, стремясь как можно быстрее убраться подальше из центра начинающейся бойни, но давление плотной толпы не позволяло им сделать это достаточно быстро.

Им не повезло, но тут уж ничего не попишешь, думал Ведген, в очередной раз нажимая на спусковой крючок.

Проклятие, но до чего же приятно убивать, даже если это всего лишь тупые штатские. Ему бы хотелось добраться до самих арбитров, но у него был чёткий приказ: только штатских. Убей как можно больше, захвати одного из предводителей и возвращайся.

В захвате предводителя был особый смысл. Объединение Рабочих станет требовать освобождения предводителя с базы Агентус Арбитрес, а арбитры будут искренне заявлять, что никого на базе не удерживают. Им, разумеется, не поверят, и это будет воспринято как очередной знак того, что планетарная администрация завралась вконец. План этот был безукоризнен.

Ведген рванулся вперёд, перешагнув

через бьющихся в конвульсиях телохранителей, схватил рыдающую девушку -- на вид ей было не больше двадцати лет -- и грубо перекинул её через плечо. Девчушка закричала от боли, и он ударил кулаком ей в лицо, заставив её замолчать.

Тут его люди образовали круг, в середине которого он и оказался.

-- Мы сделали то, за чем пришли, а теперь давайте поскорее убираться отсюда.

На доспехах арбитра был уже десяток вмятин, с виска его стекала тоненькая струйка крови, но Ортега продолжал неистово отталкивать с дороги все новых и новых вопящих людей. Ортега физически ощущал запах крови, её вкус... Это был полный провал. Ему не удалось остановить бесстысленные убийства, не удалось сохранить покой Императора, и теперь здесь, на его глазах, разверзся настоящий ад.

Услыхав глухой рокот выстрелов, донёсшийся с окраин площади, он ощутил прилив отчаяния. Ортега продолжал

надеяться, что это стреляли не его подчинённые, но, если где-то ещё в городе начались беспорядки, он не имел права сбрасывать со счётов и такую возможность.

Тела давили на Ортегу со всех сторон, и он зло отпихивал их плечами. Долго это не могло продолжаться, рано или поздно арбитров затопчут или закидают камнями. Отшвырнув в сторону ещё одно навалившееся на него тело, Ортега услышал несколько глухих раскатов, и внезапно со всех сторон взметнулись гейзеры густого белого дыма.

Гранаты с удрушающим газом, выпущенные шеренгой арбитров у сворцовых ворот, приземлились среди толпы, извергая густые клубы едкого дыма, затмеваящие все вокруг на несколько десятков метров. Гранаты падали перед группой Ортеги и по сторонам от неё, и он мысленно поблагодарил того, кто догадался отдать такой приказ. Опустив забрало шлема, Ортега привёл в действие респиратор.

Сквозь брешь в клубах дыма он

заметил удаляющийся отряд убийц.

Кучки ошеломлённых демонстрантов бесцельно блуждали, задыхаясь в едком тумане. Их глаза слезились, многих тошнило. Люди бессильно падали на бұлыжник, корчась в судорогах и сворачиваясь, подобно эмбрионам.

Шум стоял невероятный, казалось, это рычало пробуждившееся от векового сна огромное животное. Ортега понимал, что сейчас они — в брюхе этого монстра. Он нёсся, сметая все на своём пути, пытаясь догнать организаторов этой бойни; он обегал спотыкающихся рабочих и перепрыгивая через тёртвые тела, которые оставляли за собой безжалостные убийцы. Колликс и ещё шестеро арбитров, которых он впопыхах выдернул из шеренги, бежали за Ортегой. Сержант плечом отпихнул человека с бешено вращающимися глазами, воинственно размахивающего огромным гаечным ключом.

Тем временем преследователи оказались на прилегающей к площади улице, и Ортега в очередной раз

отчётливо увидел спины убийц, направляющихся к ничем не примечательному белому зданию.

Изрытая проклятия, он навёл на них свой гробовик. Расстояние было великовато, к тому же опущенное забралом мешало Ортеге хорошенько прицелиться. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем Вирджил нажал на спусковой крючок, и тут же один из убийц упал, схватившись за плечо. Колликс также выстрелил и попал, но оба их выстрела оказались для убежавших не смертельными. Раненых моментально подхватили на руки их товарищи и поволокли дальше.

--- Пошли! --- закричал Ортега. --- Пока они не добрались до убежища.

Вдруг преследуемые остановились и выстроились в шеренгу. Ортега удивился, но тем не менее, опустившись на колени, успел выставить вперёд щит, и вовремя, --- противники открыли по арбитранской стрельбу залпами. Щит согнулся от страшного удара, и в нескольких сантиметрах от головы Ортеги в металлическом щите засияла дыра.

размером с кулак. Но. это было ещё полбеды. Ортега услышал, как воздух за его спиной разорвали страшные крики, --- снаряды попали в демонстрантов, которые преследовали арбитров по улице.

Высунувшись из-за щита, Ортега был сбит с ног новым неожиданным залпом, упавшим в его нагрудную пластину. Упав на землю, он замычал --- больше от неожиданности, нежели от боли. Короткими перебежками к нему подошёл Колликс:

--- Сэр? Вы ранены?

Застонав, Ортега встал и поторщился, ощутив резкую боль в груди. Нагрудная пластина приняла на себя основную часть удара, но она была прорвана, и теперь по ней стекала кровь. Ортега был тронут и удивлён одновременно заботой Колликса, он покачал головой:

--- Может быть, сломано ребро. Ничего серьёзного.

Колликс поднял своего начальника на ноги, и они отправились дальше по улице. Оба выругались, угудев, как

злоумышленники ускользают, скрывшись за большими деревянными воротами в высокой стене, окружающей богатый особняк.

Пробежав ещё несколько шагов, Вирджил Ортега был вынужден остановиться, так как колющая боль в груди усилилась. В глазах у него потемнело, и он прислонился к стене. К нему повернулся Колликс:

--- Поїдёмте, сэр...

--- Угу, я догоню, --- невозможная спазм в горле, ответил Ортега. Возможно, его рана более серьёзна, чем он представлял. Вирджил Ортега дышал тяжело, в груди его скрежетало.

Пошатываясь, он побрёл за своими людьми, бросив тревожный взгляд через плечо. Их больше никто не преследовал по улице, что его удивило. Уж лучше бы преследовали, чем... Впрочем, сейчас он был благодарен судьбе и за эту небольшую тишину. Сделав очередной шаг, он закрыл глаза --- улица перед ним закачалась и к горлу подступила тошнота. В ушах его звенело, дышать становилось всё тяжелее -

при каждом вдохе в его груди словно пересыналось битое стекло. Ортега до крови закусил губу и усилием воли заставил себя двигаться вперёд.

Его люди тем временем достигли ворот, за которыми скрылись убийцы, и Колликс профессионально руководил их взломом. Двое арбитров отстрелили петли, а третий засадил подкованным ботинком в замок, с грохотом выбив ворота из рамы.

Тут же из глубины дома раздался залп из наступательного оружия, сбив с ног первого арбитра. Колликс и остальные подались назад, но огонь по ним из-за стены дома не прекращался.

Пошатываясь, словно пьяный, Ортега подошёл к своим людям, с огромным трудом вдохнул в себя воздух и опёрся спиной о стену. Колликс вслепую пальнул из дробовика за стену и получил в ответ залп из автоматического оружия.

Рискнув бросить взгляд за угол, Ортега увидел по меньшей мере четверых или пятерых мужчин с тяжёлыми пулемётами, автоматическими

винтовками и огнемётом, укрывшихся за мешками с песком. Ортега грязно выругался. Ситуация была патовой: любой, кто осмелится появиться там хоть на секунду, — покойник. Раздавшийся из ворот залп послужил этому веским подтверждением. С другой стороны, и у занявших оборону в доме не было возможности высунуть нос наружу.

Колликс и остальные арбитры постреливали из-за угла, но куда им было с простыми гробовиками против серьёзного наступательного оружия и тех, кто умел с ним обращаться! Со двора взметнулся столб огня, вспыхнули остатки ратного ворот, и арбитры отпрыгнули назад.

С площади Освобождения на улицу, где арбитры вели осаду здания, медленно ползли ядовитые языки газа, в них злобиво танцевали какие-то тени. Ортеге показалось, что к ним приближаются огромные фигуры сказочных великанов, но глаза его застилал туман, от боли и потери крови в его голове всё стешалось, и он уже не понимал, что происходит на самом деле, а что ему только чудится.

Итак, арбитры оказались в тупике. Угги вперёд означало погибнуть, но ни Ортега, ни Колликс, ни их люди не могли позволить удрать этим негодаям. У ворот вновь полыхнуло пламя, осветив на короткое время задымлённую улицу.

На Вирджила Ортегу упала тень — за его спиной выросла огромная фигура и встала в проходе во двор здания.

Мешки с песком снесло грохочущим ураганом огня. В ответ с шипением хлынуло пламя, объяв исполна в доспехах мерцающим оранжевым сиянием.

Продолжая непоколебимо стоять в языках огня, словно легендарный бог войны, гигант в блестящих синих доспехах с чудовищной скоростью стрелял из своего огромного болтера. У Ортеги отвисла челюсть, когда он увидел, что исполин не один, а их целых восемь.

Гигант обратил к Вирджилу Ортеге бронированное забрало, и арбитр почувствовал, как съёживается под его взглядом.

— Теперь за дело возьмётся мы, арбитр, — произнёс из-под шлема

сказочный воин.

Вирджил Ортега кивнул, не в состоянии подобрать нужных слов, и лишь махнул рукой в сторону особняка.

--- Чувствуйте себя как дома... --- прохрипел он.

Кивнув раненому арбитру, сержант Леаркус ринулся сквозь полыхающий проход во двор, непрерывно стреляя из болтера разрывными снарядами. За ним бежал Клиандер; остальные Ультрамарины рассыпались веером, ведя огонь с бедрами. Непосредственная угроза была устранена, людей, укрывавшихся за мешками с песком, разнесли в клочья разрывными снарядами, но из верхних окон здания Ультрамаринов продолжали поливать огнём из наступательного оружия.

Леаркус понял, что это автоматические винтовки и они не могут причинить серьёзного вреда его священным силовым доспехам. На груди сержанта ещё мерцало пламя --- там, где скопился прометий. Почувствовав, как срикошетила пуля от его наплечника, он выстрелил в ответ и услышал донёсшийся из-за стены

здания громкий вопль.

Перескочив через залитые кровью остатки огневой позиции злоумышленников, он обрушился всей тяжестью своего закованного в броню тела на дверь дома. Тяжёлая дверь разлетелась в щепки, и Костические Десантники оказались внутри здания. Леаркус понимал, что следует поспешить, поскольку его генетически усиленный слух уже уловил характерный звук двигателей приближающихся орнитоптеров, а это могло означать только одно: враги попытаются скрыться.

Увидев, как в нескольких сантиметрах от его ног взметнулись фонтанчики пыли и осколки терракотовых плиток, Леаркус откатился в сторону. Избежав пулемётной очереди, он снова вскочил на ноги и одним метким выстрелом разнёс в ошметки человека в судейской форме, стоявшего на широкой лестнице, и махнул рукой, призывая своих людей войти в дом.

--- Предатели будут отсиживаться на крыше, пока их не заберут орнитоптеры.

Они не должны ускользнуть. Ни один! — приказал Леаркус.

Ультратарины, кивнув, последовали за своим сержантом, который понёсся вверх, перепрыгивая через пять ступенек.

Леаркус ворвался в глинную комнату, заставленную мебелью в белых чехлах. Другая, более узкая лестница вела наверх, к прямоугольнику солнечного света. Времени было дорого — звук приближающегося орнитоптера звучал всё громче.

Лишь только Леаркус появился в дверном проёме комнаты, из-за зачехлённого стола вынырнул человек, но выстрелить он не успел — Клиандер разнёс ему голову разрывным болтом. Не прошло и двух секунд, как Леаркус взлетел по лестнице и очутился на плоской крыше здания.

Ател Ведген смотрел, как прямо над ним двинулись две чёрные точки, постепенно обретая очертания, и вот уже он мог хорошо разглядеть, что это орнитоптеры. Бросив угрюмый взгляд на семерых оставшихся с ним людей, Ведген

трачно подумал, что сейчас хватило бы и одного. Но, потеряв на этом пустяковом задании такую кучу народу, он не мог заставить себя жалеть о них. Не таким он, Амел Вегген, был человеком, чтобы испытывать чувство жалости. Зато какая операция!

Но кто мог ожидать, что в деле встрянут эти чёртовы Костические Десантники?

Эх, знать бы все заранее, тогда можно было, мотивируя непредвиденными осложнениями, потребовать больше денег. Ну да что теперь рассуждать. Вегген всё ещё держал в руках потерявшую сознание девушку, и предвкушение грядущего наслаждения вернуло ему хорошее настроение. О, с каким упоением он будет мучить и медленно убивать её, лишь только они окажутся в безопасности!...

Услышав донёсшиеся снизу пулемётные очереди, Вегген бросил взгляд на выход на крышу. Неужели эти проклятые орнитоптеры не могут поторопиться? Опасность слишком близка.

Жужжа, прилетели, стахивающие на

насекомых, аппараты с широкими кабинами, под которыми, словно пчелиные жала, торчали орудия. Эти орудия, управляемые движениями головы пилота, то грозно поднимались вверх, то опускались, пока орнитоптеры облетали посаждённое здание.

Почему они не сагаются?

Ведген повернулся, услышав грохот бронированных баштаков, и вытащил пистолет, прижав его к виску девушки.

Пятеро Космических Десантников стояли, направив свои неправдоподобно огромные болтеры на него и его людей. Солдаты Ведгена нацелили на Десантников свои гробовики, но никто не решался первым открыть огонь.

Казалось, сам воздух планеты Павонис застыл перед лицом разворачивающейся драмы. Даже звуки кружащихся орнитоптеров и завывания толпы, раздирающей город на части, казались странно приглушёнными. Глядя на этих могучих воинов, Ведген почувствовал, что во рту у него пересохло, и руки безжалостного убийцы грозили.

Это же всего-навсего Костические
Десантники, какого дьявола он чуть не
наделал в штаны? Амел Вегген покопался
в себе в поисках неиспользованного резерва
отваги и облизал губы.

Вегген так и не получил
возможности выяснить, есть ли у него
тужество противостоять Костическому
Десантнику, поскольку именно в этот миг
орнитоптеры открыли огонь.

Крупнокалиберные пулемёты
поливали огнём крышу здания, всучивая её
покрытую галькой поверхность и кромсая
человеческую плоть. Люди, ожидавшие
эвакуации на орнитоптерах, погибли
первыми, в считанные секунды разорванные
на части снарядами крупного калибра,
легко пробившими их доспехи. Вегген дуко
заорал, когда очередь прошла его ногу,
оторвав её от тела в середине бедра, и
рухнул на землю вместе с девушкой.

Ультратарины рассыпались по
периметру крыши, стреляя по
орнитоптерам, но заряды болтеров не
могли пробить тяжёлую броню их
корпусов.

Леаркүс, рванүвшись вперед, прыгнул и подхватил на руки девушку, прикрыв её своим телом от приближающейся пулемётной очереди. Удерживаясь на локтях, чтобы не раздавить её, и ощущая тяжёлые удары в броню на спине, он произнёс короткую молитву благодарности своим доспехам, которые в очередной раз выдержали огонь предателей.

Но вот стрельба внезапно прекратилась и орнитомтеры набрали высоту, завершив свою кровавую миссию. Их преследовал огонь из болтеров, но вскоре летательные машины оказались вне пределов досягаемости Ультратаринов и исчезли в дымке стога, повисшего над городом.

Леаркүс поднялся на колени и бросил взгляд на девушку. Она была в крови, но, очевидно, не вся эта кровь была её. Сержант полагал, что она будет жить.

Леаркүс встал и поднял девушку на руки. Человек, похитивший её, был всё ещё жив. Он, ухватившись за обрубок своей ноги и учащённо дыша, смотрел остекленевшим

взглядом в небо. Пальцами другой руки он в бессильной ярости скрёб по выжженной крыше и умолял о помощи. Первую помощь ему оказал Клуандер: он наложил жгут на ногу убийцы, надеясь, что этот человек, если всё-таки выживет, окажется ценным источником информации.

...С площади Освобождения все ещё доносились звуки сражения, и Леаркус видел оранжевые всполохи пламени и облака дыма по всему городу — народ Мавониса отзывался на события дня единственным доступным ему способом.

Весь день в мрачном городе неистовствовала толпа, охваченная единым стремлением к убийству и разрушению. Скульптуры на главных улицах были опрокинуты, великоленные сады и парки преданы огню, а дома разграблены, поскольку часть населения, не обременённая высокими моральными принципами, не претинула воспользоваться сложившейся ситуацией и под шутку обделывала свои грязные делишки.

Огонь бушевал неудержимо, и целые

районы сровнялись с землёй, так как даже пожарные не хотели рисковать жизнью на улицах города. Перепуганные горожане прятались по углам своих домов, когда обезумевшие рабочие сносили двери с петель, а мародёры грабили беззащитных жителей. Кое-кто, правда, пытался оказать сопротивление, стреляя в тех, кто врывался в их дома, но выстоять против толпы у этих одиночек не было ни малейшего шанса. Их просто разрывали на части и заганывали.

Те немногие, кто сохранял благоразумие и остатки самообладания, пытались призвать толпу к спокойствию, они ходили по улицам с поднятыми руками, но в безумии мятежа их голоса оставались неслышанными.

Понимая, что их выход в город повлечёт за собой лишь новые бесполезные смерти, арбитры отступили на территорию дворца, под защиту его стен и оборонительных башен. Отдельные мятежники пытались штурмовать ворота, но ураганный огонь бастионов безжалостно расправился с ними.

Отделения Агентус Арбитрес, размещённые на улицах, ведущих к площади, быстро поняли, что они отрезаны от своей базы, и принялись искать убежища поблизости. Им пришлось выдержать многочасовые уличные бои, пока из дворца не были высланы флайеры, чтобы доставить их и владельцев разграбляемых домов в безопасное место.

Защищаемое Ультратаринами спецотделение Вирджила Ортеги дождалось орнитоптера из дворца. Сам Ортега то лишался чувств, то вновь приходил в сознание. Услышав над головой знакомый рокот турбовентиляторного двигателя, он вдруг испытал приступ паники, подумав, что пулемёты орнитоптера вот-вот откроют огонь.

Наконец и Ортегу, и раненого пленника, и остальных арбитров увезли. Орнитоптер был не в состоянии вынести вес восьми Костических Десантников в полном боевом облачении, но пилот обещал Леаркүсү, что он тут же вернётся за ними.

Сержант же заверил пилота, что для

него и его людей не составит труда самостоятельно вернуться во дворец, и приказал ему заняться подбором оставшихся в городе арбитров.

На город опустилась тьма, но мятежники всё ещё были полны сил. Небо лизали красные языки пламени, отовсюду валил дым. Целые районы были погружены во тьму, их обитатели не желали оповещать мародёров и убийц о своём присутствии, зажигая свет.

Позже было выяснено, что в этот день в городе в общей сложности погибло более четырёх тысяч человек. Часть из них была убита в уличных драках, часть — в своих собственных домах, кто-то погиб в огне пожаров. Этот день стал днём скорби для Навониса.

Сначала постепенно, затем, по мере того как с приходом ночи воздух становился все холоднее, бунтовщики стали все быстрее покидать город. Но очень многие оставались, чтобы сорвать своё раздражение и злость на тех, кто, как они считали, заслуживает этого. Некоторым людям было мучительно

стыдно за происходящее, другие же, наоборот, радовались триумфу своей мести.

Арио Барзано с непроницаемым лицом наблюдал за тем, как дворцовый аптекарь трудился над раненым, удаляя окровавленные тампоны и зажимы с неровного обрубка, который некогда был его ногой. Барзано видел достаточно боевых ран, чтобы понимать, что этот человек будет жить.

Если ему и суждено умереть, то не от этой раны.

Сейчас он был без сознания — его под завязку накачали успокоительными и болеутоляющими. Конечности раненого были намертво прикреплены специальными ремнями к койке, и врач перекрывал порванную артерию. То, что брат Клиандер оказал пленнику помощь прямо на поле боя, спасло ему жизнь. Хотя впоследствии пленник об этом ещё пожалеет, подумал Барзано.

Арбитр Ортега лежал на соседней переносной койке, его широкая грудь была полностью забинтована. У него

пострадали два ребра, обломок одного, из
них проткнул ему левое лёгкое. Ортеге,
можно сказать, сказочно повезло, и, слыша
крики и ругань, которые он теперь
обрушивал на апотекария,
обрабатывавшего его раны, Барзано
подумал: а не из чистого ли упрямства
выжил этот человек?

Перед Ортегой на корточках сидела
Дженна Шарбен и тихо рассказывала
своему начальнику о том, что произошло,
пока тот находился без сознания. Она
перечислила имена погибших арбитров, и,
хотя лицо её оставалось совершенно
непроницаемым, Барзано чувствовал, что
девushка глубоко страдает.

Третьим пациентом была заложница,
которую мерзавец похитил у статуи
Императора. Несмотря на то что вся её
одежда была пермазана кровью, ей удалось
выйти из всех этих испытаний
относительно невредимой. Врач извлёк из
её тела некоторое количество мелкой
дробь и констатировал симптомы
контузии, но в остальном она была
невредима. Сейчас девушка спала под

воздействием большой дозы
успокоительного.

Чуть поодаль Барзано, в напряжённой тишине сержант Леаркус, губернатор Шонаи и Алмерз Чанга дожигались завершения работы врача. Резко развернувшись на каблуках, Барзано направился к ним.

Первым делом эксперт поблагодарил Леаркуса за его решительные действия. Доспехи Космического Десантника покрылись вмятинами и местами почернели, но сам Ультратарин остался невредимым. Затем Барзано поднял свой взгляд на губернатора.

Она сильно постарела с тех пор, как он видел её в последний раз. Её седые волосы падали на лицо, на котором, казалось, прибавилось морщин.

— Кровавый день, — произнёс Барзано, положив руку на плечо Миколы Шонаи.

Она молча кивнула, не в силах выразить словами обуревавшие её чувства. Чанга только что передал ей сведения о предварительной оценке числа погибших, и тасштабы бедствия поразили её до

глубины души.

Барзано раскрыл ей свои объятия, и она упала ему на грудь. Обхватив её содрасающее от рыданий тело, Барзано строго взглянул Чанге в глаза.

— Уйди, — сказал он просто.

Советник, казалось, собирался запротестовать, но, увидев во взгляде Арио Барзано железную решимость, коротко поклонился и вышел из лазарета.

Арио Барзано и Никола Шонаи стояли, обнявшись, несколько минут. Барзано терпеливо ждал, пока губернатор Павониса выплачется. Годы неудач, крушение чаяний и надежд Шонаи — все это теперь вылилось в поток простых женских слез. Барзано обнимал женщину, помогая облегчить бремя, угнетавшее её слишком долго.

Когда и Шонаи вновь взяла себя в руки, Барзано посмотрел в лицо этой тужественной женщины. Глаза её опухли и покраснели, но огонь, который почти погас, разгорелся с новой силой. Вытерев лицо платком, учтиво предложенным ей Барзано, Шонаи сделала глубокий вздох.

Слабо улыбнувшись эксперту, она распрямила плечи и собрала волосы в тугой хвост.

Губернатор бросила взгляд на койку, на которой недвижно лежал человек с культёй на месте правой ноги. До сих пор враги были безлики, и это не давало ей возможности нанести ответный удар, но теперь перед ней находился один из них, и Микола Шонау улынулась с трачным удовлетворением. Этот человек был без сознания и, как сказал врач, вероятно, останется в таком состоянии несколько дней.

Но рано или поздно он очнётся, и тогда губернатор Павониса не проявит к нему ни капли милосердия.

Часом позже Арио Барзано, Дженна Шарбен, Микола Шонау, сержант Леаркус, Алмерз Чанга и Лиланг Кормес собрались в кабинете губернатора. На столе дытился большой кофейник. Барзано налил по кружке всем, кроме Леаркуса, который от кофе вежливо отказался. Все выглядели изнурёнными и усталыми, за исключением Миколы Шонау, которая

носила по комнате и чуть ли не плевалась кипятком. Остановившись у бюста старого Форлануса, она похлопала его по плечу.

Кортео вдруг подумал, что её улыбка -- улыбка охотника.

Вернувшись за стол, Шона отхлебнула из кружки и наклонилась вперёд, сплетя пальцы перед собой:

-- Утак, к делу, господа. Один из наших врагов находится у нас в руках. Что вы о нём знаете?

Поставив на стол губернатора брезентовую сумку, Женна Шарбен вывалила её содержимое: груду серебряных солдатских жетонов, зажигалку, маленький складной нож и прочую мелочовку.

-- При одном из трюнов -- судя по всему, радиста -- было это. Мы думаем, этот человек дежурил в доме, когда остальные выполняли задание, и именно он вызвал орнитомтеры. Однако хозяева и не собирались забирать их и открыли по ним огонь.

-- Известно ли нам, чьи это были

орнитоптеры или хотя бы куда они
улетели? -- спросила Шонаи.

-- Боюсь, что нет, -- ответил Алтерз
Чанга. -- В это время наши системы
воздушного наблюдения были отключены
на плановое обслуживание.

-- Итак, мы не знаем, куда убрались
орнитоптеры, но полагаю, что эти
жетоны скажут нам, кем были люди,
затеявшие всю эту бойню?

На вопрос губернатора ответила
Дженна Шарбен:

-- Похоже, все они были кадровыми
офицерами планетарных сил самообороны.
Самый высокий чин -- капитан, и я уверена,
что этот капитан -- тот самый пленник,
что у нас внизу.

-- У него есть имя? -- спросил
Барзано. Шарбен кивнула эксперту:

-- Если он и есть капитан, то его
зовут Амел Вегген, офицер из Казарм
Харона.

-- Это один из полков, которые
спонсирует Талун, -- уточнил Чанга.

-- На него есть досье или хоть какая-
нибудь информация? -- спросил Барзано.

--- Нет, она была удалена. Недавно.

Эксперт с удивлением повернулся к губернатору:

--- Кто мог удалить регистрационные записи военного так вот запросто? Только командир полка обладает этим правом.

Шонаи сразу поняла, к чему клонит Барзано:

--- Итак, получается, что теперь под вопросом лояльность целого полка НСС? ---

Микола Шонаи округлила глаза. --- Это же почти пять тысяч человек! --- Несколько минут молча поразмыслив над этой ситуацией, губернатор пришла к решению: --- Прекрасно, я санкционирую мобилизацию других полков, чтобы удерживать их базу, пока мы не будем уверены в их преданности.

--- Сколько времени на это потребуется? --- спросил Барзано, глядя немигающим взглядом в глаза Лиланга Кортео.

Глубоко вздохнув, старик хорошенько затаился из трубки.

--- Трудно сказать, мы уже долгие десятилетия не испытывали потребности

в мобилизации НСС. В последний раз это было при отце нынешнего губернатора.

— Да, но тем не менее сколько времени это займёт? — настаивал Барзано.

— Возможно, два или три дня. Но это только в том случае, если хотя бы половина резервистов откликнется на вызов. Немало шансов за то, что многие из них были сегодня на площади Освобождения.

— Крейсер «Горе побеждённым» и капитан Вентрис вернутся менее чем через три дня, — добавил сержант Леаркус. — Тогда в вашем распоряжении будет Рота Ультрамаринов, губернатор Шонаи.

— Благодарю вас, сержант. Я исключительно признательна за помощь, оказанную Ультрамаринами. Вы делаете честь вашему Ордену.

Леаркус, склонив голову, скромно ответил:

— Мы служим Императору.

Отхлебнув из кружки горячий кофе, Шонаи продолжила:

--- Утак, что же мы ещё можем предпринять? Мы уже выяснили, кому принадлежит этот особняк?

--- Конечно, --- с видным облегчением вступил в разговор Алтерз Чанга. Он извлёк из объёмного портфеля пачку документов. --- Этот летний дом принадлежит Тарину Хонану.

--- Хонану? --- воскликнул Кортео, чуть не поперхнувшись дымом своей трубки. --- Я не верю этому. Этот толстый дурак? Конечно нет!

--- Здесь написано чёрным по белому, --- невозмутимо ответил Чанга, указывая рукой на документы.

--- Это к делу не относится, --- пресёк начавшийся было спор Барзано. --- Кто бы ни стоял за этим, операция была спланирована более чем тщательно. Даже намерения забирать исполнителей после завершения миссии у них не было. Я не думаю, что, если бы за этим стоял Хонан, он оказался бы настолько глуп, чтобы осуществлять нападение из собственной дома. Хотя будет не вредно привести его сюда, чтобы ответил нам на несколько

вопросов.

--- Утак, на чём мы всё-таки остановимся? --- спросила Дженна Шарбен.

--- А остановимся мы на том, что нам предстоит очень и очень многое сделать, --- подвёл итог Барзано.

Казимир де Валмос воткнул вилку в сочную отбивную и заставил себя её проглотить, несмотря на кислватый привкус желчи, который вот уже несколько лет стоял у него во рту.

Мясо и мело привкус гнили, и де Валмос с трудом подавил позыв рвоты, сглатывая этот тошнотворный вкус глотком вина из хрустального кубка. Информация из надёжного источника говорила о том, что это марочное вино --- из числа наиболее ценных в галактике, но для Казимира де Валмоса оно было таким же пресным, как и все остальные напитки.

Ещё одно последствие знакомства с Альгаром. Но вскоре это останется в прошлом. Ласко сообщил, что его люди вот-вот пробьются в последнюю комнату.

От де Валтоса потребовалась вся его могучая сила воли, чтобы невозмутимо оставаться на месте, а не броситься туда сломя голову — увидеть все собственными глазами. Он почувствовал, как его рука судорожно сжала вилку, и, чтобы скрыть нарастающее возбуждение, убрал руку под стол.

Гость Казимира де Валтоса в очередной раз изрёк какую-то тривиальную чепуху. Вежливо улыбнувшись, Казимир произнёс в ответ нечто столь же бессмысленное и ни к чему не обязывающее. Внешне де Валтос выглядел спокойным, но внутри у него все кипело: в ушах его стоял адский рёв, а во рту от возбуждения пересохло. Он отхлебнул ещё вина.

Под столом его рука отбивала по бедру ритмичную дробь, и вилка судорожно вонзалась в бедро — достаточно глубоко, чтобы пошла кровь. Он ничего не чувствовал и, лишь положив вилку на тарелку, заметил на ней алые капельки крови.

При виде этих липких красных капель

у Казимира перехватило дыхание и язык
непроизвольно потянулся за падающими с
зубцов тёмно-рубиновыми каплями. Его
гость сказал что-то ещё, но эти слова
пролетели, не коснувшись его ушей, —
Казимир de Валмос с упоением истинного
вампира вкушал собственную кровь.

Он не чувствовал боли в ноге. Он
вообще не мог чувствовать боли.

De Валмос вдруг поймал себя на том,
что его взгляд устремляется на потолок
столовой, и сквозь этот потолок он видит
чёрный кожаный чемоданчик, стоящий у
него под кроватью... Усилив воли de
Валмос заставил себя опустить глаза.
Всему своё время.

Ещё слишком рано.

Наслаждение всегда оказывается
гораздо слаще, если постараться
предчувствие. Он заставил себя выкинуть
из головы мысли о клинках, пилах, клещах
и крюках, пытаясь сосредоточить
внимание на своём госте. Но
сконцентрировать внимание на
бесмысленном лепете, который слетал с
напотаженных губ человека, сидящего

напротив, было просто невозможно. Потом градом покатился по лицу Казимира, когда он с усилием протолкнул в горло очередной кусок мяса.

Ему казалось, что в нём не осталось больше ни капли силы, что он физически не сможет дождаться момента, когда наконец начнёт убивать его.

Внезапно он осознал, что больше не думает о своём госте как о человеке, и это было дурным знаком. В де Валтосе нарастало чувство голода, и он мысленно представлял собеседника обнажённым. Его гость был просто мясом, плотью, которую следовало разделать; средством от боли, которую он больше не мог чувствовать. От или для боли?

Он причинит страдание, чтобы почувствовать, как собственная боль отражается в его криках.

Кровь заструилась по подбородку Казимира, и он понял, что прокусил себе губу. Де Валтос вытер подбородок, а его гость, отодвинув кресло, прошёл вдоль длинного стола к нему с выражением притворного беспокойства наглупом.

коровьем лице.

Человек положил руку на плечо де
Валтосу, и тот согнулся от этого
прикосновения.

--- Вы хорошо чувствуете себя,
Казимир? Вы ужасно бледны, --- с тревогой
в голосе произнесла Солана Верген.

Казимир де Валтос сглотнул ком в
горле, подавляя раздражение и ярость.

--- Да, --- кое-как выдалвил он, не
переставая думать о чёрном
четоганчике. --- Всё будет нормально.

Это невероятно, — думал начальник шахты Дженоб Ласко. — Сколько бы энергии ни пропускали через этот проклятый резак, он не работает больше, чем вполсилы!»

У них перегорало по пять-шесть генераторов в день, и, хотя растущие издержки по-прежнему раздражали его, он понимал, что у него нет выбора: приходится заменять каждый, как только тот выходит из строя. Но конец уже близок — вскоре они должны пробить эту последнюю преграду.

Помещение сотрясалося от завывания резака, и Дженоб был благодарен берущам, с которыми не расставался. Они не только сделали визг машины переносным, но и перекрывали странный шум, который он стал слышать лишь недавно. Иногда этот шум можно было списать на разыгравшееся воображение (что правда, то правда), но в отсуствии воображения начальник шахты не страдал). Но такие дни были

редкостью, в большинстве же случаев Ласко готов был поклясться, что различает бормочущие голоса, едва различимые и накладывающиеся один на другой.

Проклятие, он слишком долго торчит в этом странном месте!

Начальник шахты окинул помещение профессиональным взглядом. Оно было абсолютно квадратным, его размеры совершенны до последнего микрона, так ему положили картографы. Стены комнатны от пола до самого потолка покрывали надписи, выполненные плотным угловатым шрифтом, угловатым выгравированным на гладкой поверхности стен несколькими столбцами. О чём там говорилось, что это означало — оставалось для него тайной.

Надписей были лишены только четыре ниши: две — в восточной стене, две — в западной. В каждой из них стояло по огромной гипсовой фигуре, сжимающей странные медные жезлы, покрытые зелёной патиной. Кого они изображают — пусть над этой тайной поразмышляет кто-

нибугь грузой.

Джекоба Ласко касалось лишь одно: пробить дверь в дальнем конце комнаты.

До сих пор гладкая чёрная плита не поддавалась ни свёрлам с алмазными наконечниками, ни направленным взрывам. Только лазерный резак приносил хоть какую-то пользу, но продвижение всё равно было медленным и мучительным.

Двое техножрецов молились и размахивали кадилати с ладаном над резакот неподалёку от шестёрки горняков с киркати и лопатами. У этих работяг был такой вид, словно они предпочли бы показаться где угодно и с кем угодно, только не здесь и не в обществе этих четырёх гипсовых статуй. Дела в последнее время шли из рук вон плохо, никто из людей не хотел никуда ходить поодиночке. Все валилось из рук, и многие уже начали сомневаться в том, что поступили правильно, согласившись на эту работу. И хотя здесь платили на порядок больше, чем на большинстве предприятий, начальник шахты устал бороться с текучкой.

Конечно, местечко не из приятных — за те годы, что он работает на шахте, здесь бесследно исчезли несколько человек. Последним пропал тот проклятый дурень Дал Колүрст. Этот недоумок, наверное, просто свалился в темноте в шахту. Они, конечно, могут понимать в машинах, эти техножрецы, но что такое настоящая работа, они не знают. До сих пор тело Колүрста не было обнаружено, но рано или поздно кто-нибудь споткнётся о его труп с переломанной шеей.

Подняв глаза на вновь затмившие огни, начальник шахты бросил злой взгляд на читающих молитвы жрецов. Здесь и так плохой свет, не хватало ещё погрузиться в полный трак.

Отшлифованные, как драгоценные камни, глаза статуй в нишах злобеще сверкали в неровном свете, и Ласко невольно вздрогнул. Да, решил он, здесь платят хорошие деньги, но он собрал бы сам себе, если б стал уверять, что не будет чертовски рад, когда эта работа наконец кончится и он вернётся в нормальную шахту к настоящему горному

делу.

Эта археология, черт её дери, может, и приносит его хозяину большие деньги, но ему, работяге, не по душе вкладывать столько сил, труда и не видеть осязаемых результатов. Что удалось извлечь отсюда за всё это время? Ничего, кроме нескольких скелетообразных фигур из какого-то таинственного, зеленоватого металла. Техножрецов эти находки привели в неописуемый восторг, но ни один из них не смог сказать Ласко ни что это за фигуры, ни из какого они металла. Ну и эксперты!

Что ж, поглядев, как продвинулось дело с дверью, Ласко увидел, что резак проник в неё уже, возможно, на метр. Послушать техножрецов, так большая часть работы уже была позади, оставалось пройти совсем немного, так что он, Джекоб Ласко, дождётся, пока они не попробуются окончательно, прежде чем откупорить бутылочку ускавара пятилетней выдержки.

Тем не менее, как бы ни был богат босс, Ласко не думал, что ему захочется

раскошеливаться ещё на десяток генераторов и резакон. Эта операция и так уже обошлась его хозяину в целое состояние.

Светильники погасли, погрузив людей в кромешную темноту на бесконечно долгие секунды. Затем вновь глухо зажужжали и брызнули на стены и пол лучами грязно-жёлтого света.

Вновь увидев этот хоть и тусклый, но свет, Ласко испытал огромное облегчение. Немного успокоившись, он облизал пересохишие губы.

Что же такое дьявольски ценное спрятано за этой дверью?

Начальнику шахты оставалось лишь надеяться, что вскоре это выяснится.

Войдя в вестибюль дома Казимира де Валтоса, Тарин Хонан через распахнутую настежь дверь бросил взгляд в столовую. Пол под столом был усыпан осколками разбитой посуды и тонкого хрустала. «Какая, право, досада, — подумал Тарин. — Такие изящные дорогие вещи, и так безрассудно уничтожены!...»

Но тут его внимание привлекла женская накидка, висящая на крюке рядом с входной дверью. Облизав губы, Хонан приподнял край дорогого одеяния, поднёс его к лицу и с восторгом наслаждением вдохнул нежный аромат. О да, он узнал эти духи — они принадлежат прелестной Солане. Интересно, она тоже здесь? Странно, подъезжая к дому де Валтоса, он не видел её кареты.

Размышления Тарина прервал донёсшийся с лестницы кашель, и Хонан повернулся, отбросив накидку и покраснев от стыда и неожиданности.

На лестничной площадке стояли

Казимир де Вальос и Венгаре Талун и
смотрели на него. Пока главы картелей
спускались к Хонану, тот просетенил в
центр вестибюля и кашлянул в кулак. От
взгляда Тарина не укрылось, что Казимир
сегодня выглядит особенно возбуждённым и
находится в прекрасном настроении,
тогда как Венгаре показался Тарину
мертвенно-бледным, словно он только что
испытал глубокое потрясение.

— Что ты здесь делаешь? — спросил
Казимир, и Тарина передёрнуло от
страшных, металлических потоков,
прозвучавших в его голосе. — Я говорил
тебе не приходить сюда. Или ты забыл?

— Д-д-да, конечно, — заикаясь,
пролепетал Тарин, — но я должен был тебя
увидеть. Этим утром меня вызвала во
дворец губернатор. Что за вопросы там
мне задавали! Это ж ни в какие рамки не
лезет! Спрашивали о таких вещах... Они...

— Тарин, полегче, — перебил его
Казимир, положив свою тяжёлую руку на
дряблые жирные плечи Хонана. — Пойдём
присяжем в гостиной у огня и обсудим это
как воспитанные люди, да?

Тарин благодарно кивнул и позволил де Валтосу повести себя через дверь, расположенную напротив двери в столовую.

Здесь, как и было обещано хозяином, в катине дружелюбно полыхал огонь, и Тарин принялся устраиваться поудобнее в кожаном кресле с высокой спинкой, пока де Валтос наливал три добрые порции усава из бутылки, которая стояла на большом подносе с напитками. Быстрыми шагами подойдя к Казмиру, Талун чуть ли не выхватил один из трёх стаканов из рук хозяина дома и проглотил его содержимое одним глотком. Оба предводителя картелей с полминуты пошептались о чём-то, затем Казмир, усевшись напротив Хонана, протянул ему хрустальный стакан с янтарным напитком. Венгаре же так и остался стоять у подноса с напитками, наливая себе очередную порцию.

— Ну, Тарин, что ты там понарасказывал?

Чтобы успокоиться, Хонан глотнул из стакана.

--- Что же это творится на нашей планете, когда с таким влиятельным лидером картеля, как я, представитель Администра́та обращается, как с обычным преступником? Этот Барзано приста́вал ко мне с идиотскими вопросами насчёт моего особняка, ну, ты знаешь, того, который я тебе одолжил на время.

Казимир кивнул, задумчиво пожёвывая свою нижнюю губу, и Тарин заметил, что хозяину дома, похоже, было слишком жарко от огня в камине, --- на лбу у него выступили блестящие капельки пота.

--- С тобой все в порядке, Казимир? --- забеспокоился Тарин.

--- Вовсе нет, --- фыркнул Венгаре, снова наполняя свой стакан до краёв.

Бросив на Талүна полный ненависти взгляд, Казимир, кивая Хонану, произнёс:

--- Пожалуйста, продолжай, Тарин. Не беспокойся о Барзано, ему недолго осталось создавать нам проблемы. Ну так что же он хотел узнать?

--- Ну, он заявил, что Церковь Старых Принципов использовала мой особняк для

своего очередного жестокого нападения. Ты можешь себе представить? Из моего дома?! Стешно, правда?

— Очень, Тарин! — вдруг захохотал Казимир. Жуток был этот истеричный смех, начисто лишённый какой бы то ни было весёлости. — Видишь ли, это правда. Все это правда. Ты просто слишком глуп, чтобы это понять.

Тарин открыл было рот, чтобы выразить свой протест, но Казимир не дал ему возможности ответить:

— У тебя нет ни малейшего представления о том, что происходит на этой планете, Тарин. События развиваются в соответствии с твоими замыслами. Но-и-ти! Я вложил слишком много средств, чтобы всё пошло прахом из-за такого ничтожества, как ты, Тарин!

От этих неожиданных и, что самое ужасное, неоправданных нападок на глаза Сарина Хонана навернулись слёзы.

— Брось, Казимир, что за радость тебе бросаться такими фразами? Мы, в конце концов, друзья, так ведь?

— Друзья? — передразнил своего

«грудь» Казимир де Валмос. — Нет, Тарин, ты не грудья. Ты всего лишь жалкий комочек грязи, на который я наступил по пути к бессмертию. А теперь пришло время избавиться от тебя!

Тарин услышал звук открывающейся двери позади него. Казимир, подняв взгляд, кому-то улыбнулся, видимо тому, кто бесшумно вошёл в эту дверь. Но улыбка хозяина дома была далеко не дружеской. В поисках поддержки Хонан в отчаянии бросил взгляд на Вендаре Талүна. Ведь кто же, как не его старый добрый друг Вендаре, защитит Тарина? Уж он-то не позволит Казимиру разговаривать с ним в таком тоне!

Но Вендаре Талүну было не до Тарина — он, открыв рот, в ужасе уставился на вошедшего. Тарин услышал звук приближающихся тихих шагов, и бледная, испещрённая тонкими жилками рука легла на плечо толстяка.

Ногти на глиняных тонких пальцах этой руки были чёрными и необычайно острыми. От руки исходил сильный запах дезинфицирующего средства.

Тарин в страхе загрожал и судорожно
сглотнул подкативший к горлу комок.

— Казимир? Что происходит? —
захныкал он.

Развернув свою жирную тушу в
кресле, он увидел высокую тонкую фигуру в
простом красном халате и хирургической
маске. Лица незнакомца он разглядеть не
мог, единственное, что он видел, — это
огромные глаза тёмно-фиолетового цвета.
Вторая рука этого кошмарного человека,
скользя к шее Тарина, слегка оттянула
на ней кожу, и толстяк почувствовал, как
от этого лёгкого прикосновения по спине
его побежали мурашки.

Казимир де Валмос вернулся в своё
кресло и сделал глоток из стакана.

Тарин собирался было что-то
протянуть, но вдруг ощутил острую
пронизывающую боль в горле, когда
толстая игла вошла в его шею. Он
вздрогнул, но боль тут же прошла, её
стенило ощущение тепла, голова
закружилась, и он словно поплыл куда-то.
Веки Тарина внезапно налились свинцом, и
глаза закрылись. В этот момент

Казимир де Валтос заговорил, и Тарину пришлось напрячься, чтобы разобратъ его слова.

--- Тарин, это Хирүрг. Я думаю, настало время вам познакомиться поближе.

Тарин Хонан улыбулся, сонно кивнул, а быстродействующее снотворное тем временем понеслось по его венам.

Недопитый стакан с усаваром выскользнул из его пальцев и, ударившись об пол, разбился.

Барзано вышел из комнаты для допросов, где Ортега и Шарбен попеременно работали с девушкой, спасённой Леаркусом от «арбитров»-убийц. Губернатор Никола Шонаи, Алтерз Чанга и Лиланг Кортео стояли перед окном комнаты, наблюдая за работой арбитров. Лицо Шонаи было каменно-непроницаемым, но Чанге и Кортео явно было не по себе от зрелища, свидетелями которого они стали, --- девушку допрашивали с пристрастием, по всей строгости закона.

— Она что-нибудь знает? — первой нарушила молчание Шонаи.

— Не думаю. Во всяком случае, ничего существенного. Всё, что пока из неё выжали, это несколько итён. Но она, увы, слишком мелкая рыбёшка, чтобы знать что-либо действительно ценное.

— Тогда зачем все эти... неприятности? — подал голос Чанга, махнув рукой в сторону ссутулившейся фигуры за стеклом.

— Потому что никогда не знаешь, когда каким катнем обнаружишь очередной фрагмент головоломки, той дорогой Алмерз.

Чанга нахмурился. Ему не нравилась чрезмерная фатильярность Барзано, и он отвернулся от эксперта.

— Она была на статуе, — ледяным голосом произнесла Микола Шонаи. — Она одна из зачинщиков демонстрации. Она должна что-то знать.

— Возможно, — согласился Барзано. — В таком случае она — упёртый борец. Легко не расколется.

— Делайте всё, что сочтёте

нужным, — приказала Шонаи. — Мне теперь всё равно, главное — выяснить, кто за всем этим стоял и кто заплатит мне по счетам.

— О, мы выясним, кто сделал это, я гарантирую, — пообещал Барзано. — Полагаю, что один из ваших соперников оказался умён и весьма коварен, используя посредников и ячейки активистов, чтобы мы не смогли докопаться до корней этого предательства посредством одного ареста. Я знаю, видел, как это делается. Уверяю вас, вскоре выяснится, что ничему нет никаких доказательств, не осталось никаких документов, поскольку на бумаге ничего и не фиксировалось, но при этом каждый из заговорщиков был в курсе всего плана. Я думаю, после того как им удалось вывести на улицу толпы народа, не потребовалось больших усилий, чтобы превратить демонстрацию в бойню.

Шонаи кивнула:

— Достаточно было искры, чтобы в один момент все полыхнуло.

— Именно так. Что и было проделано капитаном Ведденом, будь проклята его

дуща.

— Он пришёл в сознание? Можем мы его спросить?

— Пока нет, но ваш врач полагает, что мы сможем это сделать уже сегодня, правда несколько позже. Хотя он, как врач, не рекомендовал беспокоить больного так скоро.

— Будь он проклят вместе со своим беспокойством! Я хочу, чтобы того ублюдка разорвали напополам. Мы, Арио, близки к разгадке, я чувствую это.

— Пойдём, — вдруг стенил тему разговора Барзано. — Я бы выпил. Есть ещё желающие?

Шонаи бросила на Барзано суровый взгляд, но затем мрачное выражение её лица стягчилось, и она кивнула:

— Я бы тоже не отказалась от глотка усакавара. А почему бы и нет?

Кортео ухмыльнулся:

— Ну, я всегда говорил, что негоже позволять человеку пить в одиночку. Поэтому я к вам присоединяюсь.

— Алтерз? — Губернатор подняла глаза на Чанду. Главный советник

губернатора отрицательно покачал
головой:

--- Благодарю за предложение,
губернатор, но я останусь здесь на тот
случай, если арбитры всё-таки узнают
что-нибудь ценное и понадобится срочно
сообщить вам об этом.

Перед тем как остаться в обществе
Барзано и Кортео, губернатор Шона
положила руку на плечо Нанды и слабо
улыбнулась ему:

--- Ты хороший человек, Алмерз.
Спасибо.

Поклонившись, Алмерз Чанга
продолжил наблюдать за вопросом
девушки.

--- Итак, у вас уже был опыт в
подобных делах, эксперт Барзано? ---
спросил Лиланг Кортео, вновь набивая свою
трубку.

Барзано сел, поджав под себя ноги, на
свою кровать и кивнул, потягивая ускавар.
Как только троица вошла в его комнату,
между чиновниками установилась
атмосфера неформального общения.

--- Да, мистер Кортео. Я побывал во

множестве самых различных мест и имел дело с огромным количеством людей, полагавших, что они неподвластны законам Императора.

--- И вы убеждали их в обратном? ---
встала Никола Шонау.

--- Разумеется, --- улыбнулся Барзано.

--- И чем вы завершите свою миссию на Павонисе, когда получите то, за чем прибыли?

Вопрос был задан как бы между прочим, но Барзано почувствовал всю его серьёзность. Он хотел было солгать губернатору, но решил, что она заслуживает того, чтобы знать правду:

--- По всей вероятности, вы будете отстранены от управления этим миром. Неудача в ведении дел на планете Империи --- это преступление, а ваш режим здесь вряд ли можно считать успешным. Или вы не согласны с этим?

Лицо Кортео покраснело от гнева после столь откровенного ответа Барзано, и он со стуком опустил свой стакан на стол эксперта.

--- А теперь послушайте, чёрт побери!

Возможно, вы действительно большой профессионал по улаживанию конфликтов, возможно, даже лучший из всех, что есть на Terre. Но права так разговаривать с имперским командующим вам никто не давал.

--- Нет, Лиланд, у него есть все права, --- прошептала Шонаи. --- И в конце концов, он действительно прав. Я потерпела неудачу, я позволила маленьким проблемам перерасти в большие и пыталась скрыть то, что продолжалось слишком долго. Возможно, мы все заслужили того, чтобы нас затенили.

Барзано наклонился вперед, поставив стакан перед собой и оперев локти в колени:

--- Может быть, но я ещё не решил. В конце концов, кого поставить на ваше место? Баллиона Варле? Венгаре Талүна? Тарина Хонана? Я так не думаю, дорогой губернатор. Нет, давайте пока оставим разговор о вашей отставке и сосредоточимся на проблемах более насущных.

--- И что это за проблемы? ---

проговорчал Кортео, все ещё вне себя от
прямоты Барзано.

— У меня есть подозрение, что на
этой планете люди сотрудничают с
эльдарати, используя их пиратские рейды
для прикрытия каких-то своих тайных
дел, а противоречия на Павонисе они
раздвигают с одной-единственной целью:
отвлечь внимание от своей главной
деятельности, — объяснил Барзано,
опершись о стену.

И губернатор, и Кортео лишились
дара речи. Мысль о том, что проблемы
планеты были организованы намеренно,
потрясла их, и они не знали, что на это и
ответить.

— Я не верю, что события, которые
здесь происходили до моего приезда и
продолжают происходить теперь, не
имеют связи. Слишком много совпадений, а
я в совпадения не верю.

— Но кто? — в конце концов
произнесла Шонаи.

Барзано неопределённо пожал
плечами:

— Пока не знаю. Но надеюсь, что скоро

нам удастся это выяснить, ибо, боюсь, цепь событий приблизилась уже к критической точке.

--- Как следует вас понимать, эксперт?

--- А так и понимать, мой дорогой губернатор: все вот-вот взорвётся.

В уютном коридоре Имперского дворца в тёмном воздухе затрепетало мерцающее пятнышко света. Оно раскачивалось, словно крошечный шарик, упавший в лёгкий, восходящий воздушный поток. Постепенно это пятнышко стало увеличиваться, лениво кружась по спирали и отбрасывая в стороны фиолетовые отблески. Ткань воздуха, казалось, растягивается, как шёлковое полотно, которое невидимые глаза силы настойчиво тянут к свету.

Хрустальные подсвечники под потолком внезапно взорвались, когда из уже изрядно увеличившегося светового пятна раздался тихий стон. Даже скорее не стон, а журчащий и грожащий звук, в котором сплелись и непристойная похоть,

и вечная жажда. Вглубь внутри этого загадочного пятна начали формироваться четыре тёмные точки. Они изгибались, стремительно разрастаясь, подобно раковым опухолям, в сердце света. Эти «опухолы» следовали за извивающимся по спирали световым пятном, и при этом их желеобразные тела постепенно твердели, становясь все отчетливее в общей сияющей массе.

Покрытые плёночной оболочкой быстро твердеющие тела проталкивались сквозь свет, издавая тихий, но от этого не менее омерзительный скрежет. В коридоре Имперского дворца зарождалось что-то тёмное и страшное.

С лучительным пронзительным визгом ткань реальности прорвалась, и четыре лилово-красных тела шмякнулись о каменный пол, а породившая их светящаяся лентка, закрутившись в спираль, исчезла с невероятной скоростью, и коридор вновь погрузился в полумрак.

Четыре поблёскивающих тела на протяжении нескольких секунд лежали на полу, содрогаясь в послеродовых

конвульсиях, а затем, сбросив с себя оболочки, явили миру глинные изгибающиеся ноги, ядовитые шипы, вздвигшиеся стальными мышцами руки и пасти, полные клыков.

Твари синхронно принялись к воздыху — существование этих монстров было подчинено одному-единственному повелению их владычицы.

Повелению убить жертву.

Солдаты Корнер и Тарнин медленно вышагивали по тёмному коридору, держа лазганы на изготовку. Здесь внизу определённо что-то было. Корнер услышал какой-то странный подозрительный шум и сообщил на пост охраны, что они отправились посмотреть, что же там такое происходит.

Тарнин первым заметил разбитые светильники и, услышав хруст стекла под ногами, решил взять инициативу на себя.

В нескольких шагах впереди него как будто подрагивала лужица пролитого масла.

Не поворачиваясь, он прошептал:

— Корнер, дай мне свой фонарь, — и

протянул за ним руку.

Включив фонарь, он направил его яркий луч вперёд, но так и не успел ничего разглядеть — всё произошло слишком быстро.

Тяжёлое тело бросилось на него из темноты и одним движением огромных когтистых лап вспороло тело солдата, словно пуховую подушку. Двадцатисантиметровые когти разорвали нагбое его тело, а массивные челюсти сокрушили череп.

Корнер успел лишь заметить кровавые брызги, когти и клыки, раздирающие плоть его товарища. Через секунду пронзительный крик Тарнина резко оборвался. Корнер бросился бежать.

Что-то тяжёлое ударило его в спину, сбив солдата с ног. Лазган Корнера отлетел в сторону, а кожу солдата обожгло огненное дыхание. В тот же миг он почувствовал, как когти монстра разрывают его форму на лохмотья и впиваются в тело. Корнер раскрыл рот, чтобы закричать, но порождённая варпом тварь, с лёгкостью оторвав парню голову,

разом проглотила её. Вонзив когти в спину солдата, она принялась выдирать и заглатывать куски мяса, с хрустом разгрызая человеческие кости.

Второй монстр, распахнув клыкастую пасть, издал угрожающее рычание. Залитое кровью чудище прекратило пиршество и последовало за лидером. И вот все четыре твари бесшумно понеслись по коридорам дворца.

Жертва была близко.

Барзано резко вскинул голову. Опустив на пол ноги, он плавно и грациозно поднялся во весь рост, бросив взгляд на губернатора Шонаи. На его лице отразилась явная обеспокоенность. Метнувшись к двери, он распахнул её и выскочил в коридор.

При появлении эксперта два Ультратарина встали по стойке «стирно», прижав к груди болтеры. Повернувшись, брат Клиангер посмотрел на представителя Администратума:

--- Брат Барзано, что-то неладно?

Барзано торопливо кивнул:

--- Боюсь, что очень даже неладно. Где остальные Десантники из вашего отделения?

--- На главных входах в это крыло дворца. Здесь муха не пролетит без ведома одного из моих боевых братьев. Ни кто ни мышь не проскочит.

--- Или сквозь них, --- пробормотал себе под нос Барзано.

--- Прошу прощения?

--- Ничего, брат Клиандер. Мне нужно, чтобы ты связался со всеми, кто находится на постах, и сообщил им: нечто чрезвычайно недружелюбное проникло во дворец. Все мы в серьезной опасности.

Клиандер жестом велел своему собрату выполнить приказ эксперта и снял болтер с предохранителя.

--- Что происходит, эксперт?

--- Сейчас у меня нет времени объяснять. Просто прикажи всем стражам быть готовыми ко всему и стрелять во все, что неизвестно.

Лицо брата Клиандера было скрыто под шлемом, но Барзано почувствовал его гнев. Десантника можно было понять: где

это видано, чтобы приказы ему отдавал
какой-то чиновник?

--- Вы говорите неучтиво... --- начал
было Клиангер.

--- Будь она проклята, учтивость,
Клиангер, просто сделай это! --- выпалил
Барзано, но в этот миг совсем рядом
раздался грохот болтерных зарядов.
Вскоре всё столкло, но затем последовала
ещё серия выстрелов, и по коридорам эхом
покатился дикий вой. --- Слишком поздно, ---
произнёс Барзано.

Три твари неслись по коридорам с
устрашающей скоростью, позади них
раздавались крики преследователей. Тело
четвёртого монстра упокоилось на трупах
двух Ультратаринов, медленно
превращаясь в зловонную лужу липкой
слизи.

Сеть вокруг монстров стягивалась
все туже, но они и не думали о том, чтобы
выжить.

Значение имела только их жертва.

Рванувшись назад, в свою комнату,
Барзано бросился на колени перед глиняным
сундуком, стоявшим в ногах кровати, и

приложил палец к считающему запорному устройству. Шонаи и Кортео вскочили на ноги. Оба были напуганы поведением эксперта, и он не мог их в этом винить. Все действительно было очень и очень серьёзно.

--- Что за дьявольщина тут происходит? --- спросила Шонаи.

Тем временем крышка сундука поднялась, и Барзано полез рукой внутрь, спросив:

--- Помните, вы говорили о горящем фитиле?

--- Да, конечно.

--- Ну вот, оказывается, он гораздо короче, чем мы думали. В игре снова подняты ставки. Вот, --- прервал свои объяснения Барзано, кидая каждому из них по пистолету. --- Вы знаете, как этим пользоваться?

--- По большому счёту нет, --- признался Кортео.

--- Губернатор?

--- Нет. Никогда прежде не стреляла.

--- Проклятие! Ну ладно, самое подходящее время научиться. --- Он быстро

продемонстрировал, как взводить курок и перезаряжать оружие. -- Когда будете стрелять, наводите их ниже цели -- отсюда такова, что они подсакивают, как зрокс в жару.

-- Но во что стрелять? --
запротестовала губернатор. -- Что происходит?

Барзано не ответил, а вновь повернулся к сундуку и вытащил из него меч с тонким клинком, украшенным изысканным узором по всей глине. Когда эксперт поднялся на ноги, в другой его руке оказался большой пистолет с рифлёными кольцами на сплюснутом дуле. Вся обычная весёлость Барзано испарилась, и её сменила непреклонная серьёзность.

-- Наши враги послали по наши души адских тварей, и те не остановятся, пока не убьют нас. Или мы их.

Барзано надавил пальцем на руну на эфесе своего меча, и Шонаи и Кортео отпрянули от эксперта, когда оружие у них на глазах ожило и клинок оплел извивающиеся спиралью кольца янтарного огня.

--- Энергетический меч! --- В
изумлении воскликнул Кортео. --- Какой же
вы эксперт?

Барзано ухмыльнулся, но в его
устешке не было ничего обнадеживающего.

--- Наихудшей разнovidности! ---
заверил он Кортео.

Брат Клиангер слышал отдающиеся
эхом от стен ружейные выстрелы,
тяжёлое рывканье болтеров и треск
лазерного огня --- к ним что-то
приближалось.

Из-за многоголосого раскатистого
эха, блуждавшего по извилистым
коридорам дворца, было невозможно
определить, с какой именно стороны
приближается враг, поэтому Клиангер
прикрыл одно направление, а брат
Дамбрэн --- другое. Клиангеру отчаянно
хотелось рвануться на помощь
преследователям, но его долгом было
защищать жилище эксперта. Клиангер ---
гражданин Макрэйджа, и он скорее
погибнет, но не нарушит приказ.

Зарокотал болтер брата Дамбрена ---
враг подоспел. Развернувшись, Клиангер

увидел трёх несущихся на него монстров. Он с болтером на изготовку присоединился к брату Дамброну, и первая из тчащихся тварей разлетелась на куски.

Но скорость этих чудищ была бешеной, и, не обращая внимания на участие лигера, два других монстра накиннулись на Десантников. Клиангер упал, когда одна из тварей прыгнула на него. Костический Десантник перекатывался по полу, уворачиваясь от когтей и зубов чудовища, не забывая при этом вести непрерывный огонь из болтера, но все его снаряды пролетели мимо врага, отколов большие куски от перекрытий дворца.

Он бросил взгляд в сторону и увидел, как вторая тварь отрывает Дамброну руку. Из плеча боевого брата брызнул фонтан алой крови. Клиангер не успел прийти на помощь, поскольку первый из монстров вновь набросился на него.

Клиангер прицелился, выстрелил, и болт прошёл твари брюхо. Взрыв, чудовище вспрыгнуло Клиангеру на грудь, и они оба — человек и адская тварь — ударились о дверь комнаты Барзано.

разбив её вдребезги, и рхнули на пол.

Шонаи вскрикнула, когда гверь разлетелась на куски, и в комнату ввалился один из Ультрамаринов, шлем которого бешено скребла когтями тварь, сидящая у него на груди. Длинное тело этого адского создания отливало радужным светом, вдоль всего спинного хребта росли острые красновато-лиловые костяные шипы. Огромная голова чудовища была увенчана рогати, а с клыков капала кровь. На конце каждой из мускулистых конечностей сверкали ужасные зазубренные когти, а глаза твари были непроницаемо чёрными, мёртвыми и бесчувственными.

Барзано выпрыгнул вперёд, нацелившись сверкающим мечом на адское отродье, но чудище с невероятными для такого огромного существа скоростью и проворством резко повела головой вниз, спасшись тем самым от потрескивающего клинка, и спрыгнула с Костического Десантника. Бешено взмахнув когтистой ланой, она едва не распорола Барзано. Когти чудовища просвистели в нескольких миллиметрах от плеча эксперта и

вонзились в тяжёлый деревянный стол, вырвав из него здоровенный кусок.

Подкатившись к зверюге снизу, Клуандер ухватился могучими руками за её шею. Тварь ринулась на него, и её чёрные когти легко разорвали нагрудную пластину Ультратарина. Из раны хлынула кровь, и Клуандер зарычал от боли, когда его плоть обожгло прикосновение зверя.

— С дороги! — закричал Барзано, прицелившись в тварь из плазменного пистолета.

Клуандер, не обращая внимания на эксперта, с рёвот давил на шею монстра, который раздирал его доспехи клыками и когтями. В дверном проёме показалась вторая тварь, с челюстей которой капала кровь, и Барзано обернулся к этому монстру.

Огненно-белый заряд плазмы ударил в бок чудовищу, отбросив его назад. Из раны фонтаном брызнул омерзительный гной, и тварь свалилась на пол. Ткани её тела стали разлагаться прямо на глазах.

Клуандер боролся с последним оставшимся в живых чудовищем, тщетно

пытаясь удержаться на расстоянии от его когтей, понимая, что в этом сражении ему не победить. Агская тварь была сильнее его. Челюсти клацнули в миллиметре от лица Клиандера, и голова Ультратарина откинута назад, ударившись о каменный пол. Хватка его рук на шее чудища на секунду ослабла.

Казалось, монстр только этого и ждал. Он взвился на дыбы, воздев смертоносные когти под самый потолок комнаты, но тут же стремительно опустился, пробив силовой доспех и разорвав грудную клетку Клиандера.

Кортео и Шонаи одновременно выстрелили в раненого зверя, но оба они были теми ещё стрелками, и их выстрелы прошли мимо.

Барзано оттолкнул обоих назад в тот самый миг, когда убийца Клиандера извлёк когти из мёртвого тела Ультратарина и направился к эксперту. Движения зверя были уже не столь уверенными, но его сил все ещё хватало, чтобы перебить в комнате всех оставшихся в живых. Плазменный

пистолет жужжал, перезаряжаясь, и эксперт понял, что сейчас от него мало проку.

С рёвом поднявшись на задние ноги, монстр бросился на Арио Барзано.

Эксперт пригнулся и нырнул вперёд, прямо под смертоносные когти чудовища. Перекатившись и встав на колени, он взмахнул энергетическим мечом.

Клинок, объятый энергией, отсек твари задние ноги, и та рухнула, в ярости толотя по полу обугленными обрубками бедер.

Вскочив на ноги, Барзано встал рядом с губернатором Шонаи и Лиландом Кортео. Монстр, извиваясь всем своим отвратительным туловищем, полз к ним, всаживая в пол когти передних лап, а его тело таяло, оставляя за собой дымящийся шлейф тьмы.

От чудовища оставались только быстро растворяющиеся туловище и голова, когда эксперт сделал резкий шаг вперёд и, перехватив рукоятку меча, вонзил клинок в телятское создание.

Когда в комнату вбежал во главе

своего отделения сержант Леаркүс, Барзано устало оседал на пол рядом с исчезающими останками монстра.

Сержант опустилсЯ на колени возле бездыханного тела Клуандера и в ярости сжал кулаки. Оставив его наедине с горем, Барзано повернулсЯ к Лиландү Кортео и Микеле Шонаи, лицо которой было мертвенно-бледным. Швырнув пистолет на кровать, он выключил энергетический меч, положив его на разбитый, покосившийсЯ стол.

--- Вы убили его, --- выдохнула Шонаи. --- Как вы это сделали?

--- Я вам лучше покажу, --- ответил Барзано, отводя в сторону портрет Форланүса Шонаи, в стене за которым находился сейф.

Набрав десятизначный код, он распахнул дверь.

Внутри сейфа была коробка, которую эксперт вытащил и поставил на пол рядом с собой.

Вновь забравшись в сейф, он извлёк из него небольшой предмет и протянул его Шонаи, которая приняла его из рук

Барзано с выражением страха и удивления.

Никола Шонаи держала в руке сапфировый кристалл прямоугольной формы, не более пятнадцати сантиметров в длину и восьми в ширину и толщиной менее пяти сантиметров. Вообще, вещь эта была бы ничем не примечательной, если бы не заключённая в ней эмблема: ухмыляющийся череп со стилизованной литерой «U».

Губернатор Шонаи взглянула в лицо человека, которого словно впервые увидела.

--- Арио Барзано, --- представился он, --- из Ордена Священной Императорской Инквизиции.

Ровно в семь утра на следующий день после демонстрации Объединения Рабочих на площади Освобождения танки Казарм Харона планетарных сил самообороны, выехав из ворот базы, покатали по шоссе 236 к Вратам Брэндона. Уже через двадцать пять минут колонна из сорока танков «Леман Русс» местного производства, украшенных изображениями артиллерийского снаряда — эмблемой картеля Талун, — оказалась на окраине города и загрохотала к центру столицы и губернаторскому дворцу.

Из динамиков, укрепленных на каждом из танков, во все стороны разносилось обращение к населению. Дескать, целью этого, с позволения сказать, манёвра является поддержание спокойствия, так что нет никаких причин для паники. Громкоговорители не замолкали ни на секунду, но жители Врат Брэндона всё-таки с тревогой поглядывали из своих окон на гроыхающую мимо их

готов танковую колонну: никто уже не знал, чего можно ждать от властей, придерживающих и чем всё это может закончиться. Беспрепятственно миновав жилые и промышленные пригороды, танки наконец остановились перед трапезными стенами внутреннего города.

Не прошло и часа после появления на улицах города танков Талына, как из других казарм НСС, финансируемых союзными с ним картелями, тоже вышли бронемашин. Танки с изображением шлема на борту — эмблемой картеля де Валтос — покинули базу в Тартиган Ридж, а бронетранспортёры с баз, субсидируемых шестью другими картелями, приняв на борт пехоту, тоже направились во Врата Брэндона.

Таким образом, в общей сложности сто девятнадцать танков и свыше семи тысяч пехотинцев к полудню разместились вокруг города. Громкоговорители на танках утолкли, зато на всех радиочастотах зазвучало сообщение о намерениях НСС взять на себя ответственность за поддержание

спокойствия в городе, ибо губернатор, очевидно, больше этого сделать не в состоянии. Однако, из уважения к должности Миколы Шонаи, ни один танк не войдёт в её город до того момента, пока их боевая мощь действительно не понадобится. Горожане, у многих из которых от всего пережитого начали сдавать нервы, всерьёз призадумались над тем, что бы всё это могло значить.

Несмотря на неоднократные требования Миколы Шонаи, ни одно из мобилизованных подразделений НСС не покинуло пределов города, и столица Павониса фактически оказалась на осадном положении.

Войдя в комнаты Арио Барзано через то, что когда-то было дверями, Уриэль поразился, во что превратили эти ещё совсем недавно роскошные помещения монстры из ада. «Грозовой Ястреб» приземлился менее часа назад, и капитан Вентрис пребывал в сумрачном расположении духа — окаменевшее лицо Леаркүса, когда тот докладывал ему о смерти Клиандера и трёх других боевых

братъев, все ещё стояло перед мысленным
взором Уриэля.

Сержант Назаниус вошёл следом за
капитаном, и обоим Ультратаринам,
проходя под вдребезги разбитым дверным
косяком, пришлось наклонить головы.
Уриэль шёл налегке, а огромный сержант
держал в руках стазис-ёмкость с
фрагментами неизвестного металла с
холма на Каэрнусе JV.

Несмотря на то что апотекарий
Селенус, работая над ранами Уриэля,
приложил все свои знания и силы, любые,
даже самые незначительные движения всё
ещё были болезненны для Вентриса ---
раны, которые нанёс ему топор
предводителя эльгаров, и укусы
отерзительных экскрентов давали о себе
знать. Но капитан Ультратаринов выжил,
и его сердце жаждало мести.
Ухмыляющийся воин с мёртвым лицом все
не шёл у него из головы.

Барзано стоял спиной к Уриэлю,
возложив руки на старую шкатулку,
стоящую на покосившемся столе. Эксперт
что-то тихо говорил губернатору Шонау

и Лиланду Кортео. Лортүэн Перджед сидел на краю кровати, а Дженна Шарбен и сержант Леаркүс неподвижно стояли у окна. В одной руке сержант держал болтер, в другой — ценной меч.

Барзано обернулся на звук шагов Уриэля, и капитан Четвёртого подразделения впервые после долгой разлуки увидел лицо эксперта. Уриэль был буквально потрясён переменой, происшедшей с этим человеком. Леаркүс уже успел сообщить Уриэлю, кем в действительности является Барзано. Капитан только устехнулся, узнав, что Арио Барзано вовсе никакой не эксперт, — он и раньше-то в этом сомневался.

Но, увидев Барзано сейчас, Уриэль не усомнился в том, что перед ним инквизитор. Тот больше не сутулился, пытаясь походить на типичного чиновника Администратума. Сейчас Барзано был одет в свободную тунiku и высокие, по колено, сапоги, на его поясе висели меч и пистолет, а осанка инквизитора была безупречна, если не сказать горделива или даже надменна.

Шагнув Уриэлю навстречу, Барзано взял его за руку, положив вторую капитану на плечо. В глазах инквизитора светилась непреклонная решимость.

— Капитан Вентрис, я молюсь за ваших благородных павших братьев. Они пали достойно.

Уриэль выразил признательность, молча наклонив голову. Никола Шона сделала несколько шагов и встала рядом с инквизитором:

— Рада видеть вас, капитан. Я также молюсь о ваших павших братьях и надеюсь, что больше никто не утрёт, защищая нашу планету.

— Как того пожелает Император, — ответил Уриэль, жестом приглашая Назаниуса пройти вперёд. Сержант поставил стазис-ёмкость рядом со шкатулкой.

— Итак, что вы принесли мне, Уриэль? Что-то с корабля эльдаров?

— Нет, с одного из миров, на который недавно напали пираты.

— Что это? — спросил Барзано, деактивировав стазис-заток ёмкости.

оставленной Ультратаринами с Каэрнуса
IV.

— Мы рассчитываем, что как раз вы сможете ответить на этот вопрос. Это вещество со склона холма, почти целиком состоявшего из металла. Как говорили местные жители... То есть один из жителей, единственный уцелевший после налёта, когда-то этот металл их кузнецы использовали для изготовления мечей и плугов. Так продолжалось на протяжении многих поколений, все изделия из этого металла не старились — они каким-то чудесным образом самовосстанавливались.

Когда Барзано запустил в ёмкость руку и извлёк кусок слегка поблёскивающего металла, лицо его побледнело. Широко раскрыв глаза, он провёл кончиками пальцев по угловатым знакам, высеченным на куске металла.

На глазах Уриэля последние сверкающие серебристые нити в толще металла обрели красноватый цвет ржавчины и его блеск исчез совершенно. Осторожно, почти благоговейно Барзано

положил металл на стол, поднял глаза и встретился взглядом с Уриэлем:

--- Вы сказали, что на той планете был один уцелевший? Я полагаю, что сейчас он на борту крейсера и ожидает разговора?

--- Увы, нет. Он был смертельно ранен. Капеллан Клозель отпел его, и мы похоронили его в родной земле.

Видно было, что Барзано усиливает воли заставил себя сдерживать возмущение. Ещё бы: такой ценный источник информации был безвозвратно утрачен! Тем не менее инквизитор не сказал ничего и лишь понимающе кивнул.

--- Очень хорошо, --- выгавил он наконец, глядя на запёртую шкатулку, на которой теперь лежала его лагонь, --- лучше просто не бывает...

--- У? --- наполнил о своём присутствии Уриэль, рукой показывая на мёртвый металл. --- Что же это?

Выпрямившись во весь рост, Барзано произнёс:

--- Это, мой дорогой капитан, фрагмент костяного корабля, которому

более ста миллионов лет. А также причина нашего пребывания на Навонисе.

— Сто миллионов лет?! — удивился Лиланг Кортео. — Это невозможно! Человечество вышло к звёздам менее пятидесяти тысяч лет назад.

— Я не сказал, что это был человеческий корабль! — резко оборвал его Барзано.

— И это как-то связано с бедрами Навониса? — спросила в свою очередь Микола Шонау.

— Боюсь, что так. Полните, я говорил о более глубокой причине, которая, как я полагал, стоит за вашими неурядицами? Эта причина теперь перед вами. Кто-то на этой планете пытается отыскать местонахождение остальных частей этого корабля.

— Зачем кому-то понадобились эти обломки? Что они могут дать?

— Власть, — ответил Барзано просто. Он произнёс это слово совершенно спокойным голосом, так, будто речь шла не о жизни человечества, а о стакане уткавара.

— Тогда, если вы знаете, где эта штукovina находится, сообщите мне, и крейсер уничтожит его за несколько секунд! — воскликнул капитан Ультратаринов.

— Ах, милый мой Уриэль! Если бы это было так просто. Эта штукovina, как вы её назвали, не существует в реальности, как мы её понимаем. Эта штукovina движется в безвременье, появляясь то в нашем, то в нематериальном мире. И это может длиться вечно.

— Почему тогда вы так боитесь этой штуки?

Барзано, подняв лагонь со шкатулки, приложил большой палец к геноключу и подождал, давая возможность духу, оберегающему шкатулку, опознать владельца.

Затем он набрал тринадцатизначный код, произнёс секретное слово-пароль, шкатулка распахнулась, и инквизитор извлёк из неё тяжёлую книгу в железном переплёте, запертую на тринадцать маленьких висячих золотых замков. Сами по себе

заточки казались хрупкими, но каждый из них был защищён гексаграммой, обладающей огромной силой.

Барзано, что-то нащёпывая себе подбородок, по очереди прикоснулся к каждому из затков, словно упрашивая их разрешить доступ к драгоценному фолианту. Затки, словно понимая, о чём их просят, один за другим открылись, и Барзано выпрямился. Когда, поскрипывая, книга медленно раскрылась без всякой посторонней помощи.

Уриэль шумно втянул в себя воздух, всё же остальные в страхе отступили назад. Барзано тоже сделал глубокий вдох и закрыл глаза, а Уриэль испытал какое-то странное чувство, словно через его тело вдруг пропустили сильный электрический заряд. Книга вздымалась в такт дыханию Барзано, и рука Уриэля невольно потянулась к пистолету.

Колдовство!

Барзано жестом приказал Уриэлю не двигаться и покачал головой:

— Нет, капитан. Я прошу духа, находящегося в книге, поделиться с нами частью заключённых в ней знаний.

--- Духа, находящегося в книге? ---
прошептал Уриэль.

--- Да. Надеюсь, вы слышали выражение «знание --- сила», не так ли? Надеюсь, вы не думали, что это лишь пустые слова? Знание действительно облагает силой.

Видя, как книга пульсирует, словно бьющееся сердце, Уриэль огнито губами произнёс слова защитной молитвы. Внезапно он осознал, что существует один-единственный способ, которым Барзано мог, как он выразился, упрашивать духа книги.

--- Вы псайкер?

--- В некотором роде, --- признался Барзано. Слова давались ему с трудом, брови инквизитора сошлись у переносицы.

Я обладаю эмпатическими способностями --- могу улавливать сильные чувства и эмоции.

При словах Барзано книга внезапно словно разбухла, и её страницы зашелестели, будто их вдруг коснулось дуновение ветра, а ещё через секунду они зателькали так быстро, что человеческий

глаз был не в силах уловить их движение. А ещё через несколько секунд книга неожиданно успокоилась, её пожелтевшие от времени страницы неподвижно застыли.

Расслабившись, Барзано открыл глаза, Уриэль заметил на его лбу капли пота. Из носа инквизитора потекла тоненькая струйка крови, но он быстро вытер её платком и склонился над страницами, раскрывшимися перед ним.

Уриэль, Пазаниус, Шонау и Кортесов нерешительно приблизились к столу.

Поначалу Уриэль не мог понять, что он видит перед собой: страницы были исчерканы какой-то безумной рукой, сотни слов наезжали друг на друга, закручиваясь в замысловатые узлы и пересекаясь под самыми разными углами.

--- Что это? --- выдала Шонау.

--- Это --- кое-что из написанного еретиком Кортесвейном.

--- А кто это?

--- Кортесвейн принадлежал к Агентус Механикус. Он странствовал по галактике, побывав на археологических

раскопках во многих мирах. Искатели
работающие системы СНК. В итоге сошёл
с ума.

Уриэль знал о непрерывных поисках
систем Стандартного Набора
Конструкций, которые вели Агентус
Механикус. Вся имперская технология
своими корнями уходила к нескольким
драгоценным фрагментам систем СНК,
которые оставались в руках Агентус
Механикус. Даже самые туманные слухи о
существовании СНК побуждали целые
флоты разведчиков отправляться на
поиски этого бесценного сокровища.

После короткой паузы Барзано
продолжил:

--- Кортесвейн оказался единственным
целевым после экспедиции,
отправившейся на мёртвую планету,
название которой давно утрачено. Целью
экспедиции был СНК. Кто-то или что-то
тогда напало на Кортесвейна и его людей,
сам он позже утверждал, что его забросило
в мир, находившийся за пределами этой
галактики. Существо, похитившее
техножреца, обладало невообразимым

могуществом, и Кортесвейн назвал его богом.

--- Богом? --- прошептала Шонаи.

--- Да, богом. Он заявлял, что видел подлинное лицо Бога-Машины. Не приходится и говорить, что все эти речи не добавили ему популярности в определенных кругах Агентус Механикус, которые обвинили техножреца в богохульстве. Это породило раскол в их рядах, последствия которого Агентус Механикус ощущает до сих пор. Не прошло и года после той злосчастной экспедиции, как Кортесвейн исчез с Селетома, где проповедовал своё вероучение.

--- Что с ним случилось? --- спросил Уриэль.

Барзано пожал плечами:

--- Не знаю. Вероятно, его противники похитили или убили его. Но кое-что из написанного им уцелело. Немного --- лишь то, что удалось вывезти его приверженцам.

--- Что же это значит? Я почти ничего не могу разобрать, --- сказала Шонаи, надевая очки.

--- На этих страницах Кортесвейн пишет о сугне, которое, по его словам, он видел, --- объяснил Барзано, указывая на едва различимые каракули в углах страницы.

Пальцы инквизитора прошлись по очертаниям полумесяца с криво нарисованной пиратской по середине.

Уриэль прищурился, стараясь прочесть слова, нацарапанные на пергаменте под рисунком. Огни и те же слова повторялись многократно, они были написаны под разными углами, перекрывая друг друга и сплетаясь в нелогичные фигуры.

Ультратарин обратил взгляд на наиболее разборчивой части текста, стахивающей на паутину, и, медленно сложив слова в одно предложение, повторил второе и третье, беззвучно, одними губами произнёс их.

В конце концов он понял значение этих каракуль, и у него зашевелились волосы на затылке, когда он осознал, что уже слышал их прежде --- с обожжённых губ человека, находившегося на грани смерти.

Несущий Ночь.

Барзано бросил на Уриэля острый, как меч, взгляд, и это напомнило Ультратарину, что инквизитор обладал способностью улавливать чужие чувства.

— Уриэль, — медленно произнёс Барзано, — эти слова вам о чём-нибудь говорят?

Уриэль кивнул:

— Да. Уцелевший на Каэрнүсе IV человек по имени Гедрик сказал их мне за несколько мгновений перед смертью.

— Что он сказал? Быстро! — спросил Барзано, и шёпот его, словно огонь, обжёг всех находившихся в комнате.

— Он сказал, что Смерть Миров и Несущий Ночь ожидают рождения в галактике и что решение будет за мной — который из них, или оба, войдут в наш мир. Вы понимаете, что он имел в виду?

— Нет, — ответил Барзано, пожалуй слишком быстро, чтобы Уриэль поверил в откровенность инквизитора, — не понимаю. Что ещё он сказал?

— Ничего. Вскоре после этого он умер, — признался Уриэль и указал на

рисунком полумесяца в книге. — Утак,
Несущий Ночь — это корабль иной
цивилизации. На что он способен?

— Он способен на многое: он может
уничтожать звезды, лишать их энергии,
не оставляя ничего живого в звездной
системе. Теперь вы понимаете?

Уриэль кивнул:

— Тогда мы должны найти его
раньше, чем эльдары.

— Согласен. Мы также должны
выяснить, с кем они сотрудничают здесь,
на Павонисе, — добавил Барзано,
расхаживая по комнате со сцепленными за
спиной руками.

— Предводитель эльдаров в пылу
сражения произнёс имя, возможно, это и
есть имя его сообщника.

При этих словах капитана Барзано
застыл на месте и повернулся к Уриэлю с
выражением недоверия на лице.

— Он упомянул имя? — прошептал
Барзано. — Какое? Быстро!

— Я не уверен, что это имя. Это было
одно из их отвратительных чуждых слов,
оно звучало как ка... карзак, или что-то в

этом роде.

Нахмурившись, Барзано бросил взгляд на Шонау:

--- Это иля для вас что-нибудь значит? Не один ли это из здешних картелей?

--- Нет. Если б это было так, я бы знала.

--- Капитан Вентрис, --- произнёс вдруг молчавший всё это время Лортүэн Перджег, --- а не могло ли слово, которое вы слышали, звучать как кайерзак?

Уриэль закрыл глаза, вспоминая воина с лицом мертвеца в мельчайших подробностях и стараясь припомнить звуки, которые тот проскрежетал.

--- Да, эксперт Перджег. Полагаю, что это именно оно.

Бросившись к своему помощнику, Барзано опустился перед ним на колени и крепко обхватил за плечи. Лицо инквизитора горело от возбуждения.

--- Лортүэн, ты знаешь, что означает это слово? Это иля?

Перджег покачал головой:

--- Это не иля, скорее обращение. Оно,

конечно, эльдарского происхождения и используется для обозначения того, кого следует чтить.

Барзано разжал руки, сжимавшие плечи Перджеда, и поднялся, совершенно сбитый с толку.

— Хоть это и полезная информация, но она не приближает нас к разгадке. Мы не знаем, с кем работают эльдары.

— Напротив, Арио, мы знаем достаточно. Теперь я с почти полной уверенностью готов назвать имя того, кого мы ищем.

— Да? Объясни, Лортүэн. У нас нет времени на долгие разговоры, поэтому говори безо всех своих глинных предисловий.

— Слово кайерзак дословно означает «почитаемый», но в своих работах Ласко Найр рассказывает о том, как палачи темных эльдаров, существа, которых он называл гомүнкүлүсами, говорили ему, что он должен высоко ценить честь, которой удостоен: его телу причинена самая совершенная боль, какую они только могут себе вообразить.

Уриэль и Барзано постепенно начали понимать, к чему клонит Персжед, а потом тем временем продолжил:

--- Вудите ли, тёмные эльдары обратили это слово, используя его для обозначения тех, кому была оказана честь опробовать на себе их искусство пыток.

Сжав кулаки, Шонаи первой произнесла имя:

--- Казимир де Валмос.

Организованный в укреплённом бункере восточного крыла дворца командный пункт орбитальной обороны занимался слежением за воздушным и космическим пространством вокруг Навониса. Этот командный пункт был полностью автономным --- с резервными источниками энергии и независимой подстанцией. Все это давало возможность защищать Навонис без подключения к внешним сетям на протяжении целого года.

Второй техник Лютрисия Вуджеон следила за приборами пульты контроля, осматривая пространство вокруг Навониса.

— нет ли нарушителей.

Её командир, Даниил Воренс, расположился за командной консолью спиной к ней и был всецело поглощён показаниями приборов.

Заметив слабый сигнал на экране одного из локаторов, Лютрисия записала время его появления в вахтенный журнал. Должно быть, это корабль, он слишком велик, чтобы быть чем-нибудь другим. Лютрисия проверила график полётов, приколотый рядом с дисплеем, — ожидалось ли в секторе прохождение какого-либо космического судна. В графике об этом ничего не сообщалось, и Вигжеон нажала несколько клавиш, сделав изображение на дисплее более чётким.

Ничего похожего она раньше не видела: изящный глинный клиновидный нос и нечто стахивающее на высокие паруса. Что за дьявольщина?

Изображение корабля величественно проплывало по дисплею, очертания его были нечёткими, и Лютрисия попыталась зафиксировать его форму. В конце концов объект попал в фокус, и тут на плечо

девушки опустила тяжёлая рука. Лютрисия вздрогнула от неожиданности, обернулась и увидела трачный взгляд Даниила Воренса.

--- Сэр, я заметила этот сигнал в... --- начала было она.

--- Я знаю об этом, Вуджеон. Все должным образом было внесено в журнал. Я лично разрешил этот полет, --- сказал Воренс, выключая её дисплей.

--- Да, я понимаю. Но не следует ли отразить это в ежедневном рапорте?

--- Нет, Вуджеон! --- прошипел Воренс, наклоняясь к уху девушки и до боли стискивая её плечо. --- Этого корабля здесь не было, и ты не видела его на своём дисплее. Поняла?

Вуджеон ничего не поняла, но не собиралась говорить об этом Воренсу.

Какая ей разница?

Кивнув, она вновь включила свой дисплей и перешла к обозрению другого сектора пространства.

Очевидно, Воренс ожидал этот корабль.

Ультратаринати приземлился в сельском поместье Казитира де Валмоса у подножия Оусен Хиллз, почти в семидесяти пяти километрах к западу от Врат Брэндона.

— Всем на выход! — скотанговал Уриэль, первым выпрыгивая из брюха шаттла с болтером на изготовку.

В свете низкого вечернего солнца поместье де Валмоса выглядело очень красиво. Прямо перед Костическими Десантниками стоял огромный дом с множеством пристроек и флигелей, перед его парадным подъездом ожидали пассажиров две чёрные кареты. Ультратарины выстроились в три шеренги, а шаттл тем временем, опалив землю столбом пламени, с воём взмыл в небо.

Уриэль жестами направил отделение Дардино налево, а Венасуса — направо, а сам повёл отделение Назаниуса к главному входу.

Парадная дверь была открыта, и Уриэль вихрем влетел в вестибюль с

полом в шашечку. Последовавших его
примеру Ультратаринов капитан
направлял резкими взмахами кулака.
Показав таким образом, что Назаниус и
другое гругик Десантников должны
следовать за ним, он бросился вверх по
лестнице, его болтер хищно ходил из
стороны в сторону в поисках цели.

Верхняя площадка лестницы
оказалась пуста, и глиняный, усталый
ковром коридор тянулся от неё влево и
вправо.

Коридор, ведущий направо, через
несколько метров поворачивал на
девятьдесят градусов, а противоположный
ему упирался в тяжёлую дубовую дверь.
Что-то говорило Уриэлю, что этот дом
покинут, но его многолетний опыт
старого солдата не позволял капитану
воспринимать все предчувствия иначе как
призыв к максимальной концентрации сил,
внимания и воли.

Уриэль и Назаниус со всеми
предосторожностями пошли по коридору,
ни на секунду не сводя болтеров с двери.
Генетически усиленные чувства капитана

не могли уловить в комнате за дверями
никаких признаков движения.
Единственное, что заставляло почуять
неладное, был запах. Слабый, почти
неощутимый, но он беспокоил Уриэля.

Выбив дверь из косяков одним
мощным ударом, капитан Ультратаринов,
пригнувшись, влетел в комнату, Назаниус
за ним, поводя болтерами из угла в угол.
Приняв во внимание размеры этого здания,
сержант на этот раз решил
воспользоваться болтером, предпочтя его
любимому огнемёту. Позади себя Уриэль
слышал, как Ультратарины сносят двери
и обыскивают комнату за комнатой.

Зловоние, которое ударило Уриэлю в
нос прямо с порога, поразило его, но то,
что он увидел на кровати в углу комнаты,
заставило его покачнуться.

Некогда это было человеческим
существом, но почти все признаки его
принадлежности к людскому роду были
сограны со скелета лезвиями, пилами,
излами и пламенем. Золотой ореол волос
обратлял голову трупа, а лицо являло
собой жуткую маску смерти. Глаза были

вырезаны из глазниц окровавленными осколками разбитого зеркала, которые теперь хрустели под ногами.

При виде всего этого Уриэль преисполнился ярости:

--- О Жиллиман!

Назаниус опустил свой болтер, также ошеломлённый ужасным видом мёртвой женщины.

--- Уменем Императора, кто может совершить такое?!

У Вентриса не было ответа.

Несмотря на то что от женщины практически ничего не осталось, Уриэль и Вентрис опознал останки Соланы Верген и мысленно вписал её имя в список тех людей, за которых он будет мстить Казимиру де Валтосу. Жестоко мстить.

Сержант Венаус осторожно вёл своё отделение по нижнему этажу дома предателя. Здесь было значительно холоднее, чем на улице. Имплантаты сержанта зафиксировали падение температуры на четырнадцать градусов.

До сих пор людям Венауса никого не удалось обнаружить, но сержант не терял

надежду отыскать в ближайшее время
хоть кого-нибудь из врагов. Трое его людей
погибло на корабле чужаков, и за их
смерть должно быть заплачено кровью.

Каменный коридор привёл
Ультратаринов к железной двери,
запертой на висячий замок, и Венасус, не
теряя времени, выбил её ударом ноги.
Сержант влетел в помещение, его люди
последовали за ним. Комната была
погружена во тьму, но для зрения
Ультратарина то был всего лишь
полумрак.

Слева от себя он заметил блеск
металла. В тот же миг из темноты на
сержанта прыгнул ухмыляющийся череп.
Развернув болтер в его сторону, Венасус
открыл огонь.

Уриэль услышал с верхней площадки
грохот стрельбы и не раздумывая
потчался вниз по лестнице. Кровь
закипела в его жилах в предвкушении
встречи с врагами, которой он в этот
момент жаждал больше всего на свете, ---
сердце и разум Уриэля желали
немедленной мести.

Добравшись до того места, откуда несколько секунд назад доносились звуки пальбы, он увидел, что сейчас ему не удастся никому отомстить. Коридор был пуст, а стены его поблёскивали капельками влаги.

Сержант Венакус стоял в дверном проёме, ведущем в тёмную комнату.

--- Кто стрелял? --- задал вопрос Уриэль.

--- Ложная тревога, капитан. Я вошёл первым и, увидев нечто, принял это за цель и открыл огонь. Но я ошибся.

--- Назначь себе десять дней поста и молитвы, чтобы впредь тебе ничего не казалось. И стрелять надо метко.

--- Есть, капитан.

--- Так во что же ты стрелял, сержант?

Венакус помолчал, подбирая слова:

--- Я не уверен, но это было что-то вроде металлического скелета. Не знаю, что это такое.

Сержант отошёл в сторону, пропуская Уриэля и Назаниуса в комнату. Единственный светильник робко тизнул и

залил своими слабыми лучами это
маленькое помещение, отдалённо
стахивавшее на мастерскую какого-то
безумного механика. Выкрашенные в
чёрный цвет колченогие скамейки были
завалены всевозможными инструментами,
о назначении которых можно было только
догадываться. В одном из углов комнаты
лежали разбитые останки того, во что
стрелял сержант Венаус. Как он и сказал,
это нечто напоминало металлический
скелет, его некогда блестящая
поверхность была покрыта пятнами
зелёной патины, а конечности вывернуты
под неестественными углами.

Другой скелет из такого же металла
лежал, прислонённый к скамейке, пучки
проводов тянулись из рёбер на его груди к
рядам жёлтых батарей с красными
трафаретными надписями. Панели на,
если так можно выразиться, теле и голове
скелета были подняты, и Уриэль заглянул
во мрак его нелепой анатомии. То, что
было головой этого металлического
чучела, напоминало череп — в нём
мертво зияли глазные впадины, а рот

перекосила беззубая ухмылка, но даже в самой конструкции этого монстра было что-то жутко чуждое, словно его создатель соорудил это только ради того, чтобы поглотиться над совершенством человеческого тела.

Металлическое тело вызвало у Уриэля отвращение, хотя он и не смог бы объяснить почему. Возможно, дело было в отталкивающей враждебности, которая исходила от его лишённых какого бы то ни было человеческого выражения черт. Может быть, в сходстве металла, из которого был сделан монстр, с металлом, обнаруженными Ультратаринатами на Каэрнүсе IV.

— Во имя всего святого, что же это такое? — спросил Назаниус, стоя за спиной Уриэля.

Капитан покачал головой:

— Не имею ни малейшего понятия, друг мой. Может, это была команда того корабля, о котором говорил Барзано.

Назаниус жестом указал на скелет на скамейке:

— Думаешь, он мёртв?

Подойдя к металлическому монстру, Уриэль рывком выдернул провода из груди и черепа скелета. — Теперь — да, — с уверенностью сказал он.

Когда Уриэль приближался к последней двери, индикаторы в визоре шлема показывали постепенное падение температуры, и, когда Ультратарин вплотную приблизился к ржавому дверному проёму, его охватило дурное предчувствие.

Дверь не была заперта, узкая полоска мерцающего света окаймляла раму. Из-за двери вырывались в коридор тонкие-тонкие струйки конденсирующегося воздуха.

Уриэль Вентрис оглянулся. Назаниус, Венаус и шестеро Ультратаринов стояли в готовности взять комнату приступом по первой его команде. Остальные Ультратарины перерывали дот сверху донизу в поисках хоть чего-нибудь, что могло бы указать на место нынешнего пребывания Казимира де Валмоса.

Кивнув Назаниусу, Уриэль нанёс мощный удар ботинком по двери. Она с грохотом упала внутрь, Назаниус ворвался в комнату, а следом за ним Венаус.

Уриэль влетел третьим, прикрывая опасную для первых двох зону, а за ним — и остальные Десантники.

Вентрис первым услышал позвякивание цепей и тихие стоны, доносящиеся из центра комнаты. Усовершенствованную систему восприятия Космодесантника раздражал постоянно мигающий свет, и Уриэль активировал освещение, вмонтированное в доспехи. Остальные Ультратарины последовали его примеру, и их взору представо кошмарное зрелище.

В центре комнаты, представляющей в плане восьмиугольник, на залитом спёкшейся кровью столе лежал большой человеческий скелет, а то, что прежде покрывало его, висело над ним.

Куски срезанной плоти свисали с потолка на десятках мясницких крюков, каждый из которых был тщательно вывешен так, что плоть, висящая на них, повторяла очертания тела, которым некогда являлась. Слобно замороженные в стазис-поле через миллисекунду после того, как его тело испытало какой-то

внутренний взрыв, плоть и органы Тарина Хонана парили над его скелетом, связанные друг с другом влажными сухожилиями и пульсирующими кровеносными сосудами.

— О душа Императора! — прошептал Уриэль, объятый беспредельным ужасом.

Голова Хонана являла собой расчленённую на мелкие кусочки плоть. Уриэль видел, как трясутся обвислые щеки Хонана, как подрагивает его заплывший жиром мозг, над которым поднимается лёгкий пар. Всё это было расчленено на мельчайшие части, но части все ещё живого человеческого тела!...

Капитан Вентрис видел, как глазные яблоки Хонана вращаются в стальных зажимах, словно в глазницах, и видят последние мучительные мгновения своей жизни. Вентрис в ужасе отвернулся от этого зрелища и мысленно препроводил измученную душу Тарина Хонана к Императору.

Два куса жирной плоти, некогда бывшие губами Хонана, беззвучно

двигались вверх и вниз, словно марионетки
в жутком анатомическом театре,
подвластные мановениям пальцев
невидимого кукловода. Медленно
вращающийся кусок мяса, в котором
находились лишённые век глаза, задрожал,
и поражённый Уриэль увидел, как они
установились на него, и с губ Тарина Хонана
снова слетел тихий стон.

По мертвенно-бледным щекам Хонана
катились кровавые слёзы, а его гортань ---
невероятно! --- сотряс слабый
страдальческий стон, отозвавшийся болью
в сердцах Ультрамаринов. Уриэлю
хотелось помочь несчастному, но он
понимал, что спасти его он не в силах, это
не сможет сделать ни один врач. В глазах
Хонана застыла жуткая, отчаянная
мольба, а его губы продолжали кривиться в
героической попытке заговорить.

Уриэль приблизился к разобранному,
словно детский конструктор, человеку,
силаясь скрыть свой ужас перед этим
изумством.

--- Что ты пытаешься сказать? ---
спрошен был он, не уверенный в том, что

эта мозаика из кусков плоти может слышать, не говоря уж о том, чтобы понимать его.

Звук, издаваемый Хонаном, сложились в два слова, и Уриэль понял, чего хочет от него этот человек.

— Убей меня...

Кивнув, Уриэль поднял болтер, навел его на голову Тарина Хонана. Губы Хонана ещё шевелились в попытке составить какие-то слова, но вскоре их движения прекратились и Тарин Хонан закрыл глаза. На этот раз навсегда.

Прошептав молитву по ученику, капитан Вентрис нажал на спусковой крючок. Болтерный огонь подарил наконец забвение изувеченному главе картеля.

Душившая Уриэля ярость выплеснулась наружу. Он стрелял из своего болтера, не переставая, очередями, и этот яростный огонь согревал его душу, которая соприкоснулась с воистинно леденящим ужасом. Остальные Ультратарины последовали его примеру, опустошая свои магазины в урагане огня, искрометавшего восьмиугольную комнату.

испещившего стены огромными дырами,
снёсшего стойки с орудиями пытки и
полностью уничтожившего все следы
преступления против человечности. У
несчастной, глупой жертвы безумных
планов Казитира ге Валмоса.
Ультратарины верили --- последней
жертвы.

Когда дым палубы рассеялся, когда
Уриэль почувствовал, что вновь способен
дышать нормально, только тогда он
опустил оружие. Беззвучное прощание
Хонана эхом отдавалось в его душе:
«Благодарю тебя».

Что с того, что на этот раз ублюдок
улизнул?

Не важно. Рано или поздно они
настигнут его.

--- Сообщите инквизитору Барзано о
том, что здесь произошло, и скажите, что
мы возвращаемся во дворец, --- отдал
приказ капитан Вентрис. Резко
развернувшись на каблуках, он вышел из
растерзанной сотнями выстрелов
комнаты.

Казитир ге Валмос откинулся на

кожаном сиденье своего наземного авто. Машина отличалась необычным для Павониса дизайном, но, поскольку наступило время перемен, именно такой дизайн сейчас был более всего уместен.

Де Валтос вновь вспомнил беспомощное лицо Соланы Берген, когда он показывал ей содержимое своего чёрного кожаного чемоданчика. Он наслаждался каждым воплем и каждым жалобным всхлипыванием этой девушки, он тлел от восторга, когда она умоляла сохранить ей жизнь, не осознавая, что подписала себе смертный приговор ещё тогда, когда приняла его приглашение на обед. Де Валтос сожалел лишь, что у него не было возможности до конца пронаблюдать, как Хирург работает над жирным Хонаном.

Да, Солана Берген была сатим совершенством. Её смерть на некоторое время удержит демонов, которые не давали Казутирү думать ни о чём, кроме крови и смерти. Но он не мог не понимать, что совсем скоро эти демоны вернутся вновь и ему опять придётся утешать их

жажду чьей-то кровью.

Выйдя из состояния задумчивости, Казимир поднял взгляд на остальных пассажиров авто, испытывая непривычное для себя желание поделиться хорошим настроением.

Напротив него сидел, сложив руки на коленях, Хирүрг. Он скользил взглядом по телу де Валмоса, словно раздумывая над тем, каким способом того правильнее препарировать. Де Валмос про себя устехнулся, перехватив этот взгляд. Он слишком хорошо помнил, насколько болезненной оказалась последняя процедура очищения его испорченных внутренних органов и обновления отравленной кровеносной системы.

В эту игру могли играть только двое: он и Хирүрг. Но сейчас Казимир де Валмос думал о другом. Он вспоминал вопли сотни с лишним жертв, на которых он практиковался в своём мастерстве. Вскоре они с Хирүртом поменяются ролями, когда он овладеет Несущим Ночь. Спящий Хозяин одарит своего слугу бесстертием, которого Казимир так

жаждет, и эти выскочки чужаки поймут, у кого истинная власть.

Женщина, помощница Хирурга, сидела рядом с ним, вытянув свои глиняные ноги цвета слоновой кости. Её глаза, возбуждающие и отталкивающие одновременно, мгновенно, изгибо сверкали. Она послала де Валтосу воздушный поцелуй, и он вздрогнул, словно та угрожала прикоснуться к нему своей отвратительной, но тем не менее чувственной плотью.

Несмотря на все её хвастливые обещания, порождённые варпом твари не справились со своей миссией, но де Валтос всё равно не чувствовал разочарования. В конце концов у него появилась возможность увидеть лицо Шонаи. Интересно посмотреть, что с ней случается, когда она поймёт, что именно он, Казимир де Валтос, стоял за всеми её провалами.

Тут вдруг де Валтос почувствовал, что хорошее настроение испаряется. Неужели виной тому негромкие ритмичные звуки, которые издавал ещё один пассажир автомобиля — Вендаре

Талун. Он, демонстративно не глядя на остальных, постукивал безымянным пальцем по затенённому оконному стеклу. Де Валтосу хотелось было пожалеть Венгаре, но это чувство навсегда утерло, в нём в тот миг, когда лезвия голтункулуса содрали кожу с его тыщиц.

Если он и ощущал что-нибудь по отношению к этому человеку, то только презрение. К союзу с де Валтосом Талуна привели его мелочность и ограниченность. Как же ещё, по его мнению, можно было вырвать контроль над этим миром из рук Шонау? Словами и демократическими путём? При этой мысли де Валтосу захотелось громко рассмеяться, но он сдержал это желание. Не ко времени. Пока не ко времени.

Вместо этого де Валтос заставил себя взять под контроль рвущиеся на свободу чувства, понимая, что теперь, когда развязка уже близка, ему не следует утрачивать власть над собой. Контроль — это все.

Когда автомобиль завернул за угол.

Де Валтос үбигел впереди Врата
Брэндона. Подняв руку, он растопырил
пальцы веером и посмотрел сквозь них на
город. Весь он помещался у него между
указательным и большим пальцами.
Расстояние между этими пальцами было
ничтожным, а срок жизни губернатора
Шона и того меньше. Де Валтос бросил
беглый взгляд на хронометр, а Хирүрг
извлёк из-под своей мантии какое-то
длинное изогнутое устройство и принялся
пристально рассматривать его. Де
Валтоса вновь поразили изящество и
ловкость движений пальцев Хирүрга.

Чужак с досадой поджал губы. Убрав
устройство на место, он сказал:

— Скульптура из плоти угасла. В
визисектории — враги.

Де Валтос удивился, но постарался
скрыть от Хирүрга своё удивление. Если
кому-то удалось обнаружить Хонана, то
этот человек должен понять масштабы
его планов. Он должен был понять все...

...Не важно. Цепь событий завела
планету уже слишком далеко, всё идёт
само собой, и другого пути нет ни у него,

ни у Шонаи, ни у Навониса, ни у всей галактики. Все предопределено, и помешать де Валтосу теперь не сможет никто. Вот и авто почти добралось до стартовой площадки, где он вступит на борт челнока, который доставит Казимира де Валтоса к его судьбе во дворце.

Вспомнив о Бошамне Аброгасе, запертом в камере на базе Агентс Арбитрес, он снова чуть не растаял.

Обратившись к ненавистной женщине, он спросил:

— Ты дала этому парню, Аброгасу, ингалятор?

Женщина кивнула, не удостоив его более развёрнутым ответом.

Так странно, что такой кретин, как Бошамн, провозгласит начало новой эры Навониса.

Но все это в будущем. Сейчас его внимания требовали другие дела.

— Итак, это началось? — спросила Никола Шонаи.

— Я в этом уверен почти на сто

процентов. Де Валтос не покинул бы свой дом, если б события, которые он столько долго и тщательно планировал, не вступили в завершающую стадию, --- ответил инквизитор Барзано, отключив приёмник и вытаскивая пистолет и меч.

Возможно, он реагирует на сообщение Уриэля слишком остро, но после нападения тварей из Варна он предпочитал больше не рисковать.

У инквизитора было скверное настроение -- он только что узнал, что Амел Вегген, предатель, которого пленил сержант Леаркус после мятежа на площади Освобождения, покончил с собой.

Несмотря на то что его держали связанным и под наркозом, он каким-то образом умудрился вытащить один из катетеров, по которым в его кровь поступали обезболивающие, и ввести в вену пузырьёк воздуха, что привело к закупорке кровеносных сосудов и сердечному приступу. Это был болезненный способ умереть, и, хотя Вегген избежал правосудия в этом мире, Барзано знал, что сейчас все демоны ада терзают его

чёрную дышу.

Десятки вооружённых стражей окружили губернаторское крыло дворца, и сержант Леаркус привёл Ультрамаринов во внутренние покои. Для охраны Микола Шона и Арио Барзано было сделано всё возможное.

— Итак, что же нам теперь делать, инквизитор? — спросил Лиланг Кортео, пытаясь скрыть охватившее его беспокойство.

Повернувшись к нетолдому уже советнику, Барзано успокаивающе положил руку ему на плечо:

— Прежде всего необходимо привести в состояние повышенной готовности все преданные нам вооружённые силы. Предупредите по связи Агентус Арбитрес и переведите в состояние полной боевой готовности всю охрану дворца. Затем объясните командующему обороной дворца, что он должен распределить силы таким образом, чтобы каждый из танков, ожидающих за городскими стенами, постоянно находился на прицеле. Надеюсь, что уличных боёв в городе удастся

избежать, но, если же Балмос что-то предпримет, я хочу, чтобы мы все были к этому готовы. Понимаете?

--- Разумеется. Я лично прослежу за этим. Я знаю командующего, Данила Воренса, и уверен, что он сможет обеспечить выполнение всех ваших приказов.

Кортео поспешно вышел из комнаты, оставив Барзано, Дженну Шарбен, Алмерза Чангу и Миколу Шонау наблюдать через бронированные стекла губернаторского кабинета за готовящимся к решающей схватке городом.

В воздух поднимались клубы выхлопных газов десятков танков, и Барзано понимал, что рано или поздно их пушки ударят по городским стенам.

--- Арбитр Шарбен!

--- Да? --- встрепетнулась она, поворачиваясь к инквизитору.

--- Я хочу, чтобы вы сопроводили губернатора к её личному челноку. Затем вам надлежит отправиться с ней на крейсер «Горе побеждённому».

Лицо Миколы Шонау окатенело, и

она сложила руки на груди.

--- Инквизитор Барзано, это переломный момент в истории моей планеты, и вы хотите, чтобы я сбежала? Мой долг сейчас --- быть здесь и провести этой народ через все испытания, какими бы трудными они ни оказались.

--- Я понимаю, Никола, и в обычных обстоятельствах я бы согласился с вами, но наши враги показали, что могут дотянуться до самого защищённого убежища и нанести по вам удар. Я отправляю вас на крейсер ради вашей безопасности, пока не буду уверен, что дворец надёжен. Если то, что мы сейчас наблюдаем за окнами, --- начало полномасштабного мятежа, то логика говорит о том, что на вашу жизнь будут и другие покушения.

--- Но ведь мы здесь хорошо защищены? Сержант Леаркус заверил меня, что я в полной безопасности.

--- Я не сомневаюсь в возможностях сержанта, но со мной не нужно спорить. Вы направляетесь на крейсер «Горепобеждённый», и все.

--- Нет, --- заявила Никола Шонау. ---
Я не оставляю Павонис, убегая от
опасности, словно испуганное дитя. Я не
подведу больше свой народ. Я не побегу, я
останусь, и если это подвергает мою
жизнь опасности, значит, так тому и
быть.

Глубоко вздохнув, Барзано принялся
сгвутья руками тереть свои виски. Лицо
Шонау светилось такой решимостью, что
инквизитор понял: если он твёрдо намерен
отправить её на челнок, то придётся
приказать Леаркусу сгрести её в охапку и
тащить туда силой.

--- Хорошо, --- сдался он, --- но дайте
мне слово, что, если положение будет
ухудшаться и оставаться здесь будет
слишком опасно, вы позволите нам
переправить вас на крейсер.

На мгновение он подумал, что
губернатор откажется, но в конце концов
она кивнула:

--- Хорошо, если положение здесь
станет слишком опасным, я соглашусь на
ваше требование.

--- Благодарю вас, это все, о чём я

прошу, — сказал Барзано.

Когда открылась дверь камеры и угрюмый надзиратель сообщил, что семья Аброгаса решила таки уплатить за него штраф, это оказалось лучшей новостью, которую мог припомнить Бошамп за последнее время.

Его голова просто раскалывалась от боли. Он щурился, когда его вели по бесконечному, залитому светом коридору, мимо железных дверей камер, натыканных по всей его стене.

Он уже ощущал своё превосходство над теми несчастными, кто всё ещё оставался запертым в камерах. Быстрая уплата штрафа из разбухших фатильных сундуков — о таком они не могли и мечтать.

Сейчас он соображал несколько лучше, чем за многие предыдущие месяцы, а потому поклялся себе не налезать больше на опятикс и, быть может, даже отказать от него вообще.

Аброгаса провели по нескольким ничем не отличающимся друг от друга

коридорам, зарегистрировали в нескольких кабинетах и заставили подписать какие-то бумаги — он их и читать даже не стал. И вот наконец ему было разрешено покинуть этаж, на котором содержались заключённые.

Настроение Аброгаса ещё больше улучшилось, когда он вошёл в лифт со свёртком своей одежды в руках. Одежда, правда, оказалась настолько грязной, что он сомневался, смогут ли его верные слуги вывести с неё пятна.

Когда двери лифта открылись, Аброгас от предвкушения свободы облизал губы. Его опять повели по безликим коридорам — свобода была уже совсем рядом. Но в итоге он очутился в просторной комнате с обшарпанным столом и привинченными к полу стульями. Арбитр толкнул его на один из стульев и сказал только одно слово: — Жди.

Бошати Аброгас кивнул и скрестил на груди руки, водрузив ноги на стол. Прежняя надменность и развязные манеры понемногу начали возвращаться к нему. Прошли долгие минуты, и Аброгас

забеспокоился. Он расхаживал по крошечной комнатке взад и вперед, его нетерпение нарастало. Устав ходить, он снова уселся на стул и в этот момент услышал звук открывающегося замка.

Вошёл новый арбитр, а вслед за ним — человек крупного телосложения в глиняной мантии, с короткой, тщательно ухоженной бородкой. Вновь прибывший неסתаллический ящик, на лацкане у него был значок картеля Аброгас, но Бошамп его не узнал.

Арбитр вышел, а человек сел напротив Бошампа и, поставив ящик на стол, придвинул его к Аброгасу:

— Я Тирьен Хирас, мой лорд. Я пришёл, чтобы отвезти вас домой.

— Что ж, давно уже пора! — раздражённо выманил Бошамп. Будь он проклят, если проявит благодарность по отношению к слуге! Указав на ящик, он спросил: — А это что?

— Я взял на себя смелость расписаться за ваши личные вещи, мой лорд, — ответил Хирас, открывая ящик. Внутри лежала толстая пачка денег.

благородности, колода карт и...

Глаза Бошамна округлились при виде простого чёрного ингалятора глядициста, который перед самым арестом в Флеш-баре опустила в его карман. Женщина с волосами цвета воронового крыла. Аброгас хитро улыбнулся, но взял ингалятор только после того, как разложил по карманам остальные вещи. Бошамн решил в конце концов быть великодушным и кивнул Хирасу:

— Благодарю, гилдер Хирас. Сегодня вы оказали своему руководителю большую услугу.

— Это мой долг, мой лорд, — произнёс Хирас, поднимая пустой ящик и вставая со своего стула. Обойдя Аброгаса, он постучал в дверь. — Я верну это офицерам, и затем мы отправимся, мой лорд.

— Только поскорей, мне не терпится показаться дома.

Дверь открылась, и Тирьен Хирас поспешно вышел.

Вновь оставшись в одиночестве, Бошамн ощутил в своей потной ладони приятную тяжесть ингалятора и провёл

рукой по квадратному подбородку, чувствуя, как внутри его растёт желание поскорее...

...Нет, нельзя. Не здесь. Не в здании Агентус Арбитрес. Должно быть, здесь есть скрытые видеозаписывающие устройства.

Но было слишком поздно, мысль об опиаатиксе уже полностью овладела им.

Отлично! Это будет его крошечной мстостью Агентус Арбитрес, нарушение их закона на их же территории. Эта мысль показалась Бошампу слишком забавной, чтобы ей противиться, и он гаденько хихикнул, ощущая непреодолимое желание поглотить весь опиаатикс, содержащийся в ингаляторе, одним гигантским вдохом.

Но это было бы слишком глупо, его опята швырнут в катеру. Особенно если он такой же сильный, как первая порция, после которой он и был арестован.

Нет, всего лишь маленькая задержка.

Ну, может, чуть-чуть больше.

Не больше половины.

Бошамп поднял руку ко рту, словно собираясь зевнуть, и сунул наконецник

ингалятора в рот. Он ощутил
пластиковый вкус тунгштунка,
почувствовал знакомое предчувствие
первой волны наслаждения перед тем, как
нажать кнопку дозатора и сделать вдох.

Горячие зерна опиатикса хлынули в
его горло и лёгкие.

Бошамп сразу же понял: что-то не
так.

О Император, что за дьявольщина?

Но Бошампу Аброгасу было уже
слишком поздно думать и о дьяволе, и об
Императоре.

Огненный жар охватил его тело,
словно не кровь, а расплавленный свинец
вдруг побежал по его венам, и нестерпимая
острая боль пронзила его спинной мозг.
Ноги Аброгаса судорожно тряслись, а руки,
ломая ногти, скребли по столу, оставляя
на его гладкой поверхности глубокие
кровавые борозды. Визжа от боли, Аброгас
сполз со стула и повалился на бетонный
пол.

Каждая клеточка его тела горела,
словно в огне ада.

Чуждые хитикалии, извлечённые из

компонентов, столь смертоносных, что многими они вообще считались вымышленными, стремились теперь убедиться, что дала ему помощница Хирурга во Флеш-баре.

Мозг бедняги, казалось, вскипает в черепе. Бошатт Аброгас вцепился себе в волосы, вырывая их из головы клочьями. Он катался по полу, визжа, как банши, каждую секунду его тело пронзали десятки толней обжигающей боли. Его кости будто тонули в расплавленной лаве, в которую превратилась его плоть. Тут Аброгас каким-то образом умудрился подняться на ноги и всем телом навалился на дверь.

Он был не в состоянии произнести ни слова и лишь с безумностью обречённого колотился телом о запертую дверь, разбивая в кровь локти и колени. Он буквально обезумел от чудовищной боли, разрушающей его нервную систему.

Дверь распахнулась, Бошатт на бегу врезался в вошедшего было арбитра, сбил его с ног и без оглядки бросился бежать.

Его бег по тюремным коридорам сопровождался криками, но Бошатт сам

себя не слышал, он неёсся наугад, не зная, куда направляется, но не в силах остановиться.

Вскоре он рүхнул на колени, огонь сжигал его тело изнутри.

В его сознание пробились голоса. Эти голоса что-то кричали Аброгасу, но он не мог разобрать что.

Когда химическая реакция, вспенивающая его кровь, поглотила достаточно энергии из его тела, когда концентрация чуждых веществ в его организме достигла критической массы, агония перешла в последнюю стадию.

Чистая энергия.

И Бошати Аброгас взорвался с силой дюжины фугасных зарядов.

Ударная волна от взрыва обвалила фасад главного здания базы Агентств Арбитрес, рухнувший в огромном облаке пыли и дыма, и выбила окна во всех домах в радиусе километра.

Взревели работавшие до этого вхолостую двигатели, и танки двинулись к городу. Две боевые машины из Казарм Харона открыли огонь по бронзовым воротам, и тяжёлые снаряды снесли их, а заодно и изрядный кусок стены. Когда рассеялся дым, стала видна двадцатиметровая брешь, и танки, разломив гусеницами остатки каменной кладки, вошли в город.

Две дюжины тяжёлых машин прогрохотали по булыжным мостовым к губернаторскому дворцу, а остальные рассредоточились — они двигались к периферийным посадочным площадкам. Занятии бронетранспортёры заняли позиции на стратегически важных перекрёстках дорог, ведущих к центру города, — и вот

уже, высидевшись из бэтэров, тяжёлая
техника НСВ взяла под контроль ключевые
предприятия и военные склады...

Не беспрестанно, разумеется,
между войсками НСВ и группами рабочих,
преданных картелю Шонау, то и дело
вспыхивали ожесточённые схватки. Да
что там схватки: от попадания снарядов в
контейнеры с химикатами -- ведь всё
происходило в пром-зоне -- вспыхивали
пожары, и сражение все больше напоминало
огненную.

А ведущие танки хаотично сновали
по площади Освобождения, уворачиваясь от
крупнокалиберных снарядов пушек,
сыпавших из дворовых башен. На площади
уже зияли воронки и догорали корпуса, а
только-только подорвавшиеся машины на
глазах превращались в гейзеры пламени.

Однако целей у оружейных дворовых
сервиторов становилось слишком много: в
город пробиралось все больше
бронетехники, -- и вот танки уже
протаранили оборонительный заслон, они
уже у стен дворца, уже у дымящейся базы
Agentur Арбитрес.

Но каким-то причинам энергетический щит дворца не был активирован, и снаряды стали падать за стены цитадели.

Первыми целями стали оборонительные башни, каждый танк обменивался выстрелами с дворцовыми артиллеристами. Но вскоре все они были взяты в огневые вилки, и башни рухнули со стен в ярких языках пламени.

Затем шквал снарядов посыпался на дворец: контрфорсы и аркады, изукрашенные фресками галереи, простоявшие тысячелетия, в мгновение ока превращались в обломки. Чёрные грибы взрывов то и дело вырастали внутри пылающего дворца, опрокидывая позолоченные своды и выбивая бесценные витражи необыкновенной красоты.

От мощных взрывов покосилась большая колокольня и с царственной величавостью осела на дворцовые углы. Колокол, который привезли на Павонис ещё первые колонисты, издав последний стон, превратился в груду медных осколков на булыжной эспланаде.

Другие танки встретили ожесточённое сопротивление у базы Agentus Арбитрес: силовые поля стен принимали на себя основную тяжесть обстрела, потрескивая и вспыхивая разрядами энергии. Несколько танков направили орудия выше стен, но их снаряды разрывались значительно дальше, чем нужно, чтобы пробить оборону базы. Но как бы то ни было, все понимали, что рано или поздно энергетические поля, защищающие базу, не выдержат и стены превратятся в пыль.

И дворец, и база Agentus Арбитрес были обречены.

Арио Барзано, с трудом выбравшись из-под груды досок и штукатурки, вытер кровь с пораненной щеки. Стены дворцовых комнат под градом снарядов рушились одна за другой, шальным осколком запросто могло задеть и его, и губернатора. Понимая это, инквизитор пополз к Микеле Шонау.

Женщина, лежащая под обломками, не подавала признаков жизни. Барзано с

тревогой прижал пальцы к шее
губернатора и, нащупав пульс, оттащил
Шонаи от стены, низко пригибаясь и
держась подальше от разбитого окна. Так,
теперь нужно осмотреть её тело на
предмет ранений. Ничего серьёзного —
Барзано обнаружил лишь синяки и порезы
от разлетавшихся во все стороны осколков.

Убедившись, что с Миколой Шонаи
все более-менее в порядке, инквизитор
пополз по полу кабинета к другим его
обитателям. Дженна Шарбен, кажется,
тоже не слишком сильно пострадала: она,
хоть и прижимала к груди левую руку,
коротко кивнула Барзано и взглядом
указала на распростёртого ничком под
большим изогнутым куском деревянной
панели Алмерза Чангу. Помощник
губернатора застонал, когда инквизитор
сбросил с него тяжёлый кусок штукатурки.

— Что случилось? — невнятно
произнёс советник.

— Кажется, танки на площади
Освобождения пытаются отстранить
губернатора от должности совсем уже
радикальными средствами, — ответил

Барзано, помогая сесть и прислониться к стене покрытому синяками мужчине. ---
Вы ранены?

--- Не думаю, что серьезно, --- всего несколько порезов.

--- Хорошо. Не двигайтесь, --- предупредил Барзано, бросая озабоченные взгляды на широкие трещины в потолке, и тут комнату опять сотрясли грохочущие разрывы. Инквизитор подполз к остаткам стены, туда, где некогда было окно, и, стараясь остаться незамеченным извне, приподнял голову над изломанной каменной кладкой.

На площади он увидел десятки танков «Леман Русс»; некоторые из них, правда, уже превратились в полыхающие развалины, но большая часть неотвратимо приближалась к дворцу, задрав пушки, чтобы открыть огонь по верхним этажам. За танками шли десятки бронемашин «Хилера». Все они двигались в сторону дворца и базы Агентус Арбитрес.

Комнату в очередной раз тряхануло, и из трещин, которыми тут же покрылся потолок, посыпалась штукатурка, а

деревянные балки затрещали, готовые в любую минуту обрушиться. Нижние этажи дворца уже обьяло пламя, а от сводчатого входа осталась лишь груда почерневших от пожара камней.

Барзано отполз назад, к Миколе Шонаи. Губернатор понемногу начинала приходить в себя, и он вытер кровь и пыль с её лица. Женщина закашлялась, открыла глаза, и Барзано с удовлетворением отметил, что в её взгляде нет страха. Шонаи выпрямилась и окинула взглядом руины, недавно бывшие её кабинетом.

--- Ублюдки! --- заключила она, пытаясь подняться. Барзано удержал её, ибо очередной шквал снарядов сотряс стены словно ударом огромного молота.

Бросив взгляд в сторону Дженны Шарбен, стоявшей на коленях подле Алмерза Чанды, он резюмировал:

--- Мы должны выбираться отсюда, Микола. Сомнений в том, что ситуация ухудшается, думаю, не осталось ни у кого.

Ещё раз осмотревшись, Шонаи слабо улыбнулась и покачала головой:

--- Полагаю, нет. --- Она поторщилась,

прижав руку к виску. — Полню только коштарный взрыв, а потом — я уже лежу на полу.

Не обращая внимания на протянутую руку Барзано, Шонау пусть неуверенно, но без посторонней помощи поднялась на ноги и отряхнула свой представительский костюм от пыли. И тут дверь вылетела из косяков: потятый гигант сержант Леаркус, а за ним ещё два воина, которыми Уриэль приказал оставаться при инквизиторе, ворвались в кабинет.

— С вами все в порядке? — спросил Леаркус.

— Жить будем, сержант, — заверила его Никола Шонау, проходя в ещё целые внешние комнаты, — но теперь нужно действовать быстро. Враг у ворот.

Леаркус подхватил оступившегося Чанду, а Дженна Шарбен и Арио Барзано последовали за губернатором. Шонау тут же окружила дюжина дворцовых стражей и солдат, готовых защитить её своими телами. Внезапно губернатор остановилась. Склонив набок голову, она повернулась к стражам:

--- А почему не действует
энергетический щит?

Барзано призадумался.

--- Это чрезвычайно интересный
вопрос, --- произнёс наконец он.

По воксу Барзано связался со своим
кабинетом и Лортүэном Перджедом:

--- Лортүэн, друг мой, как вы там,
держитесь?

После продолжительного молчания
Перджед наконец ответил:

--- Да, с нами порядок, Арио. А как ты?

--- Мы живы, и это уже кое-что, но
убираемся отсюда и направляемся на
крейсер. Собирай всех --- и выдвигайтесь к
посадочной площадке на крыше восточного
крыла. Встретимся там. --- Инквизитор
отключил связь и повернулся к Леаркүсү. ---
Сержант, нужно, чтобы вы и ваши люди
отправились в командный пункт воздушной
обороны и выяснили, почему не действует
энергетический щит. Сделайте всё, что
возможно и невозможно, но он должен
заработать.

Леаркүс собрался было что-то
возразить, но Барзано не дал ему ничего

сказать, махнув в сторону двorcовых солдат:

--- Не беспокойтесь за мою безопасность, сержант. Нас тут есть кому защитить, я в этом уверен.

Сержанта совершенно не убедили слова инквизитора, но он подчинился его приказу и передал качающегося Чангу двум солдатам в серой униформе.

--- Я покажу вам, как пройти, --- предложил молодой солдат.

Леаркус пробурчал слова благодарности, и четвёрка направилась к контрольному пункту.

Некогда грозный и внушительный фасад главного здания базы Агентств Арбитрес теперь выглядел угрожающе: вся западная часть его осела, обнажив пласкритовые плиты и искривлённую арматуру. Огромные, шириной в метр, трещины тянулись от земли до крыши, в каркасе здания зияли гигантские дыры. Да, ущерб был велик.

Окровавленные арбитры откапывали товарищей и вытаскивали раненых из-под

обломков.

Вирджил Ортега протискивался через толпу контуженных арбитров, стараясь остыслить события последних минут: как могла произойти такая катастрофа? Как могло случиться, что главное здание базы арбитров лежало в руинах? Это не снаряд, посланный извне, — совершенно ясно, что взрыв произошёл внутри самой базы. Тайком пронести на базу бомбу было невозможно, но как ещё это могло случиться?...

«Ладно, — решил Ортега, — подумаю об этом потом. У о возмездии думать будет тоже потом. Если, конечно, оно будет это "потом"...» Так размышлял Вирджил Ортега, прислушиваясь к оглушительному грому артиллерийской канонады, — танки и изменников пытались пробить себе дорогу. Что значит «если»? Конечно будет! У Ортега поспешно отчитал себя за эту еретическую мысль. Ведь он — воин Императора, и пока в его теле есть жизнь, ни о капитуляции, ни о панике не может быть речи.

Он подбегал к каждому, кто ещё мог

держат в руках оружие, и отдавали указания. Пока это первый удар вооружённого мятежа, а когда стены падут, арбитрам придётся на много тяжелее. Конечно, лучше всего было бы организовать оборону в главном здании базы, но, увы, на это больше не приходилось рассчитывать. Пушечные батареи на зубчатых стенах значительно добавляли эффективности в обороне, но и они были повреждены во время взрыва и последующего обрушения.

Дыхание Ортеги было прерывистым и болезненным, в голове ужасно стучало. Он только что вышел из лазарета, и воспалённые рёбра сильно болели, но будь он проклят, если станет отсиживаться во время этой схватки!

Наконец арбитр удостоверился, что все возможные меры предосторожности приняты и гарнизон полностью готов к обороне. Только после этого Вирджил Ортега, удовлетворённый собой, вернулся к воротам базы, где оставил Колликса с рацией. Вирджил был приятно удивлён тем, как юноша возмужал за последние

несколько дней. Он искренне радовался, что
молодой сержант уцелел.

--- Повезло? --- спросил Ортега.

--- Пока нет, сэр. Все остальные
участки вне связи. Нас глушат.

--- Проклятие! --- Положение оказалось
гораздо хуже, чем он думал. --- Попробуй
связь НСС, --- предложил он.

--- Я уже пытался. Она глушится
непрерывно.

--- Что ж, продолжай попытки и
сообщи мне, когда что-нибудь получится.

Кивнув, Колликс вернулся к
аппаратуре связи.

Ортега окинул взглядом заваленную
обломками площадку перед собой.
Оборонительный периметр главного
здания базы простирался на триста
метров вперёд: это были наклонные стены,
танковые ловушки и скрытые траншеи,
что обеспечивало многоуровневую защиту,
и сейчас там поспешно размещались его
наспех сформированные стрелковые
группы. Однако то, что должно было бы
быть свободной зоной обстрела, сейчас
оказалось завалено огромными каменными

и стальными плитами. Когда враг прорвёт стены, у него появится масса возможностей для укрытия.

Ортега бросил взгляд на деформированные роликовые двери, защищавшие гараж базы. Изнутри до него доносился рокот работающих вхолостую двигателей трёх танков «Леман Русс», которыми располагали арбитры. «Ладно, — подумал он, — нам есть ещё чем порадовать противников».

И тут опять раздался мощный взрыв, сверкнула ослепительная вспышка, а следом за ней — новый резкий звук, похожий на оглушительный щелчок хлыста. Это сдали защитные силовые поля стены. Огневая мощь врага всё-таки сокрушила машинных духов. Через несколько секунд целая секция стены рухнула внутрь двора.

Вот оно: начиналась атака, и Бирджил ещё раз подумал о том, что, располагая ограниченным временем и ресурсами, он сделал всё, что мог.

А теперь он увидит, достаточно ли этого.

Даниил Воренс опустил дытящийся

лазерный пистолет и вновь равнодушно
установился в обзорный экран. В
контрольном пункте обороны воцарилась
мёртвая тишина — все техники были
ошеломлены происшедшим.

Лютрисия Вигжеон, в ужасе разинув
рот, смотрела на лежащий в центре
комнаты труп с рваной дырой на месте
лица. Этот старик влетел, осыпая их
проклятиями за то, что они позволили
предателям разнести дворцовые стены. У
требовал поднять энергетический щит.

Она сама удивлялась, что Воренс до
сих пор не поднял щит, и собиралась уже
озвучить своё беспокойство, когда
объявился этот неизвестный старик.
Видимо, у него был допуск очень высокого
уровня, раз он сумел беспрепятственно
пройти в центр управления.

И тут-то Воренс преспокойно
вытащил свой пистолет и выстрелил ему
в лицо.

— Кто-нибудь ещё желает, чтобы я
поднял щит? — тихо спросил он.

Все промолчали, и Лютрисию
охватило жгучее чувство стыда. Это было

убийство и предательство. Находясь в безопасности в этом укрепленном сооружении, они слышали лишь слабые отголоски артобстрела, уничтожающего остальную часть дворца. Она пробудила короткую молитву Императору, прося его о прощении.

Несмотря на присутствие дюжих дворцовых солдат, Арио Барзано не чувствовал себя в безопасности: вновь прибывшие на площадь Освобождения танки присоединились к тем, что уже вели обстрел дворца, так что находиться здесь становилось всё опаснее. Из всех комнат и коридоров доносились стоны и плач: близкие к панике обитатели дворца бежали в убежища в подвале и к посабочным площадкам шаттлов. А снаружи этот страшный хор усиливался победным криком вторгающихся во дворец солдат.

Да, отрезанные от подкрепления и ошарашенные уже понесёнными чудовищными потерями люди не смогут долго держать оборону. Ещё немного, и

быворец будет захвачен.

Первым делом необходимо было вывести отсюда Николу Шонау. Барзано понимал: губернатор — это символ, вокруг которого объединятся верноподданные войска, и только тогда они смогут удержать эту планету и не дать осуществиться плану de Валтоса.

Никола Шонау опиралась на руку инквизитора, а позади Женна Шарбен поддерживала Алмерза Чангу. Помощник губернатора сильно тормозил их продвижение, очевидно, его раны были серьезнее, чем казались.

— Сколько ещё осталось идти до площадки? — спросил Барзано, слыша, как приближаются крики атакующих.

— Совсем чуть-чуть. Будет на месте через несколько минут, — ответила, запыхавшись, Шонау.

Коридор вздрогнул от нового града снарядов, и Барзано застыл на месте, когда кусок крыши обвалился прямо перед ними, похоронив первую шестёрку солдат из группы сопровождения губернатора и наполнив воздух удушающим дымом и

обломками.

Но оторопь прошла, пыль осела, и с губ Барзано сорвалось весьма неласковое слово, когда он увидел, что проход перед ним полностью завален руинами. Он поставил на ноги задыхающегося солдата и крикнул:

--- Есть ли другой путь к посадочным платформам? Быстро!

Юноша прокашлялся и кивнул:

--- Да, сэр, для этого придётся вернуться назад тем же путём. Это будет дольше, но мы всё же сможем пройти.

Вопли и рокот пальбы из стрелкового оружия звучали уже в опасной близости.

--- Проклятие... --- прошептал Барзано.

Арбитр Ортега не видел, как первый выстрел накрыл базу, пока со стены не сбило одну из пушечных батарей. Полыхающие обломки низверглись со стены и с грохотом обрушились на землю, раздавив дюжину арбитров из стрелковой группы правого фланга.

Оставшиеся батареи открыли огонь по первым танкам, показавшимся в

проломе в стене. Ведущую бронемашину разнесло на части, а её башня, кувыркаясь, взмыла высоко в воздух. Не успел рассеяться дым, как три «Завоевателя» отпихнули обломки своего загадочного предшественника в сторону и накрыли базу шквалом огня. Каждый из выпущенных ими снарядов, разрываясь, откалывал от фасада огромные куски камня. Уже потерявшее устойчивость здание в конце концов не выдержало.

Арбитры бросились врассыпную, когда здоровенные куски пласкита и стали посыпались смертоносным дождём, заживо похоронив под собою раненых. Чудовищные тучи удрушающей пыли ослепили Вирджила, но он отчётливо услышал рычание двигателей и закричал, перекрывая непрерывный грохот:

— Стоять намерть! Никакой капитуляции!

Его крик потонул в пронзительном рывке оружейной канонады — это пушки арбитров вступили в бой с орудиями вражьих танков. Борьба была неравной, поскольку «Завоеватели», произведя по

дворцу очередной выстрел, меняли позицию
прежде, чем батареи обороняющихся
успевали прицелиться. Несмотря на все
усищения, три танка были подбиты
прежде, чем появившиеся за ними
тяжелые войска с пусковыми ракетными
установками и миномётами быстро
уничтожили орудия арбитров
концентрированными залпами огня.

Сквозь дым и пыль Вирджил смог
наконец разглядеть надвигающиеся
силуэты бронемашин и нырнул в укрытие
за мгновение до того, как мощный
лазерный луч из башни приближающейся
«Химеры» полыхнул в его сторону.

Перекатившись, он поднялся за одной
из усиленных оборонительных стен и
крикнул ближайшим стрелкам:

— «Химера»! На одиннадцать часов!

Услышав приказ, расчёт из двух
человек навёл пусковую ракетную
установку на машину.

Вылетев из безоткатной пусковой
установки, снаряд ударил «Химеру» в лоб и
взорвался, не пробив корпус. Но траки были
повреждены, и машину занесло. Врезавшись

в бетонную глыбу, «Хитера» развернулась и заскребла, высекая искры, оставшейся гусеницей. Экипаж стал выбираться наружу, пока бронеташина не стала для него гробом.

Вирджил выругался, впервые воочию увидев атакующих: планетарные силы самообороны Павониса!

Он и раньше это подозревал, но увидеть своими глазами, что именно они открыто атакуют его людей, — это всё-таки, согласитесь, потрясение. Ортега почувствовал, что его вот-вот охватит приступ неконтролируемого бешенства, и нечеловеческим усилием воли подавил душившую его ярость, понимая, что в создавшейся обстановке ярость — плохой помощник.

В открытый люк «Хитеры» влетела ещё одна ракета, и танк взорвался. Его топливный бак и боезапас сдетонировали, и бешеный язык пламени из трансмиссионной части взмыл ввысь, подобно пламени огнемёта. Полыхающие солдаты НСС с дикими воплями разбежались во все стороны, а из траншей

донеслись слабые радостные возгласы арбитров. Донеслись -- и тут же стихли. Воздух наполнился металлическим кашлем массированного миномётного огня.

-- Берегись! -- закричал Вирджил, падая на землю и прикрывая голову руками.

Мины накрыли территорию базы цепочкой глухих взрывов. Большинство арбитров успели укрыться, но кое-кого разорвало в клочки градом шрапнели.

Мины сыпались как горох из прохудившегося мешка, один залп следовал за другим, и Вирджил не мог даже на секунду высунуться из убежища.

Вирджил понимал, что, пока его люди прячутся за стенами, потери от миномётного обстрела будут минимальны, но ведь и тяжёлые и из НСС с каждой секундой подбираются все ближе. Рискнув поднять голову из-за укрытия, Вирджил чертыхнулся, увидев, как четыре «Хилеры» вплотную приблизились к его позиции.

Миномётный обстрел прекратился, и наступившая тишина принесла

невыразимое облегчение. Вирджил поднялся на ноги с гробовиком на изготовку.

Шестеро солдат НСС удивлённо уставились на него, — вероятно, уже не ожидали увидеть живого арбитра. Эта неожиданность и стала для мятежников губительной.

Вирджил, не целясь, открыл огонь. С такого близкого расстояния он сразил двоих мгновенно, третьего — полсекундой позже и, перепрыгивая через стену, врезал обоим ногами в лицо ближайшему солдату, так что тот свалился на двух стоявших за ним. Арбитр приземлился, передёрнул затвор гробовика и, прежде чем его противники успели очухаться, отправил всех на тот свет.

Раздался выстрел, и снаряд ударил в стену рядом с арбитром. Он успел отклониться, когда раненый солдат вновь выстрелил из пистолета. Вирджил прыгнул вперёд, разнёс ему голову прикладом и тут же опять перебрался назад за стену.

Он бросил взгляд на линию обороны

Agentus Арбитрес. Положение было хоть и плачевным, но всё же не безнадежным. У мятежников из НСС было преимущество в людях и вооружении, зато под командованием Вирджила сражались одни из самых лучших солдат в Империи. Превосходное обучение, вооружение и дисциплина Agentus Арбитрес сказывались сейчас в полной мере --- Вирджил видел, что атака НСС захлебнулась.

Вместо того чтобы наступать, солдаты противника прятались за бронемашинами, время от времени постреливая из лазганов. Он понял: настало время нанести ответный удар.

--- Колликс! --- крикнул он. --- Давай сюда!

Сержант Колликс, пригнувшись, побежал к Вирджилу, на ходу стреляя из дробовика.

--- Да, капитан? --- отдышавшись, произнёс Колликс.

--- Свяжись с отделением Веритас, скажи, что сейчас они нужны мне здесь! Их задача --- атаковать правый фланг

противника. Их удар должен быть мощным и молниеносным, тогда мы сможем расширить участок прорыва и отбросить мятежников!

Пока Колликс торопливо вёл переговоры по рации, Ортега перезарядил дробовик и передёрнул затвор.

— Капитан! Командир отделения Уоллас докладывает, что должным образом освящён только танк «Благочестивое Правосудие». Чтобы благословить и подготовить «Божественную Власть» и «Священный Закон», понадобится ещё несколько минут.

Рывнувшись, Ортега вырвал рацию из рук Колликса и заорал в микрофон:

— Уоллас, выводы эти проклятые танки прямо сейчас или я вырву твоё проклятое Императором сердце и заставлю сожрать его! Ты меня понял?

Не дожидаясь ответа, он бросил микрофон Колликсу.

Через несколько секунд бронированная дверь гаража, завибрировав, поднялась наверх, и из-под неё выкатился танк «Леман Русс» весьма почтенного возраста.

Умля у танка было соответствующее:
«Благочестивое Правосудие». Его орудия
тут же дали залп.

Две «Химеры» взорвались одна за
другой, а «Благочестивое Правосудие»
принялся поливать солдат НСС огнём из
тяжёлых болтеров, кося их дюжинами.

Вирджил мысленно улыбнулся. Во
имя Императора, они смогут это сделать!

Солдаты НСС разбежались перед
«Благочестивым Правосудием», не в
состоянии хоть как-то ему
противостоять. И тут у Вирджила
перехватило горло: он увидел
инверсионный след ракеты, несущейся к
танку. Ракета ударила в бок — и всё
исчезло в дыму взрыва.

Когда дым рассеялся, Вирджил увидел
плачевную картину: лазерную пушку снесло
с корпуса танка начисто. К счастью,
других повреждений он не заметил.

Ортега вздохнул с облегчением.

— Воины Императора, пришло наше
время! В атаку! — воскликнул он и первым
перепрыгнул через стену укрытия.

Арбитры поднялись и, стреляя на

безу, что было точи рванули через
изрытую взрывать, усеянную трупами
территорию. Виг погибших товарищей
бугил священную ярость, и «Благочестивое
Правосудие», солидно порывающий и
метко кладущий снаряды в цель, придал
сил. Арбитры бежали вперёд, стреляя и
круша предателей коваными каблучками.
Солдаты НСС отступили, ошеломлённые
этим отчаянным напором.

Застрелив одного солдата в спину, а
другого — в лицо, Вирджил заметил три
танка «Завоеватель», вползающих через
бреши в стене. Тяжёлые болтеры,
установленные на их корпусах, обрушили
град снарядов на поле сражения. Этот
огонь, подкреплённый выстрелами
лазерных пушек, косил всех без разбора — и
судей, и самих предателей. Люди
оказались в настоящей мясорубке.

Но, какой бы мощью ни обладал танк,
его хватает на десять минут боя: так и
стремительная атака «Благочестивого
Правосудия» оказалась непродолжительной.
Сдвоенный удар ракеты и сверкающего
конца лазерной пушки взорвал боезапас, и

танк, перевернувшись, взмыл высоко в воздух.

Но место «Благочестивого Правосудия» тут же заняли «Божественная Власть» и «Священный Закон». Оба танка принялись поливать огнём тяжёлых болтеров войска НСС, и снаряды их мощных орудий оставляли в земле огромные кратеры.

Вирджил заметил, как группа офицеров НСС ринулась к «Божественной Власти», и что было сил закричал экипажу машины, чтобы те отвели танк в сторону: один из вражеских офицеров был вооружён силовой перчаткой, массивный контур которой окутывало поле разрушительной энергии. Это оружие могло легко пробить броню танка. Но разве мог человек перекричать шум боя?

Офицер прыгнул вперёд с занесённым для удара «кулаком». Водитель «Божественной Власти», осознав опасность, попытался увернуться, но было уже слишком поздно. Первый офицер, наведя энергетическое оружие на танк, пробил бронированный корпус. Танк

развернуло вокруг оси, он врезался в бетонную стену и раздавил её вместе с четырьмя съёжившимися за ней солдатами НСС. Остальные офицеры разрядили магазины своего оружия в образовавшуюся здоровенную пробоину...

На арбитров, которые потчались отомстить за павших товарищей, обрушился шквал гранат, а офицеры скрылись в дыму сражения, избежав возмездия. Вирджил увидел, как на территорию базы вползают очередные «Хилеры». За ними шли сотни солдат и три «Завоевателя» для вящей убедительности.

Контратака Агентус Арбитрес, которая -- и это понимали все -- была скорее демонстрацией личного мужества, чем тактическим манёвром, захлебнулась. Число жертв среди оборонявшихся неуклонно росло, и ряды арбитров редели, захлёбываясь в потоках крови, не в состоянии больше противостоять титаникам.

Поначалу Вирджилу ещё удавалось держать своих людей вместе, но по мере

того, как их косили снаряды и пулёмётный огонь, отступление превращалось в беспорядочное бегство.

«Священный Закон» обошёл дымящиеся останки «Божественной Власти» и повёл беспорядочный огонь, пытаясь прикрыть отступающих арбитров. Войска НСС рассыпались перед этим танком, который загрозыхал по направлению к «Химерам». Выстрел его лазерного орудия пробил тыловую броню одной из бронемашин, её двигатель вспыхнул жёлтым пламенем, и мощный взрыв подбросил кувыркающуюся «Химеру» в воздух.

Горящие развалины рухнули на вторую машину, превратив её левый тракт в металлолом. Этот удар повредил и ведущий вал «Химеры». Её двигатель наскадно взвыл, и машина, бешено крутясь, высоко подпрыгнула и рухнула на землю, взорвавшись ярко-оранжевым метеором и испепелив десятки пехотинцев НСС.

Несмотря на эти потери, «Завоеватели» и пехота продолжали уничтожать последние разрозненные очаги сопротивления. Вирджил понял: это конец.

Все тот же офицер, который уничтожил танк «Божественная Власть», теперь атаковал «Священный Закон», выставив силовой «күлак», потрескивающий от смертоносной энергии. Вирджил выстрелил в офицера из гробовика, отчаянно желая спасти последний из своих танков, но расстояние для меткого выстрела было слишком велико.

«Священный Закон» дал полный газ. Его водитель видел, что произошло с его боевым братом, и не желал себе подобной судьбы. Понимая, что скорость — его единственная надежда, он повернул навстречу офицеру, рассчитывая раздавить его гусеницами.

Предатель прыгнул вперёд и ударил силовым «күлаком» по взявшему разгон танку, и звенья гусеничного трака лопнули.

Зубчатые колеса продолжали бешено крутиться.

Посыпались оранжевые искры, и колеса взвизгнули, затягивая под танк силовой «күлак», а вместе с ним и неутраченного

офицера. Его рвануло вниз, руку, державшую оружие, вырвало из плеча. Предсмертный вопль — и огро́тная машина погребла под собой тело мятежника.

Вирджил мчался к развалинам главного здания базы Агентус Арбитрес, истекая кровью от десятка ран. Сражение было проиграно, теперь самым главным было попытаться как можно больше людей вывести в безопасное место.

Ортега понимал, что его шансы, мягко говоря, очень невелики, но был твёрдо намерен использовать их все. Он не сдастся и сделает все, чтобы помешать этой мрази. А сначала постарается выбраться отсюда во главе пусть небольшого, но боевого отряда.

НСС остановили наступление, ошеломлённые ужасной смертью своего командира и гибелью двух «Химер». Но их замешательство длилось недолго: выстрел лазерной пушки уничтожил «Священный Закон» прежде, чем кто-либо из его экипажа успел покинуть повреждённый танк.

Вирджил собрал всех уцелевших, всех,

кто мог ещё держать в руках оружие, всех, кого смог найти, и направил их к развалинам главного здания базы: если после взрыва уцелела часть нижних этажей, они смогут пройти тоннелями, проходящими под базой, и пробраться во дворец. Среди выживших он снова увидел Колликса и вздохнул с облегчением: парень жив, да и рация при нём. Стало быть, ещё повоюем.

Вирджил понимал, что теперь бегство — их единственный шанс на спасение, а если они смогут добраться до тяжёлого оружия, хранящегося в арсенале в подвалах дворца, их шансы продержаться сильно возрастут.

Понимая все это, Вирджил Ортега поклялся, что заставит этих проклятых мятежников сожалеть о том дне, когда они встали на путь измены.

Мысли Лютриси и Вуджеон беспорядочно вертелись, как потерявший управление орнитоптер. Что здесь происходит? Воренс на глазах у всех убил человека и позволяет вести артобстрел

дворца.

Лютрисия была преданной слугой Императора и понимала, что кто-то должен что-нибудь предпринять, но кто? Она?

Её трясло от страха: ради Императора, она всего лишь простой техник! Она не готова к таким вещам. Как она будет драться с мужчиной, вооружённым лазерным пистолетом? Потом градом катил с её лба, застилая глаза...

И тут по всей комнате эхом разнёсся глухой стук, словно по главной двери ударили огромным молотом. Даже Воренс казался встревоженным. Лютрисия повернулась, чтобы взглянуть на дисплей внешнего наблюдения. Сердце девушки ёкнуло, когда она увидела трёх исполинов в доспехах. Космические Десантники! Да! Эти священные воины покончат с кошмаром, она почувствовала, что огромная тяжесть свалилась с её плеч, --- её молитвы услышаны.

Однако чем дольше она смотрела на экран, тем меньше оставалось надежды. Вход в командный центр был

спроектирован таким образом, чтобы командный центр мог противостоять самой яростной и продолжительной атаке, и даже тридцати Костических Десантников не хватит, чтобы пробиться через метровый слой листовой стали. Уловив краем глаза мерцающее движение, она перевела взгляд на свой дисплей, который отразил приближение воздушного судна. Аппаратура вывела на экран данные о курсе, скорости и высоте его полёта. Это был «Грозовой Ястреб».

Девушка украдкой бросила взгляд на Воренса, который, ухмыляясь, смотрел на трёх Костических Десантников, пытающихся пробиться на командный пункт. Лютрисия поняла: у неё лишь несколько секунд, Воренс наверняка сейчас заметит приближение десантного шаттла. Девушка лихорадочно размышляла, как воспользоваться этой возможностью, и вдруг её страх сменился пугающим спокойствием: Лютрисия поняла, что должна сделать.

Её пальцы профессионально заплесали по рукам пульта, передавая точные данные

о местонахождении командного центра на «Громоной Ястреб». Пусть не много, но это всё, что в этой ситуации была способна девушка-техник.

Да, Воренс увидел-таки «Громоной Ястреб» на главном экране и стал торопливо приводить в действие системы обороны, но Лютрисия продолжала надеяться, что её скромного вклада окажется достаточно.

Небольшая группа людей под руководством инквизитора Арио Барзано вынырнула на солнечный свет посадочной площадки, и инквизитор поймал себя на том, что никогда ещё не радовался при виде неба так, как сейчас. Пошатываясь, люди направились к чёрному шаттлу, двигатели которого терно урчали, готовые немедленно выдернуть судно из атмосферы планеты. Через открытый боковой шлюз Барзано разглядел Лортуэна Перджеда и его клерков. Барзано устал улыbnулся: «Громоной Ястреб» Ультратаринов прибыл вовремя.

Дженна Шарбен вела медленно выходящую Миколу Шонаи к челноку. К

счастью, теперь губернатор была в
безопасности. Последний дворцовый страж
помогал то и дело спотыкающемуся,
бредущему из последних сил Алмерзу
Чанге, который вдруг упал на колени. Не
задерживаясь, Барзано пошёл вперёд,
чтобы помочь женщинам.

И тут невероятно громко, даже на
фоне работающих двигателей челнока,
прозвучал выстрел лазгана. Барзано
обернулся и выхватил пистолет,
недоумевая, как смогли мятежники
добраться сюда. И ведь как быстро!
Инквизитор озирался по сторонам,
пытаясь остыслить происходящее:
дворцовый страж был застрелен...
Алмерзом Чангой, который сейчас держит
на прицеле его самого, — миг, и он
выстрелил, попав инквизитору в плечо.
Барзано отбросило на борт челнока.

Вскрикнув от боли, инквизитор
выронил оружие. Дженна Шарбен
обернулась и тоже была сбита с ног хорошо
рассчитанным выстрелом. Губернатор
Шонаи стояла на трапе, в ужасе
установившись на Чангу, который теперь

медленно приближался к ней.

Подняв оружие, он прицелился в купол пилота, сделав угрожающий жест ребром ладони по горлу. Пилот выключил двигатели и отстегнул привязные ремни.

Чанга застрелил его через купол.

Барзано пытался подняться, а на площадку из дворца высыпала толпа солдат НСС в серой униформе. Никола Шонау стояла перед Чангой, её лицо превратилось в каменную маску ярости.

--- Почему? --- просто спросила она.

--- Вы --- это прошлое, --- так же просто ответил Чанга. --- Слабое, печальное прошлое, старомодно преданное историческому трупу на планете, которую вы, Никола, даже никогда не видели.

--- Вы отвратительны, Алмерз. Подумать только, что когда-то я называла вас другом!

Она отвесила Чанге тяжёлую пощёчину и плюнула в лицо.

Чанга ударил её прикладом лазгана. Женщина упала, из её сломанного носа брызнула кровь, но взгляд губернатора по-прежнему пылал яростью.

Барзано старался не обращать внимания на боль в плече от лазерного ожога. Глядя на Чангу, он уже даже готов был стириться с поражением, но твёрдо намеревался забрать с собой в ад этот кусок нечестивой грязи. Он попытался погнуть руку и прицелиться, но Чанга схватил его за волосы.

--- Я давно хотел сделать это! --- прошипел он, ударив Барзано головой о корпус шаттла.

--- Кончай со мной и убирайся, --- простонал Барзано, которого замутило от удара.

--- О, я не собираюсь убивать тебя, Арио. Нет, на службе у моего работодателя есть, э-э-э, специалист, в руки которого, я полагаю, ты и попадёшь. Хирург --- изумительный мастер.

Барзано выплюнул кровь и спросил:

--- Почему бы тебе не назвать его именем? Или зловоние собственного предательства забило тебе горло? В состоянии ли твой крошечный утишко постичь масштаб ошибки, которую ты только что совершил?

При словах инквизитора Чанга лишь расхохотался, а солдаты НСС тем временем окружили «Грозовой Ястреб».

--- Ошибки? --- прошипел Чанга так, что мог слышать только Барзано. --- Думаю, нет. Это ты сделал ошибку, прилетев сюда. Вскоре я стану частью бессмертной когорты воинов, сражающихся рядом с вновь разбуженным богом!

Теперь для Барзано наступил черёд расстаться.

--- Это тебе же Валтос наобещал? --- ухмыльнулся он. --- Тогда ты ещё больший дурак, чем я думал. Я же знаю, как ты его боишься. Если же Валтос преуснеет, ты умрёшь. У тебя отнимут жизненную энергию, чтобы насытить то существо, которое он называет богом.

Чанга встал, его лицо было перекошено злобой. Отвернувшись, он торопливо заговорил в маленький передатчик, который извлёк из кармана. Барзано напряг слух, но не смог разобрать слов.

Тогда инквизитор поднял взгляд к небу, надеясь увидеть в нём спешащий на

помощь крейсер «Горе побеждённому», из которого посыплются атакующие Ультратарины, но тяжёлый крейсер не мог войти в атмосферу планеты — он бы её просто уничтожил. Теперь ясно, почему не был активирован энергетический щит: де Валтосе каким-то образом удалось внедрить своего человека в управление обороной дворца. Что же стало с Леаркусом и двумя Костическими Десантниками, которых он послал на пункт управления? Именно об этом думал сейчас Арио Барзано.

В небе возник другой челнок, стремительно снизился и сел в облаке выхлопных газов на дальнем крае площадки. Опустился трап, и из корабля вышло несколько фигур. Кто же это? Крепко прижимая к груди кожаный чехол, на платформу спустился торжествующий Казимир де Валтос. За ним следовал Венгаре Талун, и Барзано почему-то решил, что тот больше похож на приговорённого к казни, а не на победителя. За главати картелей маячили две стройные фигуры, и Барзано

ощутил трепет мрачного предчувствия,
узнав зыбкую походку эльдаров — мужчины
и женщины.

Оба ксеноса были из тёмных сект,
которые жили за пределами обычных сфер
галактики. Поняв это, Барзано пришёл в
ужас: для него, для губернатора, да и для
всех остальных людей сейчас лучше было
бы оказаться мёртвыми. Женщина
двигалась с грацией балерины, в каждом её
жесте ощущалась сладострастная
стерпимость, в то время как мужчина
шёл чопорно, слегка сутулясь, — он как
будто не привык к дневному свету. У обоих
эльдаров были жестокие лиловые глаза и
кожа бледная, как полированная слоновая
кость.

Женщина не смотрела на людей, но
мужчина обдал их взглядом такой
пустоты, что даже закалённая душа
Барзано пришла в уныние.

Алмерз Чанга протянул винтовку
солдату НСС, которому тоже явно было не
по себе: всех без исключения при виде
эльдаров охватила тревога. Их появления
не ожидал никто.

Казитир де Валмос стоял на поверженном губернатором и улыбался, ставя момент триумфа.

--- Этот момент давно приближался, Шонаи, --- наконец медленно произнёс он.

Барзано из всех сил старался не потерять сознание, а Чанга встал рядом со своим истинным господином:

--- Я доставил их вам, как и обещал, мой лорд.

Казитир де Валмос повернулся к Чанге и снисходительно кивнул:

--- Разумеется, Алмерз. Ты доказал, что твоё предательство абсолютно.

Барзано уловил смущение и беспокойство Чанги. Его растерянность была даже более сильной, чем у солдат НСС, стоявших на площадке.

--- Я сделал все, о чём вы просили меня, мой лорд.

При этих словах де Валмос быстро наклонил голову в сторону женщины-эльдара. Её рука неумолимым движением метнулась к кожаному поясу, и тут же в горло Чанги вонзилась чёрная стрела.

Алмерз Чанга рухнул на колени, кожа

на его шею вокруг стрелы набухала с
устрашающей скоростью.

— Мой дорогой Алмерз, — ласково
проворковал де Валмос, — ты предашь
одного господина, что тебе помешает
предать меня? Нет, лучше кончить все
это вот так. Умри же верным мне.

Чанга, тяжело дыша, хватался
грожащими руками за горло. В считанные
секунды его булькающие всхлипы утолкли —
— он потерял сознание и повалился на
землю. Де Валмос обратился к мужчине-
эльдару.

— Поступай с ними как сочтёшь
нужным, — произнёс он, после чего нүл
ботинком скорчившееся тело
инквизитора. — Но сначала непременно
удостой чести этого.

Барзано не испытывал никакого
сожаления по поводу судьбы Чанги, ощущая
лишь тошнотворную неизбежность
надвигающейся катастрофы. Убо, если
Казимир де Валмос действительно
безумец, каким кажется, он вот-вот
высвободит такую силу, с которой даже
Барзано не знал, как справиться.

Де Валтос снова обратил свой взгляд в сторону Барзано, и инквизитор внутренне согрознулся, осознав всю полноту безумия этого человека. Впрочем, человека ли?

— Я знаю, чего вы добиваетесь, де Валтос, — прохрипел Барзано. — У капитан Вентрис тоже. Он знает всё, что знаю я, и обещаю, что он не позволит вам завершить это дело. Прямо сейчас он вызывает корабли и людей, чтобы разгромить вас.

Казимир де Валтос покачал головой:

— Если вы действительно понимаете, что я намерен сделать, тогда должны понимать и то, что, сколько бы новых кораблей и новых людей ни призвал на помощь Вентрис, ничто уже не сможет изменить ход истории.

Барзано хотел что-то возразить, но слова застряли в горле.

Убо инквизитор знал, что Казимир де Валтос прав.

Барзано прислушивался к воплям Алмерза Чанды, эхом разносившимся по всему тюремному этажу, надеясь, что это не шутка, что он орёт не между глотками ароматного кофе --- его и правда жестоко пытаются. Сейчас для инквизитора не имело значения, что ксенос пытал человеческое существо: нарушив клятву верности Императору, Чанга утратил всякое право на сочувствие.

У инквизитора не было ясного представления о том, сколько времени он провёл в этой камере, поскольку он некоторое время был без сознания, --- рана в плече оказалась очень тяжёлой. Но самым страшным было даже не это --- Барзано ничего не знал о судьбе губернатора Шонаи. Очнувшись в камере, он первым делом выяснил, что обезоружен, --- у него не осталось даже изломателя, скрытого в кольце на правом указательном пальце. Странно, что при всём при том его обожжённое лазером плечо было заботливо

перевязано.

Когда глаза привыкли к темноте, Барзано огляделся по сторонам и чуть не вскрикнул — он сам не знал, от радости или досады: губернатор Павониса Миколла Шонау тоже была здесь. И она была жива. Даже её сломанный нос был выправлен (видимо, всё же долго Арио Барзано не приходил в себя). Инквизитор подумал: «Эльдар не желает работать с повреждёнными объектами. Эстет, задерживает его...»

Тюрьма, где их заперли, была подземной, каменные своды поддерживали стальные балки. В каждой камере имелась простая железная койка и умывальник с унитазом — эта тюрьма показалась инквизитору куда более комфортабельной, чем многие из тех, куда ему доводилось бросать предателей.

Лортуэн Перджег и его клерки толпились в камере напротив, и Барзано сквозь решётку двери был рад видеть, что никто из них серьёзно не пострадал.

Барзано делил камеру с Миколой Шонау, забившейся в самый угол с

застывшей гримасой ярости на лице, и
Дженной Шарбен, которая лежала на
койке без сознания. Её рана почему-то не
была обработана, видимо, эльдар не
планировал использовать её тело для
своих жутких экспериментов. Арбитр
была ранена в живот, и, хотя лазерный луч
прижёл края раны, Барзано подозревал, что
у девушки могло быть внутреннее
кровотечение. Она так и не пришла в
сознание после ранения на посадочной
площадке, и Барзано понимал, что без
медицинской помощи она вот-вот умрёт.
Наверное, поэтому Хирург обошёл её своим
вниманием.

Губернатор пришла в себя вскоре
после инквизитора и с неизвестно откуда
взявшимися силами бросилась на дверь
катеры, пиная её ногами и выкрикивая
ругательства, от которых покраснел бы и
портовый грузчик.

Барзано оттащил обезумевшую
женщину в сторону, успокаивая
сумбурными обещаниями освободить и
отомстить. Он, правда, с трудом
представлял, как будет выполнять эти

обещания, но чувствовал, что, несмотря на всю тяжесть их положения, ещё не всё потеряно.

Вернувшись к койке, он вытер рукавом лоб Дженны. Лоб был холодный, а кожа серой, как у трупа.

--- Я обещаю: ты не умрёшь, арбитр Шарбен, --- прошептал Барзано.

--- Вы уже наобещали с три короба, инквизитор, --- устало протолвила Шонаи.

--- Никола, я никогда не обещаю того, чего не могу исполнить, --- заверил Барзано и положил руку на сердце. --- Я обещаю.

Этот жест получился у инквизитора столь трогательным, что Никола Шонаи улыбнулась:

--- Вы в самом деле думаете, что мы можем отсюда выбраться? Здесь по меньшей мере три полка солдат. Около двухсот только на этом этаже, и лишь Императору известно, сколько их ещё рыщет по дворцу.

Барзано подмигнул:

--- Не забывайте о трёх Костических Десантниках.

--- Я не забыла, но, боюсь, сержант

Леаркүс и его люди мертвы...

--- А я в этом серьёзно сомневаюсь, дорогая Микола. Уверен, что де Валтос уже продемонстрировал бы их нам, если бы оно так и было. И ещё я знаю, что сержант Леаркүс не из тех, кого легко убить, и он наверняка нашёл способ связаться с крейсером «Горе побеждённому».

--- Вы думаете, капитан Вентрис попытается нас спасти?

--- Уверен, что даже демоны варна его не остановят.

--- Попытайтесь вытащить нас --- это равносильно самоубийству.

--- Возможно, --- согласился Барзано, --- но неужели вы думаете, что страх смерти остановит Уриэля?

--- Нет, полагаю, нет, --- сказала Микола, прислоняясь спиной к каменной стене камеры. Она закрыла глаза и замолчала, Барзано уже подумал, что она уснула. Но тут, не открывая глаз, губернатор добавила: --- Этот корабль, за которым, как вы считаете, охотится де Валтос... Он и правду может до него добраться?

— Моему Оргену известно лишь, что представитель древней расы существ, которых мы знаем как Ктаны, погрузился в стазис где-то в этом секторе, но где точно — данных нет. Мы думаем, что Смерть Миров был некогда его — за неимением другого термина — фланганским кораблём. Из глубины веков до нас дошли древние записи и намёки на корабль и его хозяина, разбросанные в истории, но мы до сих пор почти ничего о нём не знаем. Все это события времён ещё до господства человечества, так что не многое известно наверняка.

— Этот... Ктан, на кого он похож?

— Никто не может сказать точно. Он, возможно, пребывает в состоянии покоя миллионы лет, записи об этом пока не расшифрованы. Я внимательно изучал каждый отрывок, имеющий отношение к Несущему Ночь, до которого смог добраться, но почти ничего о нём не знаю, кроме...

— И что же это? — нерешительно спросила Никола.

— Несущий Ночь — воплощение

смерти. Это сны — источник кошмаров каждой расы, они становятся олицетворением их гибели. Все мысли о смерти и скоротечности жизни, которые когда-либо вас посещали, идут от этого существа. Перемещаясь среди звёздных миров в прошлые эры, он оставил это наследие в коллективном разуме каждой расы галактики.

— И мы, люди, сможем одолеть такое существо?

— Хотите знать правду?

— Конечно.

Дождавшись, пока затихнет эхо очередного вопля Алмерза Чанды, Барзано ответил.

— Нет, — тихо и печально произнёс он. — Не думаю, что мы это можем.

Величественный крейсер «Горепобеждённый» медленно разворачивал свой массивный корпус в направлении к поверхности Павониса, и одновременно с этим в передних линейных ускорителях крейсера копилась могучая энергия. Мало кому известно, какой чудовищной

разрушительной властью обладает капитан звёздного корабля, — силой, позволяющей сравнивать с землёй города и раскалывать на части континенты. Хотя капитаны Имперского флота всегда важничали и хвалились способностями своих неповоротливых боевых судов, никто из них не мог состязаться с ударным крейсером Космических Десантников в скорости и эффективности уничтожения чего бы то ни было.

Лазеры системы планетарной обороны время от времени стреляли по крейсеру из глубоких бронированных бункеров, окопавшихся вокруг Врат Брэндона, но ни одно из могучих орудий не могло причинить крейсеру сколько-нибудь существенного вреда. Хотя мощные лучи, исходящие с поверхности Павониса, пронзали небо, неся колоссальную энергию, вся эта пальба оказывалась пустым фейерверком: орудия внизу бессильны против крейсера, пока он находится на орбите.

Однако даже небольшие батареи противовоздушной обороны становились

смертельно опасными для костического корабля, стоило ему приблизиться к столице планеты на расстояние пятнадцати километров. Дело в том, что все батареи были укомплектованы сервиторами, напрямую связанными с орудиями. Сервиторы же в свою очередь управлялись напрямую из бункера командного пункта обороны, скрытого где-то в основании дворца. А одновременный удар сразу нескольких, пусть даже маломощных пушек — это уже серьезно.

Пока батареи прикрывали город, любая атака с воздуха была обречена на провал.

Казимир де Валтос потёр переносицу и произнёс, глядя на экран коммунка перед собой:

— Ласко, если ты не дашь прямого ответа, я похороню тебя в одной из твоих драгоценных шахт. А теперь ответь однозначно: ты уже пробил дверь? Я не могу терять время на пустые разговоры.

Мерцающее на мониторе лицо начальника шахты Джекоба Ласко казалось хитрым, даже несмотря на

сильные искажения закодированного сигнала из Тембра Ридж, находящегося почти в сотне километров от дворца.

--- Ну, последний резак пробил дверь, но мы никак её не сдвинем.

--- И почему же? --- гавил на него де Валтос, наклонившись вперёд с хищным выражением на лице.

--- Мы не поймём, мой лорд. Техножрецы говорят, что плотность материала этой двери значительно превышает все известные нам. Мы были вынуждены разобрать одну из наших самых тяжёлых буровых установок и по частям протаскивать её через главный ствол шахты. Сейчас техножрецы налаживают последние компоненты установки, и, как только они благословят её, мы будем готовы начать.

--- Когда? --- прошипел де Валтос. Теперь он тёр лоб.

--- Полагаю, сегодня. Но несколько позже.

--- Лучше бы это было сегодня, но несколько раньше, --- произнёс де Валтос и, прервав связь, откинулся в прогибающемся

под его телом кожаном кресле бывшего
губернатора.

Помассировав виски, он глотнул
воздуха и отхаркнул на пол чёрный
сгусток. Боль становилась сильнее, но что
сделать — кабинет и оборудование Хирурга
были уничтожены Ультратаринами.
Больше не будет возможности разобрать
тело до костей и вновь собрать его во
временно оздоровлённом виде. Ему нужно
добиться успеха, и как можно скорей. Если
этот проклятый глупец Ласко не сможет
пробиться в подземный мавзолей в
ближайшее время, то де Валтос подохнет.
Согревала лишь одна мысль: как только он
покажется внутри мавзолея, он познает
свойную радость — радость мести и
бесстертиа.

Он вспомнил день, когда узнал о
Ктане из свитков Кортесвейна. С тех пор
большая часть состояния де Валтоса ушла
на поиски места его упокоения, но ирония
судьбы заключалась в том, что мавзолей
находился рядом, под горами Павониса.
Находился с тех времён, когда планета
была всего лишь необитаемым.

безжизненным скалистым шаром. Де Балмос злорадно захихикал, осознав, что вскоре он пройдёт по залам бога! Не по жалким, полным пыли коридорам Терры --- родины разлагающегося трупа, выдающего себя за бога, а живого, дышащего существа, обладающего мощью созидания и вечной жизни.

Когда Император в последний раз ходил среди своих людей? Десять тысяч лет назад! Где был Император, когда отступник кардинал Бучарис втягивал по полгалактики в войну во имя Его? Где был Император, когда тираниды уничтожали мир за миром?

Где был Император, когда эльдар взял на абордаж его корабль и запытал де Балмоса почти до смерти? Где он был тогда?!

Де Балмос ощутил, как нарастает в нём ярость, и взял себя в руки, лишь когда из его ладоней закапала кровь --- там, куда вонзились искусственные ногти. Он вытер кровь и провёл пятачком по взмокшим от пота волосам, успокаивая дыхание.

Поднявшись с кресла, он принялся

расхаживать по заваленной мусором
комнате, перешагивая через разбитый
стол, полотанные стулья и горы
осыпавшейся штукатурки. Его нога
ударилась по чему-то твёрдому, и он
посмотрел вниз.

Он мерзко захихикал, поднял
треснувший бюст из белого мрамора — и
ударил кулаком по суровому лицу
Форлануса Шонау. Патрицианские черты
старика покрылись кровью.

Город внизу был затянута пленой
чёрного дыма; из очагов сопротивления,
где какие-то дураки все ещё боролись с
неизбежным, доносились глухие разрывы.
Его танки и войска заняли все улицы. Все
эти люди умрут — но это малая цена за
то, что он неминуемо станет богом.

Казимир де Валмос похлопал по
мраморной голове Форлануса Шонау и,
улыбнувшись, зашвырнул бюст как можно
дальше, наблюдая за его полётом со
злорадной устешкой на губах. Вот наконец
тяжёлый мрамор рухнул вниз, ударился о
булыжную мостовую и разбился на мелкие
кусочки.

Лорд адмирал Ласло Тибериус следил за пятнышком, отображавшим на экране монитора «Гротовой Ястреб». На борту челнока, приближающегося к столице Павониса, был Уриэль Вентрис. На палубе крейсера воцарилась атмосфера напряжённого ожидания, умолк даже хор астронавтов. Тибериус испытывал те же эмоции, что владел им, когда он шёл в бой, и это, как он полагал, было совершенно естественно, хотя сейчас и он, и его люди на крейсере находились вне опасности.

Это капитан Ультратаринов Уриэль Вентрис со своими воинами летел навстречу злу. Время работало против него, так что Космическим Десантникам придётся действовать по старинке.

--- Сколько ещё? --- коротко спросил адмирал Тибериус.

--- Ещё несколько мгновений, --- ответил Филотас.

--- Координаты введены?

--- Да, лорд адмирал, всё готово. Решение по управлению огнём подтверждено.

Тибериус уловил в голосе офицера

натёк на сдерживаемое нетерпение и угрюмо улыбнулся. Он уже знал, что всё готово, но не мог удержаться от желания подстраховаться ещё и ещё раз. Только бы, подумал Тибериус, анонимное сообщение, полученное Уриэлем, когда он летел к Вратам Брэндона утром, оказалось верным.

И да поможет ему Император, если это не так.

Заставив себя вернуться к капитанскому пульту, Тибериус схватился за край стола и обратился к команде с речью:

— Боевые братья! Близок тяжкий час испытаний. Помните, что путь к победе только один: наше единство. У нас есть решимость и искреннее желание. Ни один из нас не пожелал уступить или сдаться с поражением, и за это я, ваш командир, благодарю вас.

Тибериус склонил голову, и Филотас положил:

— Они на огневом рубеже, лорд адмирал.

Тибериус кивнул.

--- Офицер артиллерии, --- отдал он приказ, --- носовое оружие --- огонь!

У Лютрисии Вуджеон душа ушла в пятки, когда она увидела на экране приближающийся «Грозовой Ястреб». Корабль летел на предельно малой высоте, искусный пилот мастерски следовал профилю ландшафта.

Но командный центр следил за шаттлом с того мгновения, как тот вошёл в атмосферу, и на физиономии Воренса, нетерпеливо расхаживающего по комнате из угла в угол, плясала хищная ухмылка. Девушка помнила его страх при появлении трёх Космических Десантников у входа в командный центр, но маска злобной наглости вновь вернулась к Воренсу, лишь только они исчезли. «Куда же они ушли?» --- подумала Лютрисия.

Поняв, какое страшное предательство совершил на их глазах Воренс, большинство сотрудников центра безмолвно молились за своими пультами, и только сервиторы продолжали выполнять задания. Лютрисия сторгнула слезу с уголка глаза, увидев, как что-то

отделилось от значка, представлявшего ударный крейсер Космических Десантников. Что это? Второй боевой челнок?

Нет, сигнал был слишком слабым, чтобы это оказался «Гротовой Ястреб». Пристотревшись, Лютрисия увидела, что предмет, отделившийся от крейсера, движется слишком быстро для корабля. Внезапно она догадалась, что это и куда направлена его траектория.

Зазвучал сигнал предостережения — древние компьютеры системы обороны пришли к тому же заключению, что и техник. А когда с крейсера хлынул шквал подобных точек, компьютеры забились тревогу.

Даниил Воренс вцепился в кресло, поднимаясь на ноги, и нечеловеческий ужас исказил его лицо.

— Нет, — прошептал он, глядя, как выпущенный с крейсера залп магматических бомб несётся к ним, наведённый по точным координатам, предоставленным Лютрисией Вуджеон.

Колени Воренса подогнулись, и он

беспомощно опустился в кресло.

Лютрисия смотрела, как бомбы летят прямо на неё, пронзая атмосферу Павониса с невероятной быстротой. Вскоре они ударят и сотрут это помещение с лица планеты, и даже энергетический щит не спасёт их.

Странно, но вдруг она совершенно успокоилась, поднялась из-за своего пульты и вышла на середину комнаты.

Даниил Воренс затравленно посмотрел на неё и открыто разрыдался перед приближающейся смертью. Он даже не пошевелился, чтобы остановить девушку, когда та взяла лежащий перед ним лазерный пистолет. Она никогда в жизни не держала в руках оружие, но точно знала, что и как собирается сейчас сделать.

В ту же секунду, когда луч, выпущенный ею, вошёл в самое сердце Воренсу, сигналы тревоги, издаваемые компьютерами, стали оглушительными. Повернувшись к главному экрану, Лютрисия опустилась на колени.

Лютрисия Вуджеон улыбнулась: её

переполняло колоссальное чувство
удовлетворения. Она знала, что поступила
правильно, и вознесла слова благодарности
за то, что ей была предоставлена эта
возможность сослужить Емү службу.

Вытянув вперёд руки, она произнесла:
— Придите, братья и сёстры.
Давайте помолитесь.

Остальные сотрудники центра
управления присоединились к ней и взялись
за руки, образовав небольшой круг, рыдая в
последней молитве Императору.

Магматические бомбы ударили одна
за другой с промежутком в несколько
секунд.

Первая их порция врезалась в
энергетический щит, перегружая
генераторы поля, защищающие эту часть
дворца, и пробивая в нём дыру. Следующие
бомбы обрушились на крыло дворца, под
которым был укрыт командный центр,
уничтожив его одним мощнейшим взрывом
и подбросив каменные блоки размером с
танк высоко в небо. Остальные бомбы
пробили десять метров усиленного
рокрита, оставив на его месте воронку

диаметром почти сто метров.

Но две бомбы всё-таки сработали вхолостую. Первая, войдя в верхние слои атмосферы, ушла в крутую спираль и приземлилась на опушке леса Греша, уничтожив значительный кусок сельских угодий картеля Аброгас; вторая взорвалась, никому не причинив вреда, в океане, в девятистах километрах от цели.

Но остальные угодили прямо в воронку и проникли в командный центр, взрывные устройства замедленного действия обеспечили их разрыв в самом его сердце. Разразившиеся огненные бури сожгли дотла все живое и разрушили то, что оставалось. Из уничтоженного командного центра поднялся чудовищный столб чёрного дыма, который пронзали вулканические языки пламени. Ударная волна прокатилась на километры вокруг, словно землю покарал разъярённый бог.

Воздушные подступы к Вратам Брэндона оказались полностью открытыми, ведь сервиторы, управляющие

батареями, праздно сидели в ожидании указаний по наведению орудий. Они не могли знать, что эти указания не поступят больше никогда.

Уриэль, глядя на это затаив дыхание, с облегчением выдохнул, услышав по связи голос пилота:

--- О Жиллитан! Взгляните-ка!

Капитан увидел вспышку взрыва магматических бомб, зная: ничто не устоит перед праведным огнём звёздного корабля, благословлённого самим Императором.

--- Никакого огня с земли, --- подтвердил второй пилот. --- Начинаем заход на атаку.

Значит, сообщение оказалось верным, и Уриэль прикрыл глаза, вознося слова благодарности тяжёстvenному слуге Императора (если бы он только знал, что этим слугой была хрупкая Лютрисия!), передавшему им координаты командного пункта обороны, окончательно решив тем самым его судьбу.

Лорд адмирал Тибериус хотел было запыхать орбитальной бомбардировкой

весь дворец, но Уриэль воспротивился
этому плану, зная, что в таком случае
крейсер уничтожит все в радиусе
пятидесяти километров. Поэтому,
разрабатывая план, они остановились на
атагматических бомбах, которые нанесли
удар не большей, но и не меньшей силы, чем
это было необходимо. Потерь среди
мирного населения было не избежать в
любом случае, но при таком раскладе они
сводились к минимуму.

Костические Десантники пришли
сюда, чтобы спасти этих людей, а не
уничтожить их. Такая безыскусная резня ---
удел Кровавых Ангелов. Ультратарины не
относятся к неразборчивым убийцам, они ---
священное оружие гнева Императора. Они
существуют для того, чтобы защищать
его подданных.

Слишком многие из тех, кто боролся
во имя Империи, забывали о том, что
Империя --- это живой организм из
миллиардов людей, населяющих миры
Императора. Без них Империя --- ничто.
Их связывает воедино Император, а они ---
тот клей, что удерживает Его

государство единым, и Уриэль не станет принимать участие в преднамеренном убийстве.

По спине капитана пробежал холодок. Он вспомнил слова Гедрика с Каэрнуса IV.

Смерть Миров и Несущий Тьму ожидают рождения в этой галактике...

Теперь он понял их смысл, и этот смысл ему совершенно не нравился.

«Грозовой Ястреб» сильно качнуло, когда пилот, облетев дворец, повёл свой корабль вниз, в дыру в энергетическом щите, пробитую бомбами. С башен грохнули выстрелы, несколько из них даже достигли летящий корабль, но пронять его броню такими булавочными ударами им оказалось не по силе.

Командир экипажа челнока выглянул из двери и крикнул:

— Готовьтесь, братья! Высадка через десять секунд!

Напрягшись, Уриэль хлопнул по нагрудной пластине силового доспеха и болтеру в честь их боевых духов. Сбрав волю в кулак, он вытащил энергетический меч, продолжая неотрывно смотреть, как

навстречу несётся земля.

«Грозовой Ястреб» с грохотом сел на булыжную эспланаду перед дворцом.

Уриэль воскликнул:

--- Отвага и честь! --- и выпрыгнул из челнока. Подхватив боевой ключ, Ультратарины ринулись за своим капитаном.

Барзано и Шонаи опасливо поносились на потолок своей камеры. Мощная ударная волна от взрыва магматических бомб раскачивала тюремный этаж словно во время землетрясения. По сводчатым потолкам побежали трещины, и дюжина сводов рухнула, похоронив кричащих от ужаса и боли заключённых под тоннами обломков.

Скала раскололась с грохотом оружейного выстрела, и сталь балок застонала под многотонной тяжестью камня. Барзано поднялся на ноги. Прутья решётки их камеры, напрягшись до предела, скрежетали, выгнувшись наружу под давлением просевшей арки.

--- Вот и пришло время возмездия, --- прошептал он.

--- Что происходит? --- воскликнула
Микола Шонаи, перекрикивая грохот
рушащейся каменной кладки.

--- Ну, по мне, это похоже на первый
удар орбитальной бомбардировки, ---
хладнокровно ответил Барзано и засунул
пальцы глубоко в рот.

Заворожённая столь странными
действиями инквизитора Шонаи
смотрела на него, не обращая внимания на
вибрацию и толчки от бомбардировки.

--- Что это вы делаете?

--- Вытаскиваю нас... отсюда, ---
наконец ответил инквизитор, с громким
хрустом выдернув зуб. Из уголка рта
Барзано заструилась кровь.

Он бросился к двери камеры и,
остотревшись, не видя ли поблизости
стражей, вставил зуб в замок. Тюремные
коридоры наполнились криками и
тольбати заключённых. Стражники тоже
орали, приказывая немедленно всем
заткнуться.

Барзано быстро отошёл от двери и,
подхватив Шонаи, оттащил её и койку с
Дженной Шарбен в дальнюю часть камеры.

Встав на колени, Барзано прикрыл их своим телом.

--- Никола, закройте глаза, уши и откройте рот, чтобы взрывная волна не повредила барабанные перепонки, --- посоветовал инквизитор, прижимаясь лицом к плечам к так и не пришедшей в сознание Шарбен.

Губернатор наклонила голову, грохнул взрыв --- это сработала компактная взрывчатка, спрятанная в зубе Барзано, выбив заток двери в коридор. Сама дверь не тронулась с места, плотно зажатая в своей раме опустившимся на неё потолком. Не успел затихнуть гром взрыва, как Барзано поднялся на ноги и сгаланцовал ботинком по двери камеры.

Она открылась на ширину ладони, но следующий удар распахнул её полностью, и Барзано оказался в коридоре.

Держась за раненое плечо, он повернулся к Шонаи и сказал:

--- Оставайтесь здесь и присмотрите за Шарбен. Я скоро вернусь.

--- Будьте осторожны! --- это всё, что смогла сказать в ответ Никола Шонаи.

--- Всегда, --- ухмыльнулся Барзано, подобрав камень величиной с кулак, свалившийся с потолка, и осторожно направился по коридору, придерживаясь рукой за стену. Добравшись до поворота, он услышал доносящиеся из-за угла возбуждённые голоса стражей.

Погнав над головой камень, Барзано крикнул с сильнейшим местным акцентом, какой только смог изобразить:

--- Быстрее! Быстрее! Заключённые удирают!

Через несколько секунд трое здоровенных тюремщиков выскочили из-за угла.

Барзано ударил камнем в лицо первому из них. Страж тут же повалился на пол, как мешок с цементом. Прыгнув на второго, инквизитор нанёс ему удар камнем по шлему и вовремя распластался на полу --- в нескольких сантиметрах над ним прошипел луч лазерного пистолета. Поднявшись на колени, инквизитор всадил локоть в пах третьему стражу. Тот упал, и Барзано, подхватив его лязган, хорошенько двинул прикладом в висок.

стражнику. Второй попытался было встать, но инквизитор выстрелил ему в лицо.

Прижав приклад к здоровому плечу, Барзано вошёл стволом лазгана в поисках новых целей. Рана на другом его плече болезненно пульсировала, сквозь повязку сочилась кровь, но разве сейчас время думать о таких пустяках?

Позади опять послышались крики, Барзано резко присел, и шквал лазерных плевков зашипел на каменных стенах над его головой. Развернувшись, инквизитор открыл бешеную стрельбу, и двое стражников с воплями повалились на пол. Но оставалось ещё с полдюжины не тронутых врагов, и Барзано закатился за угол, откуда появились его первые жертвы.

Быстро вскочив на ноги, он понёсся по коридору, а орущие стражники мчались следом. Коридор разделялся на два прохода, Барзано нырнул в левый, и раздавшийся в этот момент выстрел оставил на его руке болезненно саднящий рубец. Коридор был прохладным и тёмным, редкие

светильники, казалось, только усиливали мрак.

По всей глине коридора расположились одинаковые катеры, а завершался он ничем не приметельной дверью из ржавого металла. Барзано уловил своей обострённой интуицией волну гнетущего отчаяния. Такой ужас исходил из-за этой двери и концентрация его была столь велика, что инквизитор споткнулся.

Сопротивляясь охватившему его ступению, он двинулся к этой двери, зная, что в его распоряжении считанные секунды, чтобы добежать до убежища, пока его не застрелили преследователи. Добежав наконец до этой пугающей двери, Барзано нырнул в неё, что было сил толкнув ржавый металл ногами.

Дверь с грохотом распахнулась, и он влетел в помещение, приземлившись на спину и застонав от боли, когда рана на его плече вновь открылась. Выстрелив из-за двери в коридор и услышав вопль ещё одного убитого или стража, Барзано со скрежетом задвинул засов и навёл оружие на тех, кто находился внутри помещения.

Инквизитор поднял глаза, и ноги его подкосились: около залитого кровью стола стоял Хирург, погружая жужжащую пилу в тело Алмерза Чанды.

Нырнув в укрытие в виде горы обломков, Уриэль повёл огонь из болтера по траншее мятежников. Там, где его снаряды поражали врагов, расцветали алые фонтаны и к грохоту боя добавлялись крики раненых. Несмотря на то что аптекарь Селенус приложил все силы, чтобы поскорее вернуть Уриэля в строй, рана, нанесённая ему топором предводителя эльдаров, отзывалась тупой болью на каждое движение капитана.

Вход на тюремный этаж дворца находился в дальнем конце этого обширного открытого участка, заваленного полыхающими в пламени пожара обломками здания. По обеим сторонам от входа были бункеры из рокрыта, прикрывающие все возможные подходы, а перед ними — щель-убежище, защищённая недавно натянутыми кольцами колючей проволоки. Со стороны

оборонительных позиций противника
грохотали выстрелы: яркие вспышки
плазганов и треск тяжёлых болтеров.

Ультратарины стреляли из-за своих
импровизированных баррикад по толстым
стенам бункеров. Костические
Десантники выпустили в их направлении
пару ракет, но бункеры могли выдержать и
не такое, лишь прямой артиллерийский
удар мог их разрушить.

Противник вёл сосредоточенный огонь
по позициям Ультратаринов, и Уриэль
понимал, что они теряют время: враг
наверняка вот-вот подтянет тяжёлое
вооружение и ринется в контратаку.
Какими бы грозными воинами ни были
Ультратарины, им ничего не останется,
как отступить перед лицом такой огневой
мощи.

Капитан подозвал своих сержантов и
быстро обрисовал положение.

--- Каковы наши возможности? ---
спросил он.

Пазаниус вложил в кобурку болт-
пистолет и поднял огнелёт.

--- Запроси ограниченный удар с

крейсера, пробей дыру в линии их обороны и
входи с боем через неё.

Уриэль взвесил возможность
орбитального удара: заманчиво, но
слишком опасно.

— Нет, если артиллеристы ошибутся
хоть чуть-чуть, мы сами окажемся в зоне
поражения, а весь тюремный комплекс
может оказаться похороненным под
сотнями тонн обломков.

— Тогда, полагаю, нам придётся идти
на прорыв самим, а это работёнка не из
лёгких, — угрюмо заметил сержант
Венасус.

Уриэль кивнул. Венасус не отличался
склонностью к разного рода ухищрениям,
но, взвесив все имеющиеся возможности,
Уриэль понял, что сержант прав: им
придётся отбросить тактические уловки.
Превосходная подготовка и вера в
Императора были жизненно важными, но в
любой битве рано или поздно наступает
время, когда приходится действовать
напрямую, идти сквозь огонь, чтобы
сразиться с врагом врукопашную — клинок
на клинок, сила на силу. И сейчас это

вре́мя пришло.

На позицию Ультратаринов вновь обрушилась канонада мощного огня, стрелки НСС методично обстреливали каждый сантиметр пространства, чтобы территория перед Костическими Десантниками превратилась в смертоносную зону.

--- Хорошо, --- принял наконец решение Уриэль, --- вот как мы это сделаем.

Барзано успел поднять лезвие, чтобы отразить направленный на него сверху удар пилы Хирурга, которая опустилась на ствол оружия, выбив фонтан лиловых искр. От следующего взмаха пилы инквизитор уклонился, всем телом врезавшись прямо в хвощавую фигуру противника. Оба упали, толкая друг друга руками и ногами, и Барзано вскрикнул, почувствовав, как жужжащая пила въгрызается ему в бедро, как её зубья, проскрежывая по костям таза, выскальзывают из тела.

Он ударил лбом в лицо Хирурга. Из сломанного носа эльгара брызнула кровь, и чужак завизжал от боли. Барзано

откатился в сторону из-под занесённой для
ответного удара пилы, и она просвистела
в воздухе, оставив в каменном полу
глубокую выбоину. Инквизитор наклонился,
чтобы поднять то, что осталось от его
глазгана. Стрелять он уже не сможет, но
его тяжёлый приклад вполне сойдёт за
увесистую глубинку.

Прислонившись спиной к двери,
Барзано налёг на неё всем телом и
почувствовал удары лазерных выстрелов.
Долго дверь не продержится.

Хирург приближался к нему, с
завывающей пилы во все стороны летели
капли крови. Лицо эльгара превратилось в
малиновую маску, его лиловые глаза
залила волна ненависти.

А позади на столе стонало
истерзанное тело Алтерза Чангы, его
окровавленная плоть с содранной кожей
начала содрогаться — действие средства,
парализующего мышцы, которое ввёл ему
Хирург, кончалось.

Собрав волю в кулак, Уриэль
прошептал короткую молитву священному

примарху, прося его об удаче в
предстоящей атаке. Костиические
Десантники ожидали его приказов.
Капеллан Клозель читал Литанию
Витвы, его суровый, решительный голос
вселял силу и уверенность в души и сердца
воинов Четвёртой роты. Уриэль понимал,
что он должен подать такой же пример,
поведа этих людей в атаку.

Теперь стрелки НСС лупили из своего
оружия вслепую: дымовые гранаты,
брошенные на их сторону, извергали клубы
маскирующего дыма.

Решив, что дыма достаточно,
Уриэль воскликнул:

— В атаку! За славу Терры! — и
рванулся вперёд из-за горы обломков.

Ультрамарины, взревели, как огни
бросились за своим капитаном в дым, под
снаряды и лазерные лучи, смертельные для
любого, не облачённого в священные
силовые доспехи. Эти доспехи,
благословлённые Технодесантниками и
пронизанные боевым настроением, хранили
твёрдость воинов.

Костиические

Десантники

рассыпались веером, чтобы разом не
попасть под плотный огонь противника.
Это испытание каждому предстояло
преодолеть в одиночку. Уриэль мчался
сквозь белые облака, освещаемые злобещим
светом мерцающих языков пламени. Он
бежал мимо обожжённых тел, через
участки выжженной земли и груды
брошенной военной амуниции. Вокруг
рвались снаряды и вспыхивали лазерные
лучи, выжигая сам воздух. Уриэль
возглавлял атаку, и все его чувства были
обострены до предела.

Плотный дым окутал все поле боя,
лишь яркие вспышки где-то впереди
подсказывали Костическим Десантникам,
какое ещё расстояние оставалось
преодолеть.

Сто пятьдесят шагов.

Сквозь дым Уриэль Вентрис
различал размытые силуэты своих
братьев, оружие которых изрыгало плевки
огня в сторону траншеи мятежников.

Сто шагов.

Раздался рёв боли. Но мере
приближения к врагу в капитане

нарасталала холодная ярость.

Затем рядом с ним разорвалась земля, обдав Уриэля градом каменных обломков и раскалённого металла, — по нему палили из тяжёлых болтеров. Первый болт угодил в наплечник, сбив воина с ног, второй ударил по энергетическому мечу, с градом искр оторвав клинок от эфеса.

Уриэль упал и, перекатившись на несколько метров, скользнул в укрытие. На визоре его шлема вспыхнули красные рунны, перекрывая обзор. В глаза закапала кровь, и, сняв шлем, капитан вытер её, уже свернувшуюся. Когда Уриэль посмотрел на свой загубленный меч, гнев охватил все его существо: от клинка остался лишь короткий обломок, сложные узоры, в которых жил дух оружия, были разорваны. Наследие Айгэуса уничтожено, единственного осязаемого подтверждения его, Уриэля, командирской власти больше не существует.

Гневно вложив в ножны останки меча, Уриэль поднялся на ноги.

Дым постепенно рассеивался, и он увидел, что находится менее чем в сотне

метров от бункеров. Он был уже почти у цели, но на таком расстоянии огонь, который вели по Ультратаринам враги, становился особенно мощным, и атака Космических Десантников постепенно захлебнулась. Шквал вражеского огня был таким, что пройти сквозь него живым было практически невозможно.

И тут Уриэль, ощутив в себе абсолютную веру, спокойно пошёл на эту стену огня и, преклонив колени перед телом павшего боевого брата, взял ценный меч из его мёртвой руки. Снаряды взрывали землю рядом с ним, но капитан Ультратаринов шёл не сгибаясь, он даже не пытался уклониться от болтов и лазерных лучей, будто бы их и не было вовсе.

--- Капитан! Ложись! --- крикнул Назаниус. Уриэль повернулся к укрывшимся Ультратаринам и закричал:

--- За мной!

Ему в грудь ударил луч лазера.

Уриэль пошатнулся, но не упал, а орёл в центре его нагрудной пластины расплавился. Капеллан Клозель поднялся на

ноги, воздев над головой крозиру арканут.

--- Смотрите, братья! Нас защищает сам Император! --- воскликнул он, и голос капеллана разнёсся над всем полем боя. Огромный капеллан закричал: --- Вставайте, братья! За Императора! Вперёд!

Уриэль нажал руну на эфесе цепного меча, и клинок, зарокотав, ожил. Ультратарин повернулся к траншее противника.

Они сделают это. Пощады не будет.

Хирург совершил выпад, направив пилу в живот Барзано, но тот увернулся. Ухватившись за то, что когда-то было лазганом, а ныне --- простой глубинкой, инквизитор крутанулся навстречу противнику и сдвинул его локтем в бок. Перекатившись вперёд, он сумел избежать ответного удара пилой и с размаху врезался в стол с хирургическими инструментами. Тут же на пол со звоном посыпались пыточные сверла и щипцы. То, что осталось от Алтерза Чанды, не прекращало стонать, но никому до этого

не было дела; и когда Хирүрг вновь пошёл на инквизитора, тот поднял с пола длинный скальпель с крюкообразным лезвием.

Силы Барзано таяли, и он понимал, что долго ему не продержаться. Поднявшись, он крепко сжал в кулаке скальпель. Эльдар, трачно ухмыльнувшись, взмахнул пилой, целясь человеку в голову.

Инквизитор блокировал удар предплечьем, завопив, когда зубы пилы вгрызлись в его руку и заскрежетали вдоль кости к локтю. Тут воющая пила, задрожав, остановилась — её зубы застряли в кости. И прямо так, с пилой в руке, Барзано сделал шаг вперёд и всадил скальпель в висок Хирүрга.

Эльдар зашатался. Из рта его рекой хлынула кровь, колени подкосились, из черепа с торчащими оттуда пятнадцатью сантиметрами стали начал вытекать мозг. Издав последний вздох, эльдар рухнул вперёд, и пила наконец отпустила искромсанную руку Барзано.

Инквизитор опёрся на стол, изо всех

сил стараясь не потерять сознание от пронзающей боли. Толстый шпат мяса свисал с его локтя, но он с усилием заставил себя не смотреть на это.

Но двери продолжали лупить выстрелы, нужно было, несмотря на вспышки невероятной, раздирающей боли в черепе и во всём теле, думать о дальнейшей защите. Инквизитор наклонился, чтобы вытащить из-за пояса Хирурга странного вида пистолет, и скорее почувствовал, а не увидел движение рядом с собой: это, с позволения сказать, Алмерз Чанда приподнялся и сел на столе, его изуродованное тело сделало последний рывок перед смертью. Устерзанные ошметки его плоти вопили о чудовищной, невообразимой боли --- и молили об искуплении.

Барзано старался удержаться на ногах, и в этот миг дверь комнаты Хирурга в конце концов с грохотом рухнула.

Уриэль врезал кулаком по забралу стража, и лицо человека превратилось в

кровавое месиво. Выстрел из лазгана оставил глубокий след в нагрудной пластине капитана, но в целом доспехи ещё функционировали, и Уриэль одним выстрелом из болтера уложил нападавшего стрелка. Описав яростную дугу, его цепной меч обезглавил второго солдата и распотрошил третьего. Выстрелив в лицо третьему, Уриэль взревел в свирепом восторге битвы.

Траншея превратилась в настоящую бойню.

Ярости Ультратаринов не было предела, они разрывали мятежников из НСС на куски, опустошив траншею неистовством своего натиска. Болтеры палили непрерывно, цепные мечи полыхали красным в солнечном свете, и потоки жидкого платени заживо поджаривали людей. Пощады Костические Десантники не давали никому, и в считанные секунды траншея превратилась для предателей в открытую могилу.

Сохраняя скорость атаки, Уриэль, призвав своих людей следовать за ним, первым выкарабкался из траншеи и

получался к бункеру. Крупнокалиберные снаряды изрешетили землю вокруг него, но Вентрису каким-то непостижимым образом удавалось избегать прямых попаданий. Стреляя на бегу, капитан Ультратаринов оказался в десяти метрах от бункера. Он увидел, как Назаниус выпустил глиняную стрелу жидкого пламени в стрелковую бойницу второго бункера, оранжевые языки огня плясали вокруг исполина, наполнявшего цитадель противника обжигающей смертью.

Уриэль нырнул и подкатился к основанию бункера и снова избежал очереди, выпущенной по нему чуть ли не в упор. Он прижался спиной к передней стене укрепления. Бункер представлял собой приземистую плиту рокуита, выступающую над поверхностью земли, с узкими щелями-бойницами с каждой стороны. Да, здесь гранаты будут бесполезны. В бункере наверняка есть гранатопоглотитель --- защищённая камера, в которой взрывная сила гранат сводилась на нет.

Из бункера продолжали стрелять, и

Уриэль дождался характерного звука скользящей назад затворной рамы опустевшего болтера. Затаив дыхание, он услышал двойной щелчок вставленного нового магазина.

Взревев, Уриэль рывком поднялся на ноги и вогнал цепной меч через бойницу стрелку прямо в лицо. Последовал жуткий вопль и хруст костей. Вытащив меч, капитан Вентрис всунул в бойницу ствол своего болтера и, потянув за спусковой крючок, принялся водить подпрыгивающим стволом слева направо и обратно, наполняя бункер разрывными болтами. Крики оттуда доносились недолго, но Уриэль успокоился, лишь опустошив магазин целиком.

Он выронил болтер, его лицо было залито потом и кровью.

Все. Бункеры принадлежали Ультратаринат, тюремный комплекс лежал перед ними.

Тюремные стражники ворвались в камеру пыток и столкнулись лицом к лицу с привидением из своих худших ночных

Коштаров: это агонизирующий Алтерз
Чанга рванулся вперёд, вытолкнув
передних тюремщиков за дверь и
опрокинул их на пол.

Молодая руками и ногами,
утирающий жутко был от невыносимой
боли, казалось, его боль передаётся всем,
кто слышал эти терзающие душу звуки.
Лазерный луч вонзился в изуродованное
тело Чанги и сквозь него — в стражника.

Оторвав взгляды от этого чудовищно
изувеченного человека, тюремщики
установились на единственного оставшегося
в живых обитателя камеры пыток.
Барзано качался, его искромсанное тело
выглядело так, будто он только что
принял кровавую ванну. Смерть Чанги
дала ему драгоценные секунды, которые он
вовсе не намерен был упускать. Наведя
пистолет Хирурга на стражников, он
потянул за спусковой крючок.

Пучок тёмных изл вылетел из дула
пистолета, вонзившись в ближайших
стражей, искромсав их и убив на месте.
Стоявшие позади оказались не столь
удачливы: излы не убили их сразу, но

отравили смертоносными токсинами.

Барзано, шатаясь, заковылял к двери, а стражи — кто упал, конвульсивно дёргаясь в предсмертной агонии, а кто удрал, увидев, какая страшная смерть постигла их товарищей. Инквизитор захлопнул дверь и осел на пол, заливая все вокруг своей кровью, а вместе с ней и инквизитора покидали и драгоценные силы.

Снаружи опять зазвучали крики, раздались выстрелы и взрывы. Он почувствовал, как кто-то толкает дверь, и пытался удержать её закрытой, но не смог. Упав на пол, он поднял руку с пистолетом... Инквизитор не видел уже ничего — перед его глазами всё расплывалось.

Сержант Леаркус вырвал пистолет из руки потерявшего сознание инквизитора и отшвырнул его в сторону — да, это он с дгвтя боевыми братьями, с Миколой Шонаи, Лортүэном Перджедом и шестью ошеломлёнными клерками ворвались в комнату пыток. Один из Космических Десантников внёс Женну Шарбен и

осторожно положил арбитра на стол Хирурга.

--- Займитесь им, --- приказал Леаркус, указывая на безжизненно упавшего Барзано.

Сержант включил вокс:

--- Капитан Вентрис, инквизитор Барзано у нас. Он тяжело ранен. Нужно срочно перевести его на крейсер.

Уриэль рванулся через дытящиеся развалины тюрьмы, стреляя на бегу. Взрыв уничтожил большинство солдат, оборонявших вход, звенящее эхо взрыва сопровождалось стонами умирающих.

Его настроение поднялось, когда Леаркус сообщил, что инквизитор в безопасности.

Все-таки правильное решение он принял, оставив сержанта во дворце, чтобы тот прорвался в тюремный комплекс сверху.

Однако под землёй находилось ещё несколько сотен человек. Добраться до братьев и переправить их в безопасное место пока только предстояло. Пазаниус вновь полыхнул пламенем вниз, по грубо высеченной в камне лестнице, ведущей во

тюрем.

Снизу понеслись вопли, и Уриэль вновь повёл Ультратаринов в атаку.

Стреляя из болтера через дверь, Леаркус уложил на месте ещё двух стражников и ранил третьего. Три атаки были отражены, но боезапас подходил к концу, да и время было на исходе. В этой комнате ещё два входа, и каждый из Космических Десантников яростно отбивался от нападающих болтером и ценным мечом.

Никола Шонау и Лортуэн Перджед пытались остановить кровотечение из руки Барзано, но проигрывали это сражение: в этой комнате имелись инструменты только для причинения боли, а не для сохранения жизни. Рука мертвенно-бледного Барзано была рассечена дьявольской пилой от запястья до локтя, слабый пульс едва прощупывался.

Все больше и больше стражей сбегались к дверям камеры пыток, но каждый раз их сносили смертоносные болты или крохотали визжащие ценные мечи. Комнату наполняло зловоние

смерти.

Но вот иссяк последний магазин, и Леаркус, выпустив из руки болтер, бросился к двери, которую вновь штурмовали враги. Он зарубил мечом первых нападающих, но выстрелы из лазганов сбили сержанта с ног. В его визоре вспыхнули красные руны. Он перекатился, перерубил ноги одному из нападающих и всадил кулак в пах другому. Сержанта кололи штыками, но в большинстве своём оружие скользило по мощной броне госпехов.

Он сам колот и рубил, бил ногами и рывками во все стороны, ощущая, как ломаются кости врагов от каждого его движения. Громыкнул залп, Леаркус вырвался из толпы нападавших, с рёвом раскидав их в стороны...

Ультрамарины держались, но это не могло длиться вечно.

Удар тыльной стороной руки отправил очередного вопящего врага в ад — это Уриэль с Назаниусом продолжали спускаться в тюремный комплекс. Шлем капитана остался на поле боя, поэтому он

следовал за сержантом, чей пеленгатор
вёл их к Леаркүсү.

Спереди донеслись вопли утирающих
и отзвуки яростной схватки, и, бросившись
вперёд, сержант убил десяток
стражников, атакующих широкую дверь.

Не дожидаясь приказа, Назаниүс
выпустил по ним струю пламени из своего
стертоносного огнемёта. Крики ужаса и
вонь обожжённой плоти наполнили узкий
коридор, и Ультратарины набросились на
тюремных стражей сзади.

Это был уже не бой, а резня. Бежать
тюремщикам было некуда. Зжатые
между неистовым Леаркүсом и вновь
появившимися Десантниками, уцелевшие
попытались отгаться на милость Уриэля.
Но пощады не было — все мятежники до
одного были убиты.

Тяжело дыша и вытирая кровь с лица,
Уриэль влетел в камеру пыток Хирүрга.
Комната была завалена мёртвыми
телами, стоял невыносимый
тошнотворный запах крови. Тишина,
внезапно сменившая шум битвы, оглушала,
и Леаркүс сощурился, опуская свой залитый

кровью меч.

Уриэль подошёл к Леаркүсү и сжал в своей ладони его руку.

--- Рад встрече, брат, --- прошептал Уриэль.

Леаркүс кивнул:

--- У а, капитан.

«Грозовой Ястреб» с рёвом взмыл вверх, преследуемый несколькими насех переоборудованными в боевые корабли челноками и орнитотерами. Спроектированные для атак с бреющего полёта на медленно движущиеся наземные цели, они не могли противостоять кораблю Космических Десантников. Тем, кому хватило ума убраться от челнока, восвояси, --- повезло, но семь кораблей преследователей были уничтожены.

Спасение инквизитора Барзано стоило жизни трём Ультратаринам и двум клеркам, убитым в перестрелке, вспыхнувшей в катере пыток. Лортүэн Перджед был непреклонен в требовании похоронить их со всеми воинскими почестями.

Прежде чем заняться ранеными,

апотекарий Селенус удалил жизненно важные прогеноидные железы из тел павших Космических Десантников. Возвращение драгоценного генного семени важнее оказания медицинской помощи пострадавшим на поле боя.

Стабилизировав состояние Барзано, он занялся переливанием ему крови от клерка с кровью подходящей группы. Благородный человек выразил готовность отдать кровь до последней капли, чтобы только спасти жизнь инквизитора, но Селенус заверил его, что столько кардинальных мер не потребуются.

Затем он обработал рану Дженны Шарбен, и, хотя она не сможет встать на ноги ещё долго, теперь её жизнь была вне опасности, а рана не причинит девушке долгих страданий. Да и большинство Ультратаринов оказались ранеными не очень-то тяжело.

Помытый «Громовай Ястреб» вышел на высокую орбиту и, состыковавшись наконец с крейсером «Горе побеждённому», доставил на его борт воинов.

Старшие офицеры экспедиции на

Навонис расположились вокруг круглого
стола в каюте совещаний капитана.

Лорд адмирал Тибериус сидел спиной
к стене под внушительным шёлковым
полотнищем, на котором в
хронологическом порядке были отражены
все победы сугна и имена его прежних
капитанов, первые из которых
командовали крейсером ещё за сотни лет
до рождения Тибериуса. По одну сторону
от лорда адмирала сидели изнурённые
сражением Ультратарины, только что
вернувшиеся после битвы на Навонисе:
Уриэль, Леаркус, Назаниус, Венакус и
Дардино. На противоположной стороне
стола расположились Никола Шонаи и
Портүэн Перджед..

Между ними оказалось свободное
кресло, но вот прибыл и последний
участник военного совета. Его левая рука
была на перевязи, а сам он заметно
прихрамывал.

От взгляда Уриэля не укрылся
специфический блеск в глазах Барзано ---
он красноречиво говорил о том, что
инквизитора накачали стимуляторами по

полной программе. Да, инквизитор действительно применял медицинские препараты, чтобы нейтрализовать боль в раненой руке и плече. Барзано опустился в кресло напротив Уриэля; лицо инквизитора было очень бледным.

--- Хорошо, --- открыл совет Барзано. --- Думаю, будет честным признать положение мрачным. Казимир де Валмос захватил Навонис и в любой момент сможет добраться до древнего чуждого оружия, способного учинить разрушения в масштабе целой звездной системы. Все ли согласны с тем, что это справедливая оценка нашего положения?

Все собравшиеся согласились с инквизитором.

--- Что, в таком случае, вы предлагаете, инквизитор Барзано? --- спросил Тибериус.

--- Предлагаю направить закодированное послание на Макрэйдж и вызвать к Навонису боевое судно, оснащённое циклоническими торпедами.

Уриэль стукнул кулаком по столу.

--- Нет! --- решительно заявил он. --- Я

этого не потерплю. Мы пришли сюда, чтобы спасти людей этой планеты, а не уничтожить их!

Тибериус отечески накрыл своей ладонью руку Уриэля. Никола Шонаи перевела озадаченный взгляд с Вентриса на Барзано.

--- Возможно, я чего-то не понимаю, --- наконец произнесла она. --- А что такое циклонические торпеды?

--- Убийцы планет, --- ответил Уриэль. --- Они уничтожат в огненной буре атмосферу Павониса, очистив поверхность от всего живого. Моря вскипят и испарятся, и ваш мир превратится в бесплодную скалу, усыпанную пеплом.

Шонаи обратила полный ужаса взгляд на Барзано.

--- Вы уничтожите мой мир? --- с сомнением спросила она.

Барзано медленно кивнул:

--- Если это не позволит безумцу овладеть Несущим Ночь, то да, я сделаю это. Лучше пожертвовать одним миром, чем потерять тысячи. И мы не уклонимся от своего долга.

--- Убивать невинных людей не есть наш долг, --- заметил Уриэль.

--- Наш долг --- спасти столько жизней, сколько мы сможем, --- возразил Барзано. --- Если мы ничего не сделаем и де Валтосус удастся овладеть кораблём ксеносов, погибнет не только Павонис, а множество миров. Мне нелегко даётся это решение, Уриэль, но я должен полагаться на холодную логику и Императора, который руководит мною.

--- Не могу поверить, что именно в этом состоит воля Императора.

--- Кто ты такой, чтобы судить, чего хочет Император? --- выпалил Барзано. --- Ты воин, который может увидеть своих врагов на поле битвы и сразить их мечом и болтером. Мои враги --- это ересь, отклонения и честолюбие. Это более коварные враги, чем ты можешь себе представить, и соответственно я должен применять более мощное оружие.

--- Вы не можете сделать этого, Барзано, --- сказал Уриэль. --- Мои люди сражались и проливали кровь за этот мир. Я не сдамся.

--- Речь не идёт о том, чтобы
сдаться, Уриэль, --- возразил Барзано. ---
Речь идёт о предотвращении. Мы не
знаем ни того, где находится де Валтос,
ни того, как он намеревается завладеть
кораблём, а без этой информации мы
ничего не сможем сделать. Если мы будем
колебаться и не успеем предотвратить
приход Несущего Ночь, сколько ещё жизней
будет потеряно? Десять миллиардов?
Тысяча? Ещё больше?

--- Наверняка мы можем что-то
предпринять, чтобы остановить де
Валтосу, --- заявила Шонаи. --- На Павонисе
миллионы людей. Я не буду просто стоять
и выслушивать, как обсуждается судьба
моего мира, словно его уничтожение ---
какой-то пустяк.

Барзано повернулся лицом к Шонаи и
сказал:

--- Поверьте мне, Никола. Я вовсе не
бессердечное чудовище и не считаю, что
гибель мира ничего не значит. Если бы
существовал другой способ, я бы с радостью
выбрал его.

Пока Барзано говорил, в голове

Уриэля вновь прозвучали слова Гедрика:

Смерть Миров и Несущий Тьму ожидают рождения в этой галактике. Поднимется один из них или никто, --- выбор в твоих руках.

--- Вы действительно имеете это в виду, инквизитор Барзано? --- спросил Уриэль.

--- Что именно? --- насторожённо спросил Барзано.

--- Относительно выбора другого способа, если будет такая возможность?

--- Да.

--- Тогда, я полагаю, другой способ есть! --- торжественно заявил Уриэль.

Барзано скептически поднял бровь и наклонился вперёд, опершись на стол и стараясь не потревожить раненую руку.

--- И каков же он, Уриэль?

Уриэль осознавал всю важность момента, а потому долго собирался с мыслями, прежде чем заговорить.

--- Когда в подвале дома де Валмоса мы обнаружили скелеты двух воинов, я заметил, что упаковки батарей, к которым они были подключены, имели

идентификационные надписи.

--- У?...

--- На них было написано «Тембра Ридж», --- возможно, губернатор может пролить свет на то, что означает эта надпись, --- ответил Уриэль.

--- Тембра Ридж? Это горный хребет примерно в сотне километров от Врат Брэндона. Он тянется от западного океана к лесу Греша на востоке, почти тысяча километров скалистых плоскогорий и низкорослых лесов. По всей длине хребта прорыты сотни глубоких шахт. Многие из картелей владеют землёй в Тембра Ридж. У картеля де Валмос там несколько участков.

--- Если те вещи были извлечены из шахты в Тембра Ридж, разве не может быть, что и сам Несущий Ночь также лежит там под землёй? --- заключил Уриэль.

Барзано с улыбкой кивнул:

--- Очень хорошо, Уриэль. А теперь, если бы только мы смогли знать, из какой именно шахты, у нас действительно появился бы повод для праздника.

Хотя тон Барзано оставался несколько саркастичным, Уриэль видел, что теперь инквизитор по крайней мере потерял уверенность в том, что уничтожение Павониса — единственный путь к спасению галактики. Арио Барзано повернулся, к Микеле Шонау:

--- Насколько глубоки эти шахты?

--- По-разному, --- ответила Шонау, --- самые глубокие, возможно, десять тысяч метров, другие --- порядка трёх-четырёх тысяч. Всё зависит от того, какой пласт разрабатывается и на какую глубину экономически оправданно уходить.

--- Тогда мы выясним, какие шахты принадлежат картелю де Валтос, и разбомбим их все с орбиты! --- прорычал Уриэль.

--- Лортүэн? --- произнёс Барзано, поворачиваясь к своему другу и помощнику, и тот в ответ задумчиво кивнул и закрыл глаза. Его дыхание затеделось, веки затрепетали: он отбирал факты, цифры и статистику из пучины информации, собранной им вместе с клерками во время изысканий.

Глаза старика быстро двигались из стороны в сторону, словно считывая информацию, появляющуюся на внутренней поверхности века. Капитан Уриэль впервые заметил, что за ухом Перджеда поблёскивает металл: он носил кибернетические имплантаты, схожие с теми, что были у сервиторов.

Не открывая глаз, Перджед заговорил невыразительным, монотонным голосом:

— В Тембра Ридж картель де Валтос владеет четырьмя шахтами. Все они поставляют минеральную руду, подлежащую переработке в сталь для производства танковых шасси и оружейных стволов, но к настоящему времени уровень производства самой северной из них — наиболее низкий. Полагаю, этот дефицит покрывается повышенной производительностью других шахт, что объясняет большее количество несчастных случаев среди рабочих.

Голова Перджеда склонилась, его дыхание постепенно вновь пришло в норму, и Уриэль торжествующе посмотрел на Барзано.

--- Вот, --- радостно изрёк он, --- у нас есть местоположение, и мы можем атаковать, не прибегая к геноциду.

--- Боюсь, это ничего не меняет, капитан Вентрис, --- тихо сказал Тибериус.

--- Почему?

--- Даже при полной нагрузке на наше оружие магматические бомбы не смогут проникнуть так глубоко в кору планеты.

--- Тогда мы вновь предпримем вылазку на поверхность! --- воскликнул Уриэль. --- Техники сообщают, что теперь у нас на ходу два «Грозовых Ястреба». Мы вылетим, как только перевооружимся, а де Вальтоса мы, если понадобится, вытащим из-под земли голыми руками.

Уриэль вызывающе посмотрел на Барзано, собираясь опровергнуть любые возражения, которые могли появиться у инквизитора.

Но Барзано просто молча кивнул. Спустя несколько секунд он произнёс:

--- Прекрасно, Уриэль. Попытаемся сделать по-твоему, но, если ты потерпишь неудачу, Павонис погибнет. От моей руки

или от руки де Балмоса.

--- Неудача исключена. Павонис бюджет
жить, --- заверил Уриэль. --- Мы ---
Ультратарины!

Раздался очередной залп огня. Вирджил Ортега пригнулся, и его обдало градом каменных осколков — стена позади него была практически полностью разрушена. Скользнув за баррикаду из-под обстрела, он выбросил опустевший барабанный магазин и, вставив в стабберновый, передёрнул затвор.

Враги снова пошли в атаку, и Ортеге пришлось в очередной раз взгромоздить тяжёлое оружие на бруствер баррикады. Заняв удобную позицию, он упёрся плечом в приклад и потянул за спусковой крючок. Из перфорированного кожуха вырвался клуб дыма, и сотни высокоскоростных пуль, разорвав воздух, с оглушительным рёвом врезались в первую волну атакующих, в одну секунду превратив их тела в горючие искромсанные трюны. Оружие вибрировало в руках Ортеги столь сильно, что арбитр с трудом удерживал его, напрягая для этого все свои мускулы. При огромной огневой мощи и скорострельности

стаббера значение имела не столько точность стрельбы, сколько наличие боезапасов: стаббер мог опустошить весь свой магазин за считанные секунды.

Из двадцати семи арбитров, которых ему удалось увести с базы Агентств Арбитрес после разгрома, оставалось в живых ещё восемнадцать. Вынырнув из замаскированных тоннелей под дворцом, о которых не знала даже губернатор, арбитры после короткой, но жестокой перестрелки захватили склад боеприпасов. Это стало для неприятеля полной неожиданностью, и арсенал, спроектированный противстоять атакам снаружи бесконечно долго, пал в течение всего лишь часа.

Силам мятежников понадобилось, увы, гораздо меньше времени, чтобы организовать контратаку и попытаться выбить арбитров из их нового убежища. Укрытый под дворцом, арсенал был недоступен для тяжёлой боевой техники, атаковать его могла только пехота, так что, получив в своё распоряжение практически весь ассортимент самого

мощного оружия, Вирджил Ортега оказался бельмом на глазу мятежников. Без тяжёлого вооружения, которыми были до отказа забиты складские помещения арсенала, те оказались в весьма затруднительном положении: отвечать на гнев имперского возмездия мятежникам стало нечем. А в том, что это возмездие рано или поздно наступит, мало кто сомневался как с той, так и с другой стороны.

Ортега отправил Колликса в сопровождении шестерых арбитров на поиски взрывчатки, чтобы подготовить арсенал к уничтожению. Они смогут, взорвав арсенал, отправить его в варн, а если повезёт, то и сами, проведя несколько атак, смогут унести ноги из этого некла.

Коридор перед Ортегой был завален телами мёртвых врагов, груды трупов превратились в импровизированные защитные укрытия для осаждённых.

Ортега без усталости водил стволом стаббера по сторонам, стреляя на малейший признак движения. Остальные арбитры сражались плечом к плечу со

своим командиром: они вели огонь из
дробовиков, болтеров и стабберов, наполняя
пространство перед собой огнём, дымом и
смертью.

Ортега услышал приглушённые
проклятия и, бросив быстрый взгляд назад,
увидел Колликса, волокущего за собой
лафет, на котором возвышалась сдвоенная
автоматическая пушка. Ортега
устехнулся: пушка предназначалась для
установки на моторизованное
транспортное средство, вероятно на
«Стража», и была слишком тяжёлой для
одного человека.

Тут на оборонявшихся вновь
посыпались выстрелы. И хотя прямых
попаданий можно было не опасаться,
осколки рикошетили от стены.

--- Давай, Колликс, пошевеливайся! ---
закричал Ортега и стянул с баррикады
тело с наполовину снесённой головой --- ещё
одна арбитр.

--- Угу, сэр!

--- Сколько нам понадобится времени,
чтобы взорвать все это к чёртовой
матери? Когда можно начинать

отступление?

--- Я не уверен, что ты сможешь это сделать, сэр.

--- Ты это о чём?

--- Демонаторы для взрывчатки здесь не хранятся, --- объяснил Колликс. --- Полагаю, специально, чтобы не дать противнику сделать то, что сейчас мы пытаемся устроить мы.

Ортега выругался. Опустив тяжёлый стаббер, он сполз с баррикады и, пригнувшись, направился к Колликсу, чтобы помочь ему с тяжёлым оружием.

--- Тогда нам нужно найти другой способ, чтобы отправить все это в варн! --- прорычал Ортега.

--- Можно устроить взрыв в ручную, --- предложил Колликс.

Осознав, что тот предлагает, Ортега встретился с сержантом взглядом:

--- Будем надеяться, что до этого не дойдёт, Колликс.

--- Да уж, --- угрюмо кивнул тот.

--- Установим пушку здесь, --- приказал Ортега, выбрав позицию для оружия так,

чтобы его огонь прикрывал арбитров на баррикаде.

Колликс потянул за тормозной рычаг на лафете пушки, закрепил колеса, а затем выдвинул подпорки. Отдача у этого орудия наверняка очень сильная, и Ортега не был уверен, что импровизированная станина сможет удержать пушку после выстрела.

Тут из-за его спины донеслись визги и отчаянные крики, и Ортега в очередной раз выругался, увидев, как его арбитры дерутся с людьми в серой униформе. Каждый мужчина и каждая женщина сражались с неистовой свирепостью, и проход, и без того заваленный трупами, вновь наполнился глотом и кровью.

Агенты Арбитрес были одними из наиболее дисциплинированных и преданных войск, на которые мог рассчитывать Император, но мятежники из НСС билась с бешенством загнанных зверей. Бой шёл не на жизнь, а на смерть.

Ортега отстегнул от пояса шокуюющую булаву и ринулся в самую гущу схватки, неистово молотя противников налево и

направо. Колликс, взмахнув здоровенным энергетическим мечом, непринуждённо рассёк одного из солдат НСС надвое. Конечно, и Ортега мог воспользоваться мечом — здесь, в имперском арсенале, хранилось огромное количество самого современного и экзотического оружия, в том числе энергетические мечи и огромные энергетические топоры, но Ортега доверял старой и надёжной, не раз им испытанной булаве.

Размахиваясь, Ортега, сам того не заметив, разнёс булавой череп подкравшегося к нему сзади врага. Вирджил изстратил уже семь энергетических зарядов, но здесь не было недостатка в боеприпасах. И даже тогда, когда на перезарядку оружия просто не было времени, когда Ортега был вынужден использовать булаву без шокового поля, кусок металла в полметра толщиной был мощным оружием в руках человека, который знал, как с этим куском металла обращаться.

Ортега бился спиной к спине с Колликсом, и вместе они пробивали проход

сквозь строй окровавленных солдат НСС, круша им кости и разбивая лица оружием и кулаками.

— Смотрите, это правосудие Императора вершится над вами, грешники! — воскликнул Колликс, нанеся противнику удар ногой в пах, а затем обезглавив врага смертельным ударом меча.

Ортега всагил булаву в живот другого солдата и, когда тот от боли сложился пополам, ударил коленом ему в лицо. Кровь брызнула во все стороны, и Ортега ударил вновь. Он понимал, что должен во что бы то ни стало продолжать сдерживать нападающих — хотя бы ещё немного.

Постепенно пространство вокруг него расчистилось, и Ортега выпустил из руки булаву, вновь поднимая с пола тяжеленный стаббер. Напрягшись, он потянул за спусковой крючок, и все его тело заходило ходуном от мощной отдачи. Ребра Ортеги болезненно скрипели при каждом выстреле, в какой-то момент арбитры даже показалось, что он заработал ещё

несколько переломов.

Крупнокалиберные снаряды вспороли ряды мятежников, и дюжина солдат повалилась наземь, как костяшки домино. Бронежилеты солдат НСС были неспособны противостоять такому мощному оружию, как стаббер. Видя, что враги как подкошенные валятся на пол, Ортега взревел. Это был и боевой клич, и первобытный рёв гнева и боли одновременно.

— Смерть тем, кто оскверняет законы Императора!

В уголках его рта пузырилась кровь, и он чувствовал в груди глухую боль. Да, теперь он был уверен, что вновь сломал по крайней мере одно ребро. И в этот момент все вдруг стихло. Внезапно всё было кончено.

Последние из нападавших пали или позорно бежали. Несколько отчаянно обороняющихся арбитров оказались для них непреодолимой преградой. Ортега не давал никакой пощады даже убежавшим, стреляя в спины солдат в серой форме.

В итоге скрыться, отстреливаясь на

ходу, удалось лишь жалкой горстке
предавателей.

Вдруг в грудь Ортеге вонзился
лазерный луч. Стены вокруг арбитра
стали водить хоровод, и в следующую
секунду пол поднялся и ударил по лицу
холодным бетоном. Ортега почувствовал,
как чьи-то руки схватили его и
потащили назад. Последнее, что он успел
увидеть, это арбитра, по-прежнему
продолжавших удерживать баррикаду.

Пали ещё шестеро из людей Ортеги,
но арбитры держались.

Пока.

Уриэль и Назаниус неслись вверх по
косогору, держа курс на группу домов с
железными стенами, разместившихся на
горном плато. Жара в горах стояла
неимоверная, казалось, сами камни
раскалились добела, и их сияние ослепляло.

За ними к глубокоствольной шахте,
которую Лортуэн Перджез назвал ТР-701,
по скалистым, покрытым редким низкими
кустарником склонам гор Тембра Ридж
поднимались остальные Ультратарины.

Склон этот не выглядел местом, достойным героической смерти, и Уриэль надеялся, что был прав, используя эту последнюю возможность остановить де Вальмоса.

Арио Барзано находился в шести километрах к западу от шахты в одном из «Громовых Ястребов», с волнением ожидая от Уриэля подтверждения, что это и есть именно то место, которое они искали.

Шесть отделений Ультратаринов продвигались вверх по склону горы, причём этот крутой подъём отбирал у них сил не больше, чем обыкновенный марш по плацу. Поднимаясь, они старались прикрывать спины друг друга, не сомневаясь, что рано или поздно их заметят, — слишком ярко выделялись на фоне белого камня гор их синие доспехи.

Обжигающие струи отработанных газов извергались из выхлопных отверстий, разбросанных по склону горы. Через эти трубы на поверхность выводились выхлопные газы машин, занимающихся глубинным бурением, и Уриэлю это зрелище напомнило

неуготонные вулканы в южных океанах
Макрэйджа.

Отделение Дардино поднималось по
левому флангу. Горный склон там был
круче, но воины Дардино были оснащены
прыжковыми ранцами, которые заметно
облегчали продвижение воинов по склону,
покрытому каменной осыпью.
Отделения Венауса, Назаниуса, Элерны,
Ниваниуса и Дедалуса двигались вверх по
широкому ступенчатому склону.

Комплекс шахтных сооружений сиял в
лучах солнца, серебристые стены его
зданий, словно зеркало, отражали свет во
все стороны. Понять, там ли затаились
вооружённые отряды врага или нет, было
совершенно невозможно. Столбики
выхлопных газов поднимались из-за зданий,
но были ли то бронемашины, или они
выходили из-под земли, как это
происходило на склоне горы, было неясно.

Ультрамарины были уже в трёх
сотнях метров от плато.

Казитир де Валмос шёл в почти
полной темноте за начальником шахты.

Если бы не бледное мерцание
светильников, он не мог бы разглядеть
даже спину Джекоба Ласко. Начальник
шахты то и дело вытирал грязным
рукавом вспотевший лоб, но де Валмос был
слишком возбуждён, чтобы обращать
внимание на безжалостную жару,
стоявшую глубоко под землёй.

За Ласко и де Валмосом следовала
группа тяжеловооружённых эльдарских
воинов, лица которых были скрыты
разрисованными малиновыми шлемами.
Воины несли большой посеребрённый
металлический контейнер с плотно
закрытой крышкой.

В центре этой группы шёл грозный
предводитель Кабала Расколотого Клинка
Архонт Кешарк. Как и у его воинов, лицо
Кешарка было скрыто шлемом с
опущенным забралом, но, в отличие от
шлемов его подчинённых, светло-зелёная
поверхность шлема Кешарка была
абсолютно гладкой и однотонной. В руках
Кешарк держал огромный боевой топор, а
рядом с грозным Архонтом плавно
скользила прекрасная ведьма с иссиня-

чёрными волосами, которая до появления Кешарка как тень следовала за Казитиром де Валтосом.

У ног Кешарка потрескивали и пощёлкивали экскренты, продвигаясь за своим хозяином, используя для этих целей все конечности и отростки, которыми одарил их Хирург. Эти отвратительные создания шипели и плевались, чувствуя себя в жарких и тёмных коридорах шахты крайне неудобно. Возможно, что-то сохранившееся в их извращённом сознании ещё из прошлых жизней говорило им о зле, которое много веков было заперто в этом подземелье.

Следом за эльдарскими воинами вышагивало целое подразделение солдат НСС, оно-то и замыкали колонну. В этом строю шагал Бенгаре Талун, понуро опустив плечи и устало вытирая пот с лица.

Воздух в шахте был спёртым, её стены через равные промежутки были увешаны щитами с предупреждениями об опасности ядовитых газов и взрывов, и рядом с каждым из этих щитов с ржавых

крюков, торчащих из скалистых стен, свисали маски респираторов.

Процессия все дальше углублялась в шахту, и поначалу окружающие злодеев обнажённые скалы Навониса постепенно сменялись гладкими наклонными стенами, которые сходились над их головами на четырёхметровой высоте.

Казимир де Валтос на минуту задержался в квадратном помещении, в одной из стен которого находилась огромная дверь, так долго презграждавшая ему вход в это место. Кровь от возбуждения закипала в жилах де Валтоса, руки его дрожали от нетерпения, но он, усилием воли сдержав эту дрожь, уважительно поклонился четырёх безжизненным стражам в затенённых нишах. Глаза изваяний сверкали, но если они и испытывали негодование по отношению к незванным гостям, то никак этого не проявили.

Сейчас от двери оставалось лишь два огромных ржавых косяка в стене, и де Валтос ощутил внутри комнаты присутствие некой могущественной силы.

Его руки и ноги загрожали, но он всеми силами старался держать себя в руках перед лицом приближающейся судьбы. Здесь лежит спящий бог, и в порывах затхлого ветра из его усыпальницы до Валтос ощущал запах минувших веков.

Архонт Кешарк вплотную подошёл к де Валтосу.

— Почему ты ждёшь, человек? Добыча внутри, не так ли? — прорычал эльдар. Голос чужака булькал и скрежетал, а после ранения, которое нанёс ему Уриэль, разобратить его слова стало вообще почти невозможно.

— Разумеется, Архонт Кешарк.

— Тогда чего же ты ждёшь?

— Разве ты не чувствуешь? — спросил де Валтос. — У тебя нет ощущения, что ты стоишь на грани величия? Разве ты не чувствуешь, не понимаешь, что после того, как ты войдёшь туда, ничто уже не будет таким, как прежде?

— Всё, что я понимаю, так это то, что мы теряем время. Астартес вернётся себе того, кого называют Барзано, и нам не следует оставаться здесь дольше, чем

нужно. Если добыча внутри, нам следует
взять её и уходить.

— У тебя нет души, Кешарк, —
прошептал де Валмос.

В сторону Ультратаринов пронеслась
первая ракета и разорвалась среди воинов
взвоя Ниваниуса, и её огненно-белые
осколки разлетелись во все стороны. Два
воина упали, но через несколько секунд
снова поднялись на ноги.

Эхо взрыва не успело затихнуть, как
со стороны комплекса шахты зарокотали
выстрелы. Прыгнув за одну из широких
выхлопных труб шахты, Уриэль попытался
прикинуть, какие силы противостоят
Ультратаринам. Исходя из количества
вспышек огня, вырывающегося из стволов,
он предположил, что по ним стреляют
порядка двухсот стволов.

Защитники шахты выбрали
прекрасное расположение — своим огнём
они закрывали все подходы к комплексу.
Уриэль трачно улыбнулся: его решение
атаковать шахту себя оправдало.

Но теперь ему и его людям

предстояло атаковать противника, значительно превосходящего их численно, хорошо окопавшегося выше Ультрамаринов по склону. А если ещё принять во внимание, что местность, на которой Уриэлю и его людям предстояло принять бой, была практически лишена какой бы то ни было растительности, работа Космическим Десантникам предстояла тяжёлая. Это сражение могло занять достойное место среди самых легендарных битв Оргена. Но легенды хорошо слушать или читать, а самому встретиться с противником при таком раскладе — совсем другое дело.

Люди Уриэля, кое-как укрывшись за редкими низкими кустами, вступили в перестрелку. В Кодексе Астартес точно излагалась тактика, которой следовало придерживаться в таких ситуациях, но сейчас Ультрамарины не обладали ни необходимой техникой и оружием, ни временем, чтобы следовать страницам Кодекса. Да и самих Ультрамаринов было мало. Очень мало.

В нескольких шагах от Уриэля из-за

вентиляционной решётки вырвалось облако дыма, обдав капитана едкой вонью и горячим теплом. Закашлявшись, Вентрис сплюнул гарь и копоть, попавшие ему в рот, и, пока он вытирал лицо, специальная железа, вживлённая в заднюю часть гортани Ультрамарина, определила их химический состав.

Это была обжигающая смесь различных серных газов, смертельных для обычного человека, но для Костического Десантника — просто раздражающих. Уриэль обхватил горячую, покрытую теплом трубу и, выдавив из неё решётку и отбросил её в сторону, заглянул внутрь.

Из трубы шла жаркая горькая вонь. Усиленное зрение Уриэля смогло проникнуть в эту парящую тьму лишь на сотню метров, но капитану всё-таки удалось разглядеть проход, ведущий вниз под небольшим углом к поверхности горы. В голове у капитана Ультрамаринов моментально созрел дерзкий план. Нажав на кнопку радиопереговорного устройства, он связался с сержантом Дардино.

— Проклятие! — воскликнул тайор

Хелиос Бекстор тридцать третьего
Тармиганского полка НСС, увидев, как
воины-Ультрамарины в синих доспехах
залегли среди скал тремястами метрами
ниже его позиций.

Он слишком рано отдал приказ
открыть огонь и теперь проклинал свою
нетерпеливость. Но кто бы стал его
винить? Одной только мысли о
противостоянии

КостиЧЕСКИМ
Десантникам было достаточно, чтобы
вселить страх в души даже самых
тужественных людей, а майор Бекстор
был не настолько глуп, чтобы относить к
таким и себя.

Отчаянным храбрецом он, конечно, не
был, зато был компетентным, и опытным
командиром, а потому не мог не
понимать, что его оборонительные
позиции надёжны. Шахту защищали два
стрелковых подразделения и миномётный
взвод. Майор изредка задумывался о том,
почему это ничем не примечательное
место требует столь серьёзной защиты.
Эпоха торговых войн миновала несколько
веков назад, так кому бы понадобилось

сейчас атаковать простую горную шахту? Впрочем, Бекстор знал от себя эти мысли -- не его ума это дело. Он знал, что Гилгер де Валмос доверил ему безопасность объекта, и этого знания ему достаточно.

Майор понаблюдал за скалами ещё несколько минут, но на склонах больше не было видно никакого движения.

Хелиос Бекстор по рации связался со своим миномётным взводом и приказал:

-- Следите за группами, открыть залповый огонь. Цели -- в двухстах с небольшим метрах. Огонь на поражение!

Через несколько секунд Уриэль услышал глухое буханье миномётов и увидел взлетевшие вверх мины. Мины описали в воздухе дугу, но уже в момент, когда они находились в верхней точке своей траектории, Уриэль понял, что они разорвутся в нескольких метрах перед Ультратаринатами.

-- Берегись! -- крикнул он.

Взрыв сотряс всю гору. Не успело затереть эхо первого залпа, как за ним

последовал следующий. Мины разрывались с такой силой, что, казалось, ещё немного, и кости Ультратаринов выскочат из своих суставов; от каждого разрыва во все стороны летели забывающие осколки и острые лучи фосфоресцирующего света. У без того раскалённый горный воздух наполнился шквалом каменных обломков и шрапнелью.

Снаряды приземлялись один за другим, цепь их разрывов тесленно, но неуклонно приближалась к Ультратаринам. Когда земля вновь содрогнулась от очередных ударов, Уриэль буквально вжался в каменный склон горы. Ультратаринов не было выбора — нужно было ждать сигнала Дардино, принимая условия игры, навязанные им командующим войсками противника. Продвигаться вперёд сквозь плотную завесу миномётного огня навстречу вражеским винтовкам было равносильно самоубийству, и у капитана Вентриса не было никакого желания завершать свою карьеру командира таким образом.

После каждого разрыва в небо

взрывали языки пламени, а в каменном
склоне появлялась ещё одна огромная
воронка, из которой тут же начинал
валить густой дым. Уриэль уловил в этом
дыме запах протетия и в изумлении
нахмурился. Зажигалки? Их командир, он
что, спятил? Эти мины в бою против
легко оснащённых войск были идеальны,
там они посеяли бы хаос и панику, но для
воинов в силовых успехах они не опаснее,
чем горошина для танка. Впрочем,
удивляться было нечему — силами
противника командовал кто-то из НСС, и
почти наверняка он не имел опыта боевых
действий против Космических
Десантников.

Тем временем огромные столбы
чёрного дыма продолжали подниматься
над горящими разливами топлива. Они
медленно плыли в потоке горного ветерка,
скрывая сражающиеся стороны друг от
друга. В результате непрофессиональных
действий мятежников Ультрамарины
получили прикрытие, которого так сильно
желали.

Сержант Дардино пробил кулаком

стальную вентиляционную трубу и легко отогнул в стороны рваные края образовавшегося отверстия. Дневной свет залил ребристую трубу, и сержант высунулся наружу с болтером наготове — на тот случай, если кто-нибудь приставривает за этим концом вентиляционной трубы.

Перед собой он увидел множество кабелей, уходящих вниз, в темноту, и балки из адамантита, которые перекрывали шахту по всей ширине, поддерживая подъёмное приспособление и дюжины толстенных вентиляционных труб, подобных той, из которой он только что вылез.

Дардино опустился на огромную балку из адамантита, к которой была прикручена вентиляционная труба, и дал знак остальным воинам своего отделения следовать за ним. Один за другим Ультратарины вылезли на балку. Их доспехи почернели от выхлопных газов трубы. Руны в визоре шлема Дардино сообщили ему, что и его респиратор сильно засорён.

Воины находились глубоко внутри цилиндрического ствола шахты, откуда небо казалось им ярким диском, сияющим метрах в пятистах над их головами. Слишком далеко для прыжковых ранцев.

Дардино осторожно продвинулся по балке, стараясь не смотреть в непроницаемую тень шахты, зная, что та уходит вниз более чем на девять тысяч метров. Вложив болт-пистолет в кобур, он повернулся к девяти воинам своего отделения.

— Есть только один путь наверх. Следуйте за мной! — приказал он и, прыгнув в центр шахты, ухватился за кабели, свисавшие с почти полукilометровой высоты — с выступа кратера на поверхности холма.

Подтягиваясь на руках, Дардино и его люди начали подниматься на поверхность.

Поднявшись из укрытия во весь рост, Уриэль воскликнул:

— Воины Императора, вперед!

С этими словами он потчался вверх по склону. Фибромускулы и сервомоторы силовых доспехов несли его вперед с

устрашающей скоростью. С боевым рёвом Ультратарины, перепрыгивая лужи горящего топлива, бежали за своим капитаном, скрытые от глаз противника дымом зажигательных мин.

Мины продолжали сыпаться сверху, но большинство из них разрывались позади Костических Десантников — вражеские артиллеристы были не в состоянии так быстро корректировать огонь.

Уриэль слышал потрескивание лазерных выстрелов и рокот более тяжёлого оружия, но действия противника были хаотичными и нескоординированными. Один из летевших в его сторону снарядов задел край наплечника Уриэля, но большая часть боезапасов противника проносилась над головами Ультратаринов. Стреляя вниз по склону горы, большинство вражеских солдат брали слишком высоко.

Вылетев, словно гигантская птица, из облака дыма, Уриэль прищурился от неожиданного яркого света. Десантников встретил яростный оружейный огонь, снаряды защёлкали по их доспехам.

несколько воинов далее упали, но все они тут же поднялись и бросились вперёд.

Сержанта Неваниуса, ветерана кампании на Тресни, поразила ракета, и его могучий торс исчез в малиновой вспышке. Группу Десантников из взвода сержанта Элерны накрыло огнём автоматической пушки. Упали четверо, а поднялись на ноги только двое из них.

Один из уцелевших Ультратаринов лишился правой руки, но продолжал продвигаться вперёд, подобрав пистолет левой рукой и стреляя на бегу.

--- Развернуться, не группироваться! --- крикнул Уриэль, когда автоматическая пушка зарокотала вновь.

Майор Бекстор воинственно поднял сжатую в кулак руку и с силой рубанул ею по воздуху, когда увидел, что автоматическая пушка, стрелявшая по наступающим воинам из-за бруствера, нанесла Ультратарином изрядный урон.

Это сражение было его боевым крещением, и майор начинал получать от него ни с чем не сравнимое удовольствие.

Они сдерживали Космических
Десантников! Он даже не придал значения
тому факту, что сейчас перед его
позициями Ультрамаринов было
значительно меньше, чем он видел на
склоне холма. Может, тогда это был
оптический обман?

Бекстор приписал этот странный
факт тому состоянию ужаса, в которое
его привёл сам факт появления
Космических Десантников, их огромные
размеры и грозный вид. Но теперь майор
уже привык к их виду, и Ультрамарины
больше не казались ему такими уж
устрашающими. Как бы то ни было, а об
этой битве люди десятилетиями будут
рассказывать легенды в полковой столовой.

Бекстор потянулся за очередной
батарежкой, улыбнувшись молодому
солдату, что оказался рядом.

— Скоро выпроводим этих засранцев,
а, сынок? — пошутил он.

Юноша ничего не успел ответить
своему командиру, потому что через
секунду его голова разорвалась, окатив
Бекстора кровью и мозгами. Майор в

ужасе отшатнулся назад, потрясённый
жуткой смертью солдата. Потеряв
равновесие, он свалился в окоп, пребольно
шлёпнувшись на плотно утрамбованную
землю. Повернувшись в ту сторону, откуда
прозвучал выстрел, майор увидел, как из
жерла шахты выпрыгивают исполинские
фигуры и начинают методично
расправляться с его солдатами.

Перемазанные сажей гиганты
обрушились в траншею на его людей как
удар молнии, нагное разрубая
ополоумевших от ужаса людей цепными
мечами или всаживая в их тела разрывные
болты.

Майор перекатился на бок, чувствуя,
как течёт кровь из царапины на лбу, и
рыдая от ужаса при виде кошмарных
существ, появившихся из недр его планеты.
Грохочущие выстрелы разрывали его
людей на куски, а мечи, наверняка
выкованные в глубинах Хаоса, рубили и
рубили, лишая кого конечностей, а кого
сразу жизни.

Люди вокруг майора вопили и
утирали, утирали и вопили. Бекстор с

трусом заставил себя подняться на ноги и подобрал упавший лязган. Со всех сторон его окружала смерть, но он поклялся, что даже если и погибнет сам, то заберёт с собой в ад хотя бы одного из этих дьяволов.

Тут он услышал позади себя какой-то грохот и обернулся. Из дыма появилась чёрная фигура, лицо закрыто маской в виде ухмыляющегося черепа. Усполившись, взмахнул руками, высоко над головой подняв золотое оружие. Бекстор почувствовал, что его колени подкашиваются от ужаса, он был не в силах оторвать взгляд от распростёршего крылья орла на верхушке золотого жезла, который держал гигант в чёрных доспехах.

Майору показалось, что глаза орла сверкнули алыми каплями крови, и в тот же миг оплетённое струящейся энергией лезвие разрубил его надвое.

Вирджил Ортега, сражаясь с болью в полотанных рёбрах, стрелял из-за двери по солдатам НСС. Коридор перед арсеналом, заваленный мёртвыми телами, был затянута дымом, и противники вели огонь

вслепую. Снаряды в обоих направлениях проносились в зловонном синем кордитовом тумане в поисках своей жертвы.

Двуствольная автоматическая пушка оказалась не столь полезной, как надеялись арбитры. После первого же выстрела чудовищная отдача сорвала пушку с платформы и разнесла большую часть баррикады. Однако она всё же принесла короткую передышку в схватке, поскольку солдатам НСС не очень-то хотелось выходить один на один с таким грозным оружием. Прошло несколько минут, пока они наконец не поняли, что пушка больше не представляет для них угрозы.

Тем временем Колликс и Ортега оттащили двух оставшихся в живых арбитров внутрь арсенала. Теперь, когда баррикада почти полностью разрушена, удерживать коридор стало невозможно.

Ортега швырнул за дверь пару гранат, отпрянув назад, когда взрывы наполнили проход шрапнелью и воплями.

Приблизившись к Ортеге, Колликс протянул ему брезентовый ранец.

наполненный патронами для дробовика и магазинами для болтера.

--- Но крайней мере никакого недостатка в боеприпасах, --- проворчал Ортега.

Колликс кивнул:

--- И трусливых предателей, против которых их применять.

Ортега устехнулся и с трудом поднялся на ноги, услышав из-за дверей арсенала приглушённые крики.

--- От правосудия Императора не уйти даже в смерти! --- крикнул он нападающим, поморщившись от боли, пронзившей его переломанные ребра.

Арбитры поспешили назад, к баррикаде, наскоро сооружённой из опустевших ящиков из-под боеприпасов и опрокинутых стоек, и заняли позиции в ожидании неизбежной очередной атаки. За баррикадой или заранее было в изобилии разложено всевозможное оружие и боеприпасы к каждому из них. Лазганы, стабберы, две пусковые ракетные установки, гранатомёт, лазерная пушка и шесть тяжёлых болтеров.

Набор оружия действительно был впечатляющим, но с учётом того, что в живых осталось лишь четверо арбитров, от всего этого великоления толку было немного. В тридцати метрах позади обороняющихся арбитров их уцелевшие товарищи не покладая рук трудились над тем, чтобы как можно скорее подготовить арсенал к уничтожению. Без детонаторов большая часть найденной или взрывчатки была бесполезной, но времени, которое было куплено ценой жизни их товарищей, не пропало даром.

В разных местах по всей пещере они сложили груды открытых ящики боеприпасов, разместив в центре каждого такого штабеля связку гранат с вытянутыми предохранителями. От механизмов приведения взрывателей гранат в действие арбитры протянули провода к комплекту батарей от рации.

Через несколько минут у них всё будет готово для того, чтобы пусть прилitivно, зато надёжно обеспечить возникновение цепной реакции, от которой все боеприпасы в этой пещере — все го

последнего патрона --- взлетят на воздyx.

Зал бога оказался гораздо меньше, чем его представлял себе Казимир де Валтос, но ощущение покоящейся в нём силы было колоссальным. Стены зала сходились вверху его в одной точке. Под ней, в центре зала, и покоилось прямоугольное тело из гладкого чёрного обсидиана, величественное в своём одиночестве. В основании каждой стены была оборудована прямоугольная ниша, а в каждой из них стояла скелетообразная фигура, идентичная тем, которые рабочие извлекли из внешней комнаты, прилегающей к усыпальнице, несколько месяцев назад.

Этот зал впечатлил, похоже, даже эльгара и Венгаре Талүна, которые в изумлении смотрели на это чуждое не только людям, но и эльгарам сооружение, скрытое от всех в глубинах Павониса на протяжении шестидесяти миллионов лет.

--- Это изумительно! --- выдохнул де Валтос, подходя к одной из ниш.

Скелетообразный воин, стоящий в ней,

был таким же безжизненным, как и те,
что находились в его доме, блеск его
успехов был приглушён пятнами патины.
В отличие от тех воинов, которыми уже
владел де Валтос, эти держали в своих
мёртвых руках странного вида оружие,
стволы которого были покрыты пылью.
Эта картина просто зачаровывала де
Валтоса, ему страшно хотелось узнать
как можно больше об этих странных
существах. О, скоро он будет знать все!
Скоро он избавится от кандалов
смертности.

Как бы созерцание этих воинов ни
воодушевляло де Валтоса, центральный
саркофаг обладал для него прямо-таки
магическим притяжением, и Казимир
направился к нему через весь зал. Он шёл, и
глухое эхо разносило звук его шагов по
всему подземелью.

Саркофаг был огромен, полных пять
метров в длину, и, приблизившись к нему
вплотную, де Валтос разглядел, что его
поверхность вовсе не гладкая! — она
оказалась испещрена руническими
символами и покрыта углублениями

чёткой формы. Сердце Казимира де
Валтоса забилося, когда он понял, что
точно такие же знаки он видел по
развалинам Цтелтакса.

Те самые руны, в поисках которых он
прочёсывал весь сектор с того дня.

От саркофага к нишам в стенах
лучами расходились желобы, выбитые в
полу. Желобы были не прямыми — они
изгибались в замысловатом, но чётком
геометрическом узоре.

Кешарк встал рядом с де Валтосом и
поднял забрало своего шлема. Несмотря на
неподвижность лица Архонта и грубо
защитную сквозную рану на его щеке, де
Валтос разглядел в глазах чужака
возбуждение.

— Ты ведь тоже чувствуешь это, не
так ли? — прошептал он.

Кешарк презрительно устехнулся,
стараясь этой устешкой скрыть свои
чувства от человека, и покачал головой:

— Я хочу лишь закрепить устройство
и убрать отсюда.

— Ты лжёшь, — медленно произнёс де
Валтос. — Я вижу это по твоим глазам.

Ты хочешь этого так же сильно, как хочешь
я.

--- Разве это имеет значение? Давай
займёмся делом.

Де Валтос угрожающе поводил
пальцем перед носом эльгара и тахнул
головой в направлении серебристого ящика,
который несли его воины:

--- Прекрасно. Отдай мне то, что ты
добыл для меня, и я раскрою ключ к
оружию.

Выдержав взгляд де Валтоса, Кешарк
отрывисто кивнул. Воины вынесли
серебристый ящик вперёд и поставили его
перед своим предводителем. Кешарк
открыл ящик, не отрывая взгляда от де
Валтоса, и спросил:

--- Почему я должен доверять тебе?

--- Ты можешь доверять мне так же,
как я доверяю тебе, мой дорогой Кешарк.

Де Валтос видел, как чужак напрягся,
удерживая руку, потянувшуюся было к
пистолету, но понял, что эльгар не
осмелится выстрелить. Но крайней мере
до тех пор, пока он не вызовет из
призрачного царства Смерть Миров.

Силами древней магии прикованный к
Навонису, этот корабль многие миллионы
лет оставался кораблём-призраком.

Де Валтос знал, что сегодняшней
день увидит его новое рождение и
галактика будет оплакивать его второе
пришествие.

Колликс утирал. Осколки гранаты
вырвали у него кусок мяса из живота, и
внутренности сержанта вывалились на
пол арсенала. Прислонившись к баррикаде,
Колликс продолжал стрелять из тяжёлого
болтера, хотя отдача заставляла его
рычать от боли при каждом выстреле. С
Ортегой дела обстояли не многим лучше:
его левая рука безжизненно свисала вдоль
тела — лазерный луч почти отсек её у
локтя.

Вурджил Ортега стрелял и
перезаряжал свой дробовик одной рукой,
выкрикивая слова Литании
Справедливости лютешникам,
шошарашенным и напуганным героическими
действиями арбитров.

В конце концов взрывчатка была

установлена, и теперь дело оставалось за малым. Дороги назад не было. Вирджил надеялся, что они смогут продержаться здесь достаточно долго, дожидаться, пока верноподданные войска выручат их, но теперь эти надежды растаяли окончательно.

Они остались вдовоём: он и Колликс. Остальные арбитры были мертвы, убиты во время последней атаки, и теперь всё зависело от него и сержанта.

Ортега часто думал о том, как и когда наступит его смерть, и теперь, когда она была совсем близко, он вдруг понял, что её не следует бояться, её нужно просто принять. Рано или поздно праведный гнев Императора обрушится на тех, кто думал, что может попирать Его законы.

Вирджил Ортега слышал, как командиры мятежников собирают своих людей для очередной атаки. Колликс молча заправлял очередной магазин в дымящуюся казённую часть болтера, лицо сержанта было мертвенно-бледным, нечеловеческая боль исказила его го-

неузнаваемости. Магазин выскальзывал из
его залитых кровью рук, и Ортега, орудуя
уцелевшей рукой, погнулся, чтобы помочь
своему сержанту.

--- Благодарю, сэр, --- кивнул Колликс,
закрывая затвор. --- Никак не мог это
сделать.

--- Ты всё сделал правильно, сержант.

Колликс услышал в словах Ортеги
больше, чем одобрение его сегодняшних
действий, эти слова командира погвели
имог пог всей жизнью сержанта Колликса.

--- Значит, пора? --- произнёс он.

--- Думаю, да.

Сержант, кивнув, поднял тяжёлый
болтер и выпрямился, насколько позволяло
ему израненное тело. С трудом отдав
честь, он сказал:

--- Служить пог вашим
командованием было для меня честью, сэр.

Бургжил в ответ отдал честь
Колликсу и крепко пожал его протянутую
руку. Тот кивнул Ортеге. Бургжил
улыбнулся краешком губ:

--- Из тебя вышел бы отличный
офицер, арбитр Колликс.

— Я знаю, — ответил Колликс. — Я подумал, через четыре года я стану капитаном арбитров. Во всяком случае, таков был мой план.

— Через четыре? Возможно, через шесть. Думаю, Шарбен загала бы тебе жару в этих гонках по служебной лестнице.

Колликс кивнул:

— Может быть, но подумайте о том, как сегодняшние события повысят шансы на моё быстрое продвижение.

— Хорошая мысль, — признал Ортега. — Наполни, чтобы я затолкал словечко перед шефом, когда мы выберемся отсюда.

— Да, сэр.

Затем их лица вновь потрачнели, и Ортега сказал:

— Только добудь мне немного времени, чтобы взорвать это.

Кивнув, Колликс упер приклад болтера в плечо и навёл его на широкие двери арсенала.

Вирджил Ортега шагнул к рации и батареям. Резкие залпы болтеров и

шипение лазганов возвестили о начале следующей атаки, но он не стал оглядываться.

Вокруг него полыхали вспышки лазерного огня, один луч задел его бедро. Он вскрикнул от боли, и тут ещё один выстрел поразил его между лопаток, и Ортега упал на пол. Сильно ударившись раненой рукой, он покатился, изо всех сил стараясь не потерять сознание от обьявшей его тело мучительной боли.

Ортега слышал, как Колликс в гневе пытается перекричать грохот пальбы, но сейчас Вирджил Ортега думал только об одном: всем своим израненным существом он желал, чтобы сержант дал ему ещё хоть немного времени. Он пополз к рации, оставляя на каменном полу за собой алую полосу.

Мощный взрыв осыпал его деревянными щепками, осколками металла и камня. Мятёжникам из НСС удалось наконец втащить сюда какое-то тяжёлое орудие, и теперь от баррикады остались лишь дымящаяся гряда искорёженного металла вперемешку с

мёртвыми телами.

Солдаты НСС, возбуждённые долгожданной победой, начали заполнять помещение арсенала.

Ортега зарычал и, помогая себе здоровой рукой, подтянулся вперёд.

Ещё один лазерный луч поразил его в спину.

Ортега обхватил руками рацию, и шквал лазерных выстрелов пронзил его доспехи и разорвал его тело на части.

Последнее, что успел сделать Вирджил Ортега перед смертью, — нажать на руну запуска рации, послав по изолированным проводам к детонаторам из шестидесяти гранат энергетический импульс.

Вирджил Ортега был уже мёртв, когда первая взрывная волна достигла его тела, но результаты взрыва оказались куда более впечатляющими, чем он мог надеяться.

В считанные секунды после того, как дверь была заткнута, гранаты, которые он со своими людьми разложил по арсеналу, взорвались, а вместе с ними и огромные

запасы оружия и боеприпасов, складированные под дворцом.

Не успели ещё затихнуть первые взрывы, как началась смертоносная цепная реакция.

Тепловые и вибрационные датчики наверху зарегистрировали взрывы и начали процесс локализации, но детонация нарастала с невероятной скоростью, так что совладать с мощными разрушительными силами, которые выпустил на волю Вирджил Ортега, было уже невозможно.

Сначала обитатели Врат Брэндона решили, что их вновь бомбардирует крейсер «Горе побеждённому», и в страхе ожидали, что с неба посыплется очередная порция магматических бомб.

Взрыв чудовищной силы сотряс дворец. Да что там дворец — весь город. Его улицы и дома, сады и площади заходили ходуном, будто сам Павонис оказался во власти неистового землетрясения. Из трещин, которые в считанные секунды покрыли улицы города, в небо взмыли фонтаны пламени, и целые

городские кварталы погрузились в
небытие. Пламя поглотило здания, людей
и даже танки, стоявшие на улицах города.

Снаряды, много лет тихо и мирно
хранившиеся в арсенале, разом взмыли в
воздух, и их разрывы издали можно было бы
принять за праздничный фейерверк, если
бы не паника, которая в считанные
секунды охватила весь город. Люди
кричали, дома рушились... Нет, всё-таки
это зрелище больше походило на конец
света. Командующие вооружёнными
силами картелей ударились в панику,
решив, что их войска подверглись
очередной атаке — то ли со стороны
Императорских сил, то ли конкурирующих
картелей. В итоге на улицах Врат
Брэндона разгорелись кошмарные
танковые батальи — это дали о себе
знать десятилетия интриг и
политических распрей.

Танки картеля Верген открыли
огонь по танкам Аброгаса; те же в свою
очередь атаковали бронетанки де
Валтоса, которые не жалели снарядов,
сжигая один за другим танки Хонана.

Началась такая заваруха, в которой каждый считал своим долгом уничтожить любого, кто только попадался под руку. В этой сумятице командующим войсками понадобилось более часа, чтобы восстановить контроль над ситуацией. Все бы ничего, но когда спокойствие было наконец восстановлено, более пятидесяти танков уже полыхали ярким пламенем.

Остатки здания базы Агентств Арбитрес рухнули с оглушительным грохотом, и огромные куски рокрыта полетели во все стороны. Площадь покрылась огромными трещинами, в которые полетели обломки стен, карнизов и крыши. Двигатели танков НСС бешено взревели — люди старались во что бы то ни стало покинуть опасную зону, но все их усилия были тщетны.

Скульптуры на площади Освобождения закачались на пьедесталах, и все, кроме статуи Императора, рухнули на площадь.

Губернаторский дворец сотрясся до основания, когда адской силы взрыв

прозрел в его погвалах. Дворец был спроектирован с учётом, казалось, всех возможных опасностей, но только не этой. Крылья дворца складывались одно за другим, словно карточные домики, погребая под латорными обломками тяжёлые подразделения НСС.

Между базой Агентус Арбитрес и дворцом разверзлась огромная трещина, и часть оборонительной стены ухнула вниз — в полыхающий ад уничтоженного арсенала. Исполинские языки пламени взмыли в небо, а следом за ними поднялся гигантский столб дыма. Всего за несколько секунд Врата Брэндона превратились в развалины.

Так одним движением руки Вирджил Ортега, принеся себя в жертву, лишил мятежников крупнейшего запаса оружия и боеприпасов на Павонисе.

Уриэль напряжённо взглядывался в темноту шахты, этой стометровой ширины раны на поверхности планеты, когда к Ультратаринам полетели два «Грозовых Ястреба». По окрестности шахты располагались массивные краны,

над которыми возвышался кронштейн
подъёмника, предназначенного для
доставки в шахту и подъёма на
поверхность рабочих и различных
механизмов.

В недра планеты по широким
рельсам опускались огромные вагоны
канатного подъёмника, в каждом из
которых могло уместиться более сотни
человек.

Лебёдка и кабина управления этого
подъёмника, находившиеся на центральной
паре балок, висели над бездной, и от
лебёдки тянулись вниз гроздь толстых
кабелей.

Когда лазутчики Дардино ворвались в
оборонительную траншею позади
тятежников, те были обречены. У солдат,
сжатых между двумя отделениями
Ультратаринов, словно между молотом и
наковальней, не оставалось никаких
шансов.

Уриэль с восхищением смотрел, как
бесстрашно сражаются его люди, и сердце
капитана Ультратаринов наполнило
чувство гордости. Костицкие

Десантники отважно следовали за своим командиром, и, казалось, никакие преграды не могли остановить их движение, ни один враг не был в состоянии противостать их силе и мужеству. Костические

Десантники шли за своим капитаном, не задавая вопросов и демонстрируя такой боевой пыл, что враги трепетали только от одного их вида. Для Уриэля было честью командовать такими воинами.

Первый «Грозовой Ястреб», завывая, приземлился, подняв облако пыли и выхлопных газов; и, как только двигатели челнока начали снижать обороты, передний пандус челнока опустился.

Арио Барзано и с ним ещё несколько человек вышли навстречу Уриэлю. Лицо инквизитора светилось в предвкушении большой охоты. Перед решающей схваткой он вооружился плазменным пистолетом и энергетическим кинжалом.

--- Отлично, Уриэль, отлично! --- радостно улыбался он, оглядывая шахту и подвёлник.

--- Благодарю, инквизитор, но мы ещё не закончили.

— Нет, конечно нет, Уриэль. Но ведь уже скоро, да?

Уриэль кивнул. Азарт инквизитора передался и ему. Он крикнул своим воинам:

— Возьмите с челноков оснащение для спуска на крюках. Скорей!

— Для спуска на крюках? — удивился Барзано. — Это несерьёзно, Уриэль, это же почти десять километров вниз! Слишком глубоко, чтобы использовать канаты. — Он указал на подъёмник для рабочих. — А как насчёт этого? Мы ведь можем воспользоваться этим?

Уриэль отрицательно покачал головой:

— Нет, мятежники наверняка расставили внизу своих людей. Любого, кто отправится вниз в этом гробу, либо выкинут на полпути, либо расстреляют, лишь только он опустится вниз.

— Так как же ты собираешься спуститься?

Положа инквизитору руку на плечо, Уриэль направился с ним к «Грозовому Ястребу», где Ультрамарины спешно отстёгивали от канатов чёрные

металлические цилиндры.

--- Мы используем это, --- сказал Уриэль, сняв с каната одно из устройств. Эта штукавина выглядела как обыкновенный металлический цилиндр с матерчатой петлёй для руки на внешней поверхности и широким зубчатым пазом, пробитым по всей его длине.

Приспособление легло в ладонь Уриэля как влитое, и, когда он сжал кулак, зубья центрального паза втянулись внутрь цилиндра. Уриэль ослабил хватку, и они выскочили обратно.

--- Мы применяем это устройство для скоростных спусков там, где не можем использовать прыжковые ранцы. Прикрепив их к кабелям подъёмника, мы спустимся в шахту. Только так мы сможем напасть на врагов неожиданно.

--- Прогреть путь в десять тысяч метров на одной руке?... - Уриэль кивнул и криво устехнулся. --- Ладно вы, Ультратарины, а как вы предложите спуститься мне?

--- Вы тоже собираетесь туда?

--- Разумеется! Неужели вы думаете,

что после всего, что произошло, я упишу
возможность посмотреть, как вы
разберётесь с де Валтосом?

— Хорошо, — ответил Уриэль и
подвёл инквизитора к подъёмнику для
рабочих. — Но в таком случае вам
придётся присоединиться к нам позже.
Ждите здесь. Я надеюсь, что спуск в
десять километров займёт у нас не более
пяти минут. Так что ровно через триста
секунд погружайтесь в подъёмник. В конце
концов всем нам потом придётся как-то
выбираться на поверхность, так что
подъёмник будет очень кстати.

Барзано явно не привлекала идея
спуститься в шахту в кабине подъёмника,
но он понимал, что для него нет другого
способа оказаться на дне. Но и
воспользоваться методом Космических
Песантников он тоже не мог. С выдумой
неохотой инквизитор кивнул Уриэлю.

— Хорошо, капитан, — задумчиво
произнёс Барзано, растёгивая кобур
пистолета, — пусть будет так. Вы
отправляетесь немедленно?

— Да! — рывкнул капитан Вентрис. —

Пора кончать со всем этим.

Итак, Ультратарины будут спускаться четырьмя группами с перерывом в пять секунд. Размышляя, Уриэль сидел на центральной балке рядом с массивным колесом лебёдки, свесив ноги над крошечной тьмой.

Он во главе первой группы воинов спустился с балки, сжал в кулаках приспособления для спуска и, примериваясь, провёл ими вдоль одного из кабелей подъёмника. Капитан Ультратаринов был готов к отправлению.

Уриэль облизал внезапно пересохшие губы. Теперь, когда до начала спуска оставалось лишь несколько секунд, у него внезапно закружилась голова. Бросив взгляд через плечо на Арио Барзано, который уже занял место в кабине подъёмника, он отдал инквизитору честь.

Барзано отсалютовал в ответ.

Уриэль оглянулся по сторонам, чтобы окончательно убедиться, что первая группа готова к спуску.

Сделав глубокий вдох, он воскликнул: «Пошли!» — и бросился в глубины планеты.

Металл на ощупь был тёплым, мягким и податливым, хотя Казимир де Валмос знал, что он прочнее адамантита. Де Валмос вытянул руки вперёд, пошевелил пальцами, словно разминая их, и благоговейно взял из ящика первый кусок металла. С полминуты он вертел его в руках, внимательно разглядывая каждый сантиметр переливающейся поверхности. В поисках этих фрагментов де Валмос провёл не один год своей жизни, и теперь, когда он не просто видел их перед собой, но и держал в руках, у него от волнения перехватило дыхание.

Несмотря оторвав взгляд от куска металла, де Валмос повернулся к саркофагу, словно притягиваемый силой, исходившей из него. Силу эту чувствовал и металл. Де Валмос даже своими лишёнными чувствительности пальцами ощутил, как предмет в его ладонях подёргивается, и с изумлением увидел, что его поверхность стала мягкой и даже жидкой, подобно ртути. Держа

терцающий металл на вытянутых руках
перед собой как подношение, де Валтос
сделал робкий шаг к саркофагу. В этот
миг странная мысль пронеслась в его
голове: кто из них двоих -- он или металл
-- испытывает к саркофагу большее
тяготение.

Тем временем металл принял форму
плоского круглого диска с зазубренными
краями. Этот диск можно было бы назвать
зубчатым колесом, если бы зазубрины на
краях были идеальной формы.

Де Валтос увидел отражение этого
диска на блестящей поверхности
саркофага, обращённой к нему, и,
опустившись перед саркофагом на колени,
прижал металл к его поверхности. Тот
плавно перетёк с его пальцев и легко
скользнул в идеально подошедшую его
размерам нишу, в которую превратилось
отражение диска. Металл, ставший уже
совершенно жидким, растёкся по
поверхности саркофага сверкающими
серебристыми дорожками, тонкими
струйками по высеченным много веков
назад узорам.

Поблёскивающие ручейки внезапно замерли, словно повинувшись какому-то внутреннему чувству, и де Валтос интуитивно понял, что ему нужно делать дальше. Он подтащил серебристый ящик к саркофагу, слыша, как куски металла внутри ящика взволнованно бьются друг о друга, словно им не терпится возвратиться к своему создателю.

Когда де Валтос брал в руки очередной кусок, структура металла тут же менялась: он сперва становился мягким и податливым, словно воск, а затем изменял и форму. В считанные секунды кусок некогда твёрдого металла обретал новые очертания — как раз такие, чтобы войти в следующую нишу на поверхности саркофага. Работая как можно быстрее, де Валтос помещал очередной кусок живого металла в подходящее углубление. Когда следующий фрагмент занял своё место, ртутные ручейки продвигались ещё дальше по базальтовому обелиску, образуя тонкую металлическую паутину на поверхности древнего саркофага.

Наконец де Валтос достал из ящика последний кусок в форме узкого креста с чуть сплюснутой, выгнутой вершиной и обошёл саркофаг с другой стороны, отыскивая место для этого фрагмента. Странно, но этот последний кусок сохранял свою первоначальную форму, и де Валтосу никак не удавалось отыскать для него подходящую нишу. Затем де Валтос улыбнулся, поняв наконец, в чём дело, и, встав на цыпочки, обнаружил искомную нишу на толстой плите, служившей саркофагу крышкой. Вытянувшись во весь рост и высоко подняв руки, де Валтос вставил его на место и отступил на шаг назад, любясь красотой переливающегося серебром каменного параллелепипеда. Саркофаг со всех сторон был объят сверкающей паутиной переплетающихся линий живого металла, мерцающего в полумёртвом помещении таинственным внутренним светом.

— Ну и?... — прошептал Кешарк. — Что теперь?

— А теперь ждём, — ответил де Валтос.

--- Чего?

--- Второго рождения существа, которое старше самого времени.

--- А Смерть Миров? Что с ним?

Де Валтос невесело улыбнулся:

--- Не волнуйся, дорогой Архонт. Всё будет, как я тебе и обещал. Скоро корабль станет нашим. А затем мы...

Тут его голос замер, так как внезапно то ли из саркофага, то ли из глубины самого воздуха раздался тихий монотонный гул, словно забилося невообразимо огромное сердце. Перетрусившие солдаты НСС подняли оружие, а биение зазвучало вновь, на этот раз ещё громче.

--- Что происходит? --- испугался даже Кешарк.

Де Валтос не ответил, поглощённый созерцанием серебристых линий, которые стекли с саркофага и быстрыми ручейками устремились по желобам в полу. Четыре ручейка жидкого серебра побежали из середины зала к нишам в стенах, а четыре понеслись в соседнюю комнату.

Потоки побежали вверх по стенам, затекая в каждую нишу.

Венгаре Талун опустился на колени, с его губ падали слова молитвы Императору.

— Стоять смирно! — рявкнул сержант НСС, когда несколько солдат понянулись к двери.

Воздух был наполнен отзвуками ударов все громче бьющегося сердца, золотой купол комнаты в верхней своей точке потолка начал светиться каким-то призрачным, потусторонним светом, и где Валтос ощутил, как в зал проникает сила прошлых веков.

Архонт Кешарк, крепко сжав подбородок, оглядывал помещение в поисках источника устрашающего грохота. Казимир где Валтос сделал несколько шагов вперёд, заняв место рядом с саркофагом, и положил бесчувственную руку на его тёплую пульсирующую поверхность.

И тут комнату огласил крик ужаса.

Подняв взгляд, где Валтос увидел, как скелетообразные стражи усыпальницы, сделав по одному чёткому шагу, вышли из

своих ниш, словно кто-то извне управлял движениями этих древних воинов. Неужели они — предвестники существа, которое он пробудил?

Уловив движение и свет у входа в зал, он смотрел теперь, как четыре молчаливых стража из соседней комнаты вошли в усыпальницу; их движения были плавными и неспешными, но в то же время наводящими ужас. Андросинные лица этих потусторонних существ оставались бесстрастными, но свои странные медные жезлы они угрожающе выставили перед собой.

Из металлических тел всех четырёх стражей усыпальницы исходил призрачный свет, пульсирующий в такт громохочущему сердцебиению, но ни один из испонов больше не двигался, довольствуясь лишь наблюдением за незванными гостями.

Вдруг по плите, лежащей на саркофаге и служившей ему крышкой, побежала трещина. Она все увеличивалась, и сквозь неё стали просачиваться завитки тёмного дыма. Де Валмос отшатнулся и

рухнул на колени, и тогда его мозг
заполнили мысли о смерти и разрушении.
Де Вальмоса трясло от чудовищного
потока боли и страдания, хлынувшего из
саркофага.

Постепенно саркофаг, обвятый
клубами тьмы, начал раскрываться...

Они падали все глубже и глубже в негра Павониса, опустившись уже более чем на девять тысяч метров. Уриэль заметил под собой светящуюся точку и приказал Ультратаринам замедлить падение.

Он ослабил хватку на цилиндре, зубья вгрызлись в толстый проводочный кабель, и в темноте засверкали оранжевые искры. Цифры на счётчике глубины погружения Уриэля затеплялись медленнее, а неясный свет внизу постепенно превратился в светильники и освещённый или кусок тоннеля. Внизу стояли люди, в смятении смотрящие вверх на странное зрелище — шипящие искры над головами. Уриэль не дал им времени разобратъ, что именно они видят, и, разжав кулак, преодолел последние десять метров в свободном падении.

Он опустился всем своим весом на первого солдата, лишив его жизни прежде, чем тот успел понять, что происходит.

Затем Уриэль покатился по полу тоннеля, быстро стреляя из болт-пистолета.

Вокруг капитана уже приземлялись другие Ультратарины и в несколько секунд рассыпались по сторонам, стреляя из пистолетов и размахивая рокошущими ценными мечами.

На дне шахты находились сорок солдат. Все они заняли огневые позиции за мешками с песком, навесив оружие на место приземления вагона-подъёмника. Атакующих Ультратаринов встретил рокот ружейного огня, воздух наполнился снарядами и лазерные лучи. Заклубился дым, из пробитых вентиляционных труб вырывался пар и выхлопные газы.

В три мощных прыжка Уриэль оказался за первой линией мешков с песком, рубя ценным мечом налево и направо. Солдат навёл на него лазган. Уриэль рубанул по стволу, а следующим ударом снёс с плеч голову солдата. Охваченный кровожадным неистовством, он поубивал всех вокруг себя. В сердце Ультратарина бурлило жестокое удовлетворение. Стреляя и кромсая мечом всё, что только

попалось ему под руку, Уриэль уложил
десять человек, и в пределах его
досагаемости врагов больше не оказалось.
Ярости и неожиданности атаки
Ультратаринов сопротивляться было
невозможно, и в считанные минуты все
защитники шахты были перебиты, а их
огневые позиции обернулись для них общей
могилой.

Уриэль бурно радовался
кровопролитию, и его переполняло желание
убивать и разрушать. Он взревел от
обуявшей его первобытной ярости,
мысленно рисуя картины убийства сотен,
тысяч врагов, видя их раскромсанные
труны и тух, пирющих на их
окровавленной мёртвой плоти. Его
единственным желанием было
безжалостно убивать пленников и пить их
кровь, словно лучшее вино, и...

Внезапно Уриэль упал на колени,
выронив пистолет и меч, а в его
обезумевшую голову продолжали вливаться
чужовищные образы. Уриэль Вентрис
зарычал от гнева, сопротивляясь
льющемуся на него потоку грязи, используя

для этого всю дисциплину разума, которой овладел во время подготовки.

Постепенно он вытеснил из головы образы смерти и убийства, защищая свой разум от разрушительных мыслей. Капитан Вентрис увидел, что его люди бьются в таком же мысленном сражении, и закричал:

--- Отвага и честь! Вы ---
Ультратарины! Держитесь! То, что вы сейчас чувствуете, --- не ваше! Это принадлежит тому существу, которое мы пришли уничтожить! Боритесь с этим!

Один за другим Ультратарины собрали волю в кулак, оцепенев от нахлынувших на них ужасающих видений и исполнившись к ним чувством безграничного отвращения.

Уриэль быстро связался по рации с Барзано и увидел, как на пульте управления подъёмником затигали огоньки, когда тот начал свой быстрый спуск.

Воины Назаниуса и Дардино закрыли периметр площадки подъёмника, а отделение Венадуса остатривало

погибших противников, дабы убедиться в том, что никто не выжил, хотя Уриэль видел, что необходимости в этом нет. Неистовство их атаки подогревалось чуждыми импульсами, и люди, которых они перебили, являли собой лишь окровавленные кучи искромсанный плоти. Уриэль ощущал стыд за учинённую им бесстысленную бойню, и, даже понимая, что действия его и его людей направлялись чуждой силой, он глубоко страдал, узнав, что в глубине души все они способны на такую необузданную резню.

Покачивая головой, он стал шёпотом читать Литанию Стойкости.

Теперь, когда у него появилось время оценить положение Ультратаринов, автоматочувства капитана определили, что уровень горючих газов в воздухе постепенно поднимается. Ружейный огонь и взрывы нанесли повреждения системе вентиляции, и уровень загазованности, не смертельный для Костицкого Десантника, мог в конечном итоге достичь опасного для обычных людей уровня.

На север, юг, запад и восток вели

четыре прохода. Волны безумного, чётко
осязаемого ужаса шли из входа в восточный
тоннель. Уриэль ощущал их в воздухе, чуял
их всем своим существом, но не
поддавался.

В его мыслях все ещё бродили образы
насилия и смерти, пыток и увечий. Даже
если бы Барзано не сказал ему о существе,
спящем под этими горами, Уриэль сразу
понял бы, куда нужно идти.

Вентрис стоял у входа в тоннель,
изгоняя из своего разума картины
сожжённых тел, отсечённых конечностей и
уничтоженных цивилизаций. Это были не
его мысли. Вызывая у него отвращение,
они в то же время придавали ему
решимости встретиться лицом к лицу с
врагом, что ждал его впереди.

Уриэль повернулся к своим людям
лишь тогда, когда чувство собственного
достоинства окончательно испепелило
ненавистные образы в его голове.

— Воины Ультратара, вы уже
доказали, что все вы — неустрашимые и
сильные люди, но вскоре мы встретимся с
врагом, подобного которому в государстве

Императора не появлялось никогда. Даже сейчас вы чувствуете, как он раздирает ваш мозг. Но вы должны быть непоколебимы, сопротивляйтесь тем порывам, которые он пробуждает в вас. Помните, что вы — Космические Десантники, священные воины Императора, и что наш долг перед Ним и нашим примархом даёт нам силу, мужество и веру. Эта битва ещё не выиграна. Мы должны собраться перед лицом последнего испытания, когда каждый из нас должен заглянуть в себя и узнать подлинные границы своего мужества. Никогда не забывайте, что для Императора важен каждый человек и каждый может изменить ход событий! — Уриэль поднял меч, окровавленный клинок которого отразил свет, испускаемый сфератами. — Вы готовы быть этими людьми?

Ультратарины ответили боевым кличем.

Скоростной подъёмник с воинами приземлился на дно шахты, и Уриэль опустил меч, когда оттуда вышел

Барзано. Инквизитор остунился и поднёс руки к вискам. Уриэль вряд ли мог представить себе, каким ужасным было это место для обладающего обострённой чувствительностью инквизитора.

Напрягшись, чтобы отогнать от себя ужасающие образы, так что лицо его покрылось паутиной морщин, Барзано шёл к капитану Вентрису.

— Во имя Императора, ты чувствуешь его силу? — прошептал Барзано.

Уриэль кивнул:

— Я чувствую её. Чем быстрее мы закончим здесь, тем лучше.

— Я тоже так думаю, друг мой, — ответил Барзано, с отвлечением уставившись на восточный тоннель. Он нажал кнопку запуска на энергетическом кинжале и вытащил пистолет. — Пора покончить с этим, а, Уриэль?

— За этим мы сюда и пришли, не правда ли, инквизитор?

Борясь с тошнотворной силой, давящей на их разум, Ультратарины направились к усыпальнице Несущего Ночь.

Чёрные пальцы с глиняными, покрытыми грязью ногтями скользнули на край саркофага, за пальцами по его поверхности заскользили закутанные в саван руки — Несущий Ночь вставал из своей могилы. Казимир де Валмос, улыбаясь, поднялся на ноги. Теперь его голову полнили ужасы, о существовании которых он и не подозревал. Кровь, смерть, страдание, расчленение и мучения, неизвестные ни человечеству, ни даже эльдарам в течение миллионов лет, до краёв наполнили его череп — это было прекрасное чувство.

Солдаты НСС попадали на пол, вырывая себе глаза, их жалобные крики раздирали воздух — так они пытались выбить все эти кошмары из своих голов. Венгаре Талун потерял сознание, и даже отерзительный эльдар, казалось, был охвачен ужасом перед величественным существом, которое постепенно появлялось перед их взглядами.

Кешарк схватил Казимира за руку, на лице чужака был восторг.

— Оно поразительно! — выдохнул
эльдар.

Казимир торжествующе кивнул, а
Несущий Ночь, ухватившись за край
саркофага, стал подниматься.

Постепенно его массивная голова
показалась над краем могилы, и Казимир
де Валтос заглянул в лицо смерти.

Уриэль сопротивлялся волнам ужаса,
которые одна за другой накатывали на его
разум, и крепко сжимал в ладони рукоять
ценного меча. Слыша впереди вопли
проклятых, он собирался с силами перед
решающим противостоянием. Барзано
бежал рядом, бледный, с искажённым от
ужаса и гнева лицом.

Тоннель резко пошёл вниз, скалы
уступили место наклонным стенам из
гладкого чёрного обсидиана. Скорбные
вопли, доносящиеся из усыпальницы,
терзали разум Уриэля, поднимая то зло,
которое безжалостно и непрерывно
колотилось в его сознании.

Капитан Ультрамаринов влетел в
квадратное помещение с двумя пустыми
нишами по сторонам. Вентрис

почувствовал, что источник зла — зала
впереди, воздух которой был наполнен
туманами невообразимого зла.

Тактическими уловками здесь ничего
не добиться, быстрый, смертоносный
натиск — вот что требуется сейчас.

Уриэль ворвался в пирамидообразную
залу Несущего Ночь, где царил Хаос.

Солдаты НСС содрогались в
конвульсиях на полу с залитыми кровью
лицами — все они повывали себе глаза.
Те из них, что были ещё в сознании,
бесславно колотили себя окровавленными
кулаками, завывая в ужасе от кошмаров,
явленных только им.

Кольцо металлических
скелетообразных существ неумолимо
сжималось вокруг разрушающейся чёрной
каменной глыбы в центре залы, где группа
тяжеловооружённых эльдарских воинов
окружила своего предводителя в зелёных
доспехах, того, с кем капитан
Ультратаринов сражался на эльдарском
корабле над Каэрнусом IV, а также
Казимира де Валтоса и темноволосую
женщину.

Удостойв эту сцену лишь безлым
взглядом, Уриэль уставился на огромное
существо, вылезаящее из своей каменной
тюрьмы. Облачённое в ветхие одежды, оно
поднялось из своей могилы, прочные
вековые камни которой превращались в
кружащийся чёрный саван.

Вскоре от саркофага осталась лишь
могильная плита с последним куском
металла, ярко блистающим на её
поверхности.

Уриэль с трудом различал
отталкивающее лицо существа с гвүтя
жёлтыми, слабо светящимися глазами
впадинами. В этих глазах было безумие и
яростная, неуголимая жажда. Мантия
призрачной тьмы скрывала истинные
формы Несущего Ночь, из этих
расплывчатых очертаний торчала лишь
пара гноящихся перевязанных рук. Одна из
них заканчивалась глинными когтями, а
другая — огромным клинком чудовищной
тьмы, загнутым, как коса Смерти.

Когда существо поднялось в полный
рост, капитан Вентрис убедил, что оно,
возвышаясь над мертвыми, создаёт внизу

кружащиеся вихри трака, которые обвивают тела тех, кто оказался недостаточно быстрым, чтобы избежать их объятий.

Мантия тьмы подняла вверх губы эльдарских воинов. Блеснула рука-коса, легко пройдя сквозь их доспехи и тела, и их труны рухнули наземь.

Существо поглотило ещё несколько ксеносов, и остальные рассыпались в стороны. Скелетообразные фигуры с медными жезлами заняли места по сторонам от своего хозяина, их бесстрастные лица ничего не выражали.

--- Де Валтос! --- воскликнул Барзано. --- Во имя души Императора, вы понимаете, что вы наделали?

Казимир де Валтос торжествующе заявил, когда Несущий Ночь, пропитав пространство тёмными энергиями, наполнил его разум самыми чудовищными и отвратительными образами. Эльдарские воины отступили от него, сделав шаг навстречу Ультратаринам, готовые с боем расчистить себе путь из кошмара, в котором они оказались.

Но Несущий Ночь жаждал пира, и он требовал все новых душ, и тьма вокруг него кружилась и вспенивалась, словно взбиваемая невидимыми ветрами. Низкое глухое биение наполнило залу, и металлические скелетообразные воины наконец обратили своё внимание на тех, кто вторгся в покои их хозяина.

Уриэль всем телом согрознулся от отвращения, когда стражи усыпальницы шагнули к нему, одновременно поднимая своё странное оружие. Нырнув в сторону, он перекатился по полу и рубанул цепным мечом по ногам ближайшего стража, опрокинув его на пол. Металлические воины открыли огонь по капитану Ультратаринов.

Поднявшись на ноги, капитан Вентрис с ужасом увидел, как сержант Венаус зашатался от невидимого удара, его доспехи, расщелившись, сошли с него, как шелуха с головки лука, а за доспехами с ужасающей быстротой начала расслаиваться живая плоть Ультратарина. Сержант упал на колени, и Уриэль видел, как сначала обнажились, а

затем слезли слои его мускулы, пока от Венауса не осталось ничего, кроме вжавшегося в землю белого скелета.

Другой Ультратарин тоже умер в мучениях, когда его тело расслоилось и облезло с костей под воздействием таинственного оружия стражей усыпальницы. Тут в доспехи Уриэля вцепились когтистые руки, и, повернувшись, капитан увидел позади себя металлический скелет, который он только что опрокинул на пол. И вдруг его металлические кости начали воссоединяться прямо на глазах изумленного капитана...

Вентрис взмахнул мечом и одновременно с этим всадил болт в грудную клетку металлического скелета. Тот вновь упал, но на сей раз Уриэль разметал его почти в пыль, чтобы тот не смог регенерировать ещё раз. А тем временем вокруг творилось что-то невообразимое.

Костические Десантники сцепились с металлическими скелетами и в большинстве случаев побеждали.

прокидывая тех наземь и разнося в клочки
огнём из болтеров. Сержант Леокартс
разорвал одного на части голыми руками и
расколол его череп об пол.

Но большинство из поверженных
стертносных тварей поднимались вновь,
не обращая внимания на раны, которых
хватило бы, чтобы убить обычного
человека дважды. Барзано бился рядом с
Уриэлем, направо и налево разя
противников своим светящимся кинжалом.
Лицо инквизитора было бледным, а
движения затежались по мере того, как
боль от старых и вновь получаемых ран
становилась всё сильнее.

Эльдары сражались рядом с ними, и
Уриэль, повергнув очередного врага,
приглядывал за ксеносами, готовый
броситься на них в ту же секунду, как
только будет покончено со стражами
усыпальницы. Предводитель эльдаров в
светло-зелёных доспехах сражался и убивал
с завораживающим изяществом, его тонкие
непрерывно вращался в
головокружительном вихре спиралей
смерти. С каждым его ударом падал

очередной механический страж, и за
каждым падением следовал скрипящий
вздох из тёмного стержня в центре залы.
Но это больше спахивало на крик
изумления, нежели досады.

Экскренты кусались и жалили и,
подавляя врагов своего хозяина
колоссальным численным преимуществом,
опрокидывали их на землю. Чужовищное
оружие стражей сдирало плоть с их
уродливых тел, но они продолжали биться,
не обращая внимания ни на боль, ни на
отсечённые конечности, пока от них не
оставались лишь жалкие содрогающиеся
останки.

Уриэль сражался как никогда прежде,
кромясь, стреляя и убивая с таким
мастерством, о котором он и не
подозревал. Каждое его движение было
отточено до совершенства. Он
увёртывался от убийственных выпадов и
смертоносных ударов со
сверхъестественной скоростью, отбивая
когтистые руки и разрубая
металлические черепа.

Наконец с металлическими воинами

было покончено, их сверкающие конечности и тела, разнесённые на мельчайшие куски, были разбросаны по всему полу залы. Уриэль сделал болезненный вдох, его бок горел в том месте, где оружие стража вырвало кусок из его силовых доспехов и плоти. Запёкшаяся кровь покрывала его тело и доспехи.

Воцарилось странное спокойствие. Костические Десантники и эльдары смотрели друг на друга. Несущий Ночь недвижно стоял рядом с плитой, которая покрывала его могилу; крестообразный кусок металла на ней все ещё светился жутким огнём.

Барзано, прерывисто дыша, подошёл к Уриэлю. Вентрис заметил, что рана на руке инквизитора вновь открылась и повязка пропиталась кровью.

Казимир де Валтос стоял в колышущейся тени Несущего Ночь, его лицо было искажено безумным ликованием.

Наведя указующий перст на Ультратаринов, он закричал:

--- Уничтожь их! Я повелеваю тебе!

К кому были обращены его слова --- к

эльдару или восставшему существу и его телохранителям, Уриэль не знал, но первыми пришли в себя эльдары. Они рванулись на Ультрамаринов, а их предводитель, высоко подняв топор, двинулся прямо к Уриэлю.

Взревев, Костические Десантники бросились навстречу врагам, и зала опять наполнилась грохотом и лязгом оружия.

Блокировав удар, Уриэль сделал шаг вперёд и совершил резкий выпад, выставив вперёд кулак, целясь им в шлем противника. Тот резко наклонился и всадил шипастую рукоять в живот капитану, в брешь его силовых доспехов.

Задохнувшись от боли, Уриэль ударил эфесом меча в спину Кешарку, отправив его на пол. Перебросив меч в другую руку, он повернулся и направил рокошущий клинок вниз.

Но его противника там уже не было. Вскочив на ноги, он послал свой топор в голову Уриэля. Последовала яркая вспышка пламени — это Барзано подставил под удар свой энергетический кинжал, а Уриэль, воспользовавшись тем, что его

противник на мгновение отвлёкся, нанёс сокрушительный удар мечом в его голову.

Вовремя заметив опасность, Кешарк с хрустом вывернул шею, отведя голову в сторону. Жужжащие зубья клинка сорвали с него шлем, измятый металл зацепил незакреплённую кожу его лица и сограл её с головы в брызгах крови.

Кешарк завопил от боли. Пошатываясь, он сдал назад, восстанавливая равновесие, блокировал очередной удар Барзано, отбив в сторону его клинок, и всадил свой топор в грудь инквизитора.

Топор, разрубая кости, прошёл вниз через грудную клетку Барзано и вышел в фонтане крови над бедром. Барзано упал, и энергетический клинок выпал из его руки.

--- Нет! --- воскликнул Уриэль и занёс меч над эльдаром.

Увернувшись, Кешарк поймал оружие Уриэля за зубренными крюками своего топора и выдернул цепной меч из рук капитана. Прежде чем он пошёл в контратаку, Уриэль нырнул вперёд, пролетел над телом Барзано и, подхватив

клинок инквизитора, отразил им топор, нацеленный в его голову.

Кешарк вновь пошёл на капитана Ультратаринов. Уриэль в очередной раз отбил топор светящимся клинком. Теперь Кешарк приближался более осторожно. Кровавая маска лишённого кожи лица являла собой поистине отвратительное зрелище, было отчётливо видно каждое движение лицевых мускулов. Сплюнувшись в сток тёмно-вишнёвой крови, эльдар сделал выпад, воздев топор для удара сверху вниз.

На сей раз Уриэль, вместо того чтобы отступить назад, низко нагнулся вперёд, приняв удар топора на предплечье, и почувствовал, как тот пробил его доспехи. Взревев, Ультратарин крутанулся и, ухватив эльдара за руки, врезался своим телом в чужака и рванул на себя.

Вес топора в руке Кешарка потянул своего хозяина вперёд, эльдар перелетел через плечо Вентриса и рухнул на землю за его спиной. Перехватив кинжал, Уриэль изо всех сил вонзил его в нагрудную

пластину Кешарка. Удар нечеловеческой силы пробил доспехи ксеноса и вошёл в его сердце. Предводитель эльдаров содрогнулся, и тёмная кровь хлынула из его горла, а Уриэль, повернув кинжал в ране, всадил его в грудь ещё раз, а затем ещё и ещё.

Вокруг капитана Ультратаринов звучали вопли и боевые кличи, но Уриэль видел перед собой в центре залы лишь иступлённого Казитира де Валтоса.

Вытащив кинжал из трупа Кешарка, он шагнул к человеку, пробудившему страшные силы, с которыми теперь вынуждены были сражаться Ультратарины.

Казитир де Валтос наблюдал за кипевшей вокруг него яростной битвой с беззастенчивым наслаждением. Ему было приятно такое обилие проливающейся крови, а роящиеся в голове де Валтоса кошмары стали даже для него подлинным откровением. Разум этого человека переполняли картины резни. Всем своим существом он ощущал небывалое возбуждение, думая, что всё, что он видит

и чувствует, — это лишь малая частица того кровопролития, которое в состоянии устроить Несущий Ночь.

Тело того ещё сформировалось не полностью, он всё ещё был слаб, но в то же время невероятно могуществен. Просто из-за близости к этому существу наделила его Валтоса таким знанием или теждү нити была какая-то более глубокая связь — де Валтос не знал, да он и не думал об этом. Возможно, восставшее из ада существо признало в этом человеке родственную душу. Несущий Ночь определённо не проявлял к де Валтосу смертоносной враждебности, как, например, к эльдарам в первые мгновения после своего пробуждения.

Женщина-эльдар стояла рядом с де Валтосом. Он ощущал волны исходящего от неё страха, и было так чудесно упиваться этим чувством. Женщина упала на колени, её кожа покрывалась волдырями и трескалась по мере того, как из её тела высасывалась жизненная сила. Она смогла вскрикнуть лишь раз, пока Несущий Ночь не поглотил последние

крюпцы её естества. Было ли это началом его превращения в бессмертного, думал де Валтос. Было ли это первой из его новых возможностей, которые он скоро проявит?

Творящееся вокруг насилие было поистине одурманивающим. Казимир де Валтос ощущал, как помноженные друг на друга ненависть и агрессия противников наполняют его своим светом, с каждым новым криком, с каждой новой каплей пролитой крови деля де Валтоса всё сильнее. Так приятно пировать, наслаждаясь этим, а не холодными, безвкусными энергиями, которые поддерживали его тело эти миллионы лет!

Казимир де Валтос прищурился в замешательстве. Миллионы лет? Откуда пришла эта мысль? Внезапно он осознал, что эмоции, потоком текущие сквозь него, этот страх, этот гнев, этот ужас — все это не его собственные чувства. В нём вспыхнул гнев, когда он понял, что является всего лишь проводником чувств, которые это существо позабыло за ту

вечность, что провело в уединении.

Словно прочитав его мысли, Несущий Ночь медленно повернулся к нему, и жёлтые впадины его глаз прожгли душу де Вальмоса, добиваясь до сути того, что сделало его человеком.

Но Казимир де Вальмос был полон решимости стать бессмертным богом, и все его мысли сейчас были лишь об этом. Сейчас, когда существо из бесконечно далёкого прошлого окутало его своим траком.

— Сделай меня таким, как ты! Я освободил тебя. Я требую бессмертия — это моё право! — вопил де Вальмос, пока Несущий Ночь опускал на него тяжёлый взгляд.

Он почувствовал, как этот взгляд затягивает его, и пуста этих глаз была ужаснее всего, что он мог себе вообразить. Перед мысленным взором де Вальмоса в считанные доли секунды пронёсся и расцветил расы этого чужака, и то, что они сотворили, и те несчастья и страдания, в которые они погрузили галактику, и то мгновение, которым было на фоне истории

галактики существование человечества.

Де Валтос рүхнүл на колени, когда вся ничтожность его жизни затрепетала перед неописуемой безбрежностью разума этого чуждого существа. Последние хрупкие нити рассудка де Валтоса были раздавлены тяжестью столь глубокого самопознания. Это существо приручало звезды и уничтожало целые цивилизации, когда человеческая раса ещё только зарождалась. Зачем он нужен ему?

— Пожалуйста, — продолжают утешать он, — я хочу жить вечно!...

Несущий Ночь соткнул свою когтистую лапу на голове де Валтоса, его огромный чёрный кулак полностью втеснил в себя человеческий череп. Казимир взвизгнул от ужаса при этом прикосновении, и его плоть поползла с костей, когда Несущий Ночь принялся всасывать в себя его жизненную энергию.

Чёрная коса рубанула по шее де Валтоса.

Он пережил краткое мгновение абсолютного ужаса, когда почувствовал свою собственную смерть, ощутил свой

собственный ужас и боль как крошечный кусочек, почти недостойный того, чтобы быть поглощённым этим чудовищем. И всё же этот ужас возник именно ради той смерти, которая его и породила.

Голова де Валмоса отделилась от тела.

Несущий Ночь медленно разжал свою лану, и изуродованное тело де Валмоса с глухим стуком упало на пол. Медленно, обдуманно Несущий Ночь перевёл свой взгляд на блестящий кусок металла в центре своей прежней гробницы и провёл по нему жуткими, корявыми пальцами.

И в этот миг где-то в варпе серповидный звёздный корабль, вызванный своим восставшим от сна хозяином, начал медленно выходить из нематериального пространства, в котором пребывал последние шестьдесят миллионов лет.

Уриэль бесстрастно наблюдал, как чуждое существо убило де Валмоса. Он ничего не почувствовал при смерти своего врага — ставки были теперь значительно выше, чем личная месть. Он должен каким-то образом уничтожить это

существо или изгнать его. Но крайней мере выстоять в схватке с ним.

Скелетоподобные стражи вновь выступили наперерез Уриэлю, но Ультратарин оказался не одинок. Назаниус, Леаркус и Дардино присоединились к нему в его броске на чужака. Из жезлов первых двух стражей вырвались потрескивающие зелёные лучи энергии. Уриэль блокировал первый луч энергетическим кинжалом и увернулся от второго. Назаниус обстрелял одну из наступавших на Ультратаринов тварей из болтера, откалывая от его тела куски. Леаркус тем временем всагил в живот адскому чудищу цепной меч. Но взмах жезла сбил обоих сержантов с ног, объяв их тела зелёным огнём.

Дардино разрубил ноги одного стража энергетическим мечом, а Уриэль прыгнул на второго ногами вперёд. Он попал в цель, но его мощный удар был похож на удар голым кулаком в прочную стальную стену. Страж лишь слегка качнулся, но не упал. Уриэль сделал выпад, выставив вперёд медный жезл. Уриэль едва успел отбить его

кинжалом, но удар чужака оказался настолько силен, что отдался жгучей болью во всей руке Ультратарина. Вскочив на ноги, Уриэль всадил энергетический кинжал в пах стражу, рубанув вверх и влево. Тот упал — нога была отрублена у бедра, а Уриэль резко ушёл вниз от стремительного удара грубого бесстрастного воина.

Погнявшись, Назаниус стрелял по оставшимся стражам и сбил одного с ног — тот в граде осколков повалился на пол. Последний страж сделал шаг назад, но меч Леаркуса угодил ему в голову. Вперёд вытянулась когтистая лапа существа и сбила Леаркуса с ног одним ударом. Сержант, застонав, попытался подняться.

Уриэль, Назаниус и Дардино оказались перед устрашающей фигурой Несущего Ночь с оружием наготове. Все они ощущали накатывающие на них волны ужаса, но стойко держась перед лицом врага.

Уриэль не чувствовал ничего, кроме презрения к этому огромному монстру, вокруг которого вздымался трап его

призрачной мантии. Пара лужиц тусклого жёлтого цвета пульсировала во тьме там, где могла быть его голова.

Воющей чёрной молнией рванулась вперёд из-под мантии его рука-коса — так быстро, что движение это было незаметно для глаза. Сержант Даргинотхмыкнул, больше от удивления, чем от боли, когда верхняя часть его туловища соскользнула с бёдер, а ноги осели на пол в лужу крови.

Назаниус открыл по чужовищу огонь, снаряды его болтера прострочили сверкающую дорожку в кружащейся ночи вокруг фигуры чужака. Глухой стех эхом покатился по зале — болты прошли сквозь обволакивающую чужака тьму, не причинив Несущему Ночь вреда. Вновь мелькнула коса, и болтер Назаниуса оказался рассечён на две совершенно равные половинки. Следующий удар отсек сержанту правую руку ниже локтя.

Уриэль воспользовался этим мгновением, чтобы приблизиться к чужаку, и вонзил во тьму энергетический кинжал. Он вскрикнул, когда леденящий

холод обьял его руку.

Жуткие когти твари прошли по
низкой дуге, пробив грудь Уриэля и задев
лёгкое. Уриэль Вентрис отшатнулся
назад, повалившись спиной на могильную
плиту, и на доспехах Костицкого
Десантника появилось изображение узкого
креста со сплюснутой вершиной,
выжженное сверкающим металлом.
Уриэля раздирала боль, терзая каждый
нерв его тела. Он застонал, пытаясь
подняться на ноги, и увидел, как Несущий
Ночь принялся крошить его людей.

Утирающий инквизитор Барзано
смотрел, как Уриэль и его боевые братья
противостоят силе Несущего Ночь,
несмотря на абсолютную невозможность
победы. Жизнь инквизитора угасала, но он,
собрав последние силы, полз к плите.
Барзано ощущал мощные потоки энергии,
бурлящие в зале, его мысленному взору
открывались кошмарные видения,
порождаемые близостью Несущего Ночь, и
что-то ещё...

...Беззвучный пронзительный крик,
изумляющий чистотой своей цели.

посланный в глубины варна, призывающий
утраченный корабль.

Этот зов был настолько мощным,
что Барзано чуть ли не воочию различал
расходящиеся волны силы, излучаемой
оттуда, где некогда стояла могила
Ктана. Или, если точнее, из сверкающего
металлического талисмана, погруженного
в плиту.

Арио Барзано почти терял сознание,
но всё же пытался ползти по полу. Он
бессильно застонал, увидев, как упал
Назаниус и глинные когти Несущего Ночь
легко пробили доспехи Уриэля.

Инквизитор почувствовал, как
стремительно жизнь покидает его, и
отчаянно цеплялся за неё. Там, где жизнь,
— там есть место надежде. Он увидел, как
Уриэль поднимается с могильной плиты, и
понял, что у него ещё осталась одна,
последняя, возможность.

Уриэль зарычал от ярости, видя, как
Несущий Ночь без всяких усилий
безжалостно убивает его людей. Понимая,
что у них нет никаких шансов одолеть
это невероятное существо, Ультрамарины

тем не менее мужественно продолжали
противостоять ему, отказываясь
сдаваться.

Жуткий рёв, подобный грохоту
рушащейся скалы, эхом прокатился по
зале; и, вздрогнув, Уриэль понял, что тварь
издевается над ними, она не намерена
убивать их, во всяком случае, быстро.

Огненная ярость словно поглила
масла в огонь его решимости, и капитан
Ультратаринов поднялся на ноги, рыча от
гнева и боли. Подобрав вытавший из его рук
кинжал, он захромал было вперёд, но тут
же застыл на месте, почувствовав
внезапный и мощный призыв. На мгновение
он подумал, что это опять адское
вмешательство Несущего Ночь. Но затем
он уловил в этих мыслях что-то
грозное, знакомое.

Повернувшись, Уриэль увидел, что на
него смотрит инквизитор Барзано, с лица
которого ручейками стекал кровавый пот,
а вены на шее вздулись, как стальные
тросы.

Металл, Уриэль, металл! Металл...

Эта мысль исчезла почти сразу же.

как только появилась в его голове, но Уриэль понял, что инквизитор отдал всего себя, чтобы только быть услышанным, и он не позволит, чтобы жертва Арио Барзано была напрасной.

Уриэль Вентрис упал на колени возле плиты, сияние металла было просто ослепительным. Он чувствовал его жар сквозь перчатки своих доспехов. Что же делать? Что делать? Стрелять в него, колоть? Крики боли и ярости подсказали капитану решение.

Уриэль из последних сил всадил энергетический кинжал между камнем плиты и сияющим металлом. Ощувив изменение в потоках энергии, наполняющих залу, он поднял взгляд и увидел огромную фигуру чужака, нависшую над Ультратаринати: двое боевых братьев были насажены на его когти.

Вентрис налёг на инкрустированную рукоять кинжала, ощущая, как гнётся клинок. Ультратарину не хватало силы, чтобы извлечь металл из плиты.

Несущий Ночь отшвырнул Костицеских Десантников в сторону и

повернулся, свирено сверкнув глазами в окружающую его мглу. Уриэль ощутил его бешенство и гнев: неужели какой-то выскочка -- его добыча -- постелет вмятины в его дела?

Разум Несущего Ночь прикоснулся к мозгу Космогесантника с яростью, от которой некогда гасли звезды, и Уриэль впустил её, почувствовав, как чудовищное неистовство Несущего Ночь пронзает все его тело, ощущая, как эта ярость придаёт ему силы.

Ненависть Уриэля к этому существу слилась с его яростью, и он использовал возникшую вследствие этого силу, употребив её всю, чтобы извлечь металлический крест из плиты.

Крест зазвенел по полу усыпальницы, и Несущий Ночь зарычал в невыразимом бешенстве, когда была прервана связь с его убивающим звезды кораблём. Этот корабль вновь был отброшен в призрачные, нематериальные глубины варна. Схватив блистающий металл, Уриэль отполз назад. Он вцепился в свой гранатный раздатчик, в то время как Пазаниус

прыгнул на Несущего Ночь.

Небрежное движение лапы с коштарными когтями и Пазаниус растяннулся на полу, но атака сержанта-ветерана дала Уриэлю тот шанс, в котором он так нуждался. Когда Несущий Ночь ринутся к нему, Уриэль поднял вверх сияющий крест с прикрепленной к нему гранатой.

Уриэль сомневался, что Несущий Ночь имел какое-нибудь представление о том, что такое телта-граната, но он поймёт, что эта граната способна сделать.

Существо поднялось во весь свой рост, широко растопылив чудовищные лапы, его жёлтые глаза уставились на Уриэля.

Уриэль расхохотался в лицо монстру, ощущая, как коштарная сила чужака давит на его череп. Визгения смерти бурлили в его сознании, но это не ужасало воина Императора. Он почувствовал, что существо оцепенело. Значит, одержать над ним победу было в силах Ультратаринов.

Вокруг тела коштарного существа

новь закружилась тьма, но Уриэль
безжалостно протянул свободную руку к
руне взрывателя. Несмотря на боль и
мучительные видения, он улыбался.

--- Ты быстрый, --- прошептал Уриэль,
--- но не настолько.

Несущий Ночь навис над капитаном
Ультратаринов, сгибая когтистые пальцы
в такт рокошущему биению своего сердца.
Уриэль ощущал, как сила и ярость
монстра физически сжимаются вокруг
него, но он также почувствовал и кое-что
ещё.

Тревогу? Сомнение?

Та связь, которую установил между
ними Несущий Ночь, дала Уриэлю
возможность немного --- самую малость ---
понять это совершенно чуждое существо, и
он внезапно осознал, что, несмотря на ту
бойню, которую оно устроило, это была
лишь ничтожная часть его подлинного
существова. Оно всё ещё было очень
слабым и нуждалось в питании. Капитан
понял, что каждая проходящая секунда
вливала в тело Несущего Ночь свежие
силы, а силы он черпал в жизненной

энергии, которой изобиловало это место.

У него есть возможность одолеть чужака. Он понял это и спокойным голосом произнёс:

--- Это место наполнено взрывоопасными газами, и, если я взорву это устройство, ты окажешься похороненным под десятикилометровой толщей камня. Я не знаю ни кто ты, ни откуда пришёл, но одно я знаю точно: ты ещё недостаточно силён, чтобы пережить это. Ты можешь представить себе ещё шестьдесят миллионов лет в ловушке под поверхностью этого мира, без ничего, что поддерживало бы тебя? Ты будешь уничтожен. Ты этого хочешь? Если ты сможешь проникать в разум людей, знай это. Я уничтожу нас всех, прежде чем позволю тебе заполучить корабль.

Давление на разум Уриэля усилилось, и он ослабил мысленный барьер, позволяя твари увидеть свою непоколебимую решимость. Когти чудовища скребли воздух, тьма вращалась вокруг слепящего блеска его тела, а ярость его сотрясала залу. Стены покрылись трещинами, сквозь

которые сыпался красный песок Павониса.

Уриэль смотрел, как покров тьмы вихрем закрутился вокруг тела Несущего Ночь, взметнувшись вверх и над ним, словно тёмный кокон, собирая по зале и вытягивая в свою свирепую орбиту вдребезги разбитые останки его стражей.

В последний раз Уриэль увидел Несущего Ночь, и жёлтые глаза поглотила расползающаяся тьма его призрачного савана. Зала наполнилась чудовищным шипением, чёрный вихрь рванулся вверх, ударив в золотую верхушку потолка и расколотив её на тысячу кусков.

Затем он исчез.

Уриэль опустил руку, его разум был ясен, как погожий летний день, --- гнетущая тяжесть чудовищного разума Несущего Ночь исчезла. Ультратарин улыбнулся, хотя видеть искромсанные тела своих боевых братьев ему было совсем не весело, но первозданная чистота и прозрачность его разума, освобождённого от кошмарных видений, была столь прекрасна, что светлая улыбка невольно озарила лицо Ультратарина.

Уриэль Вентрис опустил крест, поверхность которого теперь была холодной и безжизненной, и пополз к Ариосу Барзано, который неподвижно лежал в большой луже крови. Встав на колени перед инквизитором, Уриэль взял его за руку в поисках пульса и чуть не застонал от облегчения, почувствовав его слабое биение.

--- Приведите апотекария Селенуса!

Веки Барзано затрепетали, глаза открылись, и он улыбнулся --- его обострённые чувства также были свободны от видений Несущего Ночь.

--- Он исчез? --- сквозь раздирающие его лёгкие кашель спросил инквизитор.

Уриэль кивнул:

--- Да, он исчез. Ты удерживал его столько, сколько нужно.

--- Нет, Уриэль, я лишь указал способ. Ты одержал над ним победу. --- Барзано согрознулся --- жизнь покидала его тело. --- Вы здорово все сделали, я горжусь всеми вами. Вы...

Инквизитор зашёлся в новом приступе кашля, и его тело согрознулось.

кровь брызнула из раны с новой силой.

--- Апотекарий! --- вновь крикнул Уриэль.

--- Губернатор... --- выдохнул Барзано сквозь стиснутые зубы. --- Пристмотри за ней, она доверяет тебе. Она послушает тебя... Другие тоже... Ей понадобятся твои советы и поддержка. Сделаешь это для меня, Уриэль?

--- Ты же знаешь, я всё сделаю, Арио.

Инквизитор Барзано кивнул, медленно закрыл глаза и утер на руках Уриэля.

Забрав с собой тела павших боевых братьев, Ультрамарины покинули усыпальницу Несущего Ночь. Кроме них единственным выжившим в этой бойне был Венгаре Талун, вовремя потерявший сознание. Только это спасло его от безумия, в которое повергли бы его видения Несущего Ночь. Уриэль лично отконвоировал предателя к подъямнику. Но сила, в общем, и не понадобилась --- Талун был совершенно разбит. Как это ни раздражало Костицкого Десантника, ему пришлось протянуть предателю

респиратор, чтобы тот не отдал концы, наглотавшись газов и избежав таким образом справедливого наказания за свои гнусные деяния.

Вместе с навшими смертью храбрых Десантниками Уриэль забрал также и крест, который выгнал из могильной плиты. Его мерцающая поверхность была все такой же безукоризненной, несмотря на то что Уриэль приложил все силы, чтобы отогнать его от крышки саркофага. Этот кусок металла отправится на Макрэйдж, чтобы быть навсегда захороненным в глубочайшем склепе высоко в горах.

Когда люди Уриэля собрались в вагоне подвѣтника, капитан Ультратаринов передал Талүна на попечение бледного Назаниүса и приказал:

--- Ждите.

Сам же поплѣлся обратно в усыпальницу, по дороге вспоминая лица тех, кого потерял в этой битве. Потери оказались велики, но Уриэль знал, что все эти жертвы были не напрасны. Стоя в одиночестве в усыпальнице чужака, он смотрел, как сыпется в залу песок

Навониса, понимая, что скоро эта колната будет захоронена вновь. Но Уриэлю было нужно большее.

Встав на колени, он положил связку телта-гранат на плиту, из которой вытащил крест, и установил таймеры.

Как он и обещал Несущему Ночь, это нечестивое место будет навсегда похоронено под десятью километрами скальной породы.

Повернувшись, Уриэль устало зашагал прочь из усыпальницы.

Вендаре Талун был казнён через три месяца после битвы в Тембра Ридж. На открытом процессе он признался в заговоре с Казимиром де Валмосом, убийстве своего брата и куче других ужасных преступлений, совершенных в то время, когда он был главой картеля Талун. Его, рыдающего и грязного, вывели на разбитую площадь Освобождения, где и повесили на вытянутой руке статуи Императора.

Но всё это было потом, а до этого состоялось ещё несколько сражений, прежде чем на Навонисе было окончательно восстановлено Имперское правление.

большинство стычек --- между
рассорившимися подразделениями НСС,
приверженность которых картелям
превзошла чувство преданности делу, за
которое они, по идее, и должны были
бороться. Лишённые своих предводителей,
сторонники картелей вскоре вернулись к
присущим им предрассудкам и
подозрениям.

Когда смерти Соланы Верген, Тарина
Хонана, Казимира де Валмоса и Бошампа
Аброгаса стали достоянием
общественности, картели были ввергнуты
в стяжение и парализованы.

ТРИ МЕСЯЦА СПУСТЯ...

Командиры батальонов, которыми удалось восстановить в своих подразделениях некое подобие порядка, вернулись в казармы — ожидать возмездия. Но танкам и солдатам картеля Шонаи всё-таки пришлось принять несколько сражений, чтобы люди, нарушившие клятву верности, предстали перед правосудием.

Но после того, как «Горе побеждённым» оказал поддержку Шонаи в атаке на казармы войск, финансируемых картелем де Валтоса, и обрушил на них разрушительный огневой вал с орбиты, белые флаги капитуляции стали с неимоверной быстротой появляться на цитаделях всех её врагов. А уж когда перед ними возникали танки картеля Шонаи, они сдавались в плен, не рискуя даже вступить в бой. Крейсер

Ультратаринов также разыскал повреждённый корабль эльдаров и, к великому удовлетворению лорда адмирала Тибериуса, распылил его на атомы, когда тот попытался покинуть систему Навониса.

Никола Шонаи вернулась на Навонис вместе с Лортүэном Перджедом. Их сопровождали Ультратарины, силовые госпехи которых были к этому времени восстановлены, а раны обработаны (хотя Техногесантники Оргена так никогда и не смогли удалить крест, выжженный на спине госпехов Уриэля).

Когда губернатор заняла своё законное место в Палате Благочестивого Общениа после казни Венгаре Талүна, крики одобрения и поддержки неслись в её адрес со всех концов зала.

Уриэль сидел на траторной скамье, поверхность которой была потрескавшейся и выщербленной. Это был единственный уголок дворцовых садов, избежавший разрушения от артобстрела и взрыва подземного арсенала. Назаниүс ожидал своего командира у дальнего входа в сад,

крепко сжатая болтер своей новой,
бионической рукой.

Газон был недавно подстрижен, и
благоухание свежескошенной травы
напоминало Уриэлю о горах Макрэйджа.
Простой надгробный камень стоял на
месте последнего упокоения инквизитора
Арио Барзано. Над его именем ровными
буквами была высечена короткая надпись:

Каждый человек — это искра во тьме.
Пусть все мы будем гореть так же ярко.

Уриэль высек эту надпись сам, он
надеялся, что Барзано одобрил бы эти
слова.

Капитан Ультратаринов поднялся на
ноги, когда Никола Шонаи вошла в сад.
Раны, которые получил капитан, сражаясь
в недрах планеты, уже заживали, но
пройдёт ещё несколько недель, прежде чем
отважный воин полностью оправится.

Волосы Шонаи рассыпались по
плечам, в руках она сжимала маленький
венчик из живых цветов.

Губернатора сопровождали три
телохранителя, которые остановились на
почтительном расстоянии, когда Никола

приблизилась к надгробию.

Кивнув Уриэлю, она преклонила колени перед могилой, бережно положив цветы на камень. Встав, она оправила складки на глинном платье и повернулась к капитану.

--- Капитан Вентрис, я рада вас видеть, --- улыбнулась Никола, присаживаясь на латорную скамью ---
Прошу вас, посидите со мной немного.

Уриэль присоединился к губернатору, и они несколько минут сидели, не решаясь произнести ни слова. Никто из них двоих не желал нарушать царившее спокойствие. В конце концов Шонаи склонила голову к Уриэлю:

--- Итак, сегодня вы едете?

--- Да. Наша задача здесь выполнена, и теперь для поддержания порядка на Навонисе более чем достаточно Имперских сил.

--- Да, это так, --- печально согласилась Никола Шонаи. Транспортные корабли Имперской Гвардии прибыли четыре дня назад, и солдаты и танки сорок четвёртого полка

Лаврентийских Гусар превратили город в военный лагерь. Также прибыли корабли Agentus Администратум и Agentus Министорум. Они займутся восстановлением политической и духовной стабильности на Павонисе.

Священники и исповедники заполонили улицы города, их голоса были слышны повсюду. Но говорили не только они: раскаявшиеся горожане взволнованно приносили священникам обеты благочестия и преданности Императору.

По рекомендации Лортюэна Перджеда Администратум разрешил Шонаи остаться в должности губернатора Павониса на третий срок при условии, что по окончании его она больше никогда не будет баллотироваться ни на какую политическую должность. Лортюэн Перджед был назначен постоянным наблюдателем Администратума на Павонисе, сменив проявившего преступную халатность Баллиона Варле, которого Дженна Шарбен, единственный уцелевший арбитр во Вратах Брэндона, арестовала и казнила.

Мятежники из НСС, окружённые войсками картеля Шонаи, сейчас препровождались на только что прибывший специальный корабль для преступников, направляющийся в военные зоны Сегментум Обскурус.

Будущее Павониса было обеспечено, но планета больше не будет автономно управляться картелями. Правительственная система Павониса была признана несовершенной, и теперь она будет находиться под бдительным пристотром Администратума.

Уриэль понимал разочарование Шонаи. Она прошла через худшее испытание в своей жизни, и теперь, когда ей удалось одержать окончательную победу, она лишилась всего.

--- Я собиралась прийти сюда раньше, --- объяснила Шонаи, глядя на могилу, --- но не была уверена в том, что я почувствую что-нибудь.

--- Почему?

--- Тем, что мой мир выжил, я обязана вам и Арио, но, если бы всё сложилось по-другому, он уничтожил бы Павонис и убил

все, чем я дорожю.

--- Да, но он этого не сделал. Он отдал свою жизнь, защищая вас и ваш мир. Помните его за это.

--- Да. Поэтому я пришла сюда сегодня. Я чту его память и сделаю так, чтобы его, как героя Навониса, запомнили на моей планете навсегда.

--- Думаю, ему бы это понравилось, --- устехнулся Уриэль. --- Это потешило бы его тщеславие. А оно у него, если вы помните, было велико.

Улыбнувшись, Шонаи потянулась, чтобы поцеловать Уриэля в щеку:

--- Благодарю вас, Уриэль, за всё, что вы сделали для Навониса. И для меня.

Уриэль кивнул, польщённый столь тёплыми словами губернатора. Заметив серьёзное выражение на её лице, он спросил:

--- Чем вы займётесь, когда подойдёт к концу ваше время в должности губернатора?

--- Пока я не думала об этом, Уриэль. Наверное, чем-нибудь спокойным, --- застываясь она, вставая и протягивая руку Вентрису.

Капитан тоже поднялся со скамьи и принял протянутую ему руку. Тонкие пальцы Шонаи утонули в его ладони.

--- Прощайте, Уриэль. Желаю вам всего хорошего.

--- Благодарю вас, губернатор Шонаи. Да пребудет с вами Император!

Никола Шонаи улыбнулась и ушла, исчезнув в разбитом здании дворца.

Оставшись один перед могилой Барзано, капитан Вентрис резко встал на стойке «стирно». Он отдал честь могиле инквизитора и дважды ударил кулаком в нагрудную пластину.

Потом он повернулся на каблуках и зашагал к выходу из сада, где Назаниус ожидал своего капитана, сгибая незнакомые сухожилия своей новой, механической руки. Огромный ветеран смотрел, как приближается его командир.

--- Все ещё не те ощущения, --- пожаловался он.

--- Скоро ты привыкнешь, друг мой.

--- Полагаю, что так, --- проворчал Назаниус.

--- Люди готовы к отправлению? ---

спросил Уриэль, меняя тему.

— Да, твои воины готовы к возвращению домой.

Уриэль улыбнулся тому, как Назаниус бессознательно произнёс «твои воины». Положив руку на эфес энергетического меча Айгэуса, он сжал кулак над его золотым черепом.

Когда с тяжёлом было покончено, он обыскал поле боя возле тюремного комплекса, разыскав в конце концов сломанный меч. Он собирался отремонтировать оружие, но почему-то не сделал этого. До сих пор он не понимал почему.

Раньше это оружие было символом, материальным воплощением одобрения его назначения на должность командира Четвёртой роты капитаном Айгэусом. Но теперь, в суровом испытании битвой, Уриэль доказал свою отвагу и больше не нуждался в таком символе. Это был последний дар Айгэуса Уриэлю, и Вентрис узнал, что этот меч найдёт почётное место в усыпальнице Оргена.

Командир Четвёртой роты

Космических Десантников капитан
Уриэль Вентрис выкует свой собственный
меч --- так же как он выковал в бою свою
Роту.

Теперь это его Рота. Он больше не
находился ни в тени Айгэуса, ни в тени
своего прославленного предка, он шёл своим
путём.

Капитан Ультратаринов Уриэль
Вентрис повернулся на каблуках и вместе
с Назаниусом зашагал к городским стенам,
где Ультратаринов ожидал «Громоу
Ястреб».

--- Пойдём, друг мой. Пора
отправляться домой, --- сказал Уриэль.

Эпилог

А в это время в семидесяти тысячах световых лет от Навониса звезда, известная имперским звёздным картографам как Сайкло, вошла в последнюю фазу своего существования. Это был красный гигант порядка девятиста миллионов километров в диаметре; он светил более восьмисот миллионов лет. Он мог бы гореть, наверное, на протяжении ещё пары сотен миллионов лет, если бы не огромная чёрная фигура, силуэт которой чётко вырисовывался на фоне огненной фотосферы звезды. Этот демонстр, словно гигантский спрут, выкачивал из звезды остатки её колоссальной энергии.

Обычно звезда вырабатывала сверхмощную энергию, сжигая водород с гелием в ходе реакции ядерного синтеза глубоко в своих недрах, но её ядро больше было не в состоянии генерировать необходимые элементы.

Электромагнитные поля и струи

плазмы образовали колышущийся ореол
блистающего света, который лился со
звезды пульсирующими волнами.

Поглощая его, Несущий Ночь вновь
обретал силу на орбите утирающей
звезды.